

**Религиозная организация — духовная образовательная организация
высшего образования Русской Православной Церкви
«Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных
Кирилла и Мефодия»**

На правах рукописи

Кокарев Максим Сергеевич (протоиерей)

**СИСТЕМА ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ
КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.
(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)**

26.00.01 – «Теология»

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата теологии

Научный руководитель:
кандидат исторических наук,
доцент Мраморнов
Александр Игоревич

Москва

2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
1. ЕПАРХИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)	27
1.1. Епископ Самарский и Ставропольский	27
1.2. Николаевское и Уральское викариатства в структуре самарского епархиального управления начала XX века	48
1.3. Самарская духовная консистория: кадровый состав, структура, полномочия	67
1.4. Благочиния как низшее звено епархиального управления	91
1.5. Съезды духовенства в структуре епархиального управления	106
1.6. Приходское церковно-общественное самоуправление	122
2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ	138
2.1. Миссионерская деятельность и ограждение православной веры	138
2.2. Управление финансово-хозяйственной деятельностью Церкви	177
2.3. Судебные функции епархиальной власти	210
2.4. Управление в сфере народного просвещения	225
2.5. Социальные и благотворительные организации на епархиальном уровне	246
2.6. Богослужебная и проповедническая деятельность	274
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	296
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	307

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Рубеж XIX – XX веков был временем, когда Русская Церковь стояла на пороге великих преобразований и потрясений. Менялись государственно-церковные отношения, и после указа о веротерпимости 1905 года Церковь оказалась в новых для себя условиях. Внутри самой Церкви также назревали изменения; старая синодальная система доживала свой век, все активнее начинали обсуждаться вопросы созыва Всероссийского собора и восстановления канонически правильного церковного управления.

Вместе с этим нельзя считать данный период в истории Русской Церкви детально исследованным; особенно заметны лакуны на региональном уровне. Появившиеся в последние двадцать лет работы посвящены в первую очередь процессам, происходившим на общецерковном уровне и взаимоотношениям высшей церковной и светской властей. В то же время изучение системы епархиального управления и изменений в различных сферах церковной жизни на местах может дать обширный материал для построения полноценной картины истории Православной Российской Церкви в переломный период рубежа XIX – XX веков. Данное диссертационное исследование может обогатить научные представления о функционировании епархиальной системы Русской Церкви и о механизмах управления в различных сферах церковной жизни. А также расширить наши знания о взаимоотношениях Церкви и государства на региональном уровне. Кроме того, исследование может иметь значение для изучения положения провинциального духовенства в данный период и его роли в сложных событиях начала века.

Научная новизна работы определяется поставленными в нем целями и задачами, а также использованием широкого круга источников. Подавляющее большинство архивных источников вводится в научный оборот впервые. Это касается не только материала, локализованного в региональных архивах, но и

документов, относящихся к Самарской епархии, хранящихся в Российском государственном историческом архиве.

Необходимо также отметить, что данная диссертация является первым специальным исследованием, в котором системно рассматривается структура и механизмы управления Самарской епархии. Работа сконцентрирована не на описательном изложении событий епархиальной истории, фактах деятельности архиереев, выдающихся пастырей и потрудившихся ради Церкви мирян. В диссертации выявлена специфика функционирования епархиальных институтов в изучаемый период. Системный подход позволил на должном уровне проанализировать сложные взаимоотношения данных институтов, их внутренние проблемы и конфликты между собой.

При этом анализ региональных процессов осуществлялся в широком контексте рассмотрения политики высшей церковной власти, что позволило проследить наметившиеся общецерковные тенденции к преобразованию епархиального управления.

Объектом данного диссертационного исследования является Самарская и Ставропольская епархия Православной Российской Церкви, органы епархиального управления, приходы, духовенство.

Предметом исследования является система епархиального управления Русской Церкви в том виде, в котором она существовала в конце XIX – начале XX века, функционирование управленческих механизмов в разных сферах церковной жизни, а также взаимоотношения между различными элементами епархиальной структуры.

Хронологические рамки исследования. Данное диссертационное исследование охватывает период с 1894 г. по весну 1917 г. Несмотря на все революционные изменения в обществе консисторская система епархиального управления в целом сохранялась до 1918 г. В то же время ключевые этапы этого периода (в первую очередь майский и сентябрьский съезды епархиального духовенства) наглядно демонстрируют начало постепенного демонтажа этой системы. Определение Синода от 1–5 мая 1917 г. серьезно расширило права

приходского духовенства и мирян в епархиальном управлении. Центральным моментом данного синодального определения было утверждение выборных начал в епархиальном управлении. В частности, съезды духовенства получили право избирать членов консисторий и других епархиальных должностных лиц. Таким образом, система перестает быть классической консисторской.

Территориальные рамки исследования. Настоящее исследование охватывает Самарскую губернию в тех границах, которые были определены при ее основании в 1850 г. Необходимо отметить, что эти границы серьезно отличаются от нынешних. В момент образования в Самарскую губернию вошли следующие уезды: Самарский и Ставропольский (переданные из Симбирской губернии), Николаевский и Новоузенский (отошедшие от Саратовской губернии), Бугульминский, Бузулукский и Бугурусланский (взятые из Оренбургской губернии). Географически все они располагались на левобережье Волги. С 1908 г. к Самарской епархии в административном отношении была присоединена Область уральского казачьего войска, которая управлялась викарным Уральским (с 1916 г. – Уральским и Николаевским) епископом.

Степень научной разработанности проблемы. Советскую историческую науку рассматриваемый период интересовал в первую очередь с точки зрения роли Церкви в политической и социальной жизни Российской империи. Причем роль эта виделась историкам-марксистам вполне однозначной как всесторонняя помощь государству в подавлении инакомыслия¹. Даже в трудах, появившихся в годы «перестройки», Русская церковь характеризовалась как многочисленная и разветвленная организация «по идеологической обработке народных масс в интересах господствующих классов и существующего политического строя»². Такой подход виден не только в трудах обобщающего характера, но и в работах, опирающихся на региональный материал³.

¹Зырянов П. Н. Русская православная церковь в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. М., 1984; Емелья Л. И. Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции. М.–Л.: Наука, 1965.

² Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 379.

³ См., например: Кошанский В. Самарское духовенство, его доходы и быт // Коммунист. 1940. № 7. С. 51–63

За последнюю четверть века появился целый ряд исследований по истории Русской Церкви как синодального периода в целом, так и интересующего нас хронологического отрезка⁴. Освещены в исторической литературе такие аспекты церковной жизни как миссионерство, церковный суд, богослужение, приходской вопрос и др⁵. Особенно следует отметить работу игумена (ныне епископа) Саввы (Тутунова), посвященную непосредственно вопросам епархиального управления и его реформирования в начале XX в⁶.

В то же самое время приходится признать, что уровень изученности исторических процессов в регионах и епархиях еще явно недостаточен для того чтобы считать период понятным и исследованным, несмотря на наличие целого ряда эмпирических трудов в этой области. В последние несколько лет, правда, по мнению исследователей, наметилась важная тенденция к преодолению такого состояния⁷. Современная историография стала уделять больше внимания изучению структуры епархиального управления и его отдельных институтов⁸, а не простому описательному изложению событий епархиальной жизни или фактов деятельности местных архиереев.

На данный момент существует ряд исследований, посвященный отдельным аспектам истории Самарской епархии дореволюционного периода. К обобщающим работам можно отнести труды А. В. Мендюкова «Русская

⁴ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. М.: «Русская панорама», 2003; Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002; Фирсов С. Л. Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб, 2007 и др.

⁵ Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен. М.: Наука, 2011; Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004; Балашов Н., *прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001; Беглов А. Л. Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2013. Выпуск 5 (21). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000561-6-1/> (дата обращения: 13. 03. 2016) и др.

⁶ Савва (Тутунов), игум. Епархиальные реформы. Поместный собор 1917 – 1918 гг. и предсоборный период. М., 2012.

⁷ Мраморнов А. И. Особенности изучения епархиальной истории Русской Православной Церкви (к вопросу о новом научном направлении) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2013. № 4 (54). С. 75–81.

⁸ Фролова Э. В. Статус секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 6 (56). Ч. 2. С. 191–194; Дворецкий Е. В., Козлов К. В. Епархиальные училищные советы в системе управления церковными школами в России в конце XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2014. № 2. С. 51–55; Скутнев А. В. Институт благочинного в системе управления Русской Православной церкви в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. II. С. 180–182.

Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков»⁹ и В. Н. Якунина «История Самарской епархии»¹⁰. Первая работа является кандидатской диссертацией. Географические рамки в ней шире и включают кроме Самарской, еще Пензенскую и Симбирскую епархии. С одной стороны, такой охват позволяет активно использовать сравнительный метод в анализе епархиального управления. С другой стороны, в своей работе А. В. Мендюков не затрагивает целый ряд важных аспектов епархиальной жизни: миссионерство, епархиальная благотворительность, монастырское хозяйство. Кроме того, автор не касается некоторых, ключевых, с нашей точки зрения, проблем епархиального управления начала XX века. Так, в работе практически не получила освещения возростаившая роль епархиального съезда духовенства и его непростые взаимоотношения с правящим архиереем и консисторскими чиновниками.

Необходимо отметить, что работа А. В. Мендюкова не лишена и ряда фактических ошибок. Так, в ней имеет место заблуждение, касающееся размещения ряда фондов епархиальных учреждений. Кроме того, автор иногда допускает явные анахронизмы. Так, например, говоря об устройстве самарской консистории рубежа XIX – XX вв., автор утверждает, что ее присутствие было разделено на шесть столов со своими четко разграниченными обязанностями¹¹, тогда как подобное деление существовало до введения новых штатов в марте 1869 г., после чего в Самарской епархии (как и в подавляющем большинстве других) столов осталось лишь четыре¹². Открытие еще хотя бы одного стола было для Самарской епархии животрепещущим вопросом всего последнего предреволюционного десятилетия.

Упомянутая монография В. Н. Якунина является попыткой создания цельной картины церковной истории региона от начала его христианизации до настоящего времени. Это пока единственный в своем роде подобный опыт. Наибольшей детальностью проработки и основательностью фундирования

---

⁹ Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков. Самара: Самарский Государственный Технический университет, 2007.

¹⁰ Якунин В. Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011.

¹¹ Мендюков А. В. Указ. соч. С. 21.

¹² Штат духовных консисторий // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. С. 315.

отличаются разделы, посвященные периоду Великой Отечественной войны (тема докторской диссертации и ряда монографий автора¹³) и постсоветской истории епархии (автор активно работал с современной документацией Самарского епархиального управления). В то же самое время интересующий нас период (1894–1917 гг.) в монографии В. Н. Якунина обозначен весьма конспективно, несмотря на то, что автор справедливо называет его «временем епархиального расцвета»¹⁴. Из более чем 600 страниц работы ему посвящены всего 25¹⁵. Очевидно, что такой объем позволяет лишь обозначить основные события, но не дает возможности для углубленного анализа происходивших процессов.

Необходимо также отметить ряд диссертаций, появившихся за последнюю четверть века. Работа бессменного директора Самарского епархиального церковно-исторического музея О. И. Радченко посвящена состоянию монастырей и монашества в Самарской епархии исследуемого периода¹⁶. На основании большого массива архивных документов, а также изданных источников автор рассматривает материальное состояние самарских монастырей и их хозяйственную деятельность. Особое внимание в диссертации уделено благотворительной и просветительской роли обителей, а также их социальному служению в годы Первой Мировой войны. Особенный интерес придает данному исследованию использование уникальных полевых материалов историко-этнографических экспедиций, в которых автор участвовала в 1994, 1995 и 1996 гг. Во время данных экспедиций помимо изучения памятников материальной культуры (сохранившиеся культовые здания, рукописи, иконы), «была сделана попытка выявить и обозначить критерии духовного влияния монастырей на формирование социокультурного каркаса региона»¹⁷.

---

¹³ *Якунин В. Н.* Правовой статус, положение, деятельность внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Самара, 2003. См. также: *Якунин В. Н.* Вклад Русской Православной церкви в победу над фашизмом и изменение государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Самара: Самарский госуниверситет, Тольятти: ОАО ПП «Современник», 2002; *Якунин В. Н.* За Веру и Отечество. Самара: Духовный собеседник, 1995.

¹⁴ *Якунин В. Н.* История Самарской епархии. С. 111.

¹⁵ Там же. С. 111–136.

¹⁶ *Радченко О. И.* Православные монастыри Самарского края во второй половине XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1997.

¹⁷ *Радченко О. И.* Православные монастыри Самарского края во второй половине XIX – XX вв. С. 17–18.

Большой интерес для нас представляет и диссертация С. А. Филиппова о благотворительной и просветительской деятельности Русской Церкви на приходском уровне¹⁸. Несмотря на заявленную тему, автор не ограничился рассмотрением лишь социального служения приходов, как первичного звена церковной организации. В диссертации получила освещение деятельность центральных епархиальных учреждений: Попечительства о бедных духовного звания и эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии. Особое внимание автор уделил в своей работе такому феномену, как борьба Православной Церкви с народным пьянством в начале XX в.

Вопросы епархиального миссионерства затрагиваются в диссертации В. В. Катковой «Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века»¹⁹. Автор правда рассматривает миссионерство лишь с одного угла, как «средство борьбы со старообрядчеством», делая выводы, что оно не реализовывало стоявшие перед ним цели. При этом дело миссии в Среднем Поволжье было настолько многогранным, что выделить какой-либо один аспект крайне сложно. Его можно рассматривать только в комплексе.

Целиком сконцентрироваться на противостарообрядческой миссии автору, собственно говоря, не удалось, в результате чего возникла определенная путаница. От внимания автора ускользнул, например, такой факт, как реорганизация епархиальной миссии епископом Гурием в 1894 г., в результате которой Самарский епархиальный комитет Православного миссионерского общества перестал заниматься раскольниками и сектантами и сконцентрировался исключительно на вопросах внешней миссии. Кроме того, автор допустила ряд фактологических ошибок: неверно назвала год учреждения в Самарской епархии должности епархиального миссионера²⁰, перепутала епархиального миссионера священника Дмитрия Александрова (будущего священномученика митрополита Серафима Казанского и Свияжского) и инспектора семинарии протоиерея

---

¹⁸Филиппов С. А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской Православной церкви в кон. XIX – нач. XX вв. (по материалам Самарской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002.

¹⁹Каткова В. В. Старообрядчество Самарской епархии в конце XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2010.

²⁰Каткова В. В. Старообрядчество Самарской епархии в конце XIX – начале XX вв. С. 78.

Димитрия Орлова²¹. Таким образом, будучи ценным исследованием по структуре и динамике развития самарского старообрядчества, а также его общественной и предпринимательской деятельности, данная диссертация не может считаться последним словом в изучении епархиальной миссии, даже по отношению к старообрядчеству.

Говоря о церковных историках, следует особо отметить работы известного самарского историка и краеведа протоиерея Алексея Подмарицына в области церковного источниковедения и региональной церковной истории. Отец Алексей много лет читает курс по истории Самарской епархии в духовной семинарии, является автором учебного пособия и биографических справочников²². Кроме того, он активно занимается исследованием различных типов источников, чему и посвящен ряд его статей, имеющих особое значение для краеведения²³.

Помимо обзорных трудов и диссертаций, за последние десятилетия появился целый ряд статей, посвященных различным аспектам истории Самарской епархии конца XIX – начала XX века. Интерес у исследователей вызывало устройство и функционирование системы церковно-приходских школ в регионе²⁴, миссионерская деятельность и охранение православной веры²⁵, культурно-просветительская и благотворительная деятельность²⁶ Самарской

²¹ Каткова В. В. Старообрядчество Самарской епархии в конце XIX – начале XX вв. С. 79.

²² Подмарицын А. Г., диак. Очерки истории Самарской епархии: учебное пособие. Самара, 2008; Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской епархии (преимущественно 1940 – 1950-х годов): справочник / автор-составитель диакон Алексей Подмарицын. Самара: Изд-во «Книга», 2008; Подмарицын А. Г., диак. Духовенство Куйбышевской и Ульяновской епархий (40 – 80-х гг. XX столетия). Самара: Изд-во «Книга», 2014.

²³ Подмарицын А. Г. Клировые ведомости и метрические книги как типы исторических источников // Девятое Иоанновское чтение. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2004 г. Самара, 2005 С. 83–85; Подмарицын А. Г. Источники по региональной церковной истории // Вторые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 1997 г. Самара, 1998. С. 41–46.

²⁴ Кутлакова М. В. Значение деятельности епархиальных архиереев в развитии церковно-школьного просвещения Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Платоновские чтения: материалы XI всеросс. конф. молодых историков. Самара, 2005. С. 226–228; Назаренко О. Е. История духовных школ в Самарской епархии // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию христианства. Самара, 2000. С. 42–48.

²⁵ Зарайский В. В. Противосектантская деятельность Русской Православной церкви // Пятое Иоанновское чтение. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2000 г. Самара, 2001. С. 75–81; Филиппов С. А. Деятельность Самарского епархиального миссионерского совета (начало XX века) // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. Самара, 1999. С. 157–161.

²⁶ Акифьева И. Ю. Православные библиотеки дореволюционной Самары // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию христианства. Самара, 2000. С. 23–28; Филиппов С. А. Деятельность

епархии. Автором данной диссертации опубликован ряд статей, в которых нашли отражение результаты исследования²⁷.

Кроме того, необходимо отметить, что в последнее время появились исследователи-краеведы, которые разрабатывают историю на уровне отдельных монастырей и приходов²⁸, а также вносят весомый вклад в самарскую церковно-общественную просопографию²⁹. Итогом такой работы являются справочники и энциклопедии по региональной церковной истории, которые содержат обширный материал, способный стать серьезным подспорьем для исследователя³⁰.

В целом уровень разработанности темы вполне позволяет ставить вопрос о необходимости дальнейших исследований в данном направлении

Источниковая база. Основу источниковой базы нашего исследования составили каноны Православной Церкви, законы Российского государства, базовые нормативные акты центральной церковной власти, распоряжения

Самарской епархии по оказанию помощи воинам и их семьям, пострадавшим от военных конфликтов в начале XX века // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 4. Самара, 2001. С. 96–99.

²⁷ *Кокарев М. С.* Взаимодействие церкви и государства в вопросах миссионерства и ограждения православной веры в конце XIX – начале XX века (на материалах Самарской епархии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 10 (48). Ч. 2. С. 100–106; *Кокарев М. С.* К истории Самарской церковно-учительской школы (1900 – 1908 гг.) // Вера. Журнал Самарской православной духовной Семинарии. 2014. № 1 (18). С. 87–96; *Кокарев М. С.* Пенсионное обеспечение духовенства РПЦ в конце синодального периода // Научные труды Самарской православной духовной Семинарии. Сборник статей. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014. С. 78–98; *Кокарев М. С.* Социальные и благотворительные учреждения в структуре епархиального управления РПЦ конца XIX – начала XX века (на материалах Самарской епархии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2014. № 8 (46). Ч. 2. С. 65–74; *Кокарев М. С.* Николаевское и Уральское викариатства в структуре Самарского епархиального управления начала XX в. // Самарский земский сборник. 2014. № 1 (24). С. 23–29; *Кокарев М. С.* Февральская революция 1917 г. и изменения в системе епархиального управления Русской Православной Церкви // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 201–206; *Кокарев М. С.* Финансирование епархиальной миссии Русской Православной Церкви в 1905 – 1917 годах (на материалах Самарской епархии) // Социум и власть. 2016. № 1 (57). С. 131–134; *Кокарев М. С.* Становление системы съездов духовенства в Самарской епархии второй половины XIX – начала XX вв. // Научные труды Самарской духовной семинарии. Сборник статей. Выпуск V. Самара: ООО «Медиа-Книга», 2017. С. 36–43; *Кокарев М. С.* Модернизация миссии Русской церкви в условиях вероисповедной свободы (на материалах Самарской губернии) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 13–24; *Кокарев М. С.* Надзор за проповеднической деятельностью в Русской Церкви конца синодального периода (на материалах Самарской епархии) // Вестник Свято-Филаретовского института. № 33 (зима 2020). С. 144–161.

²⁸ *Кольчев С. В.* Обитель: историко-биографический очерк о Спасо-Преображенском Бузулукском мужском монастыре с момента возникновения до наших дней. Самара: Офорт, 2009; *Блок В., Буданова А.* Судьба собора // Духовный собеседник. 1998. № 3. С. 110–132.

²⁹ *Бовкало А., Галкин А.* Священномученик Вениамин – ректор Самарской Духовной семинарии // Духовный собеседник. 1998. № 2. С. 119–133; Пастырь, трудник, герой. Подвиг жизни и смерти иеромонаха Антония (Смирнова) (1843 – 1914 гг.) // Духовный собеседник. 2004. №2. С. 34–46; *Якунин В. Н.* История Самарской епархии в портретах ее архиереев. Тольятти, 1999.

³⁰ *Зубова О. В., Мельникова Н. В., Радченко О. И., Бочков В. А., Подмарицын А. Г.* Православные святыни Самарского края. Историко-церковная энциклопедия. Самара, 2001; Монастыри Самарского края (XVI – XX вв.). Справочник. Авторы-составители В. С. Блок и К. А. Катренко. Самара, 2002.

самарского епархиального начальства, документы различных епархиальных и губернских учреждений, а также источники личного происхождения.

Для анализа структуры епархиального управления огромное значение имеют такие базовые нормативные акты центральной церковной власти, как Устав духовных консисторий 1883 г.³¹, Инструкция викарным епископам 1916 г.³², Инструкция благочинным 1858 г.³³, Инструкция церковным старостам 1890 г.³⁴, Положение об управлении церковно-приходскими школами 1896 г.³⁵, Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов 1888 г.³⁶, Правила об устройстве внутренней миссии 1908 г.³⁷ и многие другие. Кроме того, в работе использовались высочайшие повеления по церковным вопросам³⁸, определения и распоряжения Святейшего Синода, публиковавшиеся в «Церковных ведомостях»³⁹, а также всеподданнейшие отчеты обер-прокурора.

Кроме того, в работе нами были использованы документы Отдела об епархиальном управлении Всероссийского Поместного Собора, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации. Отдел, прорабатывая проект

³¹ Устав Духовных Консисторий // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 3. СПб., 1886. С. 111–155.

³² Инструкция викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями // Церковные ведомости. 1916. № 40. С. 357–359.

³³ Инструкция благочинным // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. II. С. 9–20. См. также: Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. М., 1900.

³⁴ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. С. 248–252.

³⁵ Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 16. СПб., 1899. С. 136–141.

³⁶ Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Т. 8. СПб., 1890. С. 278–280.

³⁷ Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви // Церковные ведомости. 1908. № 22. С. 190–196.

³⁸ Высочайшее повеление об изъятии Уральской области в церковном отношении из ведения епископа Оренбургской епархии с присоединением ее к Самарской епархии // ЦВ. 1908. № 48. С. 351; Высочайшее повеление об учреждении кафедры епископа Николаевского, викария Самарской епархии // ЦВ. 1901. № 1. С. 2–3, и др.

³⁹ Определение Святейшего Синода от 18-го ноября 1905 г. по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний // ЦВ. 1905. № 48. С. 523–525; Определение Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. о мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства // ЦВ. 1910. № 34. С. 333–335; Определение Святейшего Синода от 3–8 февраля 1916 г. о мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов // ЦВ. 1916. № 7. С. 42–45; Определение Святейшего Синода от 8–9 марта 1916 г. о мерах к освобождению епархиальных преосвященных от части дел епархиального управления // ЦВ. 1916. № 11. С. 83–86; Определение Святейшего Синода от 19–21 июля 1916 года по делу об участии православного духовенства в производстве сберегательных и страховых операций Государственных сберегательных касс // ЦВ. 1916. № 32. С. 286–290, и др.

преобразований в системе епархиального управления Русской Церкви, во многом опирался на опыт исследуемого нами предшествующего периода. Именно на рассмотрение данного отдела препровождались запросы самарского епархиального съезда (сентябрь 1917 г.)⁴⁰.

Важнейшее значение для нашей работы играют документы различных самарских епархиальных учреждений. В фонде обер-прокурора Святейшего Синода Российского государственного исторического архива хранятся ежегодные отчеты самарских архиереев о состоянии епархии (Ф. 796. Оп. 442). Эти документы тем ценнее, что в фонде канцелярии Самарского и Ставропольского епископа в Центральном государственном архиве Самарской области сохранились копии отчетов лишь за единичные годы. Здесь же в РГИА нами были изучены личные дела и другие документы ряда ключевых для исследуемого периода персоналий (епископа Гурия (Буртасовского)⁴¹, прот. Валериана Лаврского⁴²).

Огромную ценность представляют для исследователя документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве Самарской области. В первую очередь, это – архив Самарской духовной консистории (фонд Ф. 32), в котором сохранилось около 28 000 дел. Такая сохранность далеко не всегда встречается в областных архивах. Дела эти распределены по четырем столам консистории, которые имели свой круг вопросов: вероисповедный (дела по миссионерству, состоянию сектантства и раскола, вопросам богослужения и проповедничества), распорядительный (дела ставленнические, определение, перемещение и увольнение с должности, наградные дела, назначение законоучителей), контрольно-хозяйственный (дела по хозяйству консистории, архиерейского дома, монастырей и церквей, распределение казенного жалования, контроль за общественным жалованием и наделением земель) и судный (дела по

---

⁴⁰ См: Выписка из определения Святейшего Синода от 5 декабря 1917 г. // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 253. Л. 28.

⁴¹ См: Послужной список Гурия (Буртасовского), епископа Камчатского // РГИА. Ф. 796. Оп. 439. Д. 302; Письма епископа Гурия об управлении епархией // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 713.

⁴² См: Послужной список ректора Саратовской духовной семинарии протоиерея В. В. Лаврского // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2144.

проступкам и преступлениям лиц духовного звания, бракоразводные дела, штрафы).

Несмотря на значительное число сохранившихся дел, необходимо признать, что до нас дошел далеко не весь архив консистории. Так, к сожалению, почти не сохранились документы, которые отражали бы личный состав самого учреждения (чиновников, канцеляристов). Объясняется это может плохими условиями хранения архива консистории после ее ликвидации в 1918 г., которые были зафиксированы в ходе обследования в декабре 1918 г. Коллегией архивного фонда⁴³. Не исключено также, что некоторые документы могли быть уничтожены самими служащими, опасавшимися за свою участь при большевиках.

Кроме собственно консисторского фонда, интерес представляют документы канцелярии самарского епископа (Ф. 356), эмеритальной кассы самарского духовенства (Ф. 357), в которой сохранились копии журналов епархиальных съездов с дополнительными к ним документами, а также епархиального женского училища (Ф. 108) и Попечительства о бедных духовного звания (Ф. 40). Дела, касающиеся миссионерства, начиная с 1908 г. перешли в ведение созданного тогда Епархиального миссионерского совета и находятся в особом фонде (Ф. 208). Однако некоторые из них по инерции продолжали оседать в документах 1-го стола консистории, что создает определенную сложность для исследователя. Гораздо хуже сохранились фонды Самарской духовной семинарии (Ф. 417 – 10 дел) и Самарского епархиального училищного совета (Ф. 776), в котором сохранилось всего одно дело, относящееся к церковно-учительской школе с. Обшаровка⁴⁴.

---

⁴³ См.: *Черкасова М. В.* Государственная политика в отношении церковных архивов в 1918 – 1938 гг. (на материалах Самарской губернии) // *Духовные основы жизни: философско-религиозное и культурно-педагогическое наследие И. А. Ильина в XXI веке: материалы региональной научно-практической конференции 14-15 октября 2007 г.* / Под. Ред. И. А. Носкова. Самара: ГОУ ДПО «СИПКРО», 2007. С. 479–483.

⁴⁴ Следует заметить, что в трудах самарских краеведов встречается уже систематическая ошибка. Существует упоминание, что якобы часть архивов церковных учреждений (эмеритальной кассы и епархиального попечительства о бедных) хранится в самарском филиале Российского архива научно-технической документации. Впервые эта информация появляется в диссертации А. В. Мендюкова (*Мендюков А. В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков. Самара, 2007. С. 7.), откуда, вероятно, перекочевала в работу В. Н. Якунина (*Якунин В. Н.* История Самарской епархии. Тольятти, 2011. С. 18). На самом же деле данные фонды находятся (и всегда находились) в ЦГАСО.

Помимо фондов церковных учреждений в работе над диссертацией были использованы документы канцелярии самарского губернатора (Ф. 3), Самарского губернского жандармского управления (Ф. 468) и Самарского окружного суда (Ф. 9), которые помогли восполнить картину взаимоотношений церковных и государственных инстанций в деле противодействия распространению раскола и сектантства в губернии, а также позволили более объективно оценить степень активности участия самарского духовенства в революционных событиях 1905–1907 гг. Из личных архивных фондов особый интерес представляет наследие П. А. Преображенского (Ф. 673), общественного деятеля, педагога, краеведа, археолога и этнографа. С 1883 по 1909 г. Павел Александрович преподавал в самарской семинарии; его фонд содержит помимо всего прочего его переписку с учениками, коллегами и родственниками.

Необходимо отметить также, что документы ряда епархиальных учреждений издавались отдельными оттисками, тираж которых, как правило, ориентировался на количество приходов в епархии. Наибольший интерес вызывают журналы съездов епархиального духовенства, так как данный орган в течение исследуемого периода приобретал все больший вес в вопросах управления епархией. Первоначально журналы печатались только в епархиальных ведомостях, сначала в виде извлечений, а с 1897 г. – полностью. После восстановления выборности делегатов епархиальных съездов в 1905 г. возрос интерес к работе этого учреждения. Как результат – начиная с 1908 г. журналы съездов выходили отдельным изданием с все возрастающим объемом. Если журналы съезда 1911 года занимали 155 страниц⁴⁵, то в 1913 году объем издания был уже 220 страниц⁴⁶. Надо уточнить, что таким образом издавались только журналы очередных ежегодных съездов; журналы съездов экстренных (а таковые после 1905 г. случались нередко – 1909, 1911, 1914, 1917 гг.) печатались только в «епархиальных ведомостях».

---

⁴⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. Самара, 1911.

⁴⁶ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. Самара, 1913.

Кроме журналов епархиальных съездов, отдельными изданиями выходили в епархии отчеты некоторых учреждений. Так, ежегодно печатались отчеты Самарского епархиального комитета Миссионерского общества, в которых после реформы, проведенной епископом Гурием (Буртасовским) в 1894 г., речь шла лишь о внешней миссии (противоязыческой и противомагометанской)⁴⁷. Отдельно выходили отчеты о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии⁴⁸, а также отчеты епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ⁴⁹.

Говоря об источниках местного, епархиального, уровня, нельзя обойти вниманием труд, проделанный Владимиром Соловьевым, занимавшим пост секретаря Самарской духовной консистории с 1893 по 1899 гг. В подготовленном им двухтомном «Собрании» нашли отражение основные распоряжения местной церковной власти: журналы консистории по наиболее важным вопросам, резолюции правящих архиереев и др. за период с основания епархии (1851 г.) до 1899 года⁵⁰. Что касается начала XX в., то попыток составления подобных сборников в епархии не предпринималось, и лишь некоторые документы центральной епархиальной власти публиковались в официальной части «Самарских епархиальных ведомостей».

Много делал для изучения истории Самарской губернии местный статистический комитет. С 1880-х годов он издавал «Памятные книжки» и «Адрес-календари» Самарской губернии, где содержались справочные и статистические сведения, как о губернии в целом, так и о епархиальных учреждениях, а также о монастырях и приходах⁵¹. В диссертации использовались

⁴⁷ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1900 год. Самара, 1901 (а также за последующие годы).

⁴⁸ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915

⁴⁹ Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1909 – 1910 годах. Самара, 1911.

⁵⁰ Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. В 2-х томах. Самара, 1899.

⁵¹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. Самара, 1900

также подобные сборники по Уральской области, которая с 1908 г. в церковном отношении подчинялась Самарскому епископу⁵².

Говоря об источниках, необходимо отметить также возрастающий последние десятилетия интерес краеведов к церковной истории на уровне отдельных населенных пунктов, который привел к публикации ранее неизвестных документов. Так были изданы (полностью или частично) церковные летописи ряда сел: Морша Николаевского уезда⁵³, Иловатый Ерик Новоузенского уезда⁵⁴ и Большая Царевщина уезда Самарского⁵⁵. Эти издания интересны еще и потому, что в ЦГАСО хранится всего одна церковная летопись – царевщинская (есть еще несколько летописей, но они принадлежали селам, входившим в Сызранский уезд Симбирской губернии). Летопись села Морша многие десятилетия находилась в частном владении, а Иловатого Ерика была обнаружена в Государственном архиве Волгоградской области. Данные источники ценны для настоящей диссертации тем, что содержат интересный материал по функционированию церковно-приходских попечительств.

Отдельного упоминания заслуживают источники личного происхождения. Прежде всего, необходимо сказать об архиве протоиерея Валериана Викторовича Лаврского, с которым автору диссертации удалось ознакомиться в Отделе редких книг и рукописей научной библиотеки Томского государственного университета. Протоиерей Валериан Лаврский – одна из самых значимых фигур жизни Самарской епархии конца XIX–начала XX в. С 1891 г. и до своей кончины (между 1918 и 1920 гг.) отец Валериан был кафедральным протоиереем, в 1893–1902 гг. руководил 1-м столом консистории, входил в состав многих епархиальных учреждений, был основателем и бессменным руководителем Введенского

⁵² Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск, 1908.

⁵³ Церковная летопись села Морши Самарской губернии Николаевского уезда Казанской церкви с 1867 по 1916 гг. / Лисицина В. В. Моршане. Самара: ООО «Офорт», 2013. С. 19–87.

⁵⁴ Синельников С. Иловатый Ерик: от неурожая 1891 г. до урожая 1913 г. (по страницам церковной летописи) // Духовный собеседник. 1998. № 4 (16). С. 141–157.

⁵⁵ Впервые была издана частично в книге: Священномученик Константин Сухов. Самара: ФГУП Изд-во «Самарский Дом печати», 2003. С. 39–76. Впоследствии была подробнее издана часть летописи, повествующая о революционных событиях 1905 г.: Церковноприходская летопись событий, составленная священниками Христорождественской церкви с. Царевщина Самарского уезда и губернии, 1905 г. (Публикация подготовлена Г. В. Галыгиной) // Самарский земский сборник. 2010. № 1 (19). С. 89–99.

братства при епархиальном женском училище и, вероятно, самым авторитетным самарским пастырем.

Архив Лаврского оказался в Томске, так как там проживали его близкие родственники: сын Аркадий Валерианович († 1944 г.), геолог, профессор Томского индустриального института, сестра Александра Викторовна († 1893 г.) и шурин, известный географ и этнограф Григорий Потанин († 1920 г.). Основной архив Лаврского состоит из четырех томов (общий объем – 2600 страниц), пагинированных самим отцом Валерианом и переплетенных в два конволюта⁵⁶. Хронологические рамки архива: 1849–1884 гг.; таким образом, являясь бесценным материалом для данного периода биографии Лаврского, его архив практически не содержит информации по интересующему нас отрезку времени. Бóльшую ценность в этом смысле имеют отдельные письма Лаврского членам своей семьи, хранящиеся там же, в Томске, в составе архива Г. Н. Потанина и относящиеся к концу XIX–началу XX вв. Надо отметить, что степень изученности всех этих документов очень невелика; томскими исследователями было подготовлено лишь издание двух поздних писем Лаврского Потанину⁵⁷. Кроме того, были изданы отрывки из переписки Лаврского, касающиеся его отношений с учителем – архимандритом Феодором (Бухаревым)⁵⁸. Вообще же Лаврский больше известен исследователям как одноклассник по семинарии и друг юности Н. А. Добролюбова⁵⁹, состоявший с ним в переписке и после окончания учебы⁶⁰. Самарские же историки как светские, так и церковные до настоящего момента не обращались к эпистолярному наследию кафедрального протоиерея, которое

⁵⁶ См. подробнее: *Серебрянников Н. В.* Архив В. В. Лаврского // Памятники культуры. Новые открытия. 1995 / Сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука, 1996. С. 105–108.

⁵⁷ *Лаврский В. В.* Последние письма Г. Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета. Т. 266. 1998. С. 41–46.

⁵⁸ *Лаврский В. В., прот.* Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве). Из переписки прот. В. В. Лаврского // Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra. Спб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. С. 139–286.

⁵⁹ *Егоров Б. Ф., Серебрянников Н. В.* Друг Н. А. Добролюбова В. В. Лаврский // Традиционализм и модернизм в русской литературе. Томск, 2004. С. 13–32 (здесь же приведены выдержки из нескольких писем Лаврского будущей жене).

⁶⁰ *Добролюбов Н. А.* Письмо к В. В. Лаврскому от 3 августа 1856 года / Добролюбов Н. А. Избранные философские сочинения. Т. I. Под редакцией и с предисловием Т. Иовчука. М.: ОГИЗ, Государственное изд-во политической литературы, 1945. С. 30–32.

может, по нашему мнению, стать серьезным вкладом в церковно-общественную просопографию Самары.

Отдельного упоминания заслуживают такие источники, как воспоминания. Для Самарской епархии особое значение имеет литературное наследие сестер Софии и Натальи Самуиловых. Их род на рубеже веков был одним из самых известных и уважаемых в духовных кругах Самары. Дед по отцовской линии, Евгений Самуилов, много лет был преподавателем семинарии, а дед по материнской линии, священник Виктор Кубарев – ее духовником. Отцом сестер был священник Сергей Самуилов, служивший в селе Царевщина Самарского уезда, а затем в различных приходах Николаевского уезда. Он вел активную миссионерскую деятельность, был известным публицистом, публиковал в местных и центральных изданиях статьи, в которых выступал за разрешение богослужения на русском языке. Впоследствии о. Сергей Самуилов стал одним из самых последовательных оппонентов «Живой церкви» в своем уезде, был арестован и умер в заключении.

В диссертации были использованы те воспоминания сестер Самуиловых, которые относятся ко времени служения о. Сергия в с. Острая Лука Николаевского уезда (с 1908 г.)⁶¹. Их воспоминания отличает искренность и прямота суждений, которая, по мнению издателей, «с одной стороны придает им статус документального свидетельства, но, с другой стороны, несет в себе повод для некоторого смущения в неокрепших в вере умах»⁶². Справедливости ради надо отметить, что адекватно описывая основные события церковной жизни Самары начала XX в., Самуиловы не являются совершенно беспристрастными наблюдателями, а нередко транслируют одну конкретную точку зрения – позицию группы молодого духовенства, в которую и входил их отец и которая по некоторым вопросам фрондировала против правящего архиерея. Так в конфликте между епископом Симеоном (Покровским) и епархиальным съездом в 1912–1913

⁶¹ Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. Острая Лука. 1908 – 1926. СПб., 1996; Самуилова С. С. Повесть о трех поколениях // Духовный собеседник. 1999. №№ 3–4. С. 254–279.

⁶² Самуиловы Н. и С. Годы гонений. Воспоминания о церковной жизни Самары в 1937 – 1940 годах // Духовный собеседник. 1996. № 1 (5). С. 21–33.

гг. вину они возлагают в первую очередь на архиерея, что не совсем соответствует действительности⁶³.

Помимо наследия сестер Самуиловых в диссертации были использованы воспоминания ряда светских чиновников и простых обывателей Самарской губернии, которые помогли сделать картину епархиальной жизни более полной⁶⁴. Кроме того, необходимо отметить сборники документов, посвященных революционному движению начала XX в. в Самарской области, изданные еще в советское время. Они содержат, помимо всего прочего, некоторые материалы, касающиеся роли духовенства в революционных событиях, а также документы (листовки, воззвания, прокламации), отражающие отношение к Церкви со стороны политических партий левого толка (в первую очередь – социал-демократов)⁶⁵. Как источник по аграрному движению в губернии интересен также вышедший еще в 1906 году сборник крестьянских наказов, в которых церковная тематика также занимает не последнее место⁶⁶.

Наконец еще одним ценным массивом источников является самарская периодическая печать рубежа XIX–XX веков. Церковная периодика губернии представлена только «Самарскими епархиальными ведомостями». Кроме официальной части, где печатались распоряжения центральной и епархиальной власти и некоторые документы (журналы, рапорты и т.д.) отдельных учреждений, ведомости имели еще и неофициальную часть, богатую статистическими, биографическими, этнографическими и другими материалами.

Кроме того, в процессе работы над диссертацией были проработаны годовые комплекты светских губернских газет. В частности, использовались такие издания как «Самарская газета», «Волжский день», «Волжское слово», «Самарский курьер» и другие. Необходимо отметить, что в основном эти издания

---

⁶³ Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. С. 129.

⁶⁴ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905–1914 г.). Новгород-Самара-Пенза. Петроград, 1916; Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. Самара, 1991.

⁶⁵ Революция 1905 – 1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии. Документы и материалы. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1955; 1905 год в Самарском крае. Сборник документов. Самара, 1925; Попов. Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902 – 1917. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство, 1969.

⁶⁶ Крестьянские наказы Самарской губернии (опыт собирания материалов русской революции). Самара, 1906.

не проявляли глубокого интереса к серьезным церковным проблемам и назревавшим переменам в жизни Церкви. Освещение церковной жизни чаще всего сводилось либо к информации о тех или иных официальных мероприятиях, либо к поиску скандальных подробностей из быта епархиального духовенства. С осени 1905 г. отмечается резкое «полевение» ряда губернских изданий. Так «Самарская газета», некоторое время была официальным органом самарских социал-демократов. Соответственно обостряется и критика по отношению к Церкви. В прессе начинается настоящая травля священников, которые недостаточно активно приветствовали изменения в общественном строе. Отмечая некоторые изменения в настроениях духовенства, которое «потеряло способность ежитья при виде реформационных попыток»⁶⁷, революционные журналисты считали эти изменения робкими и недостаточными, призывая духовенство посмотреть на задачи под «демократическим углом зрения» и «взяться за искупление своих веками содеянных грехов перед народом»⁶⁸.

Такой взгляд на церковные вопросы через призму своеобразно понимаемой «демократизации» Церкви был присущ не только крайней леворадикальной прессе, но и более умеренным изданиям, например, близким к кадетам, и не ограничивался временем революционных событий 1905–1907 гг. Так, например, кадетское «Волжское слово» в 1913 г. принимало активное участие в разгоревшейся на епархиальном съезде борьбе, и своими публикациями поддерживало группу священников в их противостоянии правящему архиерею⁶⁹. В любом случае при использовании таких специфических источников, как светские газеты начала XX в., необходимо учитывать политическую ориентацию стоявших за ними партий и движений.

Методология исследования. В данном диссертационном исследовании используются общенаучные методы, которые обусловлены поставленными научно-познавательными задачами и содержанием существующих источников.

---

⁶⁷ Думы и заботы о церковной реформе // Самарская газета. 1905. № 183. С. 3.

⁶⁸ По поводу самарского епархиального съезда // Самарская газета. 1905. № 243. С. 3.

⁶⁹ См. например: С епархиального съезда // Волжское слово. 1913. № 132. С. 5.

При помощи выбранных методов мы постарались представить по возможности полную и объективную картину рассматриваемых исторических процессов. В своей работе мы исходим из представления о Русской Церкви как о целостном, имеющем свое качественное своеобразие институте общественной жизни.

В работе используются следующие методы: проблемно-хронологический, описательно-исторический, сравнительно-исторический, статистический и логический. Проблемно-хронологический метод дает возможность в хронологической последовательности раскрыть характерные особенности и свойства, функции и изменения, происходившие с объектом изучения. Сравнительно-исторический метод позволяет предлагать объяснения рассматриваемых фактов, а не только их описывать. Для этого можно проводить сравнения по отдельным регионам (в нашем случае – уездам и благочинническим округам) с целью сопоставления процессов, протекавших в каждом из них, с последующим обобщением полученных результатов.

Статистический метод использовался нами для определения количественной и качественной динамики изменений в различных сферах епархиальной жизни (финансово-хозяйственная деятельность, церковно-приходские школы и т. д.). Наконец, логический метод необходим исследователю для того, чтобы определять структурные части работы, отбирать и классифицировать полученный из исторических источников материал и выбирать сами пути получения знаний.

Степень достоверности исследования определяется всесторонним анализом выполненных ранее научно-исследовательских работ по предмету исследования, а также применением в диссертации апробированного научно-методологического аппарата.

Положения, выдвигаемые на защиту.

1. В основных своих параметрах система епархиального управления сохранялась в рассматриваемый период в том виде, в котором сложилась в эпоху Великих реформ. Это касается как взаимоотношений между епархиальными

институтами, так и внутреннего устройства самих учреждений, в первую очередь духовных консисторий, которые до 1917 г. функционировали на основании штатов, принятых еще в 1869 г.

2. Учреждение в исследуемый период Николаевского (позднее – Уральского) викариатства было призвано разгрузить епархиального архиерея в условиях растущего числа приходов и усложнения делопроизводства. Вся дальнейшая история Уральского викариатства – путь к созданию независимой епархии. В сентябре 1916 г. епископ Уральский, как и еще два викария в Российской Церкви, получил особый статус, позволявший самостоятельно решать подавляющее большинство вопросов, однако последний шаг сделан так и не был, а Уральское викариатство так и оставалось до 1917 г. «полунезависимой» епархией.

3. В конце XIX – начале XX вв. самарская консистория переживала кризис, связанный с несоответствием ее устройства динамично меняющимся условиям жизни в епархии. Загруженность членов присутствия другими обязанностями, малая эффективность сверхштатных членов при отсутствии финансирования их из местных средств, недостаточно материальное обеспечение канцелярии, упразднение должности помощника столоначальника (также из-за отсутствия средств), – все это приводило к нарушениям, выявленным ревизией 1916 г.

4. Характерной чертой исследуемого периода является тенденция к дифференциации епархиального управления, вызванная усложнением церковно-общественной жизни. Данная дифференциация выражалась в расширении полномочий существующих институтов и появлении новых. Заметно усложнилась в рассматриваемый период и система епархиальных учреждений, отвечавших за социальную поддержку и благотворительность, а также управление сетью церковно-приходских школ епархии.

5. В начале XX в. все более значительным фактором епархиальной жизни становятся съезды духовенства (благочиннические, учебно-окружные и епархиальные). Появившись изначально в контексте реформы духовного

образования, епархиальные съезды духовенства со временем расширяли свои полномочия и стали настоящим органом самоуправления, отстаивающим интересы приходского духовенства. В первую очередь это касалось вопросов, связанных с расхождением общецерковных средств (собранных при помощи обложения приходов или непосредственно священнослужителей).

6. Можно констатировать тот факт, что в рассматриваемый период заметно активизировалось обсуждение необходимости возрождения уездного звена в структуре епархиального управления. До середины XIX в. во многих епархиях такую роль играли уездные духовные правления, которые были промежуточной инстанцией между благочинными и центральной епархиальной властью. В начале XX в. обсуждение данной темы было связано с ощущавшейся необходимостью разукрупнения епархий.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений по вопросу устройства и функционирования системы епархиального управления Русской Церкви конца XIX–начала XX вв. Работа восполняет определенную лакуну в историографии истории Самарской епархии, в которой до сих пор не было исследования, системно изучающего данный период. Кроме того, представленная диссертация претендует на то, чтобы продолжить формирование такого научного направления, как «епархиальная история».

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты и источники, введенные в научный оборот, могут быть использованы при написании обобщающих работ по истории Русской Церкви в Поволжье. Кроме того, результаты исследования могут найти применение при подготовке и чтении курсов церковно-исторической и краеведческой направленности как в духовных, так и в светских высших и средних учебных заведениях.

Апробация результатов исследования. Полученные в ходе работы результаты были представлены на следующих конференциях: Восемнадцатые и Девятнадцатые Иоанновские чтения (Самара, 9 октября 2013 и 9 октября 2014 гг.

соответственно), «Война власть и общество в истории цивилизаций» (Самара, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, ноябрь 2014), Региональная научно-практическая конференция: «Духовное наследие преподобного Сергия в истории и современной жизни России» (Самара, 9–10 октября 2014 года), «Значение отечественной литературы в самоидентификации русского человека» (Самара, 22–25 мая 2015 года), VIII Межрегиональные Богородице-Рождественские образовательные чтения «Традиции и новации: культура, общество, личность» (Оренбург, 23–25 сентября 2015 г.), Межрегиональная научно-практическая конференция «Четвертые Гротовские чтения» (Самара, 22 октября 2015 года), и на конференции в университете Мюнстера «Theological Workshop of Russian and German (Doctoral) Students» (г. Мюнстер, Германия, 6–9 февраля 2014 года), «Революция 1917 года и Гражданская война как определяющие факторы российской истории XX в.» (Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 11–12 мая 2017 г.), «Наука и культура России». (XIV Международная научно-практическая конференция. Самара, 30–31 мая 2017 г.), «Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире». (VI Международная научно-практическая конференция. Самара, 26–27 апреля 2018 г.), а также при обсуждении текста работы на семинаре кафедры церковной истории ОЦАД.

Цель исследования – изучение системы епархиального управления Русской Церкви в конце XIX–начале XX вв. на материалах Самарской епархии, принципов устройства и функционирования конкретных епархиальных институтов, а также механизмов управления в ключевых сферах деятельности.

Поставленная цель определяет **задачи исследования**:

- 1) Рассмотреть устройство органов епархиальной власти в изучаемый период (правлящий архиерей, викариатство, духовная консистория, благочиние) и взаимодействие этих звеньев между собой.
- 2) Исследовать функционирование системы съездов духовенства (благочиннические, учебно-окружные, епархиальный) и проследить динамику

изменения их роли в жизни епархии.

3) Выявить механизмы управления во всех ключевых сферах епархиальной жизни: финансово-хозяйственной, миссионерской, социально-благотворительной, судебной, народного образования, проповедничества.

4) Определить специфику данного хронологического отрезка внутри синодального периода в отношении функционирования епархиальной власти и наметившиеся тенденции к преобразованиям в церковно-административной сфере.

1. ЕПАРХИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ (НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ ЕПАРХИИ)

1.1. Епископ Самарский и Ставропольский

Сложившаяся в синодальный период система епархиального управления по своей структуре в значительной степени повторяла центральную. Во главе епархии стоял епископ, а консистория играла роль епархиального правительства. Система епархиальной власти состояла из следующих звеньев: института епископской власти (архиерей, его канцелярия, викарий), духовной консистории (духовное присутствие, секретарь и канцелярия) и приходской организации (институт благочинных, съезды приходского духовенства, церковно-приходские попечительства и советы). Первые два звена составляли епархиальное правление, или, как оно называлось в документах «епархиальное начальство».

Высшей властью в епархии являлся епископ, который назначался на ту или иную кафедру и смещался с нее указом Святейшего Синода. Однако последнее слово в избрании было все же за светской властью. 14 февраля 1721 г. Синод спрашивал у Петра I: «В праздные епархии в духовном собрании избирать ли в архиереи, и по доношению Царскому Пресветлому Величеству оных к поставлению и к местам определять ли?». Резолюция последовала следующая: «Выбирать по две персоны, и которую определим, посвящать и определять»⁷⁰. При Александре I число кандидатов, представляемых императору было увеличено до трех⁷¹.

Это положение соответствует тем базовым принципам церковно-государственных отношений, которые были закреплены в Основном законе Российской империи. Статья 42-я гласит: «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры, и блюститель правоверия и всякого в Церкви святой благочиния. В сем смысле

⁷⁰ Высочайшие резолюции на докладе Синода 14 февраля 1721 г. // ПСЗ- I. Т. 6. СПб., 1830. С. 356.

⁷¹ Смолч И. К. История Русской Церкви. 1700 – 1917. М., 1997. Ч. 1. С. 294.

Император, в акте о наследии Престола 1797 апреля 5, именуется Главою Церкви». Следующая статья уточняет, что «в управлении Церковном Самодержавная Власть действует посредством Святейшего Правительствующего Синода, Ею учрежденного»⁷².

Таким образом, последнее слово в определении епископа на ту или иную кафедру оставалось за светской властью. В пределах же своей епархии епископ являлся высшей административной, судебной и распорядительной властью. Еще апостольские правила провозгласили: «Пресвитеры и диаконы без воли епископа ничего да не совершают. Ибо ему вверены люди Господни, и он воздаст ответ о душах их» (39-е правило). Однако в начале XVIII в. с учреждением Синода часть полномочий епископа были передана центральной власти. Кроме того, единовластие епископа ограничивалось фигурой секретаря консистории, который назначался независимо от воли архиерея «так что фактически секретарь являлся скорее «оком» обер-прокурора, чем подчиненным архиерея»⁷³. Члены присутствия консистории также утверждались Синодом (по представлению архиерея). Вопросы устройства консистории и ее функционирования подробно рассмотрены в соответствующем параграфе.

Правящий архиерей должен был испрашивать разрешения Св. Синода на открытие новых приходов и монастырей, равно как и на упразднение существующих⁷⁴. Только Синод мог дать разрешение на изменение штатного расписания действующих причтов. Такое же разрешение требовалось для ремонта или перестройки старинных храмов (не позже XVIII в.) или тех, на которые планируется «испросить у Святейшего Синода отпуск денег»⁷⁵. Серьезные ограничения существовали и в хозяйственной сфере. Так, на приобретение недвижимости путем купли, дара или пожертвования церкви, монастыри и архиерейские дома должны были испрашивать Высочайшее разрешение⁷⁶.

---

⁷² Основные государственные законы // СЗРИ. Т. I. СПб., 1857. С. 11.

⁷³ Савва (Гутунов), игумен. Епархиальные реформы. С. 61.

⁷⁴ Устав духовных консисторий. С. 124.

⁷⁵ Там же. С. 118.

⁷⁶ О порядке приобретения и укрепления прав на имущество в особенности // СЗРИ. Т. X. Ч. 1. СПб., 1857. С. 284.

Ограничен был епархиальный архиерей и в отправлении своих судебных функций. Синод оставил за собой окончательное решение бракоразводных дел, а также применение крайних мер наказания: лишение сана клириков и отлучение от Церкви⁷⁷. В параграфе, посвященном епархиальному суду подробно рассмотрены вопросы судебных полномочий епископа и консистории.

В административной сфере епархиальный архиерей также не был всемогущ. Помимо секретаря консистории, а также членов ее присутствия, которых утверждал Синод, целый ряд должностных лиц епархии назначался помимо правящего епископа. Так, не назначал архиерей настоятелей и настоятельниц монастырей. С одной стороны, «не был отменен старый порядок, восходящий еще к XVII в. и предписанный «Духовным регламентом», то есть выборы настоятеля монастырской братией», но на практике Синод сам назначал настоятелей⁷⁸.

Согласно уставам духовных семинарий и училищ 1884 г. на ключевые посты в учебных заведениях епархии архиерей мог только предлагать кандидатуры, которые утверждал Синод. Так назначались ректоры и инспекторы семинарий, а также смотрители духовных училищ⁷⁹. А 31 октября 1885 г. специальным циркулярным отношением обер-прокурора было разъяснено, что все лица учебно-воспитательной службы, а именно «преподаватели духовных семинарий и училищ и помощники инспекторов в семинариях из лиц, получивших высшее (богословское или другое специальное) образование» назначаются и увольняются центральным управлением духовного ведомства⁸⁰. Епископ имел право лишь назначить временно исполняющего обязанности в случае смерти или других непредвиденных обстоятельств.

Ежегодно епархиальные архиереи отчитывались перед Синодом о положении дел в епархии. Кроме этого, они должны были незамедлительно докладывать о экстраординарных событиях (например, о появлении новых

---

⁷⁷ Духовный регламент. М., 1904. С. 37.

⁷⁸ Смолич И. К. Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность 988 – 1917 гг. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/russkoe-monashestvo/14_2 (дата обращения: 10. 12. 2015).

⁷⁹ Уставы православных духовных семинарий и училищ, Высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1888. С. 8, 11, 136.

⁸⁰ Уставы православных духовных семинарий и училищ 1884 г. С 114.

лжеучений). Все описанные выше ограничения не могли не вызывать недовольства епископата, однако не все преосвященные выражали его явно. Игумен Савва (Тутунов), проанализировав отзывы епархиальных архиереев, указывает, что только семеро епископов поднимали данный вопрос⁸¹. Одним из них был самарский архиерей Константин (Булычев), который писал: «Как самостоятельный управитель Церкви Божией в пределах своей епархии, епископ не имеет надобности испрашивать от высшей церковной власти разрешения на устройство церквей и монастырей, открытие новых приходов... назначение и посвящение к ним пресвитеров, диаконов и низших клириков, монастырских настоятелей и настоятельниц, и других лиц епархиального управления»⁸². Даже отчитываться перед центральной властью владыка Константин не считал обязательным: «епископ ни митрополиту, ни областному собору, ни всероссийскому Правительствующему Синоду не обязан и отчетом в делах внутреннего управления епархией»⁸³. Необходимо, однако, отметить, что даже те из епископов, кто открыто высказывался против ограничений канонической архиерейской власти, признавали, что в вопросах, в которых предполагалось ассигнование средств из центрального бюджета, согласование с Синодом необходимо.

Одной из ключевых проблем системы епархиального управления синодального периода, на которую обращали внимание как современники, так и позднейшие исследователи, была практика частого перемещения правящих архиереев. По мнению С. В. Римского она использовалась высшей властью «как удобный инструмент для поощрения и приручения или, наоборот, наказания строптивых и неудобных»⁸⁴. Есть подсчеты, показывающие, что в начале XX века среднестатистическое время пребывания на кафедре архиерея (включая

⁸¹ Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы. С. 64.

⁸² Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. М., 2004. Ч. 1. С. 481.

⁸³ Там же. С. 480.

⁸⁴ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860-1870-х годов). М., 1999. С. 69.

викарных) составляло четыре года⁸⁵. Самарская статистика целиком укладывается в эти данные, так как за 1894 – 1914 гг. в епархии сменилось 5 архиереев.

Очевидно, что такая частая ротация епископов не создавала для последних подобающих условий для детального ознакомления с епархией. Еще «Духовный регламент» предписывал епископам «в год, или в два года единожды обойти и посетить епархию свою»⁸⁶. На самом же деле лишь один из самарских архиереев рассматриваемого периода – епископ Гурий (Буртасовский), правивший целых двенадцать лет – мог похвастаться тем, что дважды объехал всю епархию. Практика перемещения способствовала и тому, что некоторые епархии стали восприниматься как место ссылки или, наоборот, трамплин для дальнейшего повышения. Так назначение в конце 1913 г. на Самарскую кафедру архиепископа Питирима (Окнова) воспринималось как оправдание после опалы и «ссылки» на Северный Кавказ⁸⁷. Действительно Самара оказалась для этого архиерея лишь кратким этапом на пути к высотам церковной власти; буквально через полгода владыка Питирим был назначен экзархом Грузии.

Еще одной проблемой, вызванной практикой частого перемещения правящих архиереев, был тот факт, что со сменой преосвященного менялся (нередко радикально) стиль правления и вектор развития всей епархиальной жизни. Для Самарской епархии данная проблема была весьма актуальной в начале XX в. Достаточно упомянуть вопрос о фонде и кассе стипендий для детей духовенства. Данные учреждения, направленные на поддержку учащейся молодежи духовного сословия, были созданы по инициативе духовенства и по благословению епископа Константина (Булычева) в 1909 г., а в 1913 г. по представлению епископа Симеона (Покровского) Св. Синод их закрыл, что вызвало резкое неприятие у духовенства и сильно осложнило отношения архиерея и епархиального съезда. Этот конфликт подробно рассматривается в параграфе, посвященном съездам духовенства.

---

⁸⁵ Савва (Гутунов), игумен. Епархиальные реформы. С. 18.

⁸⁶ Духовный регламент. С. 42.

⁸⁷ Фирсов С. Л. Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). М.: ПСТГУ, 2011. С. 58.

Финансирование самого архиерея, архиерейских домов и свит в исследуемый период осуществлялось согласно штатам, утвержденным 27 декабря 1867 г. взамен деления епархии на классы. Согласно этим штатам, большинство епархиальных архиереев получало по 1500 рублей в год. В число этих 39 епископов попадал и Самарский архиерей. Исключение составляли столичные, западные епархии, а также Таврическая и Кавказская где архиерей получал 4000 р. Оренбургский епископ получал 2750 р⁸⁸.

Кроме того, Самарский епископ, как и большинство российских архиереев получал 3100 р. на содержание свиты, певчих и на наем служителей. И еще по 100 р. ежегодно выделялось на ремонт архиерейских домов. Свита архиерея состояла из эконома, духовника, крестового иеромонаха, ризничего (он же казначей) и иеродиакона. «От усмотрения Преосвященного зависит соединение некоторых должностей, равно назначение им окладов содержания»⁸⁹.

У архиерея имелся собственный штат, занимавшийся канцелярскими и административно-хозяйственными делами. Канцелярией епископа руководил секретарь, а состав свиты описан выше. Самарский архиерей располагался в двухэтажном каменном доме. Его комнаты были на втором этаже; на первом – братские кельи и канцелярия. Почти 30 лет с момента основания епархии у Самарского преосвященного не было своего дома, и он со своим штатом размещался по частным домам самарских купцов. Лишь в 1878 г. городские власти отвели епископу специальное помещение. Хозяйством архиерейского дома руководил эконом, назначавшийся самим преосвященным. Он собирал и записывал доходы, наблюдал за их исправным поступлением и представлял архиерею отчет.

Особые функции по контролю за архиерейским хозяйством были возложены на консисторию. Ее участие предполагалось в следующих случаях: 1) При сдаче в аренду недвижимого имущества и вообще любых оброчных статей. В этих случаях «Консистория входит в подробное соображение предполагаемой

---

⁸⁸ Штат архиерейских домов и кафедральных соборов // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. I. С. 8–9.

⁸⁹ Там же. С. 8–9.

отдачи... обзрывает выгоду и законность условий контракта и представляет свое заключение Преосвященному»; 2) При назначении на вырубку для продажи части леса из дач, принадлежащих архиерейскому дому; 3) При покупке, завещании или предложении кем-либо в дар недвижимых имений⁹⁰.

По суммам, отпускаемым из казны на содержание архиерейских домов, консистория «наблюдала за своевременным доставлением куда следует отчетов». Согласно статье 108-й Устава, консистория «поверяет экономические книги архиерейского дома и ежегодно свидетельствует целостность собственности оною посредством кого-либо из духовных лиц». Для этих целей в консистории имелась «подробная за шнуром и печатью опись всему имуществу архиерейского дома»⁹¹. Вторая такая книга была у эконома.

Считаем необходимым привести здесь список Самарских и Ставропольских архиереев, управлявших епархией в рассматриваемый период: 1) епископ Гурий (Буртасовский) 1892 – 1904 гг.; 2) епископ Константин (Булычев) 1904 – 1911 гг.; 3) епископ Симеон (Покровский) 1911 – 1913 гг.; 4) архиепископ Питирим (Окнов) 1913 – 1914 гг. и 5) епископ Михаил (Богданов) 1914 – 1918 гг.

В рассматриваемом периоде истории Самарской епархии особняком стоят годы правления владыки Гурия (Буртасовского): 1892 – 1904 гг. Епископ Гурий, переведенный в Самару с поста главы Камчатской, Курильской и Благовещенской епархии, посвятил делу миссии всю свою жизнь. На этой ниве он успел потрудиться на должностях главы Иркутской духовной миссии и ректора Благовещенской семинарии. Тот опыт, который епископ Гурий приобрел за двадцать лет своего служения на восточных рубежах Отечества, оказался востребован и в Самарской епархии. Показательным является отрывок из одного письма епископа Гурия от 12 марта 1891 г.: «Здесь (на Дальнем Востоке – *прот. М. К.*) ничего не достигнешь для блага Церкви, если будешь управлять епархией,

⁹⁰ Устав духовных консисторий. С. 125–126.

⁹¹ Там же. С. 126.

сидя в кабинете; но это не в моем характере... с 27 ноября по 31 января я ездил молодцом, проехавши 5 тысяч верст»⁹².

С той же энергией епископ Гурий служил Церкви и в Поволжье. За 12 лет правления ему удалось посетить все приходы Самарской епархии (большинство – дважды), что является абсолютным рекордом среди самарских преосвященных. Для сравнения: епископ Михаил (Богданов) в отчете за 1916 г. писал, что смог посетить лишь 2 города и 8 сел⁹³.

При своей энергичности владыка Гурий обладал несколько вспыльчивым характером и имел склонность к поспешному принятию решений, что отмечали современники. Вспоминали, что перед ним трепетало все подчиненное духовенство: «не успеешь оглянуться, как переведет куда-нибудь на другой конец епархии. «Гурий с бурей» – говорили про него»⁹⁴. Не менее резко пишет о преосвященном Гурии известный церковный историк XX века митрополит Мануил (Лемешевский): «Среди старожилов духовенства Симбирской, ныне Ульяновской епархии до сих пор остается осадок горечи от его сумасбродного, вспыльчивого и неуравновешенного характера. Случались вспышки гнева, кончавшиеся мордобитием и личными оскорблениями. Обычно, в конце службы он постепенно «отходил», признавал свою ошибку, в легкой форме просил прощения у оскорбленного и совал ему в руку 25-ти рублевую бумажку. Одни не принимали такую щедрость, а другие, прощая своего епископа, не стеснялись воспользоваться подаванием владыки»⁹⁵. Но при этом современники отмечали, что к епископу Гурию с уважением относились даже недоброжелатели⁹⁶.

О решительном характере владыки Гурия и о его методах управления может дать некоторое представление следующий эпизод. В 1895 г. до архиерея дошли слухи, что трое молодых священников Николаевского уезда искали протекции у

⁹² Письма епископа Гурия об управлении епархией // РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 713. Л. 1–1 об.

⁹³ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2761. Л. 9.

⁹⁴ Самуилова С. С. Повесть о трех поколениях // Духовный собеседник. 1999. № 1–2. С. 278.

⁹⁵ Мануил (Лемешевский), архиеп. Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897 – 1957). Чебоксары, 1959. Ч. 2. С. 331.

⁹⁶ Самарское общество. Быт и нравы // Путешествие в прошлое. Самарский край глазами современников. С. 230.

«некой знаменитости названного града» с целью перехода в беглопоповство⁹⁷. Вероятно, речь шла о каком-либо из авторитетных николаевских купцов-раскольников. Гурий не стал разбираться и выяснять фамилии потенциальных перебежчиков. Вместо этого он дал распоряжение отобрать у всех священников возрастом до 40 лет включительно иерейские ставленные грамоты, без которых беглопоповцы не принимали приходящих от господствующей Церкви.

Благочинные в кратчайшие сроки выполнили данное распоряжение. При этом некоторые из них проявили особое усердие. Так, благочинный 5-го округа Михаил Ливанов рапортовал, что изъял грамоты у священников до 45 лет включительно, а также у вдовых священников старше этого возраста. Все грамоты, согласно распоряжению Гурия, хранились у благочинного и при переводе священника пересылались от одного благочинного другому. Судя по обнаруженным документам, вернули грамоты священникам Николаевского уезда только по указу от 27 июня 1902 года⁹⁸.

Неоднократно возникали при епископе Гурии конфликтные ситуации между правящим архиереем и консисторией. В первую очередь трения возникали по вопросам, связанным с противодействием расколу и сектантству. Преосвященный достаточно широко трактовал возможности обращения в этих вопросах к административно-полицейскому ресурсу. В памяти либеральной общественности Гурий остался в значительной степени благодаря изъятию детей из семей, уклонившихся от православной веры. Так, об этой ситуации в своих воспоминаниях говорит современник, присяжный поверенный Тейтель: «больно было нам, представителям правосудия, стоять в стороне, быть свидетелями попрания самых священных прав человека...»⁹⁹. Консистория в случаях несогласия с архиереем строго держалась буквы закона и представляла преосвященному соответствующие справки и выдержки из законов и подзаконных актов. Нередко Гурий после этого корректировал свою точку зрения.

⁹⁷ Рапорты благочинных Самарской епархии о подписывании некоторыми молодыми священниками протекции для перехода в беглопоповщину // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6523. Л. 1.

⁹⁸ Рапорты благочинных Самарской епархии о подписывании некоторыми молодыми священниками протекции для перехода в беглопоповщину. Л. 8.

⁹⁹ Самарское общество. Быт и нравы. С. 230.

И лишь в отдельных случаях дело доходило до открытого противодействия, о чем подробнее речь идет в соответствующем параграфе.

Епископ Гурий нередко становился объектом критики и для самарских социал-демократов. Так, например, 7 января 1903 г. местный комитет РСДРП выпустил гектографированную прокламацию «К самарским рабочим, крестьянам и всему самарскому обществу», где нападал на архиерея «клеветавшего в своей проповеди в с. Царевщине на революционеров, обвиняя их в подстрекательстве народа к грабежам»¹⁰⁰. Никакой клеветой проповедь преосвященного при этом, скорее всего, не была, так как Царевщина действительно была тогда одним из самых (если не самым) беспокойным селом, где революционеры вели наиболее активную пропаганду.

Непросто складывались у епископа Гурия и личные отношения со многими самарскими пастырями. Практически все время правления епископа Гурия вероисповедным столом консистории заведовал кафедральный протоиерей Валериан Лаврский. В своем обширном эпистолярном наследии и в воспоминаниях современников он предстает человеком достаточно либеральных взглядов, имеющим свою собственную позицию и обладающим солидным жизненным и пастырским опытом. Упомянувшийся уже Яков Тейтель называет его незаурядным, высокообразованным священником¹⁰¹. Именно его рука видится в тех действиях консистории, когда она старалась не дать весьма импульсивному архиерею выйти за рамки, предусмотренные законодательством.

Вывод о том, что отношения епископа Гурия и кафедрального протоиерея складывались непросто, можно сделать из следующих документов. В 1899 г. священник Новоузенского собора Макарий Клеандров обратился к обер-прокурору Святейшего Синода с жалобой на преосвященного Гурия. Он доносил, что подвергается незаслуженным нападкам со стороны архиерея. Основные претензии заключались в том, что он якобы безвинно был подвергнут суду за вымогательство и временно запрещался в служении, а также в том, что дочери его

---

¹⁰⁰ Попов Ф. Г. Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902 – 1917. Куйбышев, 1969. С. 20.

¹⁰¹ Самарское общество. Быт и нравы. С. 217.

было отказано в приеме в епархиальное училище¹⁰². Само это дело не привлекло бы пристального внимания, тем более, что обиды Клеандрова были напрасными: судили его вполне заслуженно за вымогательство денег у паствы, а дочь несколько раз сдавала экзамены на два с минусом. Интересно в этом деле другое.

Для того, чтобы придать своей жалобе больший вес, Клеандров присоединил к ней ряд приложений, которые должны были иллюстрировать деспотичный характер правящего архиерея. Одним из этих приложений было письмо протоиерея Валериана Лаврского, с которым семья Клеандровых состояла в доверительной переписке. Содержание жалобы и всех приложений стало известно епископу Гурию, от которого Синод потребовал объяснений. И если ситуация с самим Клеандровым архиерею была известна и понятна, то письмо Лаврского его неприятно удивило. Первенствующий член консистории действительно позволил себе весьма критические высказывания о характере Гурия и его методах управления. Чего стоит фраза: «астрономические предсказания о перемене погоды, при всем несовершенстве наших метеорологических сведений, больше имеют шансов на оправдание, чем предсказания о бурях и дождях – ранних и поздних – исходящих от архипастырской кафедры»¹⁰³. Или пассаж о сердце архипастыря, «от которого изливается и столько милости и столько горя на епархию». Гурию подобные характеристики показались в «высшей степени обидными», тем более что их автором был человек, по словам самого преосвященного, более других пользовавшийся его доверием в епархии. В своей резолюции епископ отметил, что «едва ли после этого инцидента он (Лаврский – *прот. М. К.*) может пользоваться не только доверием, но и уважением»¹⁰⁴.

Не все подчиненные выражали свое недовольство епископом Гурием и его методами управления столь сдержанно и интеллигентно. Бывали случаи, когда клирики доходили до оскорблений и брани в адрес преосвященного. Сам Гурий в

---

¹⁰² Проект донесения Св. Синоду по двум жалобам священника М. Клеандрова (с. Ивановка Николаевского уезда) на епархиальное начальство // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 346. Л. 1–2.

¹⁰³ Проект донесения Св. Синоду по двум жалобам священника М. Клеандрова. Л. 10 об.

¹⁰⁴ Там же. Л. 12 об.

одной своей резолюции упоминает как 5 июля 1900 г. во время объезда Бугульминского уезда в с. Александровка на него набросился священник Алексей Топорнин, который был изрядно нетрезв. Топорнин не только поносил епископа самыми дерзкими словами, «но, по-видимому, имел намерение нанести оскорбление действием»¹⁰⁵. Только вмешательство местного исправника предотвратило более агрессивные действия со стороны священника.

Особый акцент в своем архипастырском служении на Самарской земле (как и ранее на Дальнем Востоке) владыка Гурий делал на миссионерстве. Естественно, что такая активность вызывала необходимость частых путешествия по епархии. В Самарской епархии конца XIX века при этом насчитывалось уже более 700 приходов¹⁰⁶. Кроме размера епархии владыка столкнулся и с общей для всей Русской Церкви проблемой – обильным и весьма неповоротливым бумажным делопроизводством, которое отнимало массу времени. Одним из самых актуальных вопросов правления епископа Гурия был вопрос о помощнике правящего архиерея. В результате в 1901 г. в Самарской епархии появляется первое викариатство – Николаевское. В данной главе мы подробно рассматриваем вопрос о его возникновении, функционировании и изменении статуса.

Еще одним аспектом, получившим в рассматриваемый период особую актуальность, являются взаимоотношения правящего епископа и епархиального съезда духовенства. И здесь характер епископа Гурия также оказал влияние на развитие этих взаимоотношений. Почти сразу по прибытии на Самарскую землю владыка столкнулся с сложной ситуацией конфликта между консисторией и съездом духовенства. Приняв сторону консистории, епископ Гурий инициировал пересмотр принципов устройства епархиальных съездов, в результате чего они превратились из собрания выборных депутатов в собрания благочинных (или их помощников).

Ситуация изменилась с приходом епископа Константина (Булычева), который управлял Самарской епархией с 1904 по 1911 гг. В 1905 г. он

---

¹⁰⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 17 июля 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 4750. Л. 3.

¹⁰⁶ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1896 г. // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1638. Л. 18.

распорядился вернуть выборы делегатов на епархиальные съезды. Во время пребывания на кафедре епископа Константина серьезных столкновений между преосвященным и съездом духовенства не было, несмотря на то, что первые годы проходили в не самой спокойной, революционной обстановке. В сложившейся ситуации епископ поддерживал некоторые инициативы духовенства, как например расширение полномочий благочиннических советов¹⁰⁷. Правда в других случаях архиерею приходилось отменять смелые решения съезда, когда те выходили за рамки епархиальной компетенции. Так было, например, с выборностью благочинных, которую съезд пытался возродить в 1906 г.¹⁰⁸. Что же касается распределения епархиальных средств, то епископ Константин предпочитал не вмешиваться в споры на эту тему. Характерна его резолюция по поводу ожесточенного противостояния из-за денег погребальной кассы: «Делать же своею властью какие-либо распоряжения по вопросу о расходовании денежных средств, составляющих личную собственность духовенства, считаю себя не вправе, да и не имею времени входить в подробное рассмотрение таких вопросов»¹⁰⁹.

В целом же епископ Константин являл собой в определенном смысле противоположность владыке Гурию. Судя по всему, человеком он был мягким, неконфликтным, склонным в некоторых случаях проявлять нерешительность. С уважением и теплом вспоминал о нем бывший самарский вице-губернатор И. Ф. Кошко: «Это был еще молодой человек, чрезвычайно симпатичной наружности, очень хороший, сердечный человек... Преосвященный отличался необыкновенной простотой и доступностью. По убеждениям своим он был твердый сторонник порядка, но никакой страстности и боевого задору в нем не было»¹¹⁰. Схожую характеристику дает и близко знавший епископа Константина протопресвитер Георгий Шавельский: «Не выделяясь особыми дарованиями, он,

---

¹⁰⁷ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1905 г. // СЕВ. 1905. № 20 (оф. ч.). С. 844.

¹⁰⁸ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1906 г. // СЕВ. 1906. № 19 (оф. ч.). С. 388.

¹⁰⁹ Доклад экстренному съезду Комитета Епархиального свечного завода по фонду стипендий от 10 мая 1911 г. // СЕВ. 1911. № 15 (оф. ч.). С. 422.

¹¹⁰ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905 – 1914 г.). Новгород-Самара-Пенза. Петроград, 1916. С. 92.

однако, чрезвычайно располагал к себе своей настроенностью, честностью, добротой»¹¹¹.

На время управления Самарской епархией епископом Константином пришелся указ Синода о проработке вопросов для планировавшегося Поместного Собора. По благословению Владыки была создана специальная комиссия, в которой были собраны основные интеллектуальные силы епархии: ректор семинарии архимандрит Вениамин (Казанский), кафедральный протоиерей Валериан Лаврский, председатель епархиального училищного совета протоиерей Илья Маслов, протоиерей Арсений Жданов, член консистории священник Афанасий Рождественский и преподаватель семинарии Павел Преображенский. Кроме того, для обсуждения некоторых вопросов привлекались: инспектор семинарии Димитрий Дубакин, смотритель духовного училища Димитрий Смирнов, член консистории протоиерей Кронид Иванов, священник Иоанн Беневольский, епархиальный миссионер священник Димитрий Александров, священники Евгений Кесарев и Василий Красносамарский¹¹². Комиссия заседала в архиерейском доме (первое заседание состоялось 26 августа 1905 г.).

Результатом работы данной комиссии в ноябре 1905 г. стал отзыв епископа Константина. О том насколько конечный текст отзыва был близок к рекомендациям комиссии можно судить, например, по разделу о церковном суде, который является детально проработанным. Материалы комиссии, касающиеся судебной реформы, печатались в Самарских епархиальных ведомостях в течение 1906 г.¹¹³. При сравнении их с соответствующим разделом отзыва видно практически буквальное совпадение. Таким образом, епископ Константин не считал нужным вносить какие-либо коррективы в данный раздел. К сожалению не все рабочие материалы комиссии сохранились, но мы можем предположить, что владыка доверял компетентности и опыту ее членов и не сильно вмешивался в ее работу. По крайней мере, в случае расхождения мнений, он давал право озвучить

---

¹¹¹Шавельский Г., *протопресвитер*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М., 2010. С. 275.

¹¹² Материалы по указу Св. Синода от 27 июля 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6974. Л. 1.

¹¹³ См.: Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 2. С. 45–61; № 6. С. 245–253; № 7. С. 346–351; № 8. С. 346–351 и № 9. С. 372–383.

свою позицию разным сторонам. Так, в отзыв помимо основных предложений комиссии по реформе духовных школ (объединение семинарий и училищ в единое общеобразовательное учреждение и создание отдельных богословских училищ), вошло особое мнение правления Самарского духовного училища, предлагавшего сохранить *status quo* (с разделением семинарии на три общеобразовательных и три специально-богословских класса)¹¹⁴.

В целом же отзыв производит впечатление достаточно взвешенного, умеренно-реформационного документа. О достаточно прямой критике ограничений канонических полномочий епархиальных архиереев со стороны центральной власти мы уже выше говорили. Что же касается вопросов внутриепархиального управления, то здесь предполагался ряд преобразований, касавшихся в первую очередь реорганизации консистории на принципах частичной выборности. Подробнее речь об этих предложениях идет в соответствующем параграфе данной работы.

Самые серьезные внутриепархиальные коллизии начала XX в. возникли в Самаре при сменившем епископа Константина осенью 1911 г. Симеоне (Покровском). Эти противоречия омрачили все недолгое (два года) время правления владыки Симеона. Некоторые современники возлагали ответственность за сложившуюся ситуацию целиком на архиерея. Такая оценка содержится, например, в воспоминаниях дочерей священника Сергия Самуилова¹¹⁵, которые цитируются современными исследователями¹¹⁶. Однако существующие данные позволяют усомниться в правоте такого одностороннего взгляда, что мы и постарались показать в параграфе, посвященном епархиальным съездам, опираясь на его журналы и периодическую печать.

Существующие данные говорят о владыке Симеоне как об архиерее, который управлял епархией исключительно из Самары. Нет свидетельств того, чтобы епископ за два года своего служения посещал другие населенные пункты кроме Николаевска. В Самаре же он служил в основном в двух храмах:

---

¹¹⁴ Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 554–565.

¹¹⁵ Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. Острая Лука 1908 – 1926. СПб., 1996. С. 129.

¹¹⁶ Якунин В. Н. История Самарской епархии. Тольятти, 2011. С. 76.

кафедральном соборе и Крестовой церкви Архиерейского дома, посещая другие приходы в дни престольных праздников. Из положительных моментов необходимо отметить особое попечение епископа Симеона об учебных заведениях, которые он посещал очень часто в течение всего учебного года. Причем речь идет не только о духовных учебных заведениях, но и о светских. Только в мае 1913 г. владыка совершил 17 таких визитов, побывав в семинарии, духовном училище, женском училище, коммерческом училище, церковно-учительской школе и нескольких гимназиях¹¹⁷.

Епископ Симеон скончался в 20 ноября 1913 г., через четыре месяца после епархиального съезда, ставшего кульминационной точкой в противостоянии между архиереем и самарским духовенством. На овдовевшую кафедру в декабре 1913 г. был назначен архиепископ Питирим (Окнов), которому предстояло столкнуться с непростой ситуацией. В Самаре, в свою очередь, с настороженностью ожидали приезда нового архипастыря, который состоялся более чем через два месяца после смерти Симеона – 26 января 1914 г.

С самого своего прибытия архиепископ Питирим повел себя несколько нестандартно. Еще только направляясь в Самару, он высказал пожелание, чтобы его не встречала на подъездах к городу специальная депутация, что вызвало удивление у самарского духовенства. «Это скромное желание Его Высокопреосвященства поразило всех, так как думали и были уверены, что величие епископского сана непременно требовало такой, вполне отвечающей требованиям момента встречи...»¹¹⁸. Тем более что предыдущих самарских архиереев именно так и встречали.

Через два дня после прибытия архиепископа Питирима в Самаре должен был открыться экстренный съезд епархиального духовенства, посвященный болезненному вопросу постройки нового здания для женского училища. По устоявшейся традиции представители от депутатов съезда должны были посетить архиерея, чтобы получить благословение на свою работу. Сами самарские

¹¹⁷ Архипастырские посещения учебных заведений // СЕВ. 1913. № 11 (неоф. ч.). С. 542–543.

¹¹⁸ К. П. С-ый. Прибытие в г. Самару его высокопреосвященства высокопреосвященнейшего Питирима, архиепископа Самарского и Ставропольского // СЕВ. 1914. № 4 (неоф. ч.). С. 153.

епископы никогда не посещали заседаний съезда, лишь получая на рассмотрение и утверждение его журналы. Владыка Питирим впервые посетил заседания съезда, причем дважды (в начале и конце), чем произвел неизгладимое впечатление на депутатов. Один из них писал: «Всеми чувствовалось, что мы теперь не одни, что есть у нас добрый Отец, и этот Отец среди нас... Его прощальное напутственное слово к нам, депутатам окончательно искоренило всю вражду среди депутатов и поселило в душах и сердцах наших мир не временный, а вечный!»¹¹⁹.

В течение следующего полугодия, до своего перевода в Грузию, владыка Питирим всячески старался показать свое единство с самарским духовенством и внимание к его нуждам. Он утвердил все журналы экстренного съезда, а также сочувственнее, чем предыдущий архиерей, отнесся к идее поддержки учащих детей духовенства. Он разрешил создать особый «романовский» (в честь юбилея 1913 г.) фонд и выдать уже в 1914 г. 300 стипендий.

Мы оставляем за скобками вопрос о том, были ли все описанные выше действия преосвященного Питирима продиктованы природной скромностью и любовью к новой пастве, или же это был трезвый расчет опытного церковного политика. В любом случае такая модель управления помогла архиерею в сжатые сроки расположить к себе самарское духовенство. И не таким удивительным кажется упоминание о том, что всего за полгода пребывания в Самаре (до июня 1914 г.) архиепископ Питирим стал «кумиром города»¹²⁰.

На смену владыке Питириму прибыл последний дореволюционный самарский преосвященный – епископ Михаил (Богданов), который до того был викарным Чебоксарским. При нем в 1916 г. Самарская епархия была подвергнута полномасштабной ревизии, которую проводил симбирский преосвященный Вениамин (Муратовский). Проверка вскрыла множество проблем в епархиальном управлении. Так, много было претензий к кадровой политике епископа Михаила. В некоторых случаях он спрашивал у консистории не только справку о местах и

¹¹⁹ *Самарский депутат*. Впечатление от экстренного съезда // СЕВ. № 5 (неоф. ч.). С. 195–196.

¹²⁰ *Фирсов С. Л.* Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова). С. 59.

просителях, но и мнение консистории о достоинстве кандидата. Это противоречило 70-й статье Устава духовных консисторий, которая возлагала заботы по выяснению достоинств просителя на архиерея. Но по большинству дел о назначении епископ Михаил полагал резолюцию вообще без всяких справок консистории. Что в свою очередь являлось нарушением синодальных распоряжений, согласно которым документ о благонадежности был нужен при всяком назначении.

Справедливости ради надо сказать, что отчасти причина злоупотреблений коренилась в самом Уставе духовных консисторий, который, с одной стороны, гласит: «Рукоположение в священный сан есть дело, принадлежащее непосредственному рассмотрению и решению епархиального архиерея, который удостоверяется в достоинстве ищущего посвящения». Но, с другой стороны, время здесь же читаем: «...впрочем дела об определении на священнослужительские и причетнические места и посвящении входят в консисторию как для составления справок и собрания сведений о месте и лице, ищущем занять оное, так и для прочего, по существу и обстоятельствам сих дел, производства»¹²¹. Комиссия констатировала, что в Самарской епархии такие отзывы получались «спустя много времени после определения на псаломщические места просителей из крестьян, мещан и разночинцев, совершенно неизвестных епархиальному начальству»¹²².

Кроме этого, епископ Михаил назначал на должности псаломщиков лиц, исключенных из духовного звания, а также лиц, состоящих на службе по другому ведомству без предварительного сношения с подлежащим начальством. Назначались псаломщиками лица, бывшие под судом и отбывавшие срок. Назначались на места люди без документов об их правах и исполнении воинской повинности, люди заведомо несвободные от воинской повинности, что вызывало трения между консисторией и воинскими присутствиями. Кроме того, назначались люди на невакантные места, притом не по одному человеку. В

---

¹²¹ Устав духовных консисторий. С. 120.

¹²² Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7092. Л. 12.

результате епископу приходилось отменять свои же резолюции, что несомненно роняло его авторитет.

Также самарский преосвященный нередко назначал людей совершенно неспособных (особенно на должности псаломщиков). Без образовательного ценза, проваливших экзамены (получивших до трех неудовлетворительных баллов). Некоторых ставили с условием сдать экзамены в течение первого года службы, другим разрешалось сдавать экзамены при благочиннических советах (хотя на этом уровне такие испытания не должны были проводиться)¹²³.

Практиковал епископ Михаил и частое перемещение клириков. Некоторые за 1,5 года его правления переводились по 2 раза¹²⁴. Существовала также практика назначать священников на диаконские, а диаконов на псаломщицкие вакансии, что конечно же роняло уважение к сану. При этом Синод еще в 1910 г. признал такую практику нецелесообразной¹²⁵. Владыка, судя по всему, не обращал внимание и на многие другие условности. Так, он награждал клириков, когда угодно, нарушая трехлетние междуправительственные сроки. Кроме того, награждал, зачастую не запрашивая консисторию об этих лицах. Были даже случаи награждения лиц, состоящих под судом с последующей отменой этих наград.

Особенно комиссия указывала на то, что надзор за монастырями в Самарской епархии поручался не особым благочинным, а благочинным приходских церквей, что было не согласно с практикой других епархий и 64-й статьей Устава духовных консисторий¹²⁶. Этот пункт претензий епископ Михаил исправил быстро и уже в конце года отчитывался в Синод о наличии трех монастырских благочинных¹²⁷. Синод постановил епископу Михаилу принять к сведению все указания, обратив также внимание на претензии к консистории. Кроме того, было решено прислать специальную ревизию на епархиальный свечной завод и обратить внимание Синодального контроля на ведение казначейства консистории.

---

¹²³ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 13.

¹²⁴ Там же. Л. 13 об.

¹²⁵ Там же. Л. 14.

¹²⁶ Там же. Л. 15.

¹²⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2761. Л. 10 об.

В том же 1916 г. была предпринята попытка в общецерковном масштабе освободить епархиальных архиереев от части бумажной работы, для того, чтобы последние могли больше времени уделять непосредственному руководству церковной жизнью в епархиях. В марте 1916 г. появилось соответствующее определение Св. Синода. Согласно этому документу, меры, которые в нем были прописаны, носили временный характер и вводились, «не ожидая издания нового закона об устройстве епархиального управления и не отменяя, в соответствующем порядке, действующих ныне законов – уст<ава> дух<овных> конс<историй>, уставов духовно-учебных заведений и других узаконений»¹²⁸. Основным способом разгрузки правящих архиереев заключался в том, что часть дел передавалась, «впредь до указания опыта и минования переживаемых Родиною особых условий жизни, в распоряжение викарных преосвященных». На утверждение правящего архиерея должны были поступать из консистории только самые важные дела: назначение священников, благочинных, духовных следователей, наместников монастырей, наградные дела, построение храмов, учреждение новых приходов и монастырей, дела судебные по правонарушениям духовенства (по этим делам необходимо было предварительное решение викарного епископа), назначение и изменение жалования клирикам, а также финансовые вопросы, такие как расходование сумм на приходские нужды, а также торговля и аренда. В сфере ответственности правящего преосвященного находились также дела по управлению архиерейским домом, съездам епархиального духовенства, устройству епархиальных свечных заводов, функционированию епархиального училищного совета, духовной семинарии (кроме дел хозяйственных), миссионерских учреждений, а также и тех институций, в которых епархиальный архиерей являлся председателем.

Викарным епископам были переданы некоторые приходские дела: вопросы, касающиеся ремонта храмовых зданий, управления земельными и лесными приходскими угодьями, а также тяжёлые и вообще денежные дела. К викариям

---

¹²⁸ Определение Святейшего Синода от 8–9 марта 1916 г. о мерах к освобождению епархиальных преосвященных от части дел епархиального управления // ЦВ. 1916. №. 11. С. 84.

также перешло право назначать на целый ряд должностей: членов благочиннических советов, помощников благочинных, а также учителей Закона Божьего. Из ведения епархиальных архиереев к викариям перешли пенсионные дела, дела, касавшиеся монашеских постригов и зачисление в число монастырской братии, о присоединении к православию инославных, дела страховые, епитимийные, по метрическим записям, а также приходские братства и попечительства, и расторжения церковных браков. Викарии должны были осуществлять контроль над епархиальными училищами, псаломщицкими школами, попечительствами о бедных духовного звания, эмеритальными кассами, богадельнями, приютами и другими благотворительными учреждениями¹²⁹. Необходимо отметить, что для Самарской епархии данные меры серьезного облегчения принести не могли. В 1916 г. местный викарий, епископ Уральский и Николаевский, был практически полунезависимым архиереем с обширной подведомственной территорией и не мог взять на себя дополнительной нагрузки.

Таким образом, мы видим, что начало XX в. обострило многие проблемы епархиального управления Русской Церкви. Одной из основных, лежавших на поверхности, являлось несоответствие медленно модернизирующейся системы управления динамично меняющимся условиям жизни Церкви и общества. Это касалось в значительной степени и института епископской власти. Размер епархий, рост численности населения, увеличение количества приходов приводили к тому, что правящий архиерей был настолько обременен текущими делами, что практически не мог посещать подведомственную ему территорию. Последний дореволюционный самарский преосвященный, епископ Михаил (Богданов) в своих отчетах писал, что за год посещал не более десяти населенных пунктов, а епископ Симеон (Покровский) вообще практически не покидал Самару. Естественно, при таких условиях говорить о близком знакомстве преосвященного с состоянием своей епархии не приходится. При этом сохранявшийся до 1917 г. принцип, по которому границы епархии должны были соответствовать границам губерний также не способствовал облегчению дела.

---

¹²⁹ Определение Святейшего Синода от 8–9 марта 1916 г. С. 85.

Неслучайно разукрупнение епархий было одним из самых обсуждаемых вопросов на Поместном Соборе 1917 – 1918 гг.

Предпринятые в 1916 г. меры ощутимого улучшения ситуации не принесли. По ряду причин, о которых речь идет ниже, разгрузить управление в Самарской епархии при помощи создания викариатства тоже не удалось. Еще одной важной проблемой епархиального управления, как мы увидели, было в начале XX в. нарастание напряженности между правящим архиереем и епархиальными съездами. Стремление приходского духовенства к расширению своего участия в управлении епархией нередко наталкивалось на уверенность архиерея в необходимости сохранения полноты своих административных полномочий. Судя по всему, не все самарские преосвященные подобно Константину (Булычеву) были готовы признать за духовенством право отстаивать свои интересы. Последний хотя бы такую возможность не отрицал: «Быть может, следовало бы признать наличие известных корпоративных нужд и интересов духовенства, как определенной общественной группы, и точно определить законные пределы этих нужд и потребностей и пути к их удовлетворению»¹³⁰. Коллизии начала века предвосхищали гораздо более серьезные конфликты, начавшиеся в Церкви в марте 1917 г.

1.2. Николаевское и Уральское викариатства в структуре самарского епархиального управления начала XX века

Самарская епархия, основанная в 1851 г., была одной из стремительно развивавшихся территорий Русской Православной Церкви. К 1900 г. численность населения губернии составляла около 3 млн. человек, из которых православных вместе с единоверцами было 2239691 человек¹³¹. Неудивительно, что в начале XX в. остро встал вопрос об эффективности управления столь крупной территорией с большим количеством приходов, которые правящий архиерей, как мы видели, не

¹³⁰ Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 543.

¹³¹ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. Самара, 1900. С. 68.

всегда регулярно посещал. Кроме того, в епархии была непростая ситуация с расколом, было много единоверческих приходов, активизировалась миссионерская деятельность. Все это актуализировало вопрос о викарии, который бы помогал правящему архиерею в делах управления епархией и координировал бы миссионерское направление. Вопрос этот был общецерковным, что подтверждается и количеством учрежденных викариатств. В период с 1894 по 1917 гг. их было открыто 59¹³².

В ноябре 1900 г. епископ Гурий (Буртасовский) обратился в Синод с предложением учредить в Самарской епархии викариатство. Назначить викарием он предлагал архимандрита Тихона (Оболенского), настоятеля Спасо-Преображенского единоверческого монастыря Николаевского уезда. Аргументируя свой выбор, епископ Гурий пишет: «В продолжение почти девятилетнего своего служения он (архим. Тихон – *прот. М. К.*) вполне оправдал доверие к нему Св. Синода по назначении его, в 1892 г., на должность настоятеля названного монастыря»¹³³. В характеристике отмечается, что, обладая богатыми способностями и добрыми нравственными качествами, архимандрит Тихон, «сумел привить дух православия» не только братии своего монастыря, но и других соседних единоверческих обителей. Кроме того, кандидат имел огромное влияние на местных старообрядцев, «благодаря которому в настоящее время в них не усматривается того грубого фанатизма, каким они отличаются... Такое влияние его простирается на раскольников почти всего Николаевского, весьма обширного, уезда. Не без пользы и успеха он ведет беседы о православии и с сектантами...»¹³⁴.

Саму необходимость учреждения викариатства епископ Гурий видел в «усиленной деятельности духовенства по народному образованию и миссионерскому влиянию по просвещению язычников, состоящих под сильным

¹³² Предыдущая волна открытия викариатств приходится на конец 1860-х гг., когда с 1865 по 1870 г. их было учреждено 15.

¹³³ Представление епископа Гурия (Буртасовского) в Святейший Синод с характеристикой архимандрита Тихона (Оболенского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 2.

¹³⁴ Представление епископа Гурия (Буртасовского) в Святейший Синод с характеристикой архимандрита Тихона (Оболенского). Л. 2.

влиянием магометанства, и обращению в православие раскольников и разного рода сектантов»¹³⁵. С назначением викарием Тихону представилась бы возможность расширить свою пастырскую и миссионерскую деятельность по всей Самарской епархии. Однако речь шла не только о помощи правящему архиерею по общепархиальным делам. Особые полномочия викарий должен был получить в отношении уездов Николаевского и Новоузенского, «как ближайших к месту его пребывания»¹³⁶.

17 декабря 1900 г. был высочайше утвержден доклад Синода, учреждавший в Самарской епархии викариатство. В указе говорилось, что викарная кафедра учреждается на местные средства. Наречение и хиротония архимандрита Тихона (Оболенского) в епископа Николаевского должны были состояться в Самаре¹³⁷. Данный указ был получен в Самаре уже 3 января 1901 г. Наречение состоялось 13 января в самарском кафедральном соборе, а сама хиротония – на следующий день там же в сослужении епископов: Самарского Гурия (Буртасовского), Оренбургского Владимира (Соколовского-Автономова), Симбирского Никандра (Молчанова) и Чебоксарского Иоанна (Смирнова). Уфимский преосвященный Антоний (Храповицкий) опоздал из-за неполадок на железной дороге и вышел уже только на вручение жезла епископу Тихону¹³⁸. Громадный кафедральный собор, по сообщению епархиальных ведомостей, едва вмещал желавших посмотреть на это невиданное для Самары священнодействие. В богослужении участвовали шесть единоверческих священников, для которых архимандрит Тихон много лет был старшим товарищем и наставником. В храме присутствовали даже раскольники, которым «заблаговременно епарх<иальный> миссионер о. Александров раздал билеты на право входа в собор»¹³⁹.

¹³⁵ Представление епископа Гурия (Буртасовского) в Святейший Синод с характеристикой архимандрита Тихона (Оболенского). Л. 2 об.

¹³⁶ Там же. Л. 3.

¹³⁷ Высочайшие повеления // ЦВ. 1901. № 1. С. 2–3.

¹³⁸ Донесение епископа Гурия (Буртасовского) в Святейший Синод от 15 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 9–9 об.

¹³⁹ Наречение и хиротония настоятеля Спасо-Преображенского единоверческого (Николаевского уезда, Самарской губ.) монастыря, архимандрита Тихона, в епископа Николаевского, викария Самарской епархии // СЕВ. 1901. № 3 (оф. ч.). С. 143.

Местом пребывания для епископа Николаевского был определен все тот же Спасо-Преображенский монастырь, который должен был содержать vikария, чье жалование составляло 1500 рублей. Во время своих приездов в Самару (на время отсутствия правящего архиерея) vikарий останавливался в каменном флигеле архиерейского дома. Своей канцелярии первоначально vikарный епископ не имел; письмоводительские обязанности выполнял вольнонаемный писец самарской консистории К. Щербаков. Консистория предлагала оплату труда письмоводителя возложить также на монастырь, однако епископ Гурий в своей резолюции настоял на том, что жалование «должно идти из экономических сумм консистории, по крайней мере временно»¹⁴⁰.

Самым интересным был вопрос о полномочиях и обязанностях vikарного архиерея. Через четыре дня после хиротонии, 18 января, Епископ Гурий запросил консисторию о соображениях по данному вопросу. Последняя в своем журнале от 22 января 1901 г. дала список дел, которые, по ее мнению, должны относиться к ведению vikарного епископа. Список этот состоял из двух частей: 1) дела общепархиальные и 2) дела по уездам Николаевскому и Новоузенскому.

По всей епархии: 1) заведование всеми единоверческими приходами и монастырями во всех отношениях; 2) По проповеди: а) назначение очередных проповедей и катехизических поучений в соборах и приходских церквях (кроме Самары) и б) о воскресных внебогослужебных поучениях; 3) о наблюдении за неисполнением христианского долга и назначение епитимий за небытие на исповеди; 4) ревизия обыскных книг и других церковных документов; 5) рассмотрение журналов благочиннических съездов духовенства и окружных училищных съездов, не требующих безотлагательного распоряжения и 6) рассмотрение годичных и полугодичных отчетов благочинных.

По Николаевскому и Новоузенскому уездам: 1) обращение сектантов и иноверцев в православие; 2) разрешение малолетних браков и браков в родстве; 3)

---

¹⁴⁰ Журнал Самарской духовной консистории от 30 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 22.

посвящение в стихарь; 4) назначение законоучителей светских училищ; 5) контроль за приходскими попечительствами¹⁴¹.

Епископ Гурий, судя по всему, видел полномочия своего помощника несколько шире. На журнале консистории он наложил резолюцию: «Со своей стороны, я полагаю бы, кроме означенных дел, предоставить право преосвященному викарию, по предварительному соглашению с епархиальным епископом, но по личному его усмотрению, для пользы службы, перемещения с места на место, в пределах Николаевского и Новоузенского уездов, как священнослужителей, так и псаломщиков...»¹⁴². Гурий предлагал также передать викарию все дела по награждению достойных клириков по его двум уездам¹⁴³.

Консистория, однако, не согласилась с правящим архиереем. Чиновники совершенно логично предположили, что дарование таких полномочий епископу Тихону вызовет массу жалоб и ходатайств со стороны перемещенных викарием клириков к епархиальному архиерею, как к высшей власти. Будет много лишней переписки, а в случае если правящему архиерею придется отменить какие-либо решения викария, откроется простор для конфликтов. В результате было принято решение остановиться на первом варианте, предложенном консисторией, который и был напечатан в епархиальных ведомостях¹⁴⁴.

На деле оказалось, что процесс настройки и отладки механизма взаимодействия викарного епископа с епархиальными институтами – достаточно длительный и сложный. Инстанции еще очень долго путались и обращались не туда, куда следовало бы в новых условиях. Так, уже в конце 1902 г. секретарь епископа Гурия Николай Тихомиров сообщал правящему архиерею, что до сих пор в канцелярию епархиального архиерея обращаются как консистория, так и благочинные единоверческих церквей по делам последних. Канцелярия в связи с

---

¹⁴¹ Журнал Самарской духовной консистории от 22 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 19–20.

¹⁴² Там же. Л. 19.

¹⁴³ Необходимо отметить, что делегирование викарию широких полномочий на части территории епархии ставило его в сомнительное с канонической точки зрения положение. Апостольские правила предписывают епископам «творить же каждому только то, что касается до его епархии и до мест к ней принадлежащих» (34-е правило). В случае же с викарием в границах нескольких уездов появлялась двойная юрисдикция.

¹⁴⁴ Круг дел, подлежащих ведению преосвященного викария Самарской епархии // СЕВ. 1901. № 5 (оф. ч.). С. 29–30.

этой перепиской превратилась в «передаточную инстанцию», что нарушает порядок, утвержденный больше года назад, да и вообще «неудобно для деловодства по единоверческим делам»¹⁴⁵.

В своей резолюции на этом рапорте сам епископ Гурий сетовал, что с самого момента передачи викарию дел по единоверию он не получает никаких сведений, необходимых ему для составления отчета в Синод. По этой причине Гурий принял решение вернуть единоверческие дела в ведение епархиального архиерея и дал консистории распоряжение известить об этом как епископа Тихона, так и единоверческие приходы, и монастыри¹⁴⁶.

Что же касается помощи по общепархиальным делам, то тут тоже возникли сложности по причине отдаленности Николаевска от Самары. Так, например, предполагалось, что викарий избавит правящего архиерея от необходимости просматривать журналы окружных училищных съездов (по крайней мере, эта обязанность числилась в разряде дел «по всей епархии»). В результате к епископу Тихону попадали в лучшем случае журналы ближайшего Николаевско-Новоузенского округа; остальные по-прежнему просматривал епархиальный архиерей.

Таким образом, размер помощи викарного архиерея оказался не таким большим, как ожидалось. Епископ Гурий скоро понял все неудобства такого положения. Осенью 1903 г. он писал консистории, что имеет «намерение ходатайствовать пред Св. Синодом о перемещении резиденции викария в Самарский Николаевский монастырь, чтобы быть ему... по епархиальному управлению в помощь мне»¹⁴⁷. Мы не имеем точных сведений о том, успел ли епископ Гурий отправить ходатайство в Синод до того, как его самого в апреле 1904 г. перевели на кафедру в Симбирск и возникал ли данный вопрос при его преемнике, епископе Константине (Булычеве). В любом случае в 1908 г.

---

¹⁴⁵ Доклад секретаря епископа Самарского и Ставропольского Н. Тихомирова от 11 ноября 1902 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864. Л. 31–32.

¹⁴⁶ Там же. Л. 31.

¹⁴⁷ Отношение епископа Гурия (Буртасовского) в Самарскую духовную консисторию от 17 сентября 1903 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4609. Л. 1.

перемещение викария в Самару стало совсем неактуальным ввиду присоединения Уральской области и изменения статуса викария.

В 1908 г. в административно-территориальном устройстве Самарской епархии произошли серьезные изменения. В ее состав была передана Уральская область, ранее подчинявшаяся церковному отношению Оренбургскому епископу. При общем контроле со стороны правящего Самарского и Ставропольского епископа она должна была непосредственно подчиняться викарию, чей титул в связи с этим был изменен с «Николаевский» на «Уральский»¹⁴⁸.

В результате данного изменения границ Самарской епархии существенно увеличилась как ее территория, так и численность населения. Область Уральского казачьего войска была образована в 1868 г. По площади она занимала четвертое место среди регионов европейской части Российской империи. Из 284 411 кв. верст (примерно 303 182 кв. км) 62 067 кв. версты принадлежали казакам Уральского войска, а остальная территория была государственной собственностью, которой пользовались киргизы (казахи)¹⁴⁹.

Общая численность населения Уральской области по официальным данным составляла 743 818 человек. Однако цифра эта приблизительна, так как численность кочевников подсчитать было сложно. Точна лишь цифра проживавших на собственно войсковой территории – 259378 человек. Из них: православных было 102958 человек, единоверцев – 69183, старообрядцев – 68580, мусульман – 17348. При этом большинство уральских казаков было или старообрядцами (66249) или единоверцами (65783), а православными всего 3860 человек. Напротив, люди невойскового сословия («иногородние») были в основном православными – 99098¹⁵⁰. Всего войсковому сословию принадлежали 144678 человек, следовательно, старообрядцев была почти половина.

Епископ Тихон получил в управление область почти на 2/3 населенную мусульманами-киргизами, где из всего христианского населения около половины составляли старообрядцы и единоверцы. Такое соотношение ставило перед

---

¹⁴⁸ Высочайшие повеления // ЦВ. 1908. № 48. С. 351.

¹⁴⁹ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. Уральск, 1908. С. 75.

¹⁵⁰ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. С. 83.

викарием в первую очередь миссионерские задачи и требовало корректировки его полномочий. Действительно, права уральского епископа были значительно шире, чем ранее у епископа Николаевского. Он получил право определять, увольнять и перемещать клириков в пределах области, самостоятельно заведовать делами церковного и монастырского хозяйства, приобретать и рассылать бланковые листы для метрических книг и других церковных документов¹⁵¹. Таким образом, мы видим, что были реализованы те предложения, которые еще в 1901 г. выдвигал епископ Гурий при учреждении викариатства.

В отношении следственных дел, касающихся клириков Уральской области, был установлен порядок, согласно которому все подобные дела перед утверждением их Самарским архиереем присылались на просмотр епископу Тихону¹⁵². Все остальные дела (приходские, наградные) были оставлены в ведении епархиального архиерея.

В связи с расширением полномочий и ростом количества дел, входящих в сферу ответственности викарного архиерея, была создана канцелярия уральского епископа. Состояла она всего из двух человек: секретаря и казначея. Вплоть до 1917 г. эти должности занимали соответственно священники Иоанн Хованский и Мирон Саблин. Им полагалось жалование: первому – 600 р., а второму – 300.

В 1914 г. Синод дополнительно расширил права викария. В его ведение перешли дела о награждении и представлении к наградам как священно-церковнослужителей, так и других лиц, а также право открытия и закрытия приходов и вопросы материального обеспечения духовенства. Все перемещения священнослужителей из викариатства за его пределы и наоборот теперь можно было только с согласия викарного епископа¹⁵³. Таким образом, правящий архиерей утратил право единолично перемещать клириков викариатства.

Епископ Тихон сносился по всем вышеозначенным делам непосредственно с Синодом, лишь ставя в известность о своих действиях правящего архиерея. Центральные учреждения духовного ведомства в делах, касающихся Уральского

---

¹⁵¹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727. Л. 2.

¹⁵² Там же.

¹⁵³ О расширении прав Уральского викария // ПЦВ. 1914. № 47. С. 1979.

викариатства, в свою очередь «должны входить в непосредственное сношение с епископом Уральским или подчиненными ему учреждениями, причем в таких случаях епископу Самарскому или подчиненным ему учреждениям Самарской епархии посылаются только уведомительные бумаги»¹⁵⁴.

Уральская область делилась в церковном отношении изначально на 8 благочиний. К этому необходимо прибавить еще 2 благочиния единоверческих церквей и благочиние единоверческих монастырей в пределах всей епархии, так как вопросы, касающиеся единоверия вернули в ведение епископа Тихона в 1908 г. С этого времени он постоянно отчитывается о состоянии единоверия в епархии в своих отчетах¹⁵⁵. В 1914 г. под началом Уральского епископа состояло 12 благочиний, а в 1915 – уже 15.

Управление викариатством затруднялось целым рядом факторов. Епископ Тихон отмечал затянутость переходного периода в делопроизводстве. В отчете за 1910 г. он писал, что дела все еще находились в разных местах: Уральске, Оренбурге, Самаре¹⁵⁶. Были также технические проблемы в обозрении области, так как железная дорога была только до Уральска. Кроме того, жаловался преосвященный Тихон и на плохую работу почты¹⁵⁷.

Для Уральского викариатства самым животрепещущим был финансовый вопрос. Приходы в Уральской области были намного хуже обеспечены, чем в остальной Самарской епархии. Большинство приходов здесь не получали государственного жалования. Собственно, до 1909 г. казенное жалование получали 5 казачьих приходов и 3 переселенческих¹⁵⁸. Казаки со своей стороны также не проявляли рвения в материальном обеспечении духовенства. Так, в своем отчете епископ Тихон писал, что в 1909 г. войско решило отказать вновь открываемым приходам в жаловании, и лишь благодаря личному вмешательству наказного атамана В. И. Покотило эти приходы удалось отстоять¹⁵⁹. Кроме того,

---

¹⁵⁴ О расширении прав Уральского викария // ПЦВ. 1914. № 47. С. 1979.

¹⁵⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2414. Л. 38

¹⁵⁶ Там же. Л. 39.

¹⁵⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 62.

¹⁵⁸ Там же. Л. 44.

¹⁵⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год. Л. 64.

уральский епископ отмечал крайне тяжелую ситуацию с причтовыми домами и землей¹⁶⁰.

При распределении ежегодного дополнительного финансирования, полагавшегося Самарской епархии, Уральская область специально не выделялась и получала деньги по решению епархиального съезда, составлявшего списки нуждающихся приходов. Так, в 1910 г. из 8000 рублей, выделенных Самарской епархии, приходам Уральской области досталось 668 рублей¹⁶¹, а в 1911 г. – 828 рублей из 12 000¹⁶². Налицо снижение доли субсидирования викариатства с 8,35 % до 6,85 %. При этом съезд духовенства в 1911 г. определил долю, причитающуюся уральским приходам, как 1/12, но почему-то посчитал, что 1/12 от 12000 равняется 828 рублей¹⁶³. Кроме того, были у канцелярии Уральского епископа и претензии по самим спискам, составленным съездом духовенства, где наиболее бедными были указаны не те приходы, какие следовало указывать по факту.

С 1912 г. ситуация изменилась, и Синод стал указывать при выделении денег конкретную сумму на приходы Уральской области. Так, в 1912 г. Самарской епархии было выделено 13000 рублей, из которых 3000 – на содержание причтов викариатства¹⁶⁴. Эти деньги были разделены между 28 приходами области. При этом в некоторых из них жалование было определено впервые, а в некоторых увеличено. И все равно суммы были небольшими. Большинство священников получили 100–130 рублей, а псаломщики 15–30. Исключения были редкими и относились к приходам, терпящим бедственное положение или особо важным в миссионерском смысле.

Несмотря на это повышение финансирования, в 1913 г. в Уральской области все равно из 104 приходов 47 (т. е. практически половина!) совершенно не получали казенного жалования, так же, как и 2 единоверческих прихода, относящихся к ведению преосвященного Тихона¹⁶⁵. Столь бедственное положение

¹⁶⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 65.

¹⁶¹ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4868. Л. 116.

¹⁶² Там же. Л. 124.

¹⁶³ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 128.

¹⁶⁴ Материалы о распределении между причтами епархии вновь назначенного в 1912 г. казенного жалования, согласно списка приходов, составленного съездом духовенства сессии 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Д. 5029. Л. 51.

¹⁶⁵ Там же. Л. 90.

было, судя по всему, учтено Синодом при распределении финансирования. В 1913 г. Уральская область получила уже 5000 рублей из 15000 выделенных на Самарскую епархию, то есть 1/3 вместо 1/12 (доля, которую ранее для области определял съезд духовенства)¹⁶⁶. В 1914 г. было принято решение перевести все казачьи приходы на государственное содержание, что вызвало резкое увеличение расходов. Из 85000 рублей, выделенных Самарской епархии, 20731 рубль предназначался для тех причтов Уральской области, которые получали жалование из средств Уральского казачьего войска, с тем, чтобы выплаты из войсковых сумм были прекращены. Кроме того, из этих средств предполагалось повысить жалование причтам, получавшим менее т. н. «средненормальных» окладов¹⁶⁷.

Следует отметить, что, несмотря на назначение жалования всем казачьим приходам, их положение все же оставалось очень тяжелым. Для самарских приходив государственное жалование было скорее вспомогательными выплатами, кроме которых они имели другие источники доходов (доходы от причтовой земли, жалование от сельских обществ, проценты с капиталов и т.д.). Для уральского духовенства после отмены выплат из войсковых средств казенное жалование оставалось часто единственным источником дохода, при этом оно не всегда дотягивало до среднего.

Тесным образом с проблемой финансовой была связана и проблема кадровая. По словам епископа Тихона, из области постоянно «бежали» священники, причем, как правило, лучшие – те, кто мог устроиться в другом месте. Так в 1909 г. из викариатства перевелся священник Петр Аманацкий (с академическим образованием), бывший весьма авторитетным пастырем, а в 1910 г. Уральскую область покинул опытный миссионер, священник Василий Демидов из г. Илек, в 1911 г. – Павел Покровский из того же Илека, а в 1913 г. – священник Вениамин Плетнев. В 1915 г. сбежало еще 4 священника. «Порочных же ничем

---

¹⁶⁶ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 254.

¹⁶⁷ Материалы о распределении между причтами епархии вновь назначенного в 1912 г. казенного жалования, согласно списка приходив, составленного съездом духовенства сессии 1912 г. Л. 286.

выгнать нельзя», - отмечал в своем отчете епископ Тихон¹⁶⁸. Особенно владыка отмечал неустойчивость тех, кто закончил Московские пастырские курсы.

Финансовые и кадровые проблемы осложняли осуществление миссионерской деятельности, ради которой в значительной степени и учреждалось викариатство. С большим трудом создавалась структура областной миссии, зачастую на голом энтузиазме. В мае 1910 г. епископ Константин (Булычев) обратился в Синод с прошением о назначении специального миссионера для Уральской области. В сентябре появилось постановление о введении должности противосектантского и противораскольнического миссионера-проповедника для Уральской области с правами епархиального миссионера и с ассигнованием ему жалования из сумм Синода в размере 3000 рублей в год¹⁶⁹. Областным миссионером стал опытный миссионер, единоверческий священник Гавриил Алешин, начинавший свою деятельность еще мирянином в начале 1890-х¹⁷⁰. Неутомимым тружеником на ниве обращения старообрядцев был и сам епископ Тихон, который много путешествовал с миссионерскими целями, как по Уральской области, так и по Николаевскому и Новоузенскому уездам. Результатом миссионерской деятельности в Уральской области было ежегодно возрастающее число присоединенных старообрядцев. Так в 1909 г. их было 465 человек, в 1910 – 671¹⁷¹, а в 1915 г. – 760¹⁷². Всего же за 1909 – 1915 гг. было присоединено 5802 человека¹⁷³.

Уральская область была тем местом в Самарской епархии, где наиболее активно осуществлялась миссия среди мусульманского населения. Даже в тех уездах Самарской епархии, где была большая доля татарского населения, такой активности миссионеры не проявляли. Однако усилия в этом направлении наталкивались все на те же проблемы. Так, в 1911 г. епископ Тихон

---

¹⁶⁸ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 65.

¹⁶⁹ Указ Святейшего Синода об учреждении в Самарской епархии для Уральской области должности противораскольнического и противосектантского миссионера-проповедника // СЕВ. 1910. № 19 (оф. ч.). С. 357–358.

¹⁷⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год. Л. 43.

¹⁷¹ Там же. Л. 43.

¹⁷² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 67.

¹⁷³ Там же. Л. 67.

ходатайствовал о введении в викариатстве должности противомагометанского миссионера¹⁷⁴. Был и вполне достойный кандидат – священник Георгий Крашенинников, который имел достаточный опыт и хорошо знал киргизский язык. Однако средств для учреждения такой должности не было, и Крашенинников числился в отчетах викария, как исправляющий должность без жалования.

Не менее остро, чем вопросы миссии, стоял в Уральском викариатстве вопрос переселенческий. С 1907 г. государство начало активно стимулировать крестьян, желавших переселиться из Центральной России. Кроме Сибири и Дальнего Востока в зону переселения попали также Уральская и Оренбургская области. Перемещение значительного числа людей неизбежно влекло за собой возникновение проблем с их духовным окормлением. 18 января 1908 г. при Синоде было образовано «Особое совещание по удовлетворению религиозных нужд переселенцев в зауральских епархиях», которое возглавил лично товарищ обер-прокурора А. П. Рогович. В 1910 г. Синод учредил сбор на переселенческие приходы в день Св. Троицы¹⁷⁵. А еще с марта 1908 г. на местах стали создаваться Епархиальные комитеты по удовлетворению духовных потребностей переселенцев. В Уральском викариатстве такой комитет был организован в ноябре 1910 г. Главой нового органа стал епископ Тихон, а само учреждение получило статус епархиального комитета¹⁷⁶.

В январе 1911 г., после рассмотрения доклада протоиерея Иоанна Восторгова, занимавшего должность синодального миссионера, о нуждах переселенцев, Святейший Синод постановил учредить 149 новых приходов в Зауралье, а также в Оренбургской и Уральской областях. Из них в Уральском викариатстве Самарской епархии было открыто 11 переселенческих приходов¹⁷⁷. Кроме того, здесь было решено учредить второй разъездной причт (один уже

---

¹⁷⁴ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 74.

¹⁷⁵ Об установлении церковного сбора в день Св. Троицы «на построение церквей и школ для переселенцев» // СЕВ. 1910 (оф. ч.). № 8. С. 159–161.

¹⁷⁶ Указ Святейшего Правительствующего Синода, на имя епископа Самарского и Ставропольского об учреждении в гор<оде> Уральске Областного Комитета // СЕВ. 1911. № 4 (оф. ч.). С. 127.

¹⁷⁷ Ведомость открытых Святейшим Синодом, по определению от 13–27 января 1911 г. за № 354, переселенческих приходов Самарской епархии // СЕВ. 1911. № 5 (оф. ч.). С. 160–161.

был). В следующем году было открыто еще 3 переселенческих прихода¹⁷⁸. Необходимо отметить, что материальное состояние переселенцев не позволяло им самим обеспечивать свои причты, и поэтому казенное жалование последним полагалось приличное по меркам не только Уральской области, но и всей Самарской епархии: 600–800 рублей¹⁷⁹. Кроме того, многим причтам выделялось еще 225 рублей квартирного пособия¹⁸⁰. Разъездные же причты с учетом специфики их служения получали жалование в размере 2000 рублей¹⁸¹.

Однако, несмотря на повышенное жалование, службу в весьма отдаленных переселенческих приходах нельзя было назвать легкой. Кадровый вопрос было призвано решить учреждение в 1909 г. по инициативе протоиерея И. Восторгова пастырских курсов. На этих курсах помимо прочего слушателей знакомили с историей и современным положением переселенческого дела и готовили к служению в Зауральских епархиях. Так, в 1914 г. 69 человек отбыли в разные регионы, в том числе двое – в Темирский уезд Уральской области¹⁸². Правда, как уже упоминалось выше, епископ Тихон критично оценивал качество этих кадров, отмечая, что выпускники пастырских курсов весьма ненадежны¹⁸³.

Рост числа переселенческих приходов поставил перед священноначалием вопрос об оптимизации управления ими. Еще в 1910 г. епископ Тихон писал в Синод о необходимости введения должности особого «переселенческого» благочинного¹⁸⁴. Однако, не получив ответа, он поручил исполнять эти обязанности священнику Георгию Крашенинникову, тому самому, который выполнял в Уральской области функции противомогетанского миссионера (обе должности Крашенинников исправлял судя по всему без жалования).

---

¹⁷⁸ Ведомость об открытых Святейшим Синодом в 1912 году переселенческих приходах в Зауральских епархиях // СЕВ. 1912. № 6 (оф. ч.). С. 58.

¹⁷⁹ Ведомость открытых Святейшим Синодом, по определению от 13–27 января 1911 г. за № 354 переселенческих приходов Самарской епархии. С. 161.

¹⁸⁰ Ведомость об открытых Святейшим Синодом в 1912 году переселенческих приходах в Зауральских епархиях. С. 58.

¹⁸¹ О выработанных Особым Совещанием при Святейшем Синоде мерах к удовлетворению церковных нужд в переселенческих областях // ЦВ. 1908. № 20. С. 169.

¹⁸² Замещение священнических вакансий в новооткрытых переселенческих приходах // ПЦВ. 1914. № 10. С. 566.

¹⁸³ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 65.

¹⁸⁴ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год. Л. 4.

Несложно догадаться, что такое количество дел, которое находилось в ведении Уральского епископа, делало практически невозможным для него оказание помощи правящему архиерею в управлении епархией. Сложившаяся ситуация не могла устраивать и самих Самарских епископов. Еще в 1910 г. епископ Константин (Булычев) писал в своем отчете о неестественности сложившегося положения с Уральским викариатством¹⁸⁵. В связи с этим вопрос о викарии – помощнике правящего архиерея – возник снова, и произошло это уже во время Первой мировой войны.

В мае 1915 г. группа мирян Самары и уездных городов епархии подали прошение в Синод. Они ходатайствовали об учреждении второго викариатства, мотивируя это большой занятостью епископа Тихона Уральского. В качестве кандидата в викарии предлагали настоятеля Самарского Николаевского монастыря архимандрита Анатолия (Кванина). Синод переправил бумагу на рассмотрение Самарскому преосвященному Михаилу (Богданову).

Необходимо отметить, что епископ Михаил поддерживал идею об открытии в Самарской епархии еще одного викариатства. Аргументировал он свое мнение тем, что открытие Уральской кафедры ситуацию только усложнило. После ее создания о помощи со стороны викария епархиальному архиерею не может быть и речи, так как дела Николаевского викариатства перешли назад к правящему архиерею. «Получилось такое странное стечение обстоятельств, по которому обязанности епископа Самарского осложнились не только подчинением ему целой громадной области, но и тем, что он лишился викария как ближайшего помощника по управлению собственно Самарской епархией»¹⁸⁶.

Опираясь на эти доводы, епископ Михаил ходатайствовал перед Синодом об открытии второго викариатства. Средства предполагалось использовать местные (Самарского Николаевского монастыря). Викарий мог называться Николаевским, но с постоянным пребыванием в Самарском Николаевском монастыре. Кандидатов должен был выбрать Синод. Помогать же викарий, по

---

¹⁸⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год. Л. 1.

¹⁸⁶ Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу открытия второго викариатства // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 9.

мнению епископа Михаила, должен был особенно активно в деле руководства церковными школами и духовно-учебными заведениями. Что касается кандидатуры, предложенной горожанами, то епископ не стал высказывать своего мнения, а лишь предоставил в Синод некоторые документы об архимандрите Анатолии¹⁸⁷.

Согласно этим документам, 2 марта в семинарии был проведен экзамен по Ветхому Завету для архимандрита Анатолия. Доклад комиссии был неутешителен: «Обнаружил крайне смутные представления о книгах Св. Писания Ветхого Завета». У экзаменаторов осталось общее впечатление, что «Св. Библия почти что неизвестна о. архимандриту», и ответ его признан экзаменационной комиссией «не подлежащим обычной аттестации: он ниже всякой возможной балльной оценки»¹⁸⁸. Продолжение экзаменов комиссия признала совершенно бесцельным и выразила сожаление о бесполезно потраченном времени. Кстати, годом раньше епископ Михаил назначил архимандрита Анатолия благочинным монастырей епархии. Однако спустя непродолжительное время именно из-за его малообразованности и отсутствия опыта снова переподчинил все монастыри местным благочинным¹⁸⁹.

В своем втором отношении в ноябре 1916 г. епископ Михаил предлагал открыть второе викариатство уже в Бугульме, в миссионерских целях для просвещения инородцев Бугульминского и соседнего Бугурусланского уездов. В качестве кандидатов он предлагал архимандрита Николая (Ипатова) из Уфимской епархии и архимандрита Афанасия (Калинина) из Иоанно-Предтеченского монастыря в Казани, доцента Казанской духовной академии¹⁹⁰. Однако революционные события 1917 г. не дали осуществиться этим планам. Что

¹⁸⁷ Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу открытия второго викариатства. Л. 10–13.

¹⁸⁸ Доклад экзаменационной комиссии по производству экзамена 2-го марта 1916 г. по Св<ященному> Писанию Ветхого Завета архимандриту Анатолию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 16–17.

¹⁸⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 16.

¹⁹⁰ Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод о назначении второго викария в Самарскую епархию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 18–19 об.

касается архимандрита Анатолия (Кванина), то он все же добился епископского сана, правда в григорианском расколе¹⁹¹.

Чуть раньше – в сентябре 1916 г. появился документ, который стал закономерным этапом в процессе превращения ряда викариатств в самостоятельные епархии. 13 сентября император Николай II утвердил «Инструкцию викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями»¹⁹². Действие этой инструкции распространялось на три викариатства: Великоустюжское (Вологодской епархии), Сарапульское (Вятской епархии) и собственно Уральское. Планировалось, что Синод в дальнейшем будет применять ее «постепенно и в других епархиях, сообразуясь с местными нуждами»¹⁹³. В данном документе впервые были даны общие указания взамен частным инструкциям для отдельно взятых викариев.

Права, которые были прописаны в инструкции были предельно широки. Фактически викарии становились независимыми епископами. Из их ведения были изъяты лишь дела бракоразводные, судебные и о выдаче и исправлении метрических свидетельств, по которым требовалось решение консистории. Кроме того, в инструкции была расплывчатая формулировка: «По делам и вопросам или возбуждающим сомнение, или представляющим особое значение, сии епископы входят в сношение с своими епархиальными архиереями»¹⁹⁴. Во всем остальном викарий был самостоятелен: освящал антиминсы, получал из Московской Синодальной канцелярии Св. Мира, созывал съезды подведомственного духовенства и старост, образовывал пресвитерский совет викариатства, имел собственную канцелярию и т. д. Таким образом, данная инструкция, давая отдельным викариям предельно широкие полномочия, фактически создавала «епархию внутри епархии». Неестественность такого положения была очевидна, и единственным логическим решением было придание этим викариатствам статуса независимых епархий. Однако сделано это было уже после революции 1917 г.

---

¹⁹¹ Подмарицын А., диакон. Очерки истории Самарской епархии. Самара, 2008. С. 40.

¹⁹² Инструкция викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями // ЦВ. 1916. № 40. С. 357–359.

¹⁹³ Там же. С. 357.

¹⁹⁴ Там же. С. 358.

Работавший в июне-июле 1917 г. Предсоборный совет активно занимался вопросами реформирования епархиального управления. При подготовке «Положения об епархиальном управлении» третий отдел Совета пришел к выводу о неканоничности самого института викариатства в том виде, в котором он существовал, и постановил исключить из положения целиком соответствующую главу¹⁹⁵. В результате в переданном к рассмотрению на Поместном Соборе документе викариатства вообще не упоминались.

Однако на самом Соборе в отделе, посвященном епархиальному управлению, этот вопрос снова вызвал дискуссию, в результате которой было решено, что переход от викариатств к независимым епархиям необходим, но при этом, его осуществление не может быть резким и единовременным. В результате в Постановлении Собора сокращение размеров епархий признавалось необходимостью. Причем в первую очередь именно путем преобразования викариатств в независимые епархии¹⁹⁶. В сферу ответственности викариев, которые уже существовали на тот момент, должны были передаваться части епархии, в которых они могли бы управлять «под общим руководством епархиального архиерея, по правилам, установленным Священным Синодом»¹⁹⁷. Кроме того, епархиальный преосвященный, согласно этому постановлению, мог давать своему викарию и иные поручения. Таким образом, Собор продолжил движение в направлении, заданном инструкцией 1916 г. распространив ее действие на все викариатства.

Что же касается Уральского викариатства, которое с 1916 г. и так уже было «полусамостоятельной» епархией, то Поместный Собор стал для него отправной точкой для полной независимости. В докладе Отдела о высшем и окружном управлении были перечислены викариатства, в первую очередь преобразовывавшиеся в самостоятельные епархии: 1) Уральское (Самарская

---

¹⁹⁵ Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов. Т. 1 (Кн. 1). Предсоборная работа 1917 г. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. М.: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. С. 432.

¹⁹⁶ Постановление Священного Собора Православной Российской Церкви о викарных епископах // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 256. Л. 15.

¹⁹⁷ Там же.

епархия), 2) Великоустюжское (Вологодская епархия), 3) Челябинское (Оренбургская епархия), 4) Сарапульское (Вятская епархия) и 5) Белгородское (Курская епархия). В состав новой епархии кроме Уральской области должны были войти Николевский и Новоузенский уезд Самарской епархии¹⁹⁸.

Подводя итоги, необходимо отметить, что вопрос со статусом и полномочиями викариев был для конца синодального периода весьма актуальным. Делопроизводство с каждым годом усложнялось; у самарского епископа в некоторые предреволюционные годы число дел доходило до 20000¹⁹⁹. В результате епископ, по словам исследователя, «оказывался по большей части прикован к своему письменному столу, что затрудняло его поездки по епархии»²⁰⁰. В целях помощи правящим архиереям к 1917 г. было учреждено 70 викариатств²⁰¹. При этом никакого четкого положения о статусе и полномочиях викария не было создано. Викарий чаще всего получал инструкции непосредственно от правящего архиерея или же они оговаривались Синодом при учреждении.

Пример Самарской епархии в этом отношении очень показателен. При учреждении Николаевского викариатства его основной целью предполагалась помощь правящему архиерею, но при этом оговаривались и особые полномочия викария по отношению к двум уездам, что изначально закладывало определенную двойственность. В 1908 году ситуация поменялась, и Уральский епископ получил от Синода инструкцию с достаточно широкими полномочиями. Вся дальнейшая история Уральского викариатства – путь к созданию независимой епархии. Этапами этого пути были и выделение отдельной строкой финансирования в 1912 г. и максимальное расширение полномочий в 1914 г. Создание в викариатстве структур со статусом епархиальных (переселенческий комитет, миссионер-

¹⁹⁸ Доклад Отдела о высшем и окружном церковном управлении об образовании новых епархий и викариатств // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 174. Л. 43.

¹⁹⁹ Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу открытия второго викариатства // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090. Л. 9 об.

²⁰⁰ Смолич И. К. История Русской Церкви 1700 – 1917. Ч. 1. С. 268.

²⁰¹ Там же. С. 269.

проповедник) также свидетельствует о намерении сделать область отдельной епархией.

Ключевым моментом была инструкция 1916 г., в которая законодательно оформляла «особые полномочия» Уральского викариатства наряду с двумя другими и фактически делала их «полусамостоятельными» епархиями. Однако последний шаг на пути к самостоятельности до революции сделан так и не был, а Уральское викариатство так и оставалось в странном неканоничном положении «епархии внутри епархии»²⁰². Эта медлительность в решении проблем епархиального управления неизбежно сказывалась на эффективности последнего. Вопрос с изменением его статуса был решен только на Поместном Соборе 1917 – 1918 гг. Однако начатый на Соборе процесс преобразования викариатств в самостоятельные епархии не был закончен в силу сложной исторической ситуации, в которой Русская Церковь оказалась после 1917 г.

1.3. Самарская духовная консистория: кадровый состав, структура, полномочия

Духовная консистория была административно-распорядительным и судебным органом при архиерее. В ее состав входило духовное присутствие и канцелярия. Устав духовных консисторий, действовавший в интересующий нас период, был принят в 1883 г. Первая статья устава гласила: «Духовная консистория есть присутственное место, через которое, под непосредственным началом Епархиального Архиерея, производятся управление и церковный суд в поместном пределе Православной Русской Церкви, именуемом епархией»²⁰³. Члены духовного присутствия назначались епископом из белого и черного духовенства, заслуживающего «преимущественное доверие по образованности, опытности, примерному поведению и правдолюбию»²⁰⁴. Члены присутствия

²⁰² И. К. Смолич упоминает трех викариев, которые управляли частью епархии и имели свое собственное правление: Сарапульского, Великоустюжского и Холмского. См.: *Смолич И. К. Указ. соч. С. 270. Уральский викарий, почему-то не упомянутый автором, также вполне вписывается в этот ряд.*

²⁰³ Устав Духовных консисторий // ПСЗ-III. Т. 3. СПб, 1886. С. 111.

²⁰⁴ Там же. С. 146.

утверждались и в случае необходимости увольнялись Синодом по представлению правящего архиерея. Число их варьировалось и составляло обыкновенно 5–7 человек²⁰⁵ (после утверждения штатного расписания 1869 г. в большинстве епархий было 4 члена консистории).

В XVIII в. членами консистории назначались в основном монашествующие, несмотря на указы 1768 и 1797 гг. (в последнем случае император Павел I предписывал, чтобы половина заседателей была из белого духовенства)²⁰⁶. Ситуация стала меняться в следующем столетии, когда все чаще консистории наполнялись представителями приходского духовенства. В рассматриваемый период (1894 – 1917 гг.) в Самарской консистории заседали только белое духовенство.

На заседаниях присутствия консистории рассматривалась масса дел, имевших значение для жизни епархии. В ее сферу деятельности входили вопросы вероисповедные и хозяйственные, метрикация, кадровые вопросы по православному духовенству и монашествующим, суд над лицами духовного звания по делам внутрицерковного канонического свойства, а также суд над мирянами в сфере брачных отношений. Консистория по каждому рассматриваемому делу вела журнал, где кратко излагалась суть вопроса и решение членов присутствия по этому поводу. Епископ лично не принимал участия в обсуждении вопросов в присутствии. В случае возникновения интереса он мог потребовать любое дело для ознакомления. Главная задача консистории была в разборе основной массы бумаг, что должно было разгрузить канцелярию правящего архиерея, освободив его от бюрократической рутины. По выражению архимандрита Михаила (Семенова), «консистория – это фабрика бумаг»²⁰⁷. Как правило архиерей знакомился лишь документами, уже прошедшими через консисторию. Современниками отмечалось, что епископ часто, имея дело только

---

²⁰⁵ Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700 – 1917. М.: «Русская панорама», 2003. С. 19.

²⁰⁶ Смолич И. К. История Русской Церкви. Ч. 1. С. 274.

²⁰⁷ Михаил (Семенов), архим. Указ. соч. С. 103

с консисторскими бумагами, не представлял реальной жизни своей епархии, особенно когда пребывание на кафедре было кратковременным.

Консисторская канцелярия под руководством секретаря занималась всем текущим делопроизводством. Состояла она из нескольких отделов, называвшихся «столами», которыми руководили столоначальники. В штат канцелярии входили также: архивариус, казначей, регистратор и прочие служащие. Все они были светскими лицами, в отличие от служащих архиерейского дома (эконом, казначей и пр.). Все они назначались и увольнялись консисторией, с утверждения епархиального архиерея.

Ключевую роль в работе консистории играл секретарь. В отличие от прочих служащих канцелярии, его назначал Святейший Синод по предложению обер-прокурора. Устав консисторий говорит о нем следующим образом: «находясь под ближайшим начальством Епархиального Архиерея, состоит вместе с тем в непосредственном ведении обер-прокурора Синода как блюстителя за исполнением законных постановлений по духовному ведомству и обязан исполнять все его решения»²⁰⁸. Таким образом, наблюдается определенная двойственность в положении секретаря. С одной стороны, он был подотчетен архиерею (как главе епархии), а с другой, был обязан следить соблюдением государственных законов в работе консистории и быть доверенным лицом обер-прокурора. И. К. Смолич справедливо заметил: «Таким образом, обер-прокуроры имели сильную и независимую опору в епархиальных управлениях»²⁰⁹. Фактически секретарь был достаточно независим от епископа. Выразалось это в частности в том, что он предоставлял в обер-прокуратуру данные о работе духовной консистории, параллельно с отчетами архиерея.

Все дела, поступающие в консисторию, получали ход только с ведома секретаря. В делах консистории секретарь имел право на свое особое мнение. Устав позволял ему протестовать даже против постановлений присутствия, принятых единогласно, если он находил, что они выходят за рамки законности:

---

²⁰⁸ Устав духовных консисторий. С. 146.

²⁰⁹ Смолич И. К. История Русской Церкви. Ч. 1. С. 269.

«Секретарь, если представление его противу разногласных или единогласных решений не было уважено, отмечает о том в самих журналах и протоколах и подает преосвященному рапорт, в котором излагает те объяснения, какие представить желает»²¹⁰. В документах самарской консистории также содержатся докладные записки, в которых секретарь излагает свою особую позицию, когда считает, что решение присутствия противоречит законам. В таких спорных случаях секретарь рекомендует обратиться за разъяснениями в Святейший Синод.

Епископ мог отстранить члена консисторского присутствия от работы в заседаниях либо при подозрении в его заинтересованности в исходе данного дела, либо в случае законного отвода его со стороны подсудимого. Так же он должен был поступить в случае какого-либо важного обвинения в адрес члена присутствия. В случае же непредвиденного уменьшения количества членов присутствия епископ мог определить временных членов, поставив Синод в известность²¹¹. Кроме того, епископ утверждал распределение дел между консисторскими столами, назначая особых членов для надзора за работой каждого стола²¹².

Исследователи часто подчеркивают двойственность и ненормальность взаимоотношений епископа и консистории. Выражалось это, в первую очередь, в двойном подчинении секретаря последней: правящему преосвященному и обер-прокурору Синода. Устав духовных консисторий все же оставлял последнее слово в спорных ситуациях за архиереем. В случае, когда даже при единогласном решении присутствия консистории, «архиерей усмотрит, что дело изложено недостаточно, или что при исследовании упущены такие обстоятельства, которые могли бы ближе объяснить предметы, подлежащие рассмотрению, или что решение не согласно с законами, он предлагает консистории пересмотреть дело или дополнить его нужными обстоятельствами и затем постановить решение». При этом оговаривалось, что «члены консистории при рассмотрении указанных

---

²¹⁰ Устав духовных консисторий. С. 150.

²¹¹ Там же. С. 146.

²¹² Там же. С. 147.

обстоятельств могут остаться при прежнем мнении». В этом случае епископ «полагает собственное решение, которое и приводится в исполнение»²¹³.

Некоторые современники высказывали мнение, что двойственность епархиального управления совершенно лишала епархиальную власть возможности функционировать юридически корректно. «Сильный епископ игнорирует консисторию, считая ее своей домашней канцелярией. Епископ же осторожный, наоборот, спасаясь от ответственности, пользуется неясностью положения консистории, чтобы спрятаться за ее авторитетом. Такой епископ все дела сдает на рассмотрение консистории и за ней «спасается» от всякой инициативы, от всякого внебумажного дела. Епископ добровольно отменяется консисторией, что еще хуже»²¹⁴. В начале XX века и сами архиереи часто критиковали систему епархиального управления за отсутствие четкого разделения функций, говоря о необходимости распределения дел так, «чтобы каждая инстанция самостоятельно и ответственно могла заниматься своим кругом дел без прохождения их в нескольких инстанциях»²¹⁵.

Не обошел проблему консисторской системы в своем отзыве и епископ Константин (Булычев). С одной стороны, самарский преосвященный отметил, что «учреждение консистории является разработанным и испытанным на деле путем долголетней практики». В то же самое время по мнению владыки Константина необходим ряд преобразований этого учреждения. Преосвященный допускал возможность (не настаивая на этом) переименования консистории в пресвитерский совет. Состоять он должен был, как и существовавшие присутствия, из четырех человек. Двух должен был назначать епископ, а двух – выбирать епархиальный съезд. Но главное – вопрос о секретаре, которого, по мнению Константина должен был назначать епископ²¹⁶. Таким образом, здесь четко видны две тенденции: освобождение епископа от ограничений со стороны

²¹³ Устав духовных консисторий. С. 150

²¹⁴ *Михаил (Семенов), архим.* Почему нам не верят? К церковной реформе. О церковно-общественных злобах дня. СПб., 1906. С. 106.

²¹⁵ *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М., 2002. С. 201.

²¹⁶ Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 549.

центральной власти и частичное введение выборного начала в епархиальное управление.

На наш взгляд, тезис о полной недееспособности консисторской системы является, как минимум, спорным. Как показывается в работе, консистории играли важную роль в том, чтобы управление епархией строилось в согласии с церковными и государственными установлениями. Фактически они являлись «частью государственного аппарата, «присутственным местом», действовавшим, как любое гражданское присутственное место, согласно своему уставу и множеству церковно-государственных узаконений»²¹⁷. Такой орган был необходим, и не случайно Поместный Собор 1917 – 1918 гг. в значительной степени ориентировался на консисторскую систему при работе над созданием епархиальных правлений.

Самарская консистория в случаях несогласия с архиереем старалась строго держаться буквы закона и представляла преосвященному соответствующие справки и выдержки из законов и подзаконных актов. Нередко епископы после этого корректировали свою точку зрения. Хотя, нельзя отрицать и того, что в значительной степени взаимоотношения епископа и консистории зависели от личностного фактора.

Духовная консистория была высшим административным, распорядительным и судебным учреждением епархии. Синодальные указы поступали на имя правящего епископа, а им переправлялись в консисторию. В случае, когда кафедра была вакантна, все указы направлялись на имя викария, а при отсутствии такового – прямо в консисторию²¹⁸. Во время отсутствия архиерея постановления консистории приводились в исполнение после подписания всеми членами присутствия. Такой же порядок мог соблюдаться и в других срочных случаях, при условии, что в конце месяца все журналы все равно представлялись архиерею «для засвидетельствования их исправности»²¹⁹.

---

²¹⁷ Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы. С. 17.

²¹⁸ Устав духовных консисторий. С. 154.

²¹⁹ Там же. С. 150.

Необходимо, однако отметить и тот факт, что консистория в рассматриваемый период имела отношение далеко не ко всем делам епархиального управления. Наблюдалось даже определенное сокращение сферы деятельности консистории параллельно с расширением полномочий епархиального съезда духовенства и созданием новых учреждений. Действительно, съезд, созданный, в первую очередь, для решения вопросов, связанных с духовно-учебными заведениями, со второй половины XIX в. получает и иные функции. С 1870 г. епархиальные съезды получили разрешение на устройство свечных заводов. Кроме того, в 1908 г. к съезду от консистории перешло распределение казенного жалования по приходам епархии²²⁰.

Ведению консистории не подлежали духовно-учебные заведения. Ей не подчинялся епархиальный училищный совет, комитет свечного завода, а также учреждения сословной взаимопомощи: эмеритальная касса, погребальная касса, фонд стипендий. Также нужно указать на те епархиальные учреждения, которые подчинялись консистории лишь косвенно. За рассматриваемый период несколько раз поменялась, например, структура епархиальной миссии. В 1908 г. в ситуации религиозных свобод возникает новый орган внутренней миссии – Миссионерский совет, который напрямую консистории не подчинялся. Координация инстанций выражалась в том, что двое членов присутствия консистории по должности входили в совет²²¹. Кроме того, один из членов входил в Попечительство о призрении бедных духовного звания «для удобнейшего сношения и согласного действия обоих мест»²²².

Как отмечалось выше, консисторская канцелярия была разделена на несколько отделов – «столов». Долгое время абсолютной унификации в епархиальном управлении Русской Церкви не было. Варьироваться могло и количество столов, и сфера их деятельности. В Самарской епархии после ее учреждения в консистории дела распределялись по 6 столам: вероисповедный,

---

²²⁰ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4868. Л. 2.

²²¹ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. С. 1.

²²² Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные // СЗРИ. Т. XIII. СПб., 1857. С. 251.

хозяйственный, распорядительный, судный, попечительный и бракоразводный. В марте 1869 г. были утверждены штаты духовных консисторий, на основании которых эти учреждения и действовали вплоть до 1917 г. Согласно этим штатам, в Санкт-Петербургской консистории предполагалось наличие 7 столов, в Московской – 5, а в остальных епархиях по 4²²³. Таким образом, указание некоторых местных историков, что и в конце XIX в. дела в Самарской консистории распределялись по 6 столам, являются явным анахронизмом²²⁴.

После введения новых штатов в Самарской консистории была проведена реорганизация и перераспределение полномочий между столами. Согласно штатам, были оставлены четыре стола со следующими функциями:

1. Вероисповедный стол: дела, касающиеся проповедничества; наблюдение за исполнением христианского долга; дела по епархиальной миссии и противодействие расколу и сектантству; дела, касающиеся брачных отношений (определение степеней родства, несовершеннолетние браки, третьи браки, дела о прелюбодеянии); вопросы метрикации (выдача справок, наблюдение за ведением книг и пр.); составление статистических сведений.

2. Распорядительный стол (епархиально-административный): дела ставленнические; перемещение определение на должности и увольнение; дела о повышении и награждении; вопросы «церковной практики, благочиния и благоповедения»; дела училищные (о преподавателях Закона Божьего в церковно-приходских школах и законоучителях в светских школах); выдача паспортов на отлучки из епархии и билетов на вступление в брак; рассмотрение журналов съездов духовенства и окружных училищных съездов; «взыскание бесспорных долгов»; ведение архива; контроль за клировыми ведомостями; составление статистических сведений по перечисленным вопросам.

3. Контрольно-хозяйственный стол: дела по хозяйству консистории; дела по хозяйству архиерейского дома, монастырей и церквей; сбор сумм (свечных, венчиковых и др.); выдача и ревизия приходорасходных книг; распределение

²²³ Штат духовных консисторий // Собрание постановлений. Т. I. С. 315.

²²⁴ См. например: *Мендюков А. В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков. С. 21.

казенного жалования; контроль за общественным жалованием и наделением землей; обеспечение заштатного духовенства, больных, умалишенных; составление статистических сведений по перечисленным вопросам.

4. Судный: дела по проступкам и преступлениям лиц духовного звания; бракоразводные дела; штрафы; составление статистических сведений по перечисленным вопросам.

Отчеты благочинных о благосостоянии церквей и причтов рассматривались в каждом столе по очереди (в течение года их рассматривал один какой-то стол)²²⁵. Вся текущая работа велась в соответствующем столе, однако решения по всем вопросам принимались на совместных заседаниях, где каждый член присутствия имел одинаковое право голоса²²⁶.

Анализируя дела консисторского фонда, можно отметить, что попытка разграничить сферы компетенции в целом удалась. В то же самое время существовали проблемные области, где смежными вопросами ведали одновременно несколько столов. Вообще же утверждение советских историков о том, что «структура церковного управления вела к строгому отделению административно-хозяйственных функций... от функции «хранителя веры», то есть религиозной, богословской, одним словом, идеологической стороны деятельности Церкви»²²⁷ не является точным, по крайней мере, для епархиального уровня. Консистория наряду с епископом занималась и «идеологическими», т. е. вероисповедными вопросами, а не только административно-хозяйственными.

Со временем количество бракоразводных дел сделало актуальным вопрос о восстановлении особого стола, который бы занимался только этими делами. В 1912 г. первый раз епархиальный съезд по предложению консистории рассматривал вопрос о выделении 2000 рублей на восстановление 5-го стола. В ассигновке тогда было отказано. В 1913 г. съезд снова рассматривал обращение консистории на этот предмет и снова отказал²²⁸. Тогда архиерей по просьбе

---

²²⁵ Расписание предметов делопроизводства по столам в Самарской консистории // Собрание постановлений. Т. I. С. 317–319.

²²⁶ Устав духовной консистории. С. 148.

²²⁷ Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 330.

²²⁸ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. Самара, 1913. С. 155.

консistorии рекомендовал съезду пересмотреть данный вопрос. Епископ Симеон (Покровский) указал в своей резолюции, что «члены его (съезда) не совсем серьезно рассматривали представленные на рассмотрение съезда ходатайства, по крайней мере, по указанным пунктам»²²⁹.

Не добившись ассигновки от епархиального съезда, было решено выкроить деньги из экономических сумм консистории. 14 марта 1914 г. на постановлении консистории была наложена резолюция епископа: «с выделением делопроизводства бракоразводных дел в отдельный стол, чиновника, заведующего этим столом, приравнять к содержанию штатных столоначальников консистории, с назначением в этот стол сверхштатного столоначальника»²³⁰. Первым сверхштатным столоначальником был назначен помощник столоначальника Вячеслав Добрынин. Однако уже в августе он был мобилизован, и его заменил канцелярский служащий Владимир Мальцев²³¹.

Отдельного упоминания заслуживает материальное состояние консистории и ее финансирование. Последнее в конце синодального периода продолжало регламентироваться штатами от 25 марта 1869 г. По данным штатам было уточнено количество служащих в консистории и размер окладов для них. Предполагалось наличие в присутствии консистории четырех членов с годовым окладом в 500 рублей. Секретарь консистории получал 1500 рублей, а четыре столоначальника и личный секретарь архиерея – по 600 рублей. Казначею (он же смотритель архиерейского дома), регистратору и архивариусу консистории полагалось по 500 рублей. Еще 2000 рублей уходило на содержание канцелярских чиновников и 1200 на канцелярские расходы, наем сторожей, ремонт, отопление, освещение дома и прочие нужды. Всего же отпускалось на консисторию 11200 рублей²³². Две трети каждого нормального оклада составляли жалованье, остальное – столовые деньги. Данные штаты были введены со второй половины

---

²²⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. Самара, 1913. С. 53.

²³⁰ Журнал Самарской духовной консистории от 22 ноября 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5180. Л. 94 об.

²³¹ Там же. Л. 94 об.

²³² Штат духовных консисторий. С. 315.

1869 г. Это штатное расписание не менялось впоследствии вплоть до демонтажа самой консисторской системы, что породило целый ряд проблем.

К концу XIX в. постоянно увеличивавшийся объем дел по консистории привел к увеличению числа канцелярских служащих. Выделявшихся по штатному расписанию средств уже не хватало на содержание помощников столоначальников и писцов. Доплаты осуществлялись за счет «экономических» сумм консистории, образовывавшихся из остатков после печатания бланков в местных типографиях (печатались они для консистории по «удешевленным» ценам). Однако в октябре 1892 г. Святейший Синод издал указ, согласно которому все бланки церковно-приходских документов должны были теперь приобретаться в Московской синодальной типографии (собственно говоря, это было повторение указа еще от 1822 г.)²³³. Уже в декабре того же года секретарь консистории В. Калатузов обратился к архиерею с докладом о недостаточности средств содержания консисторской канцелярии. Его преемник В. Соловьев в 1894 г. заявлял уже более определенно, что «за неимением средств в скором времени неизбежно придется распустить всю канцелярию, за исключением штатных чиновников, что будет иметь нежелательные последствия в консисторском делопроизводстве»²³⁴.

В результате в целях усиления «экономических» сумм консистории было решено «впредь до воспособления от казны, взимать с каждого пробельного листа церковно-приходских документов по четыре копейки сверх покупной цены из синодальной типографии»²³⁵. Кроме этого, с каждого паспорта или билета, выдававшегося духовным лицам по их частным просьбам, также определили взимать по 1 рублю. Всего из столицы консистория получала 16 видов разных бланков: метрические книги, брачные обыски, исповедные росписи, приходно-

---

²³³ Определение Святейшего Синода от 9–20 октября 1892 г. о ведении церковно-приходской документации исключительно на бланках, изготовленных в Московской синодальной типографии // ЦВ. 1892. № 44. С. 439–440.

²³⁴ Распоряжение епархиального начальства по вопросу о содержании канцелярии консистории // СЕВ. 1905. №. 20 (оф. ч.). С. 823.

²³⁵ Там же. С. 826.

расходные книги, клировые ведомости, ведомости о венчиках и разрешительной молитве и т.д. Стоимость листа колебалась от 1,5 до 9 копеек²³⁶.

В 1903 г. секретарь консистории Николай Беренский предложил изменить способ взимания платы за бланки, так как существовавший способ давал повод «посылать по адресу Консистории упреки, роняющие ее авторитет, честь и достоинство»²³⁷. Он предложил вместо того, чтобы собирать деньги с причтов при каждом требовании бланков, просто высылать им документы. Деньги же причты должны были предоставлять в конце года вместе с другими сборами. Всего в 1904 г. торгуя бланками, Самарская консистория получила 7932 рубля. Надо заметить, что денег этих не хватало на содержание канцелярии даже вместе с 2000 рублей штатного расписания, так как всего в том же 1904 г. на канцелярию ушло 10722 рубля²³⁸.

В 1905 г. съезд епархиального духовенства ходатайствовал об отмене добавочной платы за бланки Синодальной типографии, считая их крайне обременительными. Однако консистория с этим категорически не согласилась, указав на то, что содержать канцелярию на существовавшие ассигнования было невозможно, «ожидать же увеличения казенных сумм на содержание канцелярии консистории в близком будущем, особенно в виду войны с Японией, нет оснований». Архиерей утвердил данное журнальное определение консистории. И в последующие годы практика дополнительного косвенного обложения приходов в форме добавочной платы за бланки и другие документы была фактором, определявшим критическое отношение духовенства к деятельности консистории. Больше всего возмущало настоятелей приходов то, что консистория рассылала эти бланки, часто не сообразуясь с реальными нуждами церквей (не дожидаясь запроса), а руководствуясь своими внутренними соображениями.

Из получавшихся от продажи бланков «экономических» сумм не только выдавалось жалование канцелярским служащим. Согласно протоколу консистории от 2 сентября 1894 г., утвержденному архиереем, из этих же денег

---

²³⁶ Стоимость бланков и книг, высылаемых в церкви епархии // СЕВ. 1904. № 1 (оф. ч.). С. 22–23.

²³⁷ Распоряжение епархиального начальства по вопросу о содержании канцелярии консистории. С. 830.

²³⁸ Распоряжение епархиального начальства по вопросу о содержании канцелярии консистории. С. 832.

производили выплату «квартирных» штатным сотрудникам. Размер этих доплат был невелик: секретарь консистории – 500 р., секретарь архиерея – 300 р., столоначальники – по 240, казначей, регистратор и архивариус – по 180 и помощники столоначальников – по 150 р.²³⁹. В 1906 г. эти пособия были увеличены примерно в полтора раза (кроме казначея) и сохранялись в таком виде вплоть до революции.

В 1905 г. епархиальный съезд духовенства рассматривал по предложению епископа Константина вопрос о возможности допущения к занятию консисторских должностей девиц духовного звания из числа окончивших епархиальное женское училище. Съезд, приняв во внимание то соображение, что «женщина к возложенной на нее обязанности всегда относится с серьезным отношением к делу и в самое дело вносит благородство», предложил допустить девиц к занятию должностей чиновников консистории до помощника столоначальника включительно²⁴⁰. Архиерей согласился с решением съезда, что принимать девиц можно только на внештатные должности. В 1914 г. из 22 писцов, числившихся в консистории, 6 были женщины²⁴¹.

Что касается реальных размеров жалования, писцы получали действительно мизерные суммы, которые к тому же практически не увеличивались со временем. Квартирных же они не получали вовсе. Так в 1901 г. жалование писцов самарской консистории составляло от 180 до 510 рублей в год. В 1915 г. эти показатели составляли от 176 до 388 рублей²⁴². Таким образом, мы видим сохранение нижнего уровня жалования, при достаточно серьезном снижении верхней планки.

Финансовые проблемы не могли не влиять на кадровый состав консистории. В первую очередь страдали внештатные должности. Так в начале 1914 г. на четыре стола было лишь два помощника столоначальника: Д. Никольский и В. Добрынин (в марте последний был назначен сверхштатным столоначальником 5-го стола)²⁴³. В ведомости на получение премии по случаю Пасхи 1914 г.

---

²³⁹ Журнал Самарской духовной консистории от 19 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 4342. Л. 4.

²⁴⁰ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. // СЕВ. 1905. № 20 (оф. ч.). С. 842.

²⁴¹ О выдаче жалования служащим консистории в 1914 году // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093. Л. 8.

²⁴² Там же. Л. 3 об.

²⁴³ Там же. Л. 8.

помощников столоначальника вообще не значится и вплоть до революции этой должности в самарской консистории уже не было²⁴⁴.

В начале XX в. стало отчетливо видно, что рамки, установленные штатами сорокалетней давности, не позволяют консистории справляться с наплывом дел. И дело касалось не только увеличения бракоразводных дел и необходимости учреждения нового стола. Начиная с епископа Константина (Булычева), все самарские архиереи доносят в Синод об одних и тех же сложностях: 1) совмещение членами присутствия большого числа обязанностей помимо консисторских дел, 2) малоштатность консистории и 3) ее недостаточное материальное обеспечение²⁴⁵.

Члены присутствия, как правило, протоиереи крупных городских храмов, действительно были перегружены другими обязанностями. Кроме собственно богослужений и работы в консистории они были законоучителями в различных учебных заведениях города, участвовали в работе различных комитетов (церковных и не только), входили во всевозможные попечительства и т.д. Недостаточное количество членов присутствия компенсировалось практикой привлечения сверхштатных членов. В самарской консистории в конце XIX в. было два сверхштатных члена²⁴⁶. А в 1900 г. в присутствии числилось уже три сверхштатных члена: протоиереи Квинтилиан Софотеров и Евгений Веригин, и священник Кронид Иванов²⁴⁷. Сверхштатные члены должны были трудиться безвозмездно, однако на практике им назначались небольшие суммы из местных средств. Начиная с 1899 г. им выделялось по 100 рублей в год на разъезды по делам консистории²⁴⁸. Однако при обсуждении сметы на 1913 г. комитет свечного завода, из средств которого и выделялись эти суммы, заявил, что денег для сверхштатных членов консистории у него больше нет²⁴⁹. В следующем году съезд подтвердил, что денег на сверхштатных членов он не выделит²⁵⁰.

---

²⁴⁴ О выдаче жалования служащим консистории в 1914 году. Л. 39.

²⁴⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год. Л. 5.

²⁴⁶ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1895 год. Л. 1.

²⁴⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 2.

²⁴⁸ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. Самара, 1911. С. 129.

²⁴⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 г. Самара, 1912. С. 136.

²⁵⁰ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. Самара, 1913. С. 209.

Епископ Симеон (Покровский) писал в 1913 г., что нагрузка на духовенство Самары повышалась в связи с ростом населения губернской столицы (не в последнюю очередь вызванным политикой переселения крестьян). Храмов в городе, по мнению преосвященного, не хватало, и все священники были сильно заняты. Кроме того, епископ Симеон указывал на неэффективность сверхштатных членов. Их введение «на практике решительно не приносит никакой пользы и прежде всего потому, что сверхштатные члены должны служить совершенно без жалования. Охотников на такую тяжелую, но бесплатную работу, да еще из лиц слишком занятых не сыщешь. Да если и найдешь, то выгода для дела будет небольшая, особенно, принявши во внимание, что увеличение количества присутствующих членов, всегда занятых, уменьшает надежду на частое и полное их собрание»²⁵¹. В связи с малой эффективностью и отказом в финансировании с 1914 г. сверхштатные члены в самарской консистории уже не числились²⁵².

Особенно усложнилась ситуация с делопроизводством в самарской консистории с 1910 г. когда на ее наличный состав было возложено ведение операций по страхованию. На эти цели, правда, выделили особую сумму – 1200 рублей. Но ее не хватало, так как страховое дело стремительно развивалось и очень скоро потребовало для себя «особого отдела с особым составом служащих»²⁵³.

В том же 1910 г. проблемы консисторского делопроизводства обсуждались на общецерковном уровне. В пояснительной записке обер-прокурора Св. Синода С. М. Лукьянова выделялись основные проблемы консисторий: 1) обилие производящихся в них дел, 2) малочисленность личного состава, 3) устарелый порядок производства консисторских дел, отличающийся излишним формализмом и 4) неудовлетворительная регламентация взаимных отношений присутствия консистории, канцелярии и секретаря, создающая поводы к столкновениям и недоразумениям²⁵⁴.

---

²⁵¹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1913 год // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 498. Л. 3.

²⁵² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год. Л. 2.

²⁵³ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1913 год. Л. 3 об.

²⁵⁴ О мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства (Объяснительная записка к определению Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. за № 5127а) // ЦВ. 1910. №. 34. С. 335.

На решение первой проблемы, говорилось в записке, ввиду постоянного роста числа приходов, «рассчитывать – по крайней мере, в ближайшем будущем – нельзя». Устранение второй проблемы теснейшим образом зависело от дополнительного субсидирования, и потому могло быть осуществлено «как только состояние государственных ресурсов окажется в достаточной степени благоприятным для осуществления этого преобразования». Поэтому Св. Синод сосредоточился на решении последних двух проблем.

В определении Св. Синода от 6–9 июля 1910 г. предписывалось дела пастырско-приходские (вступление в брак в некоторых степенях родства или свойства, венчание в дни, предшествующие постам, присоединение к православию и т. п.) решать в канцеляриях епархиальных архиереев без передачи их в консистории. В тех случаях, когда по таким делам все же требовалось от консистории наведение каких-либо предварительных справок, преосвященный должен был содействовать ускорению делопроизводства, накладывая условную разрешительную резолюцию, чтобы данные дела больше в его канцелярию не возвращались (например: «Разрешается, если такие-то, действительно, состоят в указанной степени свойства и если по обыску и оглашениям не встретится законных к сему препятствий»)²⁵⁵.

Часть дел консисториям было разрешено приводить к исполнению самостоятельно «в порядке последующего свидетельствования преосвященными». Это были дела по бумагам, требующим исполнения точно определенного законом или установившимся порядком (командирование священников для приведения к присяге, назначение увещаний пожелавшим перейти из православия и т. д.), по резолюциям преосвященных, имеющим исчерпывающий характер, по приему и пересылке денежных сумм в различные учреждения и по бумагам, относящимся к промежуточным стадиям делопроизводства. Кроме того, синодальное определение давало возможность секретарям консисторий (с разрешения архиерея) некоторые формальные вопросы

---

²⁵⁵ Определение Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. о мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства // ЦВ. 1910. №. 34. С. 333.

решать без доклада присутствию (запрос необходимых справок и сведений из других учреждений, пересылку ошибочно направленных в консисторию документов, возвращение документов, представленных без необходимых приложений). Столоначальники консистории, согласно синодальному определению, могли быть освобождены от собственноручного ведения докладных настольных реестров, которое могло поручаться опытным канцелярским чиновникам и служащим.

Собственно говоря, этим реальные меры по упрощению консисторского делопроизводства исчерпывались. Далее в определении приводился ряд благих пожеланий: членам присутствия не вмешиваться в канцелярскую и делопроизводственную часть, секретарям, в свою очередь, заботиться «первее всего о правильном, основанном на действующих церковных и гражданских законах, решении дел». Консисториям рекомендовалось избегать многословия и переписывания в своих журналах «полностью целых дел без всякой надобности»²⁵⁶.

Принятые меры частично облегчили положение с консисторским делопроизводством, позволив некоторые бумаги не проводить по всем инстанциям. Однако принципиально изменить ситуацию они не смогли, так как перечень дел для самостоятельного решения, как мы увидели, был невелик. Кроме того, без решения первых двух проблем, обозначенных в пояснительной записке, многие меры так и оставались декларацией. Так, например, кадровые проблемы не позволяли освободить столоначальников от ведения докладных настольных реестров. В Самарской консистории из-за материальных проблем с 1914 г. вообще не было должности помощника столоначальника.

В последние предреволюционные годы в связи с военным положением ситуация только ухудшилась. Владыка Михаил (Богданов) в своих отчетах писал, что городское духовенство, и так перегруженное, теперь несло на себе еще и труды по участию во всевозможных комитетах: помощи раненым бойцам,

---

²⁵⁶ Определение Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. о мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства. С. 334–335.

беженцам, семьям солдат, и т. д. Полный состав присутствия консистории собрать было практически невозможно. Ухудшалось и материальное положение. Консистория докладывала, что у нее не было денег даже для того, чтобы заказать в столице бланки на будущий год²⁵⁷.

Сложившиеся условия вынудили правящего архиерея обратиться в Синод с просьбой о разрешении обложить монастыри епархии обязательным сбором, который давал бы 5000 рублей в год. Кроме того, 3000 рублей планировалось позаимствовать из сумм свечного завода²⁵⁸. Синод предписал предварительно снестись с настоятелями монастырей на предмет возможности такого обложения, а распоряжение деньгами свечного завода поставил в зависимость от решений епархиального съезда духовенства. Согласно действовавшему определению Синода, архиерей мог обращаться за ассигновками к комитету свечного завода «не иначе, чем посредством съезда»²⁵⁹. В результате съезд отнесся к нуждам консистории «не сочувственно» и денег не ассигновал²⁶⁰.

Монастыри тоже были достаточно загружены помощью больным и раненым. Тогда 30 октября 1914 г. консистория определила: «в переживаемое ныне тяжкое время, требующее от монастырей затраты всех свободных монастырских сумм на нужды войны: на лазареты для больных и раненых воинов, изготовление белья и одежды воинов, вспомоществование беженцам и т. п... вопрос этот, по мнению консистории следует отложить до более благоприятного будущего».²⁶¹

Однако благоприятное время так и не наступило. Напротив, по мере продолжения войны ситуация усугублялась, и в 1916 г. епископ Михаил писал в Синод, что нужда чиновников консистории дошла до крайней стадии, поставив их на грань жизни и смерти. «Возможно ли при наблюдающемся росте цен жить, получая 30, 40, 50 рублей (имеется в виду в месяц – *прот. М. К.*) жалованья? Из

²⁵⁷ Доклад Самарской духовной консистории от 11 июня 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093. Л. 68.

²⁵⁸ Представление архиепископа Питирима (Окнова) в Святейший Синод по поводу дополнительного ассигнования на нужды канцелярии Самарской духовной консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093. Л. 72 об.

²⁵⁹ Определение Святейшего Синода от 10 августа – 25 сентября 1912 г. // ЦВ. 1912. № 41. С. 382.

²⁶⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 7.

²⁶¹ Журнал Самарской духовной консистории от 26 октября 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093. Л. 81 об.

этих денег нужно уплатить за квартиру, нужно купить дров, которые в настоящее время доходят до 40 рублей сажень, отдать за правоученье, за книги, исправить старое платье, это все помимо приобретения продуктов первой необходимости, из коих мясо уже стало 40 коп. фунт»²⁶². Владыка Михаил просил у Синода развязать ему руки и дать возможность позаимствовать 5000 р. на канцелярию консистории из сумм свечного завода, не испрашивая разрешения епархиального съезда²⁶³.

Ответа на этот запрос епископа Михаила в архивах обнаружить на данный момент не удалось. Возможно, его и не последовало, так как в столице готовилось решение, призванное улучшить ситуацию не в одной епархии, а более системно. С января 1916 г. Святейший Синод установил прибавки к содержанию тех служащих, которые получали меньше 2400 рублей (при готовой квартире – 1920 рублей). Надбавка эта была дифференцирована: при окладе до 600 рублей – 25 %, до 1200 рублей – 20 %, до 1800 рублей – 15 % и до 2400 – 10 %²⁶⁴. Данные прибавки должны были касаться не только тех, кто получал штатное жалование, но и всех внештатных и вольнонаемных служащих.

Стесненное материальное положение служащих консистории породило практику, когда им приходилось просить у начальства выдать ту или иную сумму заимообразно с последующим вычетом из зарплаты. На рубеже веков эта практика достигает впечатляющих масштабов. Такие прошения поступали на рассмотрение консистории практически ежемесячно, нередко по несколько раз в месяц. Так, в сентябре 1901 г. за помощью обратились четверо канцелярских служащих²⁶⁵. Чаще всего занимали денег писцы консистории. Но в том же 1901 г., например, дважды обращался по этому поводу секретарь Геннадий Добротин (оба раза просил по 45 рублей).

---

²⁶² Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу увеличения жалования служащим консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180. Л. 11–11 об.

²⁶³ Там же. Л. 19 а.

²⁶⁴ Циркуляр Святейшего Синода об установлении дополнительных прибавок к содержанию служащих в правительственных учреждениях // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180. Л. 12.

²⁶⁵ Выписки из журналов Самарской духовной консистории от 8 июня, 4, 10 и 20 сентября 1901 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 7. Д. 4342. Л. 126, 129, 133, 134.

Что касается Добротина, то второй раз консистория ему в займе отказала. На этом журнале епископ Гурий наложил резолюцию следующего содержания: «Ввиду крайней нужды удовлетворить согласно рапорта... Нежелательные сведения получают мною о г. Добротине, которые поставляют меня в недоверчивые отношения к нему, с каковыми, признаюсь, никогда не приходилось относиться к секретарям консисторий, как в Благовещенске, так и здесь... Это меня в[есьма] тяготит, посему я желал бы, чтобы г. Добротин употребил все старания к тому, чтоб нежелательные сведения о нем до меня не доходили с сего числа, или пусть он добровольно оставит служение в нашей консистории»²⁶⁶. Какие нежелательные сведения имел в виду преосвященный точно неизвестно, возможно они касались материальных средств. Точно известно, что пермская консистория требовала вычесть с бывшего своего секретаря 150 рублей, которые он ей задолжал²⁶⁷. В результате Добротин прослужил в самарской консистории менее года и уже 31 октября подал прошение о переводе.

Увеличение числа подобных прошений и случаи невозврата денег вынудили епархиальную власть принять ограничительные меры. Епископ Гурий выразил свое мнение по данному вопросу следующим образом: «Никогда никому и ни из каких сумм заимообразно не выдавать денег без троих поручителей, которые бы, поручаясь за исправную уплату к известному сроку деньги, в случае неустойки, обязывались бы платить сами»²⁶⁸. В дальнейшем число таких просьб все возрастало, и требование поручителей не уменьшило его. Все сотрудники консистории были так или иначе втянуты в эту практику и оказывались связанными круговой порукой.

Деятельность духовных консисторий вызывала немало нареканий как со стороны либеральных кругов общества, так и изнутри, со стороны приходского духовенства. В исследуемый период неоднократно возникали ситуации, когда вскрывались серьезные изъяны в работе самарской консистории, и ее

---

²⁶⁶ Рапорт и <справляющего> д<олжность> секретаря Самарской духовной консистории Г. Добротина от 10 августа 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4342. Л. 114.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Выписка из журнала Самарской духовной консистории от 8 июня 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4342. Л. 126.

деятельность становилась объектом пристального внимания со стороны священноначалия и удобной мишенью для нападок прессы. Сложно предположить, чтобы правящий архиерей находился в абсолютном неведении насчет проблем консистории. При этом в своих отчетах архиереи предпочитали не касаться неудобных вопросов. Так, епископ Михаил (Богданов) постоянно аттестовал самарскую консисторию в высшей степени положительно. Интересно, что больше всего он хвалил в 1915 г. работу 4-го судного стола²⁶⁹, того самого, к которому уже через год было больше всего претензий у ревизоров.

После смерти в 1899 г. секретаря консистории В. Соловьева его преемник К. Миловзоров, принимая дела, обнаружил ряд нарушений в делопроизводстве. В столе Соловьева были найдены бумаги, свидетельствовавшие о том, что секретарь задерживал уже сделанные присутствию доклады, по которым уже были спроектированы решения. Кроме того, задерживались без исполнения даже протоколы с архиерейской резолюцией²⁷⁰. Узнав об этом, епископ Гурий настоятельно рекомендовал чтобы каждый член присутствия по своему столу хотя бы раз в месяц проверял движение дел²⁷¹.

С 1905 г. с ослаблением цензуры начинаются усиливается критика в адрес консистории в либеральной и леворадикальной губернской прессе. Претензии в основном сводились к обвинению в бюрократической волоките и взяточничестве. Так в «Самарской газете» от 26 июля 1905 года под заголовком «Взяточничество» появляется заметка о том, как некий господин Б. обращался в консисторию за выпиской из метрики. «На прошение ответили обычным «завтра». Пришел он на другой день и ему сказали, что документы он сегодня не получит, потому что, ... писарь после двадцатого пьян и писать некому, а сам архивариус чуть-чуть только фамилию свою выводит»²⁷². Дальнейшее повествование сводится к тому, что документы все же можно получить вовремя после «переговоров» с одним из служащих.

²⁶⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 7.

²⁷⁰ Докладная и<справляющего> д<должность> секретаря Самарской духовной консистории К. Миловзорова о найденных после смерти секретаря Соловьева документах // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6780. Л. 7 об.

²⁷¹ Там же. Л. 8.

²⁷² Взяточничество // Самарская газета. 1905. № 141. С. 3.

«Самарская газета» была либеральным изданием близким к социал-демократическим кругам губернии, а с октября по декабрь 1905 г. вообще являлась официальным органом Самарского комитета РСДРП. Указанная заметка вероятнее всего была банальной клеветой, хотя бы потому, что в консистории в те годы работало около двадцати писцов и вряд ли нельзя было найти одного трезвого. Ну а полуграмотный архивариус – это вообще невероятно. Несмотря на то, что вскоре в той же газете было опубликовано опровержение²⁷³, подобного рода публикации влияли на формирование определенного взгляда на церковные учреждения.

К тому же гротескность таких нападок вовсе не говорила о том, что реальных злоупотреблений в консистории нет. Особенно учитывая стесненное материальное положение ее канцелярских служащих. Та же выявленная в 1899 г. задержка документов могла быть простой халатностью, а могла быть продиктована ожиданием каких-либо преференций от лиц, заинтересованных в движении этих дел. Много нарушений вскрыла и ревизия 1916 г., уже упоминавшаяся в предыдущем параграфе.

По результатам проверки были претензии к столам вероисповедному, хозяйственному и судному. В частности, были выявлены факты систематических поборов с духовенства. Консистория взимала особые сборы «за получение сана иерея» (3 рубля), «сана диакона» (2 рубля), «получение стихаря» (1 рубля), «за перемещение на лучший приход» (3, 2 и 1 рубля, соответственно сану). Также отмечались злоупотребления при представлении к наградам²⁷⁴.

Больше всего претензий у ревизоров было к судному столу, которым руководил протоиерей Афанасий Рождественский. Проверяющие отметили крайнюю несостоятельность ведения дела в судном столе, «выражающуюся в пренебрежении к исполнению требований закона»²⁷⁵. Консистория, по их мнению, более чем снисходительно относилась к подсудным клирикам, назначая

---

²⁷³ Письмо в редакцию // Самарская газета. 1905. № 164. С. 3.

²⁷⁴ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 14 об.

²⁷⁵ Там же. Л. 15 об.

неоправданно мягкое наказание. Так, вообще никаких последствий для священников не имели грубейшие нарушения в ведении метрических книг²⁷⁶.

Были и другие претензии по поводу делопроизводства консистории: формальное отношение к делам по духовным завещаниям (отсутствие контроля за дальнейшей судьбой денег); не проверялись отчеты архиерея по тратам денег на обозрение епархии; не исправлялись обнаруженные в метриках ошибки (просителю предлагалось просто получить выписку без исправления). Много недочетов выявили и в ведении казначейских дел: несвоевременная отправка денег в семинарию, несвоевременное предоставление присутствию и внесение в денежный реестр сумм, полученных казначеем и др²⁷⁷.

Но самое серьезное злоупотребление было связано не с деятельностью канцелярии, а с проступком члена присутствия протоиерея Сергея Диомидова, ключаря кафедрального собора. В 1915 г. он единолично приобрел по пять ведер спирта и вина для собора с формулировкой «для чистки церковной утвари»²⁷⁸. Причем сделал он это, ни с кем не советуясь, и не доложил об этом вообще, пока факт не вскрыла пресса. Более того, расходы эти по бумагам собора проведены не были. О. Диомидов также «учинил» три подписи на бумагах: запрос в винную лавку как член причта собора, рапорт в консисторию – как ключарь собора и отношение в Акцизное управление «о неимении со стороны епархиального начальства претензий» – как член консистории (причем единолично). Кафедрального протоиерея Валериана Лаврского он тоже в известность не поставил. «Пособником» Диомидова был казначей консистории В. Ушков, который собственно приобрел спирт и вино и хранил все это в своей квартире в здании консистории.

Диомидов пояснил, что провел чистку утвари «келейно у себя на дому, лишив возможности установить надзор за производством работ»²⁷⁹. Излишки Диомидов уничтожил естественно также без участия официальных лиц.

---

²⁷⁶ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 15 об.

²⁷⁷ Там же. Л. 16.

²⁷⁸ Там же. Л. 16 об.

²⁷⁹ Там же. Л. 17.

Характерно полностью халатное отношение секретаря консистории П. Зорина, который ничего не докладывал архиерею и присутствию о случившемся, когда ситуация получила огласку. Кроме того, он не посчитал необходимым взять объяснение у фигурантов дела. Когда же члены присутствия предложили все вместе пойти к епископу и заявить о своей непричастности, он всячески этому препятствовал²⁸⁰.

По результатам проверки протоиереи Афанасий Рождественский и Сергей Диомидов были уволены из консистории. Последнего уволили и из ключарей кафедрального собора с переводом в собор уездного города. Казначей Василия Ушкова немедленно также немедленно уволили, а секретаря консистории Петра Зорина перевели в Екатеринославскую консисторию. Секретарь последней Юрий Березницкий, в свою очередь, был переведен на ту же должность в Самару²⁸¹.

Говоря о функционировании духовной консистории конца синодального периода, мы должны признать, что к началу XX в. вся консисторская система нуждалась в серьезных преобразованиях. С одной стороны, в рассматриваемый период сохранялись проблемы, характеризовавшие эту систему на протяжении всего синодального периода. В этом смысле устав духовных консисторий 1883 г. не привнес серьезных изменений и, по-прежнему, поддерживал определенную двойственность в епархиальном управлении, сохраняя двойную подчиненность секретаря консистории. Отсутствие частых конфликтов зависело не от системы, а скорее от личного фактора; большинство самарских архиереев (за исключением епископа Гурия в первые годы его правления) предпочитало не обострять отношения с консисторией. Чаще епископ и консистория выступали совместно против решений съезда епархиального духовенства, особенно в вопросах финансовых.

С другой стороны, в начале XX в. все острее ощущалась необходимость изменений внутри самого консисторского аппарата. Штаты 1869 г., которые определяли состав учреждения вплоть до революции, стали определенно тесны

---

²⁸⁰ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 17 об.

²⁸¹ Ведение 2-го стола Самарской духовной консистории в 3-й стол оной от 2 сентября 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180. Л. 52.

при росте епархий, увеличении числа приходов и усложнении делопроизводства. В 1913 г., например, количество дел, прошедших через консисторию, превысило 56 тысяч²⁸². Загруженность членов присутствия другими обязанностями, малая эффективность сверхштатных членов при отсутствии финансирования их из местных средств, недостаточно материальное обеспечение канцелярии, упразднение должности помощника столоначальника (тоже, судя по всему, из-за отсутствия средств), – все это приводило к тем нарушениям, которые выявила как ревизия 1916 г., так и установленный над консисторией после февраля 1917 г. контроль со стороны духовенства епархии²⁸³.

Кроме того, следует указать на тенденцию определенного сокращения сферы деятельности консистории. Связано это было с тем, что, с одной стороны, расширялись полномочия епархиального съезда духовенства, который задумывался как орган контроля духовенства над духовно-учебными заведениями. С другой стороны, усложнялась и дифференцировалась сама структура епархиального управления, появлялись новые органы. Так, дела по расколу и сектантству, сконцентрированные в 1894 г. в первом столе консистории, в 1908 г. перешли в ведение миссионерского совета.

1.4. Благочиния как низшее звено епархиального управления

Благочинные являлись (и являются в настоящее время) нижней инстанцией в структуре епархиальной администрации. Епархии были разделены на округа, возглавляемые благочинным, в которые входили от 10 до 30 приходов. В начале XX века в Русской Церкви всего насчитывалось 2,2 тыс. благочиннических округов²⁸⁴. Важность этого уровня управленческой структуры была обусловлена близостью благочинного к рядовому приходскому духовенству. Между последним и духовной консисторией практически не было прямого контакта, все

---

²⁸² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1913 год // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 498. Л. 3.

²⁸³ Журнал Самарской духовной консистории от 22 августа 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7116. Л. 30–30 об.

²⁸⁴ Федоров В. А. Русская православная церковь и государство: синодальный период (1700 – 1917). М., 2003. С. 22.

сношения и обмен бумагами происходили главным образом посредством благочинного. Роль благочинного возросла еще и после того, как высочайше утвержденным 7 июня 1869 г. мнением Государственного Совета была окончательно ликвидирована промежуточная инстанция управленческой системы в виде уездных духовных правлений²⁸⁵.

В идеале в благочинном приходские священники должны были видеть старшего собрата и сослужителя, более опытного и авторитетного. Действительно в определенном смысле благочинный воспринимался священниками как «один из своих», не в последнюю очередь потому, что на этом уровне церковной администрации не проявлялась явным образом опека светской власти, в отличие от консистории с ее чиновничьим аппаратом с секретарем во главе, который подчинялся и обер-прокурору. Кроме того, благочинническая структура в определенные периоды достаточно четко отображала принцип церковного самоуправления. Речь идет о тех годах, когда должность благочинного была выборной. И хотя в 1881 г. император Александр III отменил эту выборность, сама идея утрачена не была и очень активно обсуждалась в начале XX в.

В историографии утвердилось определенное представление о благочинном, как о полновластном хозяине своего округа, который к тому же очень часто был нечист на руку и изводил подчиненных придирками, вымогая взятки. Такой образ мы находим у большого числа дореволюционных авторов, описывавших реалии XIX в. (в первую очередь – дореформенные)²⁸⁶. Современные авторы тоже нередко продолжают представлять благочинного как полновластного хозяина в своем округе, от которого, однако, при желании «не сложно было откупиться»²⁸⁷. В последние годы, однако, стали появляться попытки несколько скорректировать такой взгляд в первую очередь применительно к концу XIX – началу XX в²⁸⁸.

---

²⁸⁵ Церковное управление в пределах уезда. СПб., 1890. С. 36.

²⁸⁶ См., например: *Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства. Лейпциг, 1858; *Кипарисов Н.* Жизнь православного сельского духовенства по изображению светской литературы 1904 года // Странник. 1905. Январь. С. 63–99.

²⁸⁷ *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное духовенство в России во 2-й пол. XIX – нач. XX в. М., 2002. С. 39.

²⁸⁸ *Скутнев А. В.* Институт благочинного в системе управления Русской Православной церкви в пореформенную эпоху // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. II. С. 180–182.

В Самарской епархии число и состав благочиний периодически менялись по мере роста населения и открытия новых приходов. Согласно Уставу духовных консисторий, «смотрению благочинного над причтами поручается от 10 до 30 окрестных церквей с их причтами»²⁸⁹. При этом если благочинному поручалось более 15 приходов, то ему мог быть назначен помощник. Серьезному пересмотру количество и состав благочиний Самарской епархии подвергались в 1867 и 1882 годах. В последующем дело сводилось к переводу отдельных населенных пунктов из одного округа в другой.

Согласно расписанию 1882 г. в епархии было 45 благочиний, которые распределялись по уездам следующим образом: Самарский уезд – 6 округов, Ставропольский – 5, Бугульминский – 3, Бугурусланский – 6, Бузулукский – 12, Николаевский – 9, Новоузенский – 4. В последующие годы по мере увеличения числа храмов в уездных городах были учреждены особые «градские» округа в Самаре, Николаеве и Бугульме, которые не входили в общий счет округов уезда (т. е. у градского округа не было порядкового номера). Также по два новых благочиния появилось в Бугурусланском и Новоузенском уездах. Таким образом, к концу XIX в. всего в Самарской епархии было 52 благочиннических округа²⁹⁰.

В самом конце XIX в. вопрос о пересмотре размеров благочиний в сторону их уменьшения снова выносится на повестку дня. К нему обратились в 1896 г. по инициативе ряда благочинных, которые указывали в первую очередь на возросшие школьные обязанности. Поводом послужило «Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты», согласно которому благочинные вошли в уездные отделения епархиального училищного совета²⁹¹. Консистория высказалась тогда категорически против дробления округов, указав на две причины: 1) повышение расходов в случае увеличения

---

²⁸⁹ Устав духовных консисторий. С. 120.

²⁹⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1895 год. Л. 1.

²⁹¹ Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания // ПСЗ-III. СПб., 1899. Т. 16. С. 138.

числа благочинных и 2) отсутствие достойных кадров для замещения этих должностей²⁹².

В конце 1899 г. этот вопрос снова был возбужден благочинным 3-го округа Бугульминского уезда священником Петром Федоровым, указывавшим, в частности, на сложность, которую создавала необходимость для благочинного прочитывать все миссионерские дневники²⁹³. Кроме того, много времени занимало и инспектирование школ. Дело в том, что при стандартном числе приходов в округе, в Бугульминском уезде была повышенная плотность школ в приходе. Самой высокой она была как раз в 3-м округе: село Туарма – 10 школ и 400 учеников, Шентала – 9 школ и 218 учеников, Новый Кувак – 9 школ и 334 ученика. Всего в округе было 62 школы и 2409 учеников²⁹⁴. Такая плотность связана с особенностью уезда, где приходы были очень обширными и включали в себя множество окружающих село деревень. Отдельные приходы в этих деревнях не создавались по причине недостаточного числа православного населения (об этом говорит малочисленность школ). Уезд был в значительной мере населен мусульманами и язычниками. При этом разбросанность школ создавала определенные неудобства. Всего в Бугульминском уезде было 140 школ, контролировать которые трем благочинным было нелегко.

Тогдашний правящий архиерей Гурий (Буртасовский) согласился с благочинным, резонно заметив, что округа в Бугульминском уезде очень велики и по числу приходов, и по территории, и их можно разделить. По крайней мере необходимо было упразднить городской округ в Бугульме, где всего два храма, которые можно подчинить благочинному 1-го округа²⁹⁵. Консистория согласилась с упразднением городского благочиния, но заявила, что по вопросу о дроблении остальных округов придерживается своего прежнего мнения²⁹⁶. В результате с 1-

²⁹² Материалы о новом разделении благочиннических округов в уездах Самарской епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6792. Л. 4 об.

²⁹³ Материалы о новом разделении благочиннических округов в уездах Самарской епархии. Л. 5.

²⁹⁴ Сведения о церквях и духовенстве, монастырях и монашествовавших и числе состоящих при них школ и училищ по Самарской епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6771. Л. 81.

²⁹⁵ Материалы о новом разделении благочиннических округов в уездах Самарской епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6792. Л. 1.

²⁹⁶ Там же. Л. 5 об.

го января 1900 г. городского благочиния в Бугульме не стало. Вопрос об уменьшении размеров благочиний с целью оптимизации управления ими поднимался еще не раз и на епархиальных съездах, и на страницах печати. Последний раз раздробить округа предлагали в 1916 г. на некоторых благочиннических съездах в связи с обсуждением приходской реформы²⁹⁷.

Таким образом, с 1900 г. число благочиний приходских церквей в епархии не менялось и составляло 51 округ. Сложнее была ситуация с благочинными монастырскими. На протяжении рассматриваемого периода она менялась неоднократно. Так в 1896 г. в епархии было 2 монастырских благочинных – для мужских и женских монастырей (женскими руководил архимандрит Тихон (Оболенский)²⁹⁸.

Между тем, устав духовных консисторий предусматривал наличие специального монастырского благочинного, которому «поручается столько монастырей, сколько он может с удобностью иметь их под своим надзором»²⁹⁹. По смыслу этого пункта все монастыри епархии не обязательно контролирует один человек, что совершенно логично при больших размерах епархий, в которых расстояние между монастырями могло измеряться сотнями километров. Уже в 1898 г. Самарской епархии был только один монастырский благочинный – тот же архимандрит Тихон (Оболенский). В его ведение входили лишь монастыри Николаевского уезда: два мужских единоверческих, один женский единоверческий и один женский православный³⁰⁰. Остальные монастыри подчинялись благочинным тех округов, в которых располагались. В том же 1898 г. в епархии числился специальный благочинный единоверческих церквей – священник Тимофей Старцев³⁰¹.

В 1900 г. монастырских благочиний в Самарской епархии уже не было. Зато появилось два отдельных благочиния единоверческих церквей, что

²⁹⁷ Журналы пастырских собраний благочиннических округов Самарской епархии 1916 – 1917 гг. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 619. Л. 62 об.

²⁹⁸ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1895 год. Л. 1.

²⁹⁹ Устав духовных консисторий. С. 120.

³⁰⁰ Сведения о церквях и духовенстве, монастырях и монашествующих и числе состоящих при них школ и училищ по Самарской епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6771. Л. 46 об.

³⁰¹ Там же. Л. 157.

свидетельствовало о том большом значении, которое придавало единоверию епархиальное начальство во главе с епископом Гурием³⁰². В 1905 г. кроме этого числился еще и отдельный благочинный единоверческих монастырей³⁰³. Число благочиннических округов в епархии возросло в 1908 г. с присоединением Уральской области. Изначально она делилась на 8 благочиний. Кроме того, в ведение епископа Уральского Тихона с того же 1908 г. перешли все дела, касающиеся единоверия. Теперь он постоянно отчитывался о состоянии единоверия в епархии в своих отчетах. В 1914 г. под началом уральского епископа состояло 12 благочиний³⁰⁴, а в 1915 – уже 15. Причем увеличение числа округов происходило в основном за счет единоверческих благочиний. Так, в 1915 г. разделение было следующим: 9 – собственно уральских округов, 4 – единоверческих церквей и 2 – единоверческих монастырей³⁰⁵. Таким образом, к 1915 г. кроме 51 округа, подчинявшегося самарскому архиерею, в епархии было еще 15 благочиний в «ведомстве епископа Тихона».

Последний дореволюционный самарский преосвященный, Михаил (Богданов) попытался возродить институт монастырского благочинного. В 1915 г. он вывел все православные монастыри епархии из округов и поручил их ведению настоятеля Самарского Николаевского мужского монастыря архимандриту Анатолию (Кванину)³⁰⁶. Однако в этом же году по причине малоопытности и малограмотности последнего все монастыри снова были переподчинены местным благочинным. Кадровые проблемы, по мнению епископа, были основными в монастырском вопросе; толковых и порядочных настоятелей в мужских монастырях просто не было. Вообще преосвященный давал очень жесткую характеристику этим монастырям: «убежища для лиц, уклоняющихся от труда и ищущих дарового пропитания и спокойного препровождения времени»³⁰⁷. Несмотря на все аргументы, ревизия 1916 г. поставила на вид епископу Михаилу

---

³⁰² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 2.

³⁰³ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112. Л. 5.

³⁰⁴ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год. Л. 64.

³⁰⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 60.

³⁰⁶ Там же. Л. 16.

³⁰⁷ Там же. Л. 17.

то, что он поручал надзор над монастырями местным благочинным, признав эту практику не соответствующей букве устава духовных консисторий³⁰⁸.

Преосвященный Михаил принял результаты ревизии к сведению, и уже к концу 1916 г. в епархии было три монастырских благочиния. Первое возглавил упоминавшийся выше архимандрит Анатолий, а второе – настоятель Мойского монастыря иеромонах Флавиан. По отношению к их монастырям функции благочинного исполнял экононом архиерейского дома иеромонах Кирик³⁰⁹.

Важным фактором являлась практика выборности благочинных, существовавшая в отдельные периоды. Так, благочинные избирались духовенством округа с 1797 по 1820 гг., после чего их назначение перешло в ведение епархиальных архиереев. Инструкция благочинным от 1858 г. гласит: «благочинный назначается, увольняется от должности и подвергается взысканию не иначе, как по определению архиерейскому»³¹⁰. При этом само духовенство по-прежнему воспринимало выборность благочинных как практику правильную и желательную. На волне Великих реформ в 1869 г. выборность благочинных была на время восстановлена. Отменен этот принцип был в апреле 1881 г. уже при Александре III, и до революции не действовал.

В начале XX в. вопрос о выборности благочинных снова начинается активно обсуждаться в рамках дискуссии об оживлении приходской жизни. В 1906 г. депутаты самарского епархиального съезда духовенства единогласно проголосовали за восстановление выборности благочинных. Однако епископ Константин (Булычев) охладил горячие головы указанием на то, что данное постановление «не может быть утверждено как не согласное с действующими в настоящее время узаконениями»³¹¹. В результате вернуться к выборности благочинных смогли только после февраля 1917-го.

Права и обязанности благочинного определялись уже упомянутой синодальной инструкцией 1858 г., которая представляла собой немного

³⁰⁸ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 15.

³⁰⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год. Л. 10 об.

³¹⁰ Инструкция благочинным // Собрание постановлений. Т. II. С. 20.

³¹¹ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1906 г. // СЕВ. 1906. № 19 (оф. ч.). С. 388.

исправленную и модернизированную «Инструкцию благочинным иереям или протоиереям» 1775 г. митрополита Платона (Левшина)³¹². Однако, несмотря на явную генетическую связь этих двух документов, синодальная инструкция несколько ограничивала власть благочинных и уравнивала их с рядовыми священниками. Так, до середины XIX в. благочинные могли налагать на священников и причетников денежные штрафы (максимум – 50 копеек) и даже временно отстранять от служения («удерживать, чтоб они не священнодействовали»)³¹³. Кроме того, священнику предписывалось оказывать благочинному особое почтение: «по приезде его встретить у церкви, и без его дозволения пред ним не садиться, и главу не накрывать...»³¹⁴. Всех этих прав благочинные в рассматриваемый период уже не имели.

Согласно синодальной инструкции, благочинные должны были осуществлять надзор за тем, как подведомственное духовенство исполняет свои служебные обязанности, а также за ведением церковного хозяйства. Для этого им предписано было дважды в год посещать приходы своего округа с инспекцией. В ходе инспекционных поездок благочинные обязаны были проверять приходскую документацию, делая отметки на метрических, обыскных и приходорасходных книгах об их исправности³¹⁵. Благочинные следили и за деятельностью церковных старост. Более того, избирались старосты, согласно инструкции, также при участии благочинного³¹⁶.

Кроме того, на благочинных лежала обязанность следить за образом жизни и моральным обликом подведомственного клира. Должны они были способствовать разрешению мелких споров между клириками, а также имели власть налагать церковные прещения за мелкие проступки. Так, благочинный имел право «штрафовать священника внушением при причте, а диакона и

³¹² Права и обязанности благочинного приходских церквей. По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. М., 1900. С. 6.

³¹³ Платон (Левшин), архиеп. Инструкция благочинным иереям или протоиереям. М., 1775. С. 27.

³¹⁴ Там же. С. 28.

³¹⁵ Инструкция благочинным // Собрание постановлений. Т. II. С. 19.

³¹⁶ Инструкция церковным старостам от 17 апреля 1808 года // ПСЗ-I. Т. 30. СПб., 1830. С. 188.

причетников и поклонами в церкви»³¹⁷. Хотя исследователи отмечают и случаи, когда благочинный штрафовал священника небольшими денежными суммами (50 копеек)³¹⁸. По-видимому, по инерции благочинные продолжали использовать привилегии, которые были прописаны в инструкции митрополита Платона (Левшина).

Благочинный был обязан представлять епархиальному архиерею клировые ведомости и ежегодно докладывать о состоянии подведомственных приходов. При этом указывались такие параметры как: численность прихожан и ее изменение, количество совершенных треб, число прихожан, которые исполнили свой христианский долг в отчетном году, а также число «небывших у исповеди и причастия». Благочинные также собирали подробные сведения о своих клириках. При этом отмечалось поведение и благонадежность не только самого духовенства, но и членов семей. Кроме того, по запросам высшей церковной власти благочинные нередко собирали и различные дополнительные сведения. Постоянные нарекания со стороны духовенства вызывали отметки о поведении, которые считались унижительными и открывающими простор для злоупотреблений со стороны благочинных. На волне освободительного движения 1905 – 1907 гг. этот вопрос неоднократно обсуждался. Так депутаты епархиального съезда духовенства 1906 г. предлагали упразднить эти отметки, так как они «унижают достоинство духовенства и низводят его на степень школьников»³¹⁹. Епископ Константин тогда в своей резолюции отметил, что «постановление не может быть утверждено как не согласное с существующими узаконениями, которые ни я, ни съезд отменять не имеем права»³²⁰. В итоге отменены эти отметки были только после Февральской революции 1917 г.³²¹

Долгое время не были четко определены источники и размер жалования благочинных. Они получали деньги из разных источников: церковных,

³¹⁷ Инструкция благочинным // Собрание постановлений. Т. II. С. 20.

³¹⁸ Скутнев А. В. Указ. соч. С. 181.

³¹⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. С. 390.

³²⁰ Там же.

³²¹ Об отмене графы о поведении из клировых ведомостей священно-церковнослужителей // СЕВ. 1917. № 11–12 (оф. ч.). С. 123.

попечительских или причтовых сумм. Только съезд духовенства 1905 г. поставил этот вопрос на повестку дня и определил платить благочинным жалование 300 рублей из местных церковных сумм³²². Для этого предполагалось произвести раскладку по храмам округа, исходя из их доходов.

Особую роль играли благочинные в осуществлении судебных функций епархиальной власти. Всеми делами по проступкам духовенства (кроме уголовных преступлений) ведал 4-й «судный» стол консистории. Когда сюда поступала информация о тех или иных неблаговидных поступках духовенства консистория назначала следствие, которое чаще всего поручалось кому-либо из благочинных. Причем для большей объективности назначался благочинный не того округа, в котором служил подсудимый. Такая ситуация сохранялась вплоть до 1907 г., когда был введен институт особых окружных духовных следователей, в которые благочинных не избирали, что частично разгрузило последних.

В качестве промежуточного звена между приходским духовенством и епархиальным начальством благочинные нередко оказывались в сложном положении. Нередко, находясь в дружественном отношении с подведомственными клириками, благочинные не торопились «выносить сор из избы» и покрывали проступки подчиненных. Так в 1896 г. консистория рассматривала дело священника села Заплавное Бузулукского уезда Николая Матюшенского, который был уличен во многих нарушениях по должности, а также пьянстве и прелюбодейной жизни³²³. В своей резолюции епископ Гурий предложил уволить благочинного 6-го округа Бузулукского уезда Григория Смарагдова, «ибо ему без сомнения, небезызвестны были художества Матюшенского, однако же он не доносил о них, напротив намеренно и даже упорно скрывал их от взоров и справедливого суда епархиального начальства». Смарагдова тогда, правда, помиловали, ограничившись строгим выговором. А вот благочинного 2-го округа Бугурусланского уезда Павла Розалиева, проводившего

---

³²² Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. С. 845.

³²³ Ведение 4-го стола Самарской духовной консистории во 2-й стол оной от 13 июля 1896 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3048. Л. 1 об.

расследование, уволили от должности «за неточную запись даваемых при следствии показаний, с явной целью оправдать священника Матюшенского»³²⁴. Так что желание прикрыть своего собрата вполне могло стоять благочинному места. Зато благочинный, встававший перед лицом епархиального начальства на сторону своих собратьев священников, пользовался у них большим авторитетом. Того же священника Павла Розалиева в 1906 г. духовенство избрало председателем епархиального съезда³²⁵. Нельзя, правда, исключать и возможности того, что такие действия не всегда были бескорыстными и могли иметь коррупционную составляющую.

В последние предреволюционные годы была предпринята попытка опереться на благочиннический уровень и при построении системы епархиальной миссии. В 1914 г. рассматривался вариант избрания благочинническими съездами или назначения особых окружно-благочиннических миссионеров³²⁶. Благодаря своему положению, близости к народу, к приходской жизни, такие миссионеры по мнению епископа Михаила (Богданова), могли бы «скорее и лучше ознакомиться с религиозным движением в округе, с количеством отпадающих от православия и быстро воздействовать на них мерами убеждения»³²⁷. Камнем преткновения стал вопрос об источниках содержания этого звена епархиальной миссии. Епархиальное начальство предлагало возложить его на местные средства благочиннического округа, что обрекало этот проект на провал, учитывая количество сборов и отчислений, которыми уже были обременены все приходы. В результате, когда Миссионерский совет передал данное предложение на рассмотрение благочиннических съездов, оно не нашло поддержки. Из 51 округа на этот призыв откликнулись только 11, из которых лишь 4 – положительно³²⁸.

В конце XIX в. с ростом численности населения, увеличения числа приходов роль благочинных, как инстанции, стоящей ближе к непосредственной приходской жизни, неуклонно возрастала. Вместе с этим усложнялась и структура

³²⁴ Ведение 4-го стола Самарской духовной консистории во 2-й стол оной от 13 июля 1896 г. Л. 2.

³²⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. С. 374.

³²⁶ Об учреждении института благочиннических миссионеров // СЕВ. 1914. № 12 (оф. ч.). С. 228.

³²⁷ Об учреждении института благочиннических миссионеров. С. 229.

³²⁸ Отчет о миссионерской деятельности за 1915 г. С. 4.

благочиннического аппарата. 13 сентября 1895 г. самарская консистория обратилась к епископу Гурию с проектом положения о благочиннических советах епархии, которое было утверждено архиереем 29 сентября. К этому времени подобные советы действовали уже во многих епархиях; первые появились в Минской епархии еще в 1865 г. при епископе Михаиле (Голубовиче)³²⁹. Согласно положению, благочиннический совет являлся органом епархиального управления, в ведение которого входили дела, требующие «решения, основанного на ближайшем знакомстве с местными условиями и обстоятельствами»³³⁰.

Совет должен был помочь благочинному, частично разгрузив его от рутинной бумажной работы. Фактически совет выполнял функции местного попечительства по делам эмеритальной кассы. Кроме того, он имел полномочия назначать и увольнять с должностей просфорнических, а также выдавать лицам духовного звания удостоверения о несостоятельности (для того, чтобы детей взяли учиться на казенный счет). Важными были и судебные функции совета. Новый орган принимал к рассмотрению дела по проступкам духовенства округа в том случае, если подразумевалось наказание не строже трех последних мер взыскания из 12, предусмотренных уставом духовной консистории (замечание, поклоны и выговор). Совет разбирал «жалобы на обиды и притеснения, когда дело может быть окончено прощением или примирением»³³¹.

Благочиннические советы состояли из самого благочинного, которого в случае необходимости заменял его помощник, а также двух членов, которых духовенство выбирало на благочинническом съезде из священников округа сроком на три года. Председательствовал на заседаниях совета благочинный или его помощник (в случае отсутствия благочинного или если последний решал по какой-либо причине уклониться от данного заседания). У советов не было четко регламентированной периодичности заседаний. Они собирались председателем «по усмотрению в том надобности» или по заявлению обоих членов совета³³². В

³²⁹ Римский С. В. Указ. соч. С. 466.

³³⁰ Положение о благочиннических советах в Самарской епархии, утвержденное Его Преосвященством 29 сентября 1895 года // СЕВ. 1895. № 21 (оф. ч.). С. 368.

³³¹ Положение о благочиннических советах в Самарской епархии. С. 369.

³³² Положение о благочиннических советах в Самарской епархии. С. 370.

последнем случае благочинный не мог уклониться от созыва. Очень важным на наш взгляд был параграф 16, который гласил, что «решения на благочиннических советах постановляются по большинству голосов»³³³. Ясно, что благочинный по многим вопросам (в первую очередь судебным) лишался права принимать решения единолично. Введение благочиннических советов уменьшало возможности для злоупотреблений для благочинных.

В 1905 г. функции благочиннических советов были серьезно расширены. Епархиальный съезд предложил, чтобы отметки о поведении духовенства в клировых ведомостях составлял и подписывал не один благочинный, а все члены совета. Только самим членам совета такие отметки благочинный проставлял единолично³³⁴. Кроме того, в общем собрании предполагалось разбирать «всякие недоразумения, кляузы, доносы, объяснения, требующие мнения благочинных», а также разбирать кандидатуры при представлении к наградам³³⁵. На этом журнале епископ Константин наложил резолюцию: «Утверждается. Кроме того, предлагаю, чтобы диаконам, просящим о предоставлении священнических вакансий и псаломщикам – о рукоположении в сан диакона удостоверения о их способностях, усердии и поведении выдавались не одними благочинными, а советами благочинническими»³³⁶. Эти изменения были вызваны тем, что много претензий предъявляло духовенство благочинным именно по части разного рода отметок и рекомендаций. С введением новых правил увеличивалась (по крайней мере, в теории) объективность этих оценок.

После 1905 г. стало очевидным, что развитие инославных и иноверных сообществ после получения свобод идет гораздо более динамично, чем православных приходов. Правительство и священноначалие обращается к вопросу оживления приходской жизни. В результате в 1914 г. появляется проект устава православного прихода. В феврале 1916 г. к обсуждению приходского вопроса

---

³³³ Положение о благочиннических советах в Самарской епархии. С. 370.

³³⁴ Об отметках поведения членов благочиннического совета // СЕВ. 1905. № 11 (оф. ч.). С. 193.

³³⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. // СЕВ. 1905. № 20 (оф. ч.). С. 844.

³³⁶ Там же. С. 844.

были привлечены широкие церковные массы³³⁷. Синод поставил задачу епархиальным архиереям разработать программу мер, направленных к оживлению приходской жизни. Важнейшими шагами на пути создания данной программы Синод считал обсуждение приходского вопроса сначала на благочиннических съездах, а затем и на съездах духовенства уездного уровня. Кроме того, предполагалось в дальнейшем привлечь к обсуждению церковных старост и «известных своим благочестием и преданностью церкви прихожан»³³⁸.

Весной и летом 1916 г. в Самарской епархии проходили благочиннические съезды, на которых духовенство предложило ряд интересных мер. Во многих округах духовенство предлагало разные способы расширения участия в работе съездов мирян. Так депутаты 5 округа Новоузенского уезда постановили обсудить приходской вопрос с прихожанами, для чего предложить им избрать от каждого прихода одного представителя на благочиннический съезд и собраться в следующий раз уже вместе ними и с церковными старостами³³⁹. Последние кстати в прошедшем 1915 г. после долгой дискуссии впервые участвовали в епархиальном съезде духовенства³⁴⁰. Духовенство 2-го округа того же Новоузенского уезда также предложило открыть прихожанам «более широкий доступ к осведомлению о состоянии церковных доходов и имущества»³⁴¹.

Активно обсуждались на благочиннических съездах и вопросы возможного улучшения структуры епархиального управления. Духовенство Бугульминского уезда предлагало уменьшить и уравнивать приходы и раздробить крупные благочиннические округа. Координация между епископом в губернском центре и увеличившимся числом благочинных, по мысли депутатов, должна была осуществляться назначенными в каждый уездный город vikариями³⁴².

³³⁷ Определение Святейшего Синода от 3–8 февраля 1916 г. о мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов // ЦВ. 1916. № 7. С. 42–45.

³³⁸ Там же. С. 44.

³³⁹ Журналы пастырских собраний благочиннических округов Самарской епархии 1916 – 1917 гг. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 619. Л. 19 об.

³⁴⁰ Материалы о допущении церковных старост к участию в епархиальных съездах благочинных // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7079. Л. 18 об.

³⁴¹ Журналы пастырских собраний благочиннических округов Самарской епархии 1916 – 1917 гг. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 619. Л. 24 об.

³⁴² Журналы пастырских собраний благочиннических округов Самарской епархии 1916 – 1917 гг. Л. 62 об.

Последнее предложение весьма характерно. На рубеже XIX – XX вв. в Русской Церкви отсутствовало промежуточное звено между благочинным и консисторией. В предыдущий период эту функцию выполняли духовные правления в уездных городах, которые были ликвидированы в период с 1841 по 1869 гг. Несмотря на это, протоиереи уездных соборов продолжали сохранять определенный авторитет и выполнять ряд особых функций. Так, например, в Самарской епархии уездные протоиереи были цензорами проповедей духовенства; благочинные собирали эти проповеди и предоставляли в уездный центр³⁴³. На уезд как административную единицу попыталось также опереться священноначалие при реформировании структуры внутренней миссии после 1905 г. В «Правилах» 1908 г. предполагалась такая инстанция, как уездный миссионер³⁴⁴, которая в Самарской епархии правда так и не была реализована.

Так или иначе актуальность восстановления уездного уровня в структуре епархиального управления Русской Церкви с конца XIX в. обсуждалась достаточно активно. При этом высказывалась мысль о целесообразности такой промежуточной инстанции между консисторией в губернской столице и благочиниями, зачастую весьма удаленными³⁴⁵. В конце концов сам Синод в 1916 г. признал необходимость активизации духовенства именно в форме уездных собраний³⁴⁶.

Таким образом в рассматриваемый период благочинные оставались важнейшим элементом системы епархиального управления. В то же самое время с 1860-х гг. наблюдается тенденция перехода от единоличного к коллективному осуществлению благочиннических функций. Появившиеся на волне реформ благочиннические советы и съезды духовенства разных уровней несколько ограничили власть благочинного и снизили риски злоупотребления. Немаловажную роль здесь сыграл и переход в 1907 г. функций духовного следствия от благочинных к специальным выборным лицам. Исследователи

---

³⁴³ Расписание проповедей своего сочинения, назначенных священникам 3-го округа Бугульминского уезда на 1907/08 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 45–45 об.

³⁴⁴ Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви // ЦВ. 1908. № 22. С. 192.

³⁴⁵ Церковное управление в пределах уезда. С. 2.

³⁴⁶ Определение Святейшего Синода от 3–8 февраля 1916 г. С. 44.

отмечают, что в конце синодального периода «при огромном количестве дел, разбираемых консисторией по жалобам священно- и церковнослужителей друг на друга, жалобы на благочинных были единичными случаями»³⁴⁷. Исследование самарских архивов привело нас к схожим наблюдениям.

Следует отметить тот факт, что на рубеже веков активизируется обсуждение необходимости возрождения уездного звена в структуре епархиального управления. Тем более, что ряд административных функций в уездах сохранялись, а другие возникали в новых условиях: уездные цензоры проповедей, уездные наблюдатели школ, уездные миссионеры. Эти предложения коррелировали с тенденцией к увеличению числа викариатств, которая усиливалась в начале XX в.

1.5. Съезды духовенства в структуре епархиального управления

Важную роль в структуре управления епархией начала XX в. играли съезды духовенства разных уровней. Очень хорошо видно, что именно благочиние было той низшей единицей, на которой эта система съездов базировалась. Съезды духовенства берут свое начало в 1860-х годах, их появление было связано с реформой духовного образования и общим усилением выборного начала в церковном управлении. Согласно семинарскому уставу 14 мая 1867 г. духовенство епархии имело право избирать своих представителей в правления семинарий. Для этого, а также для обсуждения экономических вопросов, касающихся духовного образования (в первую очередь для изыскания местных средств) духовенство получало право собираться на съезды. Необходимо, однако, отметить, что вопрос о правах и полномочиях таких съездов в ходе реформы проработан не был. С. В. Римский отмечает, что Главное присутствие и II отделение, занимавшиеся вопросом, «сошлись во мнении не составлять никаких специальных правил о съездах и выборах, предоставив это на усмотрение

---

³⁴⁷Скутнев А. В. Указ. соч. С. 181.

архиереев»³⁴⁸. Не было четких правил о съездах и в уставе духовных семинарий 1884 г., где также говорилось, что «число священнослужителей для составления съездов и способы избрания их определяются епархиальным преосвященным»³⁴⁹.

В Самаре благочиннические съезды были учреждены в 1867 г. При этом сразу было видно их двойное назначение. С одной стороны, главная их задача была в том, чтобы стать первой ступенью в выборах представителей от клириков, которым надлежало войти в семинарские и училищные правления. С другой стороны, самим духовенством съезды воспринимались как органы, учреждаемые для решения проблем внутри благочиннического округа.

Самарская епархия была одной из первых, где был введен устав духовных семинарий 1867 г. Обер-прокурор Синода отношением еще от 10 октября 1866 г. сообщил, что духовенству Самарской епархии разрешено «по примеру Смоленской и некоторых других епархий избирать из своей среды доверенных лиц для участия в хозяйственных делах семинарии и духовных училищ, с правом голоса по означенным делам»³⁵⁰. Однако конкретных механизмов избрания в этом отношении предписано не было. Поэтому в августе 1867 г. самарский преосвященный обратился в консисторию с уточнением этих механизмов. Согласно его предписанию, для избрания депутатов на окружные училищные съезды в каждом благочинии назначался съезд духовенства, на который должны были являться все священно-церковнослужители, кроме тех, кто был наказан низведением в причетники. На этих съездах выбирали делегатов в следующих пропорциях: от округа, где 10–15 причтов – одно лицо, от 15–25 причтов – 2, от 25–35 – 3 и т.д.³⁵¹. Голосование должно было проводиться закрытой баллотировкой или при помощи записок. В случае равенства голосов дело либо решалось жребием, либо голосом председателя съезда, т.е. благочинного. Сами благочинные, как и лица, занимающие другие должности по епархиальному

³⁴⁸ Римский С. В. Указ. соч. С. 464.

³⁴⁹ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. СПб., 1888. С. 33.

³⁵⁰ О предоставлении духовенству права избирать из своей среды доверенных лиц для участия в делах семинарии и духовных училищ // СЕВ. 1867. № 7 (оф. ч.). С. 96.

³⁵¹ Правила об избрании доверенных лиц от благочиний для окружных съездов духовенства по делам духовно-учебных заведений // СЕВ. 1867. № 19 (оф. ч.). С. 312.

управлению, могли быть избираемы на общих основаниях³⁵². Акт об избрании после подписания всеми присутствующими немедленно предоставлялся епископу³⁵³. Таким образом, по мысли епископа, единственной функцией благочиннических съездов должно было стать избрание депутатов для следующих ступеней: окружных и общепархиальных собраний.

Инициатива расширения полномочий окружных съездов исходила от самого духовенства. В преддверии начала 1867/68 учебного года в пяти епархиях – Рязанской, Костромской, Астраханской, Нижегородской и Самарской – прошли духовно-училищные съезды, основной задачей которых было изыскание местных средств³⁵⁴. Однако обсуждало на них духовенство и другие вопросы, в том числе и правила, на которых должна быть основана деятельность самих съездов (за неимением четких указаний священноначалия). Самарский съезд предложил использовать съезды духовенства по благочиниям «для обсуждения вопросов относительно церковной практики, управления и благочиния»³⁵⁵. Этот же съезд разработал подробный проект правил, утвержденный затем архиереем.

Согласно этим правилам благочиннические съезды созывались раз в год. Была также предусмотрена возможность экстренных съездов в тех случаях, когда епархиальное начальство требует немедленного рассмотрения неотложных вопросов. На съезды были обязаны являться все священники округа, у которых не было уважительных причин для отсутствия. Тех, кто не являлся на съезд без таких причин, ожидало братское внушение, выговор или даже рапорт на имя архиерея. Местом съезда было или село, в котором служил благочинный или населенный пункт, признанный удобным по местным обстоятельствам. В некоторых благочиниях в начале XX в. по воспоминаниям современников сложилась традиция проводить съезд каждый год в одном из сел округа по очереди³⁵⁶.

³⁵² Правда, в 1875 г. Синод запретил выбирать членов консистории как в председатели съездов, так и в члены правлений семинарий и училищ, чтобы они не стесняли духовенство «в свободном выражении мнений оно по делам училищным». См.: О том, могут ли быть допускаемы члены духовных консисторий к выборам в депутаты и председатели съездов духовенства по училищным делам // СЕВ. 1875. № 24 (оф. ч.). С. 364.

³⁵³ Правила об избрании доверенных лиц от благочиний для окружных съездов духовенства по делам духовно-учебных заведений. С. 311.

³⁵⁴ Извлечение из отчета обер-прокурора Святейшего Синода за 1867 г. С. 109.

³⁵⁵ Учреждение и правила съездов духовенства по благочиниям // Собрание постановлений. Т. II. С. 148.

³⁵⁶ Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Отцовский крест. Острая Лука. 1908 – 1926. СПб., 1996. С. 52.

Круг дел, которыми должны были заниматься благочиннические съезды, был достаточно широким, что в свою очередь, предполагало возможность расширения состава. Согласно правилам, к работе съезда могли привлекаться председатели приходских попечительств с правом голоса в тех, случаях, когда обсуждались вопросы, связанные с деятельностью этих попечительств или с расходованием их средств. При обсуждении отчислений на содержание духовных учебных заведений могли присутствовать и выступать церковные старосты. Также предусматривалась возможность участия в съездах учителей не из духовного звания с правом совещательного голоса³⁵⁷. Кроме того, на съезд допускались дьяконы, причетники и члены попечительств с правом совещательного голоса, а также «все желающие из православных, но только в качестве зрителей, без права голоса»³⁵⁸.

Одной из основных функций окружных съездов была регулировка отчислений на нужды духовно-учебных заведений с каждого причта. Не изменяя общей нагрузки на благочиние, съезд мог облегчить бремя для отдельных причтов, оказавшихся в сложном положении (например, вследствие пожара или другого бедствия), распределив его по другим приходам³⁵⁹. Кроме того, по решению съезда такое перераспределение мог совершать и сам благочинный, не дожидаясь нового собрания (для чего съезд заранее определял пропорции).

Кроме того, предметами, которые подлежали обсуждению на благочиннических съездах были: устройство и наблюдение за деятельностью приходских попечительств, открытие и содержание приходских школ, библиотек, благотворительных учреждений при приходах, изыскание местных способов содержания духовенства, «суждение об усилении средств эмеритальной кассы»³⁶⁰. Также съезд выступал в качестве инстанции, которая могла разбирать «взаимные неудовольствия» между членами причтов и по-братски вразумлять клириков, замеченных в неисправном поведении. Наконец, съезды должны были

---

³⁵⁷ Учреждение и правила съездов духовенства по благочиниям. С. 149.

³⁵⁸ Там же. С. 150.

³⁵⁹ Учреждение и правила съездов духовенства по благочиниям. С. 151.

³⁶⁰ Там же. С. 150.

координировать в округе пастырскую деятельность в самом широком смысле: искоренение суеверий, укрепление веры и нравственности, противодействие ересь и расколам. На благочиннических съездах ежегодно избирали и катехизаторов.

Такой широкий круг вопросов, которыми занимались благочиннические съезды, неизбежно приводил к усложнению их делопроизводства. В 1870-х гг. епархиальное начальство неоднократно предписывало депутатам составлять журналы по разным вопросам на отдельных листах, указывая соответственно: «по делам семинарии», «духовных училищ», «эмеритальной кассы», «женского епархиального училища», и т.д. Необходимо это было по той причине, что постановления съезда подлежали рассмотрению не только в разных столах консистории, но и в других учреждениях³⁶¹. Собственно говоря, все журналы попадали на стол к правящему архиерею, а уже после утверждения направлялись в консисторию или в другие учреждения для исполнения.

С 1905 г. намечается тенденция к расширению участия в съездах диаконов и псаломщиков. В этом году благочиннический съезд 6-го округа Новоузенского уезда предложил наделить их правом решающего голоса наравне со священниками. Однако на епархиальном съезде было решено оставить в силе прежние правила, согласно которым диаконы и псаломщики обладают лишь правом совещательного голоса³⁶². В следующем году на епархиальном съезде этот вопрос вызвал горячее обсуждение. Два депутата внесли одинаковые предложения об уравнивании голосов всех участников благочиннических съездов, которые нашли как своих горячих сторонников, так и не менее пылких противников. В результате было принято компромиссное решение: диаконы и псаломщики уравнивались в правах, но только в том случае, если их общее количество на съезде не превышало представительство священников³⁶³. К этому журналу прилагалось два отдельных мнения: протоиерея Христофора Ливанова, который настаивал на дробных голосах (священник – 1 голос, диакон – 1/2,

³⁶¹ О ведении журналов благочиннических съездов на особых листах // СЕВ. 1877. № 6 (оф. ч.). С. 52.

³⁶² Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. С. 843.

³⁶³ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. С. 386.

псаломщик – ¼) и группы священников, настаивавших на безусловно равном подходе. Епископ Константин утвердил мнение большинства³⁶⁴.

Со временем благочиннические съезды становились все более важным звеном епархиального управления. Сказывалась их близость к непосредственной приходской жизни. С 1908 г. к благочинническим и епархиальным съездам от консисторий отошло право составления списков для наделения приходов казенным жалованием. Вообще же последнее предреволюционное десятилетие ни один серьезный вопрос в Самарской епархии не решался без предварительного обсуждения на благочиннических, а затем на епархиальных съездах. Нередки были случаи, когда вопрос вызывавший горячие споры на епархиальном съезде, снова возвращался на благочиннический уровень для детального рассмотрения, как было с открытием второго епархиального женского училища, школой для псаломщиков и т. д.

Все же главной функцией благочиннических съездов было избрание делегатов на съезды учебно-окружного и епархиального уровней. Но если для благочиннических съездов еще в 1867 г. были разработаны четкие правила, то для остальных процесс юридического оформления затянулся на десятилетия. Их деятельность регламентировалась соответствующими параграфами уставов духовных училищ и семинарий, а также отдельными определениями Синода. В Самарской епархии правила для окружных и общепархиальных съездов были разработаны в 1890 г. и 26 октября поданы на утверждение епископу Серафиму (Протопопову), однако подписаны были только в 1894 г. епископом Гурием (Буртасовским)³⁶⁵.

Согласно § 22 устава духовных училищ, в круг занятий окружного съезда входило: рассмотрение сметы и изыскание средств для улучшения состояния училищ (как из собственных средств окружного духовенства, так и из других

---

³⁶⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. С. 387.

³⁶⁵ Проекты распределения училищных округов и правила для съездов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6450. Л. 1.

источников)³⁶⁶. Съезд был вправе через назначаемую им комиссию проверять расходы по тем статьям, на которые была ассигнована сумма от духовенства³⁶⁷.

Съезд определял размер платы для иносословных воспитанников училищ. Согласно § 9 устава, духовенство могло открывать приготовительные классы (естественно, на собственные средства)³⁶⁸. Через съезды духовенство округа имело возможность влиять и на другие вопросы училищной жизни. Для этого на съездах избирали членов правления училищ от местного духовенства (могли быть избраны только те, кто не состоял на училищной службе). Таким образом, мы видим, что область полномочий окружных съездов была ограничена вопросами, связанными с духовными училищами. В самарских правилах специально оговаривалось, что на обсуждение других вопросов нужно специальное разрешение епископа³⁶⁹.

Полномочия епархиальных съездов были гораздо шире и не исчерпывались сферой духовного образования. Появившись изначально так же, как и окружные, в контексте реформы духовного образования, епархиальные съезды духовенства со временем расширяли свои полномочия и становились настоящим органом самоуправления, отстаивающим интересы белого духовенства. В первую очередь это касалось всех вопросов, связанных с расходом общепархиальных средств (собранных при помощи обложения приходов или непосредственно священнослужителей). Так, например, ведению епархиального съезда подлежала деятельность эмеритальной кассы, состоявшей из взносов духовенства. В 1870 г. съездам было разрешено открывать свечные заводы и лавки «для увеличения церковных доходов»³⁷⁰. Средствами этих заводов без разрешения съездов не могли распоряжаться ни консистория, ни правящий архиерей. А в 1908 г. к съездам перешла от консистории функция распределения казенного жалования по приходам. Кроме того, епархиальный съезд в Самаре контролировал деятельность епархиальной богадельни, попечительства о бедных духовного звания,

³⁶⁶ Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года. С. 121.

³⁶⁷ Там же. С. 126

³⁶⁸ Там же. С. 118.

³⁶⁹ Проекты распределения училищных округов и правила для съездов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6450. Л. 8 об.

³⁷⁰ Определение Святейшего Синода от 9–16 декабря 1870 г. // Собрание постановлений. Т. II. С. 169.

епархиального детского приюта, создавал специальные ревизионные комиссии по данным учреждениям, учреждал фонды для поддержки учащихся детей духовенства и т. д.

Такая возрастающая роль епархиальных съездов нередко приводила к столкновению интересов этого органа сословного представительства и епархиального начальства. В этом смысле показательным столкновением 1894 г. между епископом Гурием и епархиальным съездом. Суть дела была в следующем. В 1892 г. Комитет свечного завода закупил около 900 пудов вошины, однако пробить ее до зимы всю ее не успел. Примерно половина материала осталась зимовать, в результате чего подвергалась атмосферным влияниям и испортилась³⁷¹. В 1893 г. состав комитета полностью изменился и началось расследование обстоятельств дела. В результате новый комитет предъявил своим предшественникам претензии на сумму 3706 рублей 36 копеек. Епархиальный съезд духовенства, в чье ведение входили вопросы, связанные с деятельностью свечного завода, постановил эти деньги взыскать³⁷². Тогда за бывших членов комитета вступилась консистория. В своем определении от 5 мая 1894 г. она выразила мнение, «что она не усматривает достаточных оснований к обвинению бывших членов Комитета свечного завода в небрежном отношении к вошине и, по сему, к взысканию с них 3706 рублей 36 копеек, в возмещение убытков завода, вследствие несвоевременной пробивки ее»³⁷³.

Сложность ситуации была в том, что открытие свечных заводов и контроль за ними изначально еще в 1870 г. определением Синода были возложены на епархиальные съезды духовенства³⁷⁴. Кроме того, деятельность епархиальных съездов была законодательно ограждена от попыток консистории повлиять на их работу. Согласно определениям Синода, решения съездов «не подлежат ни пересмотру, ни отмене со стороны Консистерий»³⁷⁵. Самарский епархиальный

---

³⁷¹ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 26. Л. 13 об.

³⁷² Там же. Л. 15.

³⁷³ Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1894. № 19 (оф. ч.). С. 237.

³⁷⁴ Определение Святейшего Синода от 9–16 декабря 1870 г. // Собрание постановлений по Самарской епархии. Т. II. С. 169.

³⁷⁵ Там же. С. 170.

съезд сессии 1894 г., сославшись на все эти синодальные определения, постановил: «о вышеизложенном записать в журнал, каковой представить на благоусмотрение Его Преосвященства»³⁷⁶.

Реакция епископа Гурия была достаточно резкой. Преосвященный позицию съезда воспринял в том ключе, что духовенство указало на свое место не только консистории, но и ему лично. Тем более, что до Гурия дошли сведения, о том, что на самом съезде часть духовенства высказывалась недостаточно почтительно о епархиальном начальстве. В результате епископ в своей резолюции не скрывал неудовольствия: «В этом случае съезд поступил крайне бестактно, чтобы не сказать более. По поводу рассуждений съезда о настоящем обстоятельстве один из в<есьма> почтенных благочинных епархии сельский священник-старец, бывший на съезде, выразил крайнее огорчение на молодых священников, дозволявших себе высказывать дерзкие суждения, дискредитирующие мои действия, как епископа, и консистории, как органа епархиального управления...»³⁷⁷.

Во избежание возникновения подобных коллизий в будущем епископ Гурий запросил мнение консистории «нельзя ли вызывать на съезд благочинных или их помощников». Консистория в данном вопросе проявила полную солидарность с правящим архиереем и согласилась с тем, что «следует изменить избирательный порядок созывания съездов, сделав депутатами духовенства на съездах лица, облеченные уже доверием епархиального начальства»³⁷⁸. Такими лицами были естественно признаны благочинные, которые будучи назначаемыми архиереем, по сути, сами являлись звеном епархиальной власти. Решение, принятое Гурием, отражает в том числе и его импульсивный характер. Дело в том, что буквально за несколько месяцев до этих событий, 3 апреля 1894 г., преосвященный подписал проект правил для благочиннических, окружных и епархиальных съездов, где было прописано, что благочинные не имеют права на них избираться³⁷⁹!

³⁷⁶ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 26. Л. 21.

³⁷⁷ Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. 1894. № 19 (оф. ч.). С. 239.

³⁷⁸ О новом способе избрания депутатов на епархиальные съезды духовенства // Собрание постановлений. Т. II. С. 171.

³⁷⁹ Проекты распределения училищных округов и правила для съездов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6450. Л. 1.

В течение всего периода правления епископа Гурия в Самарской епархии (до 1904 г.) епархиальные съезды духовенства были на самом деле съездами благочинных (или их помощников). Ситуация изменилась с приходом епископа Константина (Булычева), который управлял Самарской епархией с 1904 г. по 1911 г. В 1905 г. он распорядился вернуть выборы делегатов на епархиальные съезды.

Самый же серьезный конфликт между правящим архиереем и епархиальным съездом духовенства возник при сменившем епископа Константина осенью 1911 г. Симеоне (Покровском). Началось противостояние в 1912 г., когда епископ и съезд духовенства не смогли прийти к единому мнению по ряду вопросов, касавшихся ассигновки на различные епархиальные нужды. В следующем году священника Павла Введенского, который три года подряд был председателем съезда, епископ Симеон снял с должности благочинного. О том, как духовенство 4-го округа Самарского уезда провожало «административно уволенного» торжественным чествованием, не преминула написать местная либеральная пресса³⁸⁰. Когда же в 1913 г. Введенского снова избрали депутатом на съезд, епископ Симеон не утвердил его кандидатуру. Кроме того, он оценил труды съезда 1912 г. как «не серьезные, и не оправдывающие доверия своих округов»³⁸¹. В результате при открытии съезда 18 июня 1913 г. возникли сложности с избранием председателя, так как все кандидаты отказывались брать на себя эту ответственность. После трех попыток было решено отправить делегацию к архиерею, который уверил, что не считает председателя ответственным за решения всего съезда. Лишь после этого, на следующий день был избран священник Иоанн Орлов.

Свою лепту в назревавший конфликт между правящим архиереем и частью духовенства вносили и местные газеты. Буквально на следующий день после того, как был избран председатель съезда, т.е. 20 июня, уже вышел номер «Волжского слова» (газета кадетского направления) с материалом под заголовком «С епархиального съезда». Здесь подробнейшим образом пересказывались все

---

³⁸⁰ Хроника // Волжское слово. 1913. №. 126. С. 4.

³⁸¹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. Самара, 1913. С. 3.

обстоятельства первых двух дней съезда. В конце делался вывод, что на съезде «возникли большие затруднения, которые можно рассматривать как естественное следствие ненормальных отношений епископа Симеона к епарх<иальным> съездам и выборному началу»³⁸². Удивляет во всей этой ситуации оперативность и информированность журналистов. Однако и у этого феномена было свое объяснение.

С избранием председателя съезда сложности не закончились. Камнем преткновения, как это чаще всего и бывало, послужила деятельность епархиального свечного завода, за счет которого покрывалась большая часть общепархиальных нужд. А главным оппонентом епископской власти являлся председатель комитета свечного завода священник Андрей Альбокринов. Молодой и весьма энергичный руководитель, он с должностью председателя совмещал ведение бухгалтерии завода. С 1909 г. Альбокринов занимался созданием в епархии специальных фонда и кассы стипендий для детей духовенства, учившихся как с духовных, так и в светских учебных заведениях. С 1911 г. эти учреждения начали полноценно функционировать. Однако уже в апреле 1913 г. по ходатайству епископа Симеона (Покровского) Святейший Синод их закрыл по формальным поводам³⁸³.

Епископ Симеон настаивал на сокращении состава Комитета свечного завода с 4 до 3 человек, а также на введении на заводе должности ответственного бухгалтера из светских специалистов. Направлено это было непосредственно против Альбокринова, чьи бухгалтерские отчеты архиерей не доверял. На съезде 1913 г. ведение заводской бухгалтерии было решено подвергнуть независимой проверке. С этой целью был приглашен контролер Государственного банка В. А. Ширяев. Он охарактеризовал работу Альбокринова в высшей степени положительно: «бухгалтерия завода в редкостном, отличном виде; бухгалтерия завода такова, какой нужно пожелать многим заводам и учреждениям»³⁸⁴. Такая

³⁸² С епархиального съезда // Волжское слово. 1913. № 132. С. 5.

³⁸³ Указ Святейшаго Правительствующего Синода о закрытии кассы взаимопомощи и фонда стипендий // СЕВ. 1913. № 10 (оф. ч.). С. 91–93.

³⁸⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. С. 24.

оценка не повлияла, однако на мнение епископа Симеона, который в своей резолюции снова порекомендовал съезду «обсудить вопрос о восстановлении особой ответственной должности бухгалтера из светских лиц с специальным образованием»³⁸⁵. Однако подавляющим большинством съезд проголосовал против этого архиерейского предложения. На что преосвященный заметил лишь: «Предложение дано, соглашения не последовало, дальше, конечно, и речи быть не может»³⁸⁶.

Съезд упорно сопротивлялся любым попыткам правящего архиерея усилить свое влияние на Комитет свечного завода. Епископ Симеон еще в 1912 г. назначил особую комиссию, которая выработала новые правила для комитета, вступившие в действие с 1 января 1913 г. Так, например, все счета прежде уплаты по ним денег должны были по этим правилам предоставляться преосвященному. По обсуждении данного вопроса епархиальный съезд заявил, что считает такое вмешательство в работу свечного завода «незаконным на основании определения Свят<ейшего> Синода, отпечатанного в № 41 Церк<овных> Вед<омостей> за 1912 г.»³⁸⁷. Съезд посчитал, что согласно этому определению хозяином свечного завода является епархиальное духовенство и никакая комиссия не может вмешиваться в его работу. Справедливости ради надо сказать, что в данном определении говорилось, что распоряжение деньгами завода съезд должен бы осуществлять при высшем наблюдении епархиального преосвященного, который утверждал его постановления³⁸⁸. С другой стороны, там же говорилось, что архиерей относится к заводу не иначе, как посредством съезда, т. е. учреждение комиссии и изменение правил, без учета мнения съезда духовенства было со стороны епископа Симеона все же превышением полномочий.

Архиерея такая позиция съезда возмутила. Он отказался утвердить журнал съезда, поставив на вид председателям епархиального съезда и ревизионной комиссии по свечному заводу, что они «явно игнорируют и даже извращают и

³⁸⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. С. 27.

³⁸⁶ Там же. С. 41.

³⁸⁷ Там же. С. 38.

³⁸⁸ Определение Святейшего Синода от 10 августа – 25 сентября 1912 г. // ЦВ. 1912. № 41. С. 382.

мои резолюции, и распоряжения и разъяснения Высшей Центральной Власти»³⁸⁹. Не утвердил епископ и журнал съезда о выборах нового состава Комитета свечного завода, так как председателем снова выбрали священника Альбокринова. В своей резолюции преосвященный писал: «ввиду того, что он, Альбокринов, не раз проявлял противление епископской власти в отношении благоустройства заводского дела и интереса его и не желает считаться с моими распоряжениями, относящимися к этому делу – утвердить его в избранной должности не могу»³⁹⁰.

Тем временем либеральная пресса продолжала комментировать происходящее на съезде. В № 134 номере «Волжское слово» весьма подробно рассказывало о посещении епархиального съезда депутатом Государственной Думы от Самарской губернии священником Вениамином Немерцаловым и давало крайне уничижительную оценку работе духовенства в Думе³⁹¹. Со временем выяснилось и то, откуда газета могла получать информацию. Пользуясь своим служебным положением, Альбокринов посадил в соседнем с залом заседаний помещении двух конторщиков свечного завода, которые педантично переписывали все журналы съезда и архиерейские резолюции. Оригиналы удавалось получать благодаря председателю, который был всецело на стороне «партии Альбокринова». Выяснилось это правда уже в последние дни съезда, когда утечку предотвратить было уже нельзя. По вскрывшимся обстоятельствам был составлен особый акт³⁹².

Благодаря всем указанным обстоятельствам накалилась обстановка и на самом съезде. Далеко не все поддерживали партию большинства в ее борьбе с архиереем. Однако на стороне Альбокринова, кроме председателя съезда священника Иоанна Орлова, был и целый ряд молодых священников. Судя по воспоминаниям, самыми активными были Сергей Самуилов и Зина Георгиевский, которые и настояли на привлечении светского специалиста для оправдания

³⁸⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. С. 40.

³⁹⁰ Там же. С. 73.

³⁹¹ С епархиального съезда (беседа священника-депутата с его избирателями) // Волжское слово. 1913. № 134. С. 3.

³⁹² По поводу епархиального съезда сессии 1913 года, бывшего 18 июня – 4 июля. Приложение к № 17 СЕВ (с отдельной нумерацией страниц). С. 28.

Альбокринова по бухгалтерской части³⁹³. Дошло до того, что некоторые депутаты стали писать жалобы архиерею, указывая, что съездом руководит «партия людей, задавшаяся целью идти против епархиальной власти»³⁹⁴. Написавший это священник Василий Орлов просил у епископа разрешения покинуть съезд.

Конфликтные ситуации возникали не только вокруг свечного завода и его средств. Еще одним камнем преткновения была деятельность эмеритальной кассы духовенства. Съезд посчитал, что данное учреждение работает недостаточно эффективно и подозревал там многотысячные убытки. Для выяснения всех обстоятельств дела съезд учредил специальную «историческую» ревизионную комиссию, председателем которой был избран упоминавшийся выше священник Павел Введенский. Учитывая отношение к нему епископа Симеона, нетрудно догадаться, что преосвященный его кандидатуру не утвердил «по некоторым соображениям», предложив избрать в состав комиссии вместо него одного из чиновников консистории³⁹⁵. В самом конце своей работы съезд вернулся к этому вопросу и единогласно постановил просить архиерея утвердить Введенского. В противном случае «духовенство епархии не отвечает за устойчивость эмеритальной кассы и полагает, что Его Преосвященство означенную ответственность всецело берет на себя»³⁹⁶. Интересно, что в вышедшем через несколько дней номере «Волжского слова» это решение съезда приведено в несколько иной, более жесткой формулировке: «Съезд просит епископа утвердить означенное постановление съезда и *указать ему*, что в случае отказа с его стороны, съезд слагает с себя всякую ответственность за положение дел в эмеритальной кассе и *возлагает эту ответственность всецело на епископа*»³⁹⁷. Было ли это случайной опiskeй конторщиков Альбокринова или сознательной попыткой еще больше накалить атмосферу неизвестно.

Но самая упорная борьба развернулась, конечно, по вопросам ассигнования средств на те или иные епархиальные нужды. Епископ Симеон потребовал, чтобы

³⁹³ Самуилова С. С., Самуилова Н. С. Указ. соч. С. 130.

³⁹⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. С. 93.

³⁹⁵ Там же. С. 22.

³⁹⁶ Там же. С. 164.

³⁹⁷ С самарского епархиального съезда // Волжское слово. 1913. № 148. С. 3.

депутаты пересмотрели решения съезда 1912 г. об отказе в выделении денег на устройство 5-го стола консистории, на разъезды сверхштатным членам консистории, на осведомительный комитет по выборам в 4-ю Государственную Думу и другие нужды. Съезд снова отказал, как отказал и в дополнительном ассигновании 1900 рублей миссионерскому совету³⁹⁸. Все эти журналы епископ не утверждал и требовал пересмотреть снова и снова. Ситуация приобретала тупиковый характер, так как неподписанных архиереем журналов становилось все больше.

К концу съезда стало ясно, что, рассмотрев все запланированные вопросы, съезд добился очень скромных результатов, и впору было начинать работу снова. В таких условиях председатель, священник Иоанн Орлов решился на открытый демарш. Он явился к епископу Симеону с прошением освободить его от должности в связи с тем, что съезде сложилась атмосфера, «среди которой положение председателя сделалось фальшивым и крайне щекотливым, благодаря чему невозможно стало избежать ответственности, а, следовательно, и спокойно работать»³⁹⁹. Вслед за ним отказался от должности и товарищ председателя священник Феодор Григорьев. Епископ Симеон в своей резолюции благословил обоих продолжать заседания съезда до конца⁴⁰⁰. Несмотря на это Орлов и Григорьев через два дня повторили свою просьбу и получили аналогичный ответ архиерея.

В конце концов ситуация настолько запуталась, что некоторые священники стали без благословения покидать губернскую столицу. Епископ Симеон благословил продолжить заседания даже при кворуме в 2/3 депутатов, с тем, чтобы все же пересмотреть спорные журналы. В результате на последнем заседании не был набран даже указанный кворум и было решено завершить работу съезда. При этом председатель о. Орлов отправил телеграмму в Св. Синод, где изложил свою версию происходивших событий. Через несколько дней в «Волжском слове» появился очередной материал, посвященный съезду. Здесь

---

³⁹⁸ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. С. 137.

³⁹⁹ Там же. С. 176.

⁴⁰⁰ Там же. С. 170.

подробно приводились выдержки из журналов, резолюции архиерея и целиком телеграмма председателя все с теми же жалобами на «удушливую атмосферу» и неоправданно жесткие действия архиерея, в результате чего «вся работа съезда представляла целый ряд конфликтов и недоразумений между съездом и епископом»⁴⁰¹. В результате съезд так и не решил многих вопросов. Смерть епископа Симеона осенью того же 1913 г. поставила точку в описанном противостоянии.

В предыдущих параграфах уже говорилось о том, как архиепископу Питириму удалось, отказавшись от установки на конфронтацию, восстановить отношения со съездом. Однако уже при епископе Михаиле (Богданове), в военные годы, финансовые вопросы снова вышли на первый план и противостояние между епархиальным начальством и съездом духовенства обострились настолько, что епископ обращался в Синод с просьбой дать ему особое разрешение использовать деньги свечного завода на нужды консистории без согласия духовенства, договориться с которым у него не получилось.

Новый этап в развитии епархиальных съездов наступил после марта 1917 г. Начавшаяся «демократизация» епархиального управления выражалась в том, что именно съезды заняли положение верховного органа власти во многих епархиях, упраздняя или ставя под свой контроль консистории и даже устраняя правящих архиереев. В Самарской епархии ситуация развивалась по общим принципам, но со своей спецификой. Епископ Михаил (Богданов) был вызван в новый состав Синода и активно в делах епархии участвовать мог не всегда. Съезд в свою очередь ввел в состав консистории двух своих представителей, поставив таким образом ее под свой контроль. Подробнее о ситуации в епархии в марте-октябре 1917 г. говорится в третьей главе. Здесь же мы можем констатировать, что та острая полемика о формах и пределах участия духовенства в управлении епархией, которую мы видим, например, на Поместном Соборе, угадывается уже в конфликтных ситуациях начал XX в.

---

⁴⁰¹ С самарского епархиального съезда // Волжское слово. 1913. № 148. С. 4.

1.6. Приходское церковно-общественное самоуправление

Эпоха Великих реформ Александра II породила, помимо всего прочего, активное обсуждение церковных преобразований и в частности на уровне прихода. Много говорилось о расширении приходского самоуправления, об усилении выборного начала. Предлагали вернуться к выборности членов церковного причта прихожанами, дать большую свободу в распоряжении церковными суммами и т. д. Результатом работы Особого Присутствия по делам православного духовенства стала правительственная программа, которая наглядно показала неготовность власти к широким преобразованиям. Все ограничилось созданием церковно-приходских попечительств, и именно эти органы стали основой приходского самоуправления на ближайшие 40 лет.

Деятельность церковно-приходских попечительств регулировалась положениями от 2 августа 1864 г. Согласно этим положениям, главными целями попечительств были: благоустройство здания и территории церкви, начальное образование и благотворительность в рамках прихода. В их обязанности входило содержание приходской церкви и удовлетворение всех ее нужд; поиск средств на учреждение школ, больниц и богаделен; помощь беднейшим жителям прихода, а также погребение этих жителей и уход за кладбищами⁴⁰².

В попечительства входили местные священнослужители, а также выборные из прихожан на неопределенное число лет. Непременным членом считался еще и староста. Число светских членов каждого попечительства и срок их службы определяется по местным обстоятельствам собранием прихожан с доведением до сведения архиерея. При выборах, однако, сохранился имущественный ценз: право голоса получили только домовладельцы и «те, кто по закону обладал правом участия в собраниях местного городского и сельского общества, а из дворян – правом участия в собраниях дворянства»⁴⁰³. Волостные старшины или головы были непременными членами попечительств

---

⁴⁰² Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года // Собрание постановлений. Т. II. С. 257.

⁴⁰³ Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 256.

Председатель попечительства избирался общим собранием прихожан и получал звание Попечителя прихода (выбираться мог и приходской священник). В случае отсутствия председателя заседание возглавлял священник. Председатель попечительства, согласно Правилам для благочиннических съездов, получил право участия в этих съездах с правом голоса. Правда, это участие ограничивалось теми случаями, когда съезд занимался делами, касающимися попечительств или требующими использования средств попечительств⁴⁰⁴. Председатель и весь состав попечительства утверждался правящим архиереем, причем епископ не всегда автоматически утверждал тех, кого выбрали. Так в 1910 г. епископ Константин (Булычев) утвердил председателем приходского попечительства с. Морша Николаевского уезда местного священника Вениамина Немерцалова вместо избранного крестьянина Иова Макурина⁴⁰⁵.

В качестве способа для изыскания средств попечительство использовало только добровольные пожертвования. Пожертвования собирались отдельно: 1) на содержание и благоустройство церквей, 2) на содержание причтов, 3) на школы и благотворительные учреждения⁴⁰⁶. В конце года попечительство отчитывалось перед общим собранием прихожан (не менее 1/10 всех прихожан). Собрание имело право назначать от 3 до 15 уполномоченных для проверки отчетности попечительства.

Согласно статье 14, там, где не было возможности иметь попечительство, его обязанности возлагались с согласия архиерея на одно лицо – приходского попечителя⁴⁰⁷. Последняя мера кстати попала в Правила по предложению министра внутренних дел П. А. Валуева и была рассчитана, по мнению исследователя этого вопроса С. В. Римского, на богачей, бывших крепостников, которым было бы зазорно делить власть с бывшими крепостными. На это же была рассчитана мера, согласно которой попечительство возглавлял не священник, а мирянин. Такой подход основывался «на сомнительном, не подкреплённом

⁴⁰⁴ Проекты распределения училищных округов и правила для съездов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6450. Л. 4 об.

⁴⁰⁵ Летопись Казанской церкви с. Морша Николаевского уезда Самарской губернии (1867 – 1916 гг.) / Лисицына В. В. Моршане. Самара, 2013. С. 76.

⁴⁰⁶ Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 257.

⁴⁰⁷ Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 257.

основательной проверкой предложении, что бывшие помещики с удовольствием взвалют на себя обременительную обязанность и охотно изъявят желание быть членами и почетными попечителями новых органов»⁴⁰⁸.

Открытие попечительств на практике оказалось делом сложным и по-разному протекало в епархиях Русской Церкви. Самарская епархия была благополучнее соседних поволжских епархий в этом отношении. Первые такие учреждения стали открываться здесь уже осенью 1864 года. Всего же за первый год после выхода закона в Самарской епархии открылось 177 попечительств. Это был второй результат по всей Русской Церкви, больше было только в Подольской – 266⁴⁰⁹. Такие показатели не в последнюю очередь были обусловлены активной позицией как епархиальной власти, так и самого духовенства. Так, в 1869 г. епархиальный съезд духовенства постановил открывать попечительства во всех приходах в обязательном порядке⁴¹⁰!

В результате стопроцентного охвата, конечно, не получилось. Но к 1895 году попечительства были открыты в 80 % приходов Самарской епархии, в то время как в соседней Симбирской эта цифра была – 30 %, а в Пензенской и того меньше – 27,4 %. В революционном 1905 г. данные по Самарской епархии чуть снижаются – 73,7 %, однако к 1909 почти догоняют прежние показатели – 77,5. В этом же 1909 г. цифры по Симбирской и Пензенской епархиям серьезно не выросли – 37,3 и 30,4 соответственно⁴¹¹.

В абсолютных цифрах рост попечительств выглядит следующим образом: 1879 г. – 625 попечительств, 1895 г. – 710, 1900 г. – 756, 1905 г. – 830, 1909 г. – 867⁴¹².

Закономерно, что при таком числе попечительств Самарская епархия была лидером и по количеству собранных ими денег. Так в 1879 г. Самарская епархия была уже на первом месте: 625 попечительств собрали 404 376 рублей. К этому

⁴⁰⁸ Римский С. В. Указ. соч. С. 351.

⁴⁰⁹ Там же. С. 353.

⁴¹⁰ Об открытии приходских попечительств // Собрание постановлений. Т. II. С. 258.

⁴¹¹ Мендюков А. В. Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков. С. 40.

⁴¹² См.: Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 50; Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 27; Римский С. В. Указ. соч. С. 355; Мендюков А. В. Указ. соч. С. 41.

показателю никто даже близко не подобрался: следующая по списку епархия – Вятская – собрала только 126 308 рублей⁴¹³. В Самарской епархии на каждое попечительство приходилось 647 рублей (у С. В. Римского вероятно опечатка – 667 рублей). В последующие годы Самара сохраняла свое лидирующее положение. Сбор денег проводился попечительствами не только в виде добровольных пожертвований. Многие попечительства своими силами сеяли хлеб, и собранный урожай нередко составлял основные средства попечительства. Так, попечительство с. Иловатый Ерик Новоузенского уезда заседало 45 десятин земли, и деньги, вырученные за собранный хлеб, были его главным доходом (в один из годов – 528 рублей из 544)⁴¹⁴.

Максимальное количество денег самарские попечительства собирали на рубеже веков. Так в 1900 году 756 попечительствами был собран 504 891 рубль⁴¹⁵. В среднем на попечительство, тем самым, пришлось 668 рублей. Это максимальный показатель. В начале XX века показатели снижаются, и заметно серьезное колебание в цифрах: 1904 г. – 273 630 рублей (в среднем 332 рубля на попечительство), 1905 г. – 480 265 (в среднем 578 рублей), 1907 г. – 366 626 рублей (в среднем 436 рублей), 1909 г. – 445 175 рублей (в среднем 513 рублей)⁴¹⁶. Таким образом, самым провальным для Самары был 1904 год, а в беспокойном 1905 денег собрали даже больше, чем в относительно благополучном 1909 г.

Таким образом, на фоне других регионов, в особенности своих ближайших соседей ситуация со сбором денег попечительствами в Самарской епархии выглядит неплохо. Однако, указанные цифры требуют некоторого уточнения, так как могут ввести исследователя в заблуждение в отношении благосостояния приходского духовенства. Дело в том, что собирались деньги отдельно на три разных направления: 1) содержание церквей, 2) содержание причтов и 3) церковно-приходские школы и благотворительность, и указанные в отчетах крупные суммы по епархии совершенно не означают, что все эти деньги шли

⁴¹³Римский С. В. Указ. соч. С. 355.

⁴¹⁴Синельников С. Иловатый Ерик: от неурожая 1891 г. до урожая 1913 г. (по страницам церковной летописи) // Духовный собеседник. 1998. № 4 (16). С. 148.

⁴¹⁵Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 26.

⁴¹⁶Мендюков А. В. Указ. соч. С. 41–42.

духовенству. Неравномерность в распределении сумм обнаружилась практически сразу после введения попечительств. С. В. Римский приводит данные 1869 г. когда в среднем по России на содержание и украшение церквей было собрано одним попечительством 78 рублей 13 копеек, на школы и благотворительность – 17 рублей 18 копеек, а на причты – 4 рубля 77 копеек⁴¹⁷.

В этом отношении Самарская епархия тоже не была исключением. Так из 504 891 рубля, собранного попечительствами в 1900 г. большая часть денег – 371 239 рублей пошли на содержание церквей, 44 715 рублей – на школы и благотворительность и 88 937 рублей – на содержание причтов⁴¹⁸. Т.е. на нужды духовенства пошло около 1/6 всей суммы. В революционном 1905 году соотношение еще больше ухудшилось. При общем снижении сборов (480 265 рублей) немного возросла сумма, предназначенная для содержания церквей, а остальные доли были сокращены практически на треть⁴¹⁹. Таким образом, мы видим, что сумма на содержание духовенства уменьшилась на целых 33 тысячи рублей.

Данные цифры свидетельствуют, что задача по материальному обеспечению причтов, которую возлагало на церковно-приходские попечительства правительство, ими решалась не очень активно. В Самарской епархии (как и во всех остальных) нередкими были разногласия и даже острые конфликты между причтами и попечительствами.

Приведенные цифры наглядно свидетельствуют, что самими членами попечительств эти органы воспринимались как некие организации по строительству и ремонту церковных зданий. Собственно, к такому пониманию располагало и само Положение 1864 года, где именно содержание церквей поставлено на первое место⁴²⁰. Кроме того, необходимо заметить, что роль попечительств в приходском самоуправлении была ограничена еще и тем, что их средства ограничивались добровольными пожертвованиями, которые удавалось

---

⁴¹⁷Римский С. В. Указ. соч. С. 355.

⁴¹⁸ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 26.

⁴¹⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 50.

⁴²⁰ Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 257.

собрать, доступа к церковным суммам у них не было. В понятие «церковные суммы» входили доходы от кошелькового и кружечного сборов, продажи свечей и аренды церковной недвижимости («оброчные статьи»). Все эти деньги собирал церковный староста. В церкви могло оставаться не более 200 рублей наличными, остальные деньги сдавались в банк под проценты. Староста же вел и приходно-расходную книгу, если был грамотен (если нет – это делал кто-то из причта).

Современниками тот факт, что попечительствам был закрыт доступ к церковным суммам, оценивался как одна из главных ошибок: «устранение приходского попечительства от контроля над церковными суммами не могло не подрывать на первых же порах самостоятельности нового учреждения, не могло не отражаться отрицательно на успешности его трудов по обеспечению храма и причта, так как истинное материальное положение их ускользало от его знания и влияния...»⁴²¹.

Однако это не было единственной проблемой, с которой столкнулись в своей деятельности попечительства. Не до конца был также продуман вопрос о взаимоотношениях попечительств и церковных старост. Характерно, что в Инструкции церковным старостам от 12 июня 1890 г. нет ни одного слова о попечительствах и взаимодействии старост с этими учреждениями. В свою очередь в Положении о попечительствах от 2 августа 1864 г. упоминается только о том, что старосты являются непременно членами последних⁴²². Попечительства как мы видели, были отстранены от распоряжения церковными суммами, которые хранятся «за ключами старосты и церковной печатью» и расходуются старостой «непременно с согласия причта»⁴²³.

В то же самое время нельзя сказать, что староста был совершенно неподконтролен в своих действиях местному обществу. Ежемесячно совершалось «свидетельство прихода и расхода за истекший месяц, причем выведенный по приходно-расходной книге остаток сумм и капиталов поверяется с наличною

⁴²¹ Папков А. Начало возрождения церковно-приходской жизни в России. М., 1900. С. 43.

⁴²² Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 256.

⁴²³ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам // Собрание постановлений. Т. II. С. 250.

кассой»⁴²⁴. Данное «свидетельство» совершалось причтом и старостой при участии двух представителей от прихожан, избираемых на каждый год⁴²⁵. Нередко этими выборными были те же члены попечительств, но поскольку законодательно эта норма прописана не была, ситуация порой складывалась весьма запутанно.

В результате между старостой и другими членами попечительства нередко возникали трения на почве расходования денег или управления церковным имуществом. Нередко эти трения усугублялись еще и личными отношениями внутри общины, когда, например, старостой был местный землевладелец, притеснявший общинников. Так было в с. Наумовка Николаевского уезда со старостой, купцом Бердниковым⁴²⁶.

В начале 1903 года председатель церковно-приходского попечительства с. Сарма Николаевского уезда крестьянин Василий Стрельцов жаловался Преосвященному Гурию на местного старосту Василия Соколова, который занимался самоуправством. Так, этот староста, по словам Стрельцова, дважды, в 1902 и 1903 годах, продавал церковный хлеб (56 и 24 пуда соответственно). Причем продал «кому неизвестно, и за какую сумму, тоже самовольно, попечительству неизвестно»⁴²⁷. Кроме того, староста умудрился выкопать из церковного колодца сруб и использовать его в своем личном колодце. Несмотря на то, что подобные обвинения похожи на донос, основанный на личной неприязни, они свидетельствуют о том, что могло служить предметом споров между старостами и попечительствами (чаще всего это – распоряжение теми или иными материальными ресурсами прихода).

В случае возникновения подобного рода трений велика была роль благочинного, которому, как правило, приходилось расследовать такие жалобы. Так, в 1901 году причт вместе с церковным старостой Михайло-Архангельской

⁴²⁴ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам // Собрание постановлений. Т. II. С. 251.

⁴²⁵ Там же.

⁴²⁶ Материалы по донесению купца Бердникова о самовольном распоряжении финансами церковно-приходского попечительства с. Наумовка Николаевского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6680. Л. 12 об.

⁴²⁷ Прошение председателя церковно-приходского попечительства с. Сарма Николаевского уезда В. И. Стрельцова на имя епископа Гурия (Буртасовского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4415. Л. 1 об.

церкви с. Романовки Николаевского уезда доносили в консисторию, что председатель местного попечительства Матвей Марков присвоил себе 123 рубля собранных по сборным книжкам. Деньги эти отдать Марков отказывался, мотивируя тем, что затратил собственные средства на ремонт храма⁴²⁸. По результатам расследования, проведенного благочинным 3-го округа Николаевского уезда, все траты на ремонт храма были оправданы, и все документы на этот счет были в порядке. В результате консистория прекратила данное дело⁴²⁹.

В случае возникновения споров между духовенством и прихожанами попечительство защищало интересы последних. Особенно это касается случаев, когда причт и прихожане расходились в вопросе целесообразности тех или иных материальных затрат. Так, например, прихожане села Николаевка Николаевского уезда были возмущены желанием местного священника о. Маслова потратить более 800 рублей на установку в храме печей, не советуясь с попечительством. Сами прихожане более актуальным считали установку ограды вокруг храма «ибо домашняя скотина чешется об углы церкви и собаки испражняются на ее стены»⁴³⁰. Кроме того, священник фактически склонял членов попечительства к подлогу, намереваясь 440 рублей церковных денег (вырученных от продажи свечей) выдать за сумму, пожертвованную попечительству и использовать ее для установки печей. Члены попечительства, однако, не захотели «брать лишнего на свои души от перекладки из одной кружки в другую не принадлежащих последней денег»⁴³¹.

Староста и члены попечительства Христо-Рождественской церкви с. Балакова Николаевского уезда вместе боролись с самоуправством своих клириков: диакона Капитона Гладкова и диакона на вакансии псаломщика Николая Несмелова. Последние построили себе дома на земле, принадлежащей

⁴²⁸ Рапорт причта и церковного старосты Михайло-Архангельской церкви села Романовка 3-го благочиннического округа Николаевского уезда от 3 февраля 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4347. Л. 2.

⁴²⁹ Журнал Самарской духовной консистории от 3 октября 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4347. Л. 12 об.

⁴³⁰ Прошение прихожан села Николаевка Николаевского уезда на имя епископа Гурия (Буртасовского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4476. Л. 6.

⁴³¹ Там же. Л. 6 об.

храму. Через некоторое время обоих перевели в другие храмы с. Балакова, однако они продолжали пользоваться недвижимостью, сдавая ее в аренду и не реагируя на требования попечительства освободить землю. Ситуация с домом Гладкова к 1900 году тянулась уже 12 лет, с домом Несмелова – 9 лет⁴³². Только в 1901 году по решению Консистории дом Гладкова был снесен, а дом Несмелова был выкуплен попечительством Христо-Рождественской церкви⁴³³.

В начале XX века в связи с активным обсуждением церковной реформы все чаще начинают подниматься вопросы приходского самоуправления. Как церковная, так и светская печать много пишут о возрождении прихода, децентрализации епархиального управления, участии мирян в церковно-административной деятельности. По мнению некоторых изданий «все это составляет *ria desideria*, которые, несомненно должны оживить церковь»⁴³⁴. Кроме того, начавшиеся в 1905 году революционные события также подталкивали государство и Церковь к поиску новых форм приходского самоуправления. 18 ноября 1905 г. появилось определение Синода за № 5900, в котором декларировалась «настоятельнейшая и неотложная нужда в единении пастыря с паствой»⁴³⁵. В качестве способа достижения этого единения Синод предлагал священникам созывать общие церковно-приходские собрания для обсуждения всех проблем прихода, а для непосредственного решения текущих задач приходской жизни, предлагалось создавать постоянные церковно-приходские советы⁴³⁶.

В глаза бросается ряд отличий между попечительствами и новыми советами, правда, не столько на практике, сколько в том, как они были задуманы. В первую очередь стоит отметить, что правила о советах были менее разработаны и имели форму не категоричных предписаний, а общих рекомендаций. Предполагалось, что «дальнейшие подробности в устройении указанных форм

⁴³² Рапорт и <справляющего> д<олжность> благочинного 9-го округа Николаевского уезда священника Василия Виноградова // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4331. Л. 2 об.

⁴³³ Там же. Л. 3.

⁴³⁴ Мнения и отзывы по вопросу о реформе // Церковный Вестник. 1905. № 12. С. 8.

⁴³⁵ Определение Святейшего Синода от 18-го ноября 1905 г. по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний // ЦВ. 1905. № 48. С. 523.

⁴³⁶ Там же. С. 524.

церковно-приходской жизни могут быть предоставлены свободному почину самих собраний, согласно общим указаниям и с одобрения епархиальной власти»⁴³⁷. Открываться советы должны были не в принудительном порядке, а исключительно по желанию самих прихожан.

Одним из немногих четко прописанных условий было указание на то, что советы должны действовать под руководством и председательством настоятеля приходской церкви. Попечительствами, напротив, в большинстве случаев руководили миряне, хотя Положения и давали право членам причта избираться в их председатели⁴³⁸. Таким образом священноначалие пыталось избежать тех конфликтов, которые случались между причтами и церковно-приходскими попечительствами, сосредоточив всю власть в руках священника. Ту же цель преследовали появившиеся ровно через год, 18 ноября 1906 года, Правила, которые вообще все общества и союзы (трезвенников, хоругвеносцев, любителей церковного пения и пр.), возникающие при приходе в обязательном порядке вверили руководству приходского священника⁴³⁹. Эти два документа, появившиеся с разницей в год некоторые исследователи иногда даже путают⁴⁴⁰.

Есть отличие и в тех задачах, которые возлагались на советы. Новый орган виделся властями как учреждение, деятельность которого направлена на просветительские и благотворительные цели. Не в последнюю очередь ожидали от него и противостояния нарастающим революционным настроениям. Приходской совет был призван объединить вокруг священника все здоровые силы прихода. Для этого и сам состав советов был расширенным; в них могло входить до 12 мирян. В отличие от попечительств, чья деятельность была сконцентрирована на изыскании средств на те или иные приходские нужды, для советов эта деятельность не была основной. В Правилах лишь сказано, что

⁴³⁷ Определение Святейшего Синода от 18-го ноября 1905 г. по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний. С. 524.

⁴³⁸ Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года. С. 256.

⁴³⁹ Правила, определяющие отношения церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви и вне ее, и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц // ЦВ. 1906. №. 40. С. 505.

⁴⁴⁰ Так, у А. В. Мендюкова говорится, что церковно-приходские советы были учреждены указом от 18 ноября 1906 года. См.: Мендюков А. В. Указ. соч. С. 47.

староста и причт могут приглашать членов приходского совета «к участию в заведывании церковным хозяйством»⁴⁴¹.

Учитывая, что перед советами не стояло задачи во что бы то ни стало заменить собой существующие попечительства, динамика их открытия по Самарской епархии была неплохой. По данным отчета самарского архиерея на конец 1907 года было образовано 100 церковно-приходских советов из 850 приходов (некоторые правда существовали только формально). По мнению преосвященного, советы как одна из форм приходского устройства потому и не получили большего распространения в Самарской епархии, что приходская самодеятельность и до них здесь была достаточно развита, она была хорошо налажена церковно-приходскими попечительствами, которые были почти в каждом приходе⁴⁴². Показательно, что на многих приходских собраниях было решено, не открывая церковно-приходских советов, усилить работу попечительств⁴⁴³.

Необходимо отметить, что отдельные благочиния показывали достаточно высокие темпы открытия приходских советов. Так благочинный второго округа Ставропольского уезда летом 1908 г. сообщал, что с января этого года при 13 из 28 приходов его округа были открыты советы. При остальных продолжали действовать церковно-приходские попечительства. Благочинный также честно признавал, что в двух приходах нет ни того, ни другого⁴⁴⁴.

В 1908 году вопрос о церковно-приходских советах обсуждался и на съезде епархиального духовенства, проходившем в августе. В результате участники съезда разделились на два противоположных лагеря. После длительных прений победило все же мнение сторонников создания советов⁴⁴⁵. Не менее важным был вопрос о том, как сделать работу этих органов эффективной. Здесь съезд выработал ряд конкретных рекомендаций. По этим мерам видно, что

⁴⁴¹ Определение Святейшего Синода от 18-го ноября 1905 г. С. 524.

⁴⁴² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1906 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2236. Л. 18.

⁴⁴³ Там же.

⁴⁴⁴ Рапорт благочинного 2-го округа Ставропольского уезда священника Порфирия Высокова от 29 июля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 3.

⁴⁴⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 года. Самара, 1908. С. 13

епархиальное духовенство выступало за максимально возможное расширение прав нового учреждения. Съезд предложил:

1. Предоставить церковно-приходским советам большую самостоятельность в заведывании церковным хозяйством;
2. Предоставить им статус юридического лица;
3. Указать лучшие и вернейшие способы усиления материальных средств, которые могли бы советы использовать в целях религиозно-нравственного просвещения и благотворения в приходе⁴⁴⁶.

С другой стороны, нельзя не отметить, что дарование таких широких прав советам в условиях еще не до конца стабилизировавшейся общественно-политической ситуации вызывало определенные опасения у духовенства. Этим объясняется наличие следующей формулировки в определениях съезда: «В настоящее время предоставить церковно-приходским советам только лишь участие, вместе с священником, в религиозно-нравственном оздоровлении прихода, для чего придать советам характер просветительных братств. Когда же религиозно-нравственное оздоровление прихода будет достигнуто тогда-то и предоставить Советам хозяйственную и благотворительную роль в приходе». Резолюция епископа Константина на этом журнале выдержана в духе данной формулировки и красноречиво свидетельствует о том, какое место отводил преосвященный новому органу приходского самоуправления: «Желательно, чтобы эти Советы, прежде всего, пришли на помощь священникам в деле религиозно-нравственного оздоровления приходов»⁴⁴⁷.

Годом ранее в своем отчете епископ Константин открыто высказывал свои сомнения на предмет эффективности деятельности советов. По его мнению, революционно настроенная часть общества была настроена против них, так как смотрела на советы как на новую форму эксплуатации религиозного чувства. Там же, где церковно-приходские советы были все же образованы, «освободители не преминули воспользоваться ими в своих целях: проводили в состав членов их

⁴⁴⁶ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 года. Самара, 1908. С. 14.

⁴⁴⁷ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 года. С. 14.

людей своего лагеря, которые на собраниях возбуждали митинговые вопросы о принудительном отчуждении, крестьянском безземелье, возбуждали злобу против духовенства и состоятельных классов, посягали на распоряжение церковными суммами, подбивали старост не платить взносы на духовно-учебные заведения и пр. Во многих приходах создание церковно-приходских советов приостановлено»⁴⁴⁸.

На практике организация приходских советов чаще всего происходила на основе уже существующих попечительств. В него входили члены старого попечительства, священник (а чаще – весь причт), церковный староста, его помощник. Там, где совет действительно занимался активной просветительской деятельностью, в его состав и входили местные учителя. С этим связан еще один интересный факт – в советы стали входить женщины, чего в попечительствах практически не случалось. Так, в селе Верхнее Якушкино Ставропольского уезда в состав совета вошли сразу три женщины: учительница церковно-приходской школы Ольга Булонова, учительница земско-общественной школы Евдокия Андреева и ее помощница Мария Жидяева⁴⁴⁹.

Вообще этот верхнеякушкинский совет формировался с целым рядом особенностей. Пытаясь сделать его более представительным, собрание перестаралось с численностью, избрав 16 членов (даже за вычетом священника и дьякона это перебор). Кроме того, собрание избрало председателем совета мирянина – земского начальника 6-го участка Ставропольского уезда, так как местный священник устранился от выборов. Архиерею потом пришлось специальным письмом разъяснить земскому начальнику, что, согласно Правилам Святейшего Синода, тот не может быть председателем⁴⁵⁰.

Несмотря на желание сделать из церковно-приходских советов просветительские братства, на деле новоявленные советы занимались гораздо более широким кругом проблем. Представление об этом можно получить из

⁴⁴⁸ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1907 год. Л. 18.

⁴⁴⁹ Приговор сельского общества села Верхнее Якушкино Ставропольского уезда от 29 ноября 1908 г. об избрании членов церковно-приходского совета // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 14 об.

⁴⁵⁰ Отношение епископа Константина (Булычева) на имя земского начальника 6-го участка Ставропольского уезда от 29 января 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 15.

рапортов благочинных. Так, благочинный 2 округа Ставропольского уезда писал: «В селе Аврали церковно-приходской совет изыскивает средства более 1000 рублей через общественную запашку и добровольные пожертвования на окончательную отделку храма... В селе Васильевка – доканчивает внутреннюю отделку храма и причтовых домов... В селе Высоком Колке – испросил у общества 7 десятин земли, которые засеиваются и поступающий доход идет на отопление и ремонт церковной школы и храма»⁴⁵¹. Можно видеть, что в значительном числе случаев церковно-приходские советы продолжали осуществлять ту деятельность, которую до того проводили попечительства.

Однако следует заметить, что все же функции церковно-приходских советов были шире и не исчерпывались изысканием средств на содержание храма. Постепенно некоторые советы приобретают предполагавшийся характер благотворительных организаций. Так в с. Березовка Ставропольского уезда совет в неурожайный год раздал односельчанам 625 пудов хлеба, собранного на строительство храма. А в слободе Малый Узень приходской совет создал специальный продовольственный комитет, который активно помогал голодающим⁴⁵².

Некоторые советы особое внимание уделяли оздоровлению общественной ситуации и противодействию революционной пропаганде, как того и ожидали от них епархиальные власти. Священник Владимир Розалиев из села Милорадовка Николаевского уезда, докладывая о создании церковно-приходского совета, перечисляет следующие цели: «всеми мерами стараться ограждать население от смут, уясняя ему о правах личных и общественных. Примирительно стараясь действовать при недоразумении земельных и рабочих вопросов... стремиться к примирению враждующих, к должному отношению молодых к старшим, слуг к хозяевам и хозяев к слугам... принять меры к христианскому проведению праздников, к уменьшению пьянства...»⁴⁵³. Особое внимание уделялось

⁴⁵¹ Рапорт благочинного 2-го округа Ставропольского уезда священника Порфирия Высокова от 29 июля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 3 об.

⁴⁵² Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 12.

⁴⁵³ Рапорт священника села Милорадовка Николаевского уезда Владимира Розалиева от 18 февраля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826. Л. 16 об.

воспитанию молодого поколения, для чего Совет из своих членов выбрал блюстителей за обучением детей в школах и воспитании их в духе православной церкви.

Подводя итоги, необходимо сказать, что ни церковно-приходские попечительства, ни советы не смогли решить всех задач, которые на них возлагались, и причин тому много. Власти, относясь с опаской к любой инициативе «снизу», так и не пошли на ряд шагов, обсуждавшихся как в 60-е годы XIX в., так и в начале века XX в. (придание статуса юридического лица, выборность духовенства и пр.). Сильно сужались функции органов: если на попечительства власть смотрела как на учреждение, необходимое лишь для решения вопроса материального обеспечения духовенства, то советы, напротив, должны были стать некими «просветительскими братствами», не касающимися вопросов материальных. Не получили приходы и полной самостоятельности в распоряжении денежными средствами. С одной стороны попечительства не имели доступа к церковным суммам, а с другой – старосты, которые к ним доступ имели, должны были с каждой мало-мальски значимой тратой обращаться к епархиальной власти.

Несмотря на все сложности, нужно отметить, что в ряде приходов, благодаря активной позиции настоятелей и прихожан удалось наладить работу выборных органов. Там они играли значимую роль не только в благоустройении церкви или материальной поддержке причта, но и в вопросах просветительских и благотворительных. Деятельность попечительств и церковно-приходских советов необходимо рассматривать в контексте преобразований епархиальной системы, благодаря которым активизируется роль приходского духовенства и мирян. В 1905 г. епископ Константин впервые за много лет восстановил практику свободного избрания делегатов на съезд духовенства епархии, который до того фактически был съездом благочинных. В 1915 г. на епархиальный съезд впервые были допущены избранные в благочиниях представители церковных старост. После февраля 1917 г. процесс расширения участия приходского духовенства и мирян в епархиальном управлении приобретает иные формы и более динамичный

характер, формируется определенная структура советов всех уровней: приходской – окружной – уездный – епархиальный.

2. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЕПАРХИАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

2.1. Миссионерская деятельность и ограждение православной веры

Важность миссионерского дела для Самарской епархии была обусловлена самим ее религиозным и национальным составом. При значительном большинстве православного русского населения епархия далеко не была моноконфессиональной и моноэтнической. По переписи населения 1897 г., кроме русских, в Самарской губернии проживало большое количество мордвы (9,8 %), татар (8,8 %), чувашей (3,6 %) и башкир (1,7 %). Почти все татары и башкиры исповедовали ислам, число крещеных среди них не превышало 1 %. Вся мордва и большинство чувашей были крещены, в 1900 г. из 83144 чувашей только 4452 человека числились язычниками. Кроме того, в Бугульминском уезде достаточно компактно проживало небольшое количество вотяков (удмуртов). В том же 1900 г. их было 2302 человека, из которых только 337 – язычники⁴⁵⁴.

Данные цифры не должны вводить нас в заблуждение, так как и в быту, и в своей религиозной жизни крещеные чувашаи, вотяки и татары мало чем отличались от своих собратьев язычников и мусульман. В отчетах священников постоянно указывалось на то, например, что крещеные чувашаи живут «двоеверно»: чтят языческие обычаи, совершают жертвоприношения по языческим праздникам (например «учуг») ⁴⁵⁵, да и к ведуньям-«юмзям» обращаются чаще, чем к священнику. Некоторые группы крещеных татар еще в середине XIX в. неоднократно открыто отпадали от православия⁴⁵⁶. Вот почему поле для противоязыческой и противوماгометанской миссии в Самарской епархии было обширным. Еще больше ощущалась необходимость в миссии среди сектантов и раскольников. В 1895 г. их всех вместе насчитывалось в Самарской

⁴⁵⁴ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1900 год. Самара, 1901. С. 3.

⁴⁵⁵ См. например: Журнал Самарской духовной консистории от 15 апреля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2937. Л. 1–6.

⁴⁵⁶ Гребнев М. Нижне-абдулловские, Старо-багряшские и Беркет-Ключские татары вероотступники // СЕВ. 1901. №. 15 (неоф. ч.). С. 797–807.

епархии 81915 человек (только тех, кто официально таковыми числился). В том же году 7138 человек числились «небывшими у исповеди и причастия» по многу лет, что тоже наводит на сомнения в их православии⁴⁵⁷. Таким образом, все дело миссии распадается на два вектора: 1) миссия внешняя, под которой понимается обращение в православие нехристианского населения (язычников и мусульман) и 2) миссия внутренняя – проповедь в среде сектантов и раскольников.

В современной отечественной историографии существует и иной подход к разделению церковной миссии. Так, в монографии В. А. Федорова в внутренняя и внешняя миссия разделяются скорее по географическому принципу. Под внутренней миссией здесь понимается деятельность по обращению в православие любого населения, проживающего в границах Российской империи. Соответственно внешняя миссия – та, которая выходила за эти границы, действуя «в Северной Америке, Японии, Китае, на Среднем и Ближнем Востоке»⁴⁵⁸. Мы в своей диссертации склонны придерживаться первого подхода, который встречается как в советской литературе⁴⁵⁹, так и в современной историографии⁴⁶⁰. При анализе деятельности епархиальной миссии данный подход, по нашему мнению, может быть более продуктивным.

Структура самарской епархиальной миссии в первой половине рассматриваемого периода (1894 – 1908 гг.) была следующей. Во главе ее стоял правящий архиерей – епископ Самарский и Ставропольский. В его непосредственном распоряжении состояли епархиальные миссионеры. Согласно «Правилам об устройстве миссии», одобренным Синодом в 1888 г., в каждой епархии учреждалось «смотря по мере потребности один или несколько епархиальных миссионеров»⁴⁶¹. Их деятельность заключалась в общем руководстве епархиальной миссией. В Самарской епархии первоначально был

⁴⁵⁷ Движение населения в Самарской епархии за 1895 год // СЕВ. 1896. № 11 (неоф. ч.). С. 449.

⁴⁵⁸ Федоров В. А. Указ. соч. С. 130.

⁴⁵⁹ См. например: Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) // Русское православие: вехи истории. М., 1989. С. 438–462.

⁴⁶⁰ См. например: Мраморнов А. И. Вопросы миссии в епархиальном управлении начала XX в. (на саратовских материалах). [Электронный ресурс]. URL: <http://grant.rfh.ru/userpubl> (дата обращения: 24. 09. 2015).

⁴⁶¹ Правила об устройстве миссии и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам // ЦВ. 1888. № 28. С. 175.

один противораскольнический миссионер, так как именно раскол воспринимался как главная опасность. Однако рост численности сект (в первую очередь баптизма) привел к тому, что в 1896 г. была учреждена должность второго епархиального миссионера - противосектантского. Им стал священник села Крепость Узень Евгений Кесарев. Для исполнения своих обязанностей миссионеры регулярно совершали поездки по епархии, а также нередко командировались в суд при рассмотрении дел против сектантства и раскола⁴⁶².

Помощь епархиальным миссионерам во вверенных им округах оказывали окружные миссионеры. При этом необходимо заметить, что миссионерские округа не совпадали (по крайней мере, не всегда) с округами благочинническими. Распределение раскольников и сектантов по епархии не было равномерным, поэтому в некоторых благочиниях нужда в постоянном миссионере была не столь очевидна. Когда назначался окружной миссионер, то либо указывался благочиннический округ, куда он определялся, либо перечислялись те села, которые входили в район его деятельности⁴⁶³.

Кроме того, в епархиальной миссии принимали участие приходские священники (с разной степенью активности), члены кружков ревнителей православия и миссионеры-сотрудники (как правило, из крестьян или мещан, часто бывших раскольников). Для желающих потрудиться на ниве миссии устраивалась «комиссия по правоспособности» из трех городских священников, по прохождении которой человек мог рассчитывать на должность штатного миссионера⁴⁶⁴. Впрочем, иногда правящий архиерей распоряжался назначить жалование тому или иному миссионеру без всяких испытаний⁴⁶⁵.

В начале изучаемого периода в миссионерской деятельности Самарской епархии существовало определенное двоевластие. С одной стороны, функционировал епархиальный комитет Православного миссионерского общества. В то же самое время миссией активно занималась и консистория

⁴⁶² Дело о сведении на брак по расколу Анны Баряевой и Ивана Ковалева // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2922. Л. 7.

⁴⁶³ Рапорт епархиального миссионера священника Сергея Пряхина от 7 февраля 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 4 Л. 6.

⁴⁶⁴ Журнал Самарской духовной консистории от 12 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 194.

⁴⁶⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 10 сентября 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 124.

посредством своего «вероисповедного» (по нумерации – первый) стола. Таким образом, над миссионерами была не одна контролирующая организация. В результате миссионерские отчеты поступали сначала на рассмотрение в консисторию, уже затем передавались в Комитет. Похожая ситуация была и с жалованием: одним миссионерам оно назначалось от Комитета (в документах их называют «комитетскими» миссионерами), а другие получали жалование из консистории.

Самарский комитет был региональным отделением Православного миссионерского общества. Своей главной целью он имел содействие проповеди православия среди инородцев, проживающих на территории Самарской епархии. Противодействие расколу и сектам не входило в число его приоритетных задач, почему больших средств на эту работу и не выделял. Большинство «комитетских» миссионеров вообще трудились бесплатно. Так, в 1893 г. три комитетских миссионера получали от 120 до 180 рублей в год, а еще 15 человек трудились совсем без вознаграждения⁴⁶⁶.

Не самым лучшим образом обстояло дело и с качеством миссии в Самарской епархии. В конце XIX в. церковное начальство оценивало его достаточно критично. В марте 1894 г. состоялось определение консистории, в котором признается необходимость «усиливать самую миссионерскую деятельность, которая стала номинальной почти во всей епархии»⁴⁶⁷. Как свидетельствуют документы, значительное число духовенства относилось к миссионерскому делу прохладно. Еще в 1893 г. консистория запрашивала благочинных Николаевского уезда (который считался самым «раскольническим») о предпринимаемых мерах по борьбе с расколом. Поступившие в ответ на этот запрос рапорты дают картину настолько же печальную, насколько подробную. Из десяти благочиннических округов в половине бесед с раскольниками не вел никто из местных священников. Что касается остальных благочиний, то и в них

---

⁴⁶⁶ Перечень миссионеров Самарского епархиального комитета миссионерского общества, трудящихся безмездно за 1892 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 89 об.

⁴⁶⁷ Журнал Самарской духовной консистории от 16 марта 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 211.

насчитывалось от одного до четырех равнодушных пастырей⁴⁶⁸. Как на основные причины такого состояния дел благочинные указывали на низкий уровень подготовки духовенства и отсутствие необходимых книг. Как доносил благочинный Федор Лебедев, даже в градском Николаевском округе «священники не подготовлены к ведению публичных бесед с раскольниками»⁴⁶⁹. В отдаленных селах ситуация вряд ли могла быть лучше.

Епархиальное начальство неоднократно обращалось к приходскому духовенству с увещаниями, призывая не игнорировать дело миссии. По мнению епископа Гурия, главная проблема состояла не в недостатке книг или в уровне подготовки, а в том, что многие приходские священники не считают это дело своим, «оправдывая себя в этом опущении существованием в округе официальных миссионеров, на которых, по их убеждению, как будто, и возлагалась вся обязанность вести борьбу с отщепенцами от веры и церкви...»⁴⁷⁰.

Не всегда гладко обстояло дело и с миссионерами, получившими официальное назначение, для которых миссия была приоритетной задачей. Их отчеты поступали в консисторию, откуда переправлялись в Самарский епархиальный комитет миссионерского общества для составления годового отчета. Эти отчеты представляют собой очень интересные источники по истории миссионерства. Они свидетельствуют о том, что даже не все «профессиональные» миссионеры относились к своему делу с должным рвением. Отчитываться они были обязаны, поэтому консистория констатировала: «Из отчета священника Утехина усматривается, что деятельность его, как миссионера, не простиралась далее, чем сколько нужно для того чтобы нельзя было сказать, что он не делал вовсе ничего. Приложить к делу как документ, показывающий, в каком положении находится дело миссионерства, отбываемое подневольными миссионерами»⁴⁷¹. Ключевое слово в цитате, на наш взгляд, – «подневольные». Дело в том, что человеческие ресурсы в деле миссии далеко не всегда

⁴⁶⁸ Рапорты благочинных Николаевского уезда о миссионерской деятельности в 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 63–77 об.

⁴⁶⁹ Там же. Л. 63 об.

⁴⁷⁰ О сосредоточении миссионерского дела епархии в консистории // СЕВ. 1894. № 19 (оф. ч.). С. 272.

⁴⁷¹ Журнал Самарской духовной консистории от 23 декабря 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 148.

использовались рационально. Трудно ожидать особых подвигов от человека, на которого, кроме миссионерских, возложены еще и благотворительные обязанности, отнимающие немало времени и сил.

Кроме того, нравственный облик миссионера, который должен был играть немаловажную роль в деле проповеди, нередко оставлял желать лучшего. Только в том же 1893 г. три человека были уволены с должности миссионера по причине нетрезвой жизни и других проступков.

С такой весьма непростой ситуацией в деле миссии столкнулся епископ Гурий (Буртасовский), назначенный на Самарскую кафедру в 1892 г. Преосвященный к этому времени уже успел потрудиться в должностях главы Иркутской миссии, ректора Благовещенской семинарии и епископа Камчатского, Курильского и Благовещенского, везде зарекомендовав себя как неутомимый проповедник. Приобретенный им на Дальнем Востоке опыт, был в должной мере использован и в Поволжье.

За годы управления Самарской епархией преосвященный Гурий сделал очень много для оживления миссионерского дела. Одной из важных административных мер стало сосредоточение всех дел, связанных с миссионерством в одном учреждении – духовной консистории. В 1894 году «было принято решение о сосредоточении в Консистории всех дел относительно назначения, увольнения, перемещения и вознаграждения миссионеров»⁴⁷². Данное решение не означало, однако, упразднения Комитета миссионерского общества. Из его ведения изымались миссионеры, которые занимались проповедью среди раскольников и сектантов. В дальнейшем Комитет руководил лишь миссионерской работой среди нехристианского населения губернии, т. е. внешней миссией. Противодействием же сектантству и расколу руководила с этого момента непосредственно консистория. Данное разделение обязанностей позволило епархиальному начальству более оперативно получать сведения о положении дел с расколом и сектантством, а также более эффективно осуществлять руководство миссионерской деятельностью.

---

⁴⁷² О сосредоточении миссионерского дела Епархии в Консистории. С. 272.

Владыка Гурий в течение 12-ти лет был ключевой фигурой в работе самарской епархиальной миссии. В качестве главы епархиального Комитета миссионерского общества он стремился все его наличные ресурсы направить на дело просвещения самарских инородцев. С момента своего основания до 1894 г. Комитет часть своих денежных средств направлял на поддержание православных миссий на Кавказе и в Сибири. При епископе Гурии он «стал сосредоточивать свое внимание на просвещении светом Христова Евангелия язычествующих чуваш и вотяков, мусульман – татар и башкир»⁴⁷³.

В 1894 г. Миссионерское общество разрешило самарскому епархиальному комитету все собранные средства расходовать на нужды местной миссии. Средства эти формировались из членских взносов, пожертвований по подписным листам, единовременных пожертвований, кружечного сбора и ежегодного тарелочного сбора по церквям епархии, известного как «сбор в Неделю Православия». Эти источники в совокупности не более 6000 рублей годового дохода. Более половины данной суммы Комитет расходовал на содержание школ в селениях с инородческим населением⁴⁷⁴.

Необходимо отметить, что именно инородческие школы наряду с обычной устной проповедью были самым эффективным средством миссии. Преподавание в этих школах осуществлялось по системе Н. И. Ильминского. Учащиеся были разделены старшее и младшее отделение, обучение в каждом из которых занимало два года. В младшем отделении преподавание велось на национальных языках, в старшем – на русском. Воспитанники изучали Закон Божий, русский язык, чтение и письмо на национальных языках, церковное пение. Обучались в таких школах как крещенные, так и некрещенные инородцы.

По причине скромности своих средств Комитет мог содержать лишь небольшую часть всех инородческих школ, а именно шестнадцать. Кроме того, Комитет изыскивал единовременные ассигнования на открытие новых школ⁴⁷⁵. Все остальные школы финансировались из разных источников: за счет

---

⁴⁷³ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1900 г. Самара, 1901. С. 2.

⁴⁷⁴ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1901 год. Самара, 1902. С. 47.

⁴⁷⁵ Там же. С. 48.

Епархиального училищного совета (около трети), сельских обществ (половина), казны или частных лиц. Данная таблица может дать представление об общем числе инородческих школ.

Годы	Школы-церкви	Церковно-приходские	Школы грамоты
1900	17	124	150
1901	18	148	177
1902	14	149	168
1903	21	70	123

Очевидное сокращение количества школ с 1903 г. связано с тем, что именно тогда Комитет исключил из отчетов школы в селениях с мордовским и русско-мордовским населением. Сами школы никуда не исчезли, просто они потеряли миссионерский характер, Комитет потерял к ним интерес по причине того, что «мордва... вся просвещена христианством и сливается с православной великорусской народностью»⁴⁷⁶. С этого момента внимание Комитета было сконцентрировано на христианизации чуваш, татар и вотяков. Тогда же в связи с уменьшением числа школ Комитет прекратил выделение средств на их содержание. Эти деньги (около 3,5 тысяч руб. в год) были перенаправлены на вознаграждение священникам и учителям, занимавшимся обучением взрослых инородцев. Также Комитет продолжал готовить кадры для школ, для чего содержал на свои средства стипендиатов самарских второклассных школах и в Симбирской чувашской учительской школе.

Невозможно переоценить ту роль, которую играло в миссионерском деле богослужение и проповедь инородческих языках. С конца XIX в. такое богослужение стало активно вводиться по инициативе местного духовенства. В 1893 г. дьякон с. Ибряйкина Бугурусланского уезда Антоний Иванов просил благословения читать по-чувашски Евангелие, шестопсалмие, а также

⁴⁷⁶ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1903 год. Самара, 1904. С. 2.

произносить ектении⁴⁷⁷. В следующем году последовало уже общее указание по данному вопросу в форме резолюции епископа на консисторском журнале. В данной резолюции содержалась рекомендация «установить такой порядок: одну ектению произносить по церковно-славянски, другую – на инородческом наречии; шестопсалмие читать половину на церковно-славянском наречии, другую на инородческом и т. п.»⁴⁷⁸. Кстати, впоследствии в приходах с большим числом сектантов (особенно баптистов) в миссионерских целях дозволялось и употребление русского языка (чтение паремий, кафизм и Апостола)⁴⁷⁹.

Осуществление дела миссии на родных для инородцев языках требовало соответствующих кадровых решений. Преосвященный Гурий, активно занимался подготовкой, не только рукополагая в священный сан местных инородцев, но также привлекая в епархию выпускников Казанской духовной академии, Симбирской чувашской школы и Казанской крещенно-татарской школы. В 1901 г. в епархии было уже 90 священников, которые свободно владели инородческими языками. Из них 60 были собственно инородцами, а 30 – русскими⁴⁸⁰. С 1904 года в епархии проходили съезды инородческих священников. Согласно правилам, разработанным Бугульминским уездным наблюдателем церковных школ священником Антоном Ивановым (тот самый дьякон, который в 1893 г. начинал служить по-чувашски), проходили общепархиальные, уездные и окружные съезды священников-миссионеров инородческих приходов⁴⁸¹.

Следует заметить, что не все приходские священники с энтузиазмом воспринимали идею о совершении богослужения на инородческих языках. Встречались и случаи прямого противодействия введению такого богослужения. Так, в 1898 г. благочинный 8-го округа Бузулукского уезда доносил епископу

⁴⁷⁷ Рапорт благочинного 1-го округа Бугурусланского уезда протоиерея Евгения Веригина от 4 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 85.

⁴⁷⁸ Об употреблении инородческих наречий при отправлении Богослужения в приходах с инородческим населением // СЕВ. 1894. № 14–15 (оф. ч.). С. 220.

⁴⁷⁹ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. С. 7.

⁴⁸⁰ Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1901 год. Самара, 1902. С. 38.

⁴⁸¹ Правила о миссионерских съездах инородческих священников-миссионеров Самарской епархии // СЕВ. 1904. № 8 (оф. ч.). С. 145.

Гурию, что священник села Яшкино о. Жемчужников всячески препятствует духовно-нравственному просвещению чувашей своего прихода⁴⁸².

Дело в том, что в Яшкино незадолго до этого был прислан дьякон Весновский, переведшийся из Казанской епархии. Дьякон прекрасно знал чувашский язык и был прислан как раз для работы с чувашским населением прихода. Он сразу активно включился в работу, начав употреблять чувашский язык за богослужением и обучать грамоте чувашских мальчиков. Однако настоятель всячески препятствовал открытию школы грамоты, прогнал всех чувашских певчих, а вскоре запретил Весновскому служить на чувашском⁴⁸³. Но самое страшное, что настоятель настраивал против деятельности дьякона и русскоязычную часть прихода. При этом о. Жемчужников говорил чувашам, чтобы они строили свой храм или шли в соседнее село и «не мешали православным людям молиться»⁴⁸⁴.

Епископ Гурий подобного рода действия пресекал решительно и жестко. Настоятель Яшкинского прихода о. Жемчужников был переведен на другое место под строгий надзор благочинного. Прихожанам же Гурий велел передать, что не даст им другого священника до тех пор, пока они всем сельским обществом не составят приговор о том, что никогда больше не будут противиться духовно-нравственному просвещению чувашей, в том числе и богослужению на их языке⁴⁸⁵. Такой «интердикт» подействовал быстро, и требуемый приговор лег на стол архиерея. Вскоре смягчившись, Гурий вернул на приход о. Жемчужникова, велел при этом благочинному сохранить за ним особое наблюдение.

Надо сказать, что миссионерские усилия были направлены не только на просвещение тех народов, которые традиционно проживали в Среднем Поволжье. Среди немецких колоний Новоузенского уезда было несколько поселений эстонцев (Балтийка, Эстонка, Лифляндка), в которых, кроме эстонцев-лютеран,

⁴⁸² Рапорты благочинных Бузулукского уезда о противодействии священника с. Яшкино Жемчужникова проведению служб на чувашском языке и открытию в селе чувашской школы // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6699. Л. 2.

⁴⁸³ Там же. Л. 3 об.

⁴⁸⁴ Рапорты благочинных Бузулукского уезда о противодействии священника с. Яшкино Жемчужникова проведению служб на чувашском языке и открытию в селе чувашской школы. Л. 4.

⁴⁸⁵ Там же. 7 об.

числилось несколько десятков православных (только в Эстонке – 36 человек⁴⁸⁶). С 1897 г. епархиальное начальство предпринимало ряд мер по ограждению православия живущих в инославном окружении эстонцев. Из Риги был выписан полный круг богослужебных книг и другая литература на эстонском языке⁴⁸⁷. Кроме того, было принято решение открыть в деревне Эстонке начальную школу, для чего предполагалось выписать из Прибалтики псаломщика, способного отправлять должность учителя. Правда, с учителями эстонской школе первое время не везло. Первый учитель, псаломщик Карп Вельтман оказался пьяницей с буйным нравом, второй – Павел Янтер – умер через два месяца после вступления в должность. Только с прибытием в 1902 г. из Рижской епархии псаломщика Алексея Карташова дело наладилось⁴⁸⁸.

С середины 1890-х годов активизируется не только инородческая миссия, но и усилия по борьбе с сектами и расколом. От миссионеров и вообще всего духовенства епархии епископ Гурий требовал полной самоотдачи и ответственного отношения к делу миссии. Миссионеры были обязаны как минимум раз в полгода посещать все вверенные им селения. Также каждые полгода они должны были предоставлять епархиальному начальству журналы своих собеседований с раскольниками и сектантами. Чтобы исключить возможность «приписок» в миссионерских отчетах каждое публичное собеседование с сектантами или раскольниками должно было подтверждаться специальным актом. В таком акте указывалось место и время проведения беседы, количество участников (как с той, так и с другой стороны), а также тема собеседования. Кроме самого миссионера, этот акт должны были подписать представители местной власти (местный священник, волостной старшина и др.). В конце отчетного периода составлялась сводная таблица, в которой сравнивалось количество бесед отмеченных в отчетах миссионеров, с количеством

⁴⁸⁶ Список крестьян самовольно проживающих в деревне Эстонка Моршанской волости Новоузенского уезда, исповедующих Православную веру // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3070. Л. 22 об.

⁴⁸⁷ Отношение Рижской духовной консистории в Самарскую духовную консисторию от 29 ноября 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3070. Л. 7–8 об.

⁴⁸⁸ Отношение инспектора народных училищ Новоузенского уезда Самарской губернии К. Рылова на имя епископа Гурия (Буртасовского) по поводу духовного окормления православных эстов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3180. Л. 82.

предоставленных ими актов⁴⁸⁹. По результатам таких сопоставлений делались выводы и принимались соответствующие решения по поводу нерадивых и нечестных миссионеров.

Повышались требования не только для «профессиональных» миссионеров. В 1895 г. в своей резолюции на докладе консистории епископ Гурий признал «необходимым обязать каждого священника, имеющего в своем приходе тех или других раскольников, старообрядцев или сектантов, рационалистов и мистиков, вести дневники-журналы для краткой записи в оных своей миссионерской деятельности...»⁴⁹⁰. Благодичные обязывались ежегодно просматривать эти дневники. Правда, судя по неоднократным последующим напоминаниям, добиться предоставления таких дневников от всех священников не удалось.

Большое значение для повышения эффективности миссии имели епархиальные миссионерские съезды. Проходившие под руководством епархиального миссионера они позволяли миссионерам и их сотрудникам обсуждать самые насущные вопросы: состояние раскола и сектантства, сложности, встречающиеся в миссионерской работе, меры необходимые для повышения качества этой работы. Съезды позволяли миссионерам, трудящимся в своих округах, делиться опытом. Как собрание людей, лучше всего знакомых с делом миссии, съезды служили инициатором изменений, направленных на улучшение этого дела. Многие меры были приняты самарским епархиальным начальством именно после рекомендации съезда. Так, съезд, проходивший в Самарской епархии 26–28 мая 1898 г. предложил в целях противодействия расколу организовывать в приходах под руководством местного священника «миссионерские кружки из ревнителей – грамотных прихожан»⁴⁹¹. При этом в журнале съезда указывалось на уже существующую практику, когда некоторые священники «в осенние и зимние вечера собирают грамотников в школьные здания, читают им и рассказывают по части истории раскола и полемики и через

⁴⁸⁹ Список бесед, произведенных миссионерами епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3075. Л. 314.

⁴⁹⁰ Об обязательном ведении бесед с раскольниками и сектантами и записывании этих бесед в «дневники» // СЕВ. 1895. № 19 (оф. ч.). С. 340.

⁴⁹¹ Журналы съезда миссионеров Самарской епархии 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3075. Л. 336.

них узнают о брожении в среде раскольников и их настроении; кроме того — раздают книги для чтения на дом»⁴⁹².

Тот же съезд 1898 г. занимался вопросом улучшения финансирования противораскольнической миссии. Участники съезда предложили ежегодно собирать пожертвования на миссионерскую деятельность и на помощь новообращенным раскольникам по храмам епархии в день святителя Николая Чудотворца (6 декабря). Консистория по этому предмету определила: «Пожертвования имеют быть представляемы благочинными вместе с другими сборами в конце года...»⁴⁹³. Правда, в первый год (1899) пожертвования сдали только 14 из 55 благочинных, и епархиальному начальству пришлось убеждать остальных⁴⁹⁴. Но в дальнейшем «сбор 6-го декабря» становится постоянной статьей дохода противораскольнической миссии.

О том, что миссия в Самарской епархии была не просто делом, иницируемым и насаждаемым епархиальным начальством, свидетельствует не только работа съезда, но и нараставшая активность «снизу», на приходском уровне. Выразиться эта активность могла, например, в организации миссионерских братств. Так, в 1895 г. было открыто Обшаровское миссионерское братство во имя Пресвятой Богородицы. Через год с небольшим после своего возникновения братство уже располагало неплохой миссионерской библиотекой и складом брошюр и миссионерских листков (около 20000 экземпляров)⁴⁹⁵. Председателем братства был священник Михаил Алексеев (с 1901 года — епархиальный противосектантский миссионер). В том же году подобное братство открылось и в селе Березовый Гай⁴⁹⁶.

Говоря о миссионерстве, нельзя обойти вниманием такой аспект, как взаимодействие Церкви и светской власти в деле ограждения православия. Взаимодействие это было обусловлено тем положением, которое занимала

⁴⁹² Журналы съезда миссионеров Самарской епархии 1898 г. Л. 336.

⁴⁹³ Журналы съезда миссионеров Самарской епархии 1898 г. Л. 335 об.

⁴⁹⁴ О представлении денежного сбора на нужды противораскольнической миссии // СЕВ. 1900. № 12 (оф. ч.). С. 136.

⁴⁹⁵ Отчет Обшаровского Миссионерского во имя Пр. Богородицы Братства за 1895/6 год // СЕВ. 1897. № 2 (оф. ч.). С. 18.

⁴⁹⁶ Открытие церковного Братства в селе Березовом Гае, Самарского уезда // СЕВ. 1896. № 2 (оф. ч.). С. 58.

Православная Церковь в государстве. В Российской Империи до 1905 г. был категорически запрещен переход из «господствующей» Церкви в любое другое вероисповедание. 36-я статья «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласила: «Как рожденным в православной вере, так и обратившимся к ней из других вер запрещено отступать от нее и принимать другую, хотя бы то и христианскую»⁴⁹⁷. Таким образом, как только речь заходила об уклонении от православия или о проповеди раскольников или сектантов среди православного населения, это переставало быть только делом церковной миссии и привлекало внимание административно-полицейской власти.

Дела по уклонению в раскол и сектантство занимают значительное место среди документов вероисповедного стола. Дела эти очень похожи и дают достаточно полное представление об алгоритме действий епархиального начальства по отношению к «уклонистам». Чаще всего дела в консистории возбуждались на основании рапортов приходских священников, передаваемых через благочинных (реже напрямую). Поводом могло послужить уклонение от исполнения христианского долга ежегодной исповеди и причастия, отказ православных (формально) родителей крестить своих детей в Церкви, браки православных (опять-таки формально) с раскольниками или прямое заявление тех или иных лиц, что они уклонились в раскол.

Возбудив дело, консистория запрашивала у местного причта и у волостного правления информацию о его фигурантах. В первую очередь начальство интересовало духовные росписи и посемейные списки, которые позволяли уточнить, кем «числится» человек – православным или раскольником – и с какого времени. Проблема была в том, что число зарегистрированных раскольников не совпадало с их реальным количеством из-за т. н. «потайных» раскольников, что неоднократно отмечалось исследователями раскола. Так в середине XIX в. специальный комитет правительства выяснил, что к числу зарегистрированных раскольников необходимо прибавить еще как минимум 30 % тайных⁴⁹⁸. Как

---

⁴⁹⁷ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. СПб., 1876. С. 9.

⁴⁹⁸ См. например: *Кельсиев В. И.* Сборник правительственных сведений о раскольниках. Лондон, 1860. Т. 2. С. 182

правило, в духовных росписях такие люди продолжали числиться православными, но с пометкой о том, что они уклоняются от исповеди и причастия «по наклонности к расколу»⁴⁹⁹.

Если дело касалось только уклонения в раскол взрослых, то консистория, как правило, ограничивалась предписанием местному священнику производить увещания уклонившегося с целью вернуть его в православие. Закон не предусматривал возможности для уголовного преследования таких лиц; статья 60-я упомянутого выше «Устава о предупреждении и пресечении преступлений» гласила: «Православные в случае отпадения в раскол назидаются духовным начальством без отвращения от места жительства и обыкновенных трудов и занятий»⁵⁰⁰. Консистория занимала также принципиальную позицию по вопросу о регистрации раскольников. Если удавалось выяснить, что человек, пишущийся раскольников, был крещен в Православной Церкви, или каким-либо иным образом засвидетельствовал свою к ней принадлежность, консистория настаивала на изменении записей в документах. Так, в конце 1893 г. разбиралось дело крестьянина села Сырейки Филиппова, который, согласно донесению Алексеевского волостного правления, с рождения числился раскольников спасова согласия⁵⁰¹. Однако в 1880 г. он был венчан в Православной Церкви, представив двух свидетелей в том, что он православный, о чем и свидетельствует предбрачный обыск⁵⁰². В результате консистория потребовала у правления сделать поправку и писать Филиппова православным.

Гораздо больший интерес представляют дела о совращении в раскол или сектантство. В этой сфере теснее всего соприкасалось епархиальное начальство и простое духовенство с полицейскими и судебными органами, так как «распространение существующих ересей и расколов или заведение новых» до 1905 года каралось лишением всех прав состояния и ссылкой в Закавказье (196-я

⁴⁹⁹ Журнал Самарской духовной консистории от 13 января 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3159. Л. 4.

⁵⁰⁰ Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С. 13.

⁵⁰¹ Журнал Самарской духовной консистории от 24 февраля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2871. Л. 6 об.

⁵⁰² Ответ Алексеевского волостного правления на запрос Самарской духовной консистории от 11 октября 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2871. Л. 23.

статья «Уложения о наказаниях»⁵⁰³. По данным делам консистория проводила полноценные сыскные действия. Благочинным предписывалось через местных священников собрать как можно более полные сведения о лицах, подозреваемых в противоправных действиях. Среди документов «вероисповедного» стола имеется большое количество рапортов благочинных и приходских священников и актов полицейских исправников, содержащих показания свидетелей. Однако часто эти свидетельства оказывались лишь косвенными, так как поймать за руку человека, пропагандирующего раскол или совершающего требы «по расколу» для православных (формально) было очень нелегко. Понимая эту сложность, консистория требовала от местного духовенства неоспоримых улик. «А можно ли это будет доказать?» - такую характерную пометку оставил член присутствия протоиерей Валериан Лаврский на полях рапорта благочинного первого округа Самарского уезда священника Стефана Кильдюшевского, доносившего о том, что в селе Преполовенка поморский начетчик Василий Бирюков крестит детей у православных крестьян⁵⁰⁴. Сомнения эти оправдались и дело против Бирюкова было решено не возбуждать, так как «доказательств нет и вряд ли будут правдивые свидетельства»⁵⁰⁵. И подобных случаев было очень много.

Если все же консистория считала свидетельства нарушения закона достаточно весомыми, переписка по делу передавалась судебному следователю Самарского окружного суда (соответствующего участка) для предварительного следствия. Следователь после расследования препровождал дело прокурору суда или его товарищам с обвинительным заключением или же в порядке 309-й статьи Устава уголовного судопроизводства⁵⁰⁶. В суде рассмотрением дел, связанных с возвращением из православия, занималось уголовное отделение. В определенных

---

⁵⁰³ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 6-е изд. СПб., 1889. С. 185.

⁵⁰⁴ Рапорт благочинного 1-го округа Самарского уезда священника Стефана Кильдюшевского // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2931. Л. 1 об.

⁵⁰⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 30 ноября 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2931. Л. 19.

⁵⁰⁶ «Если судебный следователь в сообщении полицейских или других присутственных мест и должностных лиц не найдет достаточных оснований к производству следствия, то немедленно сообщает о том прокурору или его товарищу». См.: Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. СПб., 1866. С. 128.

случаях консистория командировала священника (чаще всего епархиального миссионера) для присутствия на заседаниях суда по делам такого рода⁵⁰⁷.

Переписка с судебными инстанциями (следователями, прокурорами, их товарищами) занимает значительное место в консисторских документах. Эти бумаги позволяют исследователю составить представление об отношениях между духовной и светской властью на епархиальном уровне в деле охранения православной веры. С одной стороны, государство, использовавшее Церковь как инструмент для решения своих внутривластных проблем, считало своим долгом защищать ее от расколов и ересей. С другой стороны, в таком конфессионально ориентированном государстве Церковь сама привыкла использовать полицейские меры при решении вероисповедных вопросов. На сухом языке законодательства эта «симфония» выражалась следующим образом: следствие по делам, связанным с пропагандой расколов и ересей «проводится не иначе как по требованию духовного начальства»⁵⁰⁸, а судебный следователь, со своей стороны, «не вправе отказаться от производства по требованию духовного начальства дела по обвинению в совращении из православия или отступлении от веры христианской»⁵⁰⁹.

Такое положение сохранялось в первой половине рассматриваемого периода, т. е. до указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 г. Однако еще до появления этого закона в печати стали раздаваться голоса о ненормальности использования принуждения в вопросах веры, причем не только в либеральных кругах⁵¹⁰. Как в обществе, так и в самой Церкви назревало осознание необходимости отказа от полицейских мер. Обращаясь к Самарской епархии, мы должны обратить внимание на два аспекта: 1) взаимоотношение светской и церковной власти и 2) ситуация внутри епархиального начальства (расхождения между позициями консистории и правящего архиерея).

---

⁵⁰⁷ Журнал Самарской духовной консистории от 14 августа 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2971. Л. 9.

⁵⁰⁸ Устав уголовного судопроизводства. С. 361.

⁵⁰⁹ Там же. С. 362.

⁵¹⁰ См. например: Отношения государства к религии. Очерк барона А. А. Икскуля. [СПб.], 1903.

Судебные органы губернии всех уровней в рамках существовавшего законодательства не могли, конечно, проигнорировать обращения к ним епархиальных властей. Однако на основании проанализированных документов можно сделать вывод, что делалось это скорее по инерции, без энтузиазма. В последнее десятилетие перед дарованием вероисповедных свобод дела о соращении в раскол и распространении сектантства редко заканчивались реальным наказанием для обвиняемых. В ряде случаев они вообще не доходили до суда, так как судебные следователи не находили подтверждения обвинениям, выдвинутым консисторией; переписка по таким делам прекращалась согласно статье 309 Устава уголовного судопроизводства⁵¹¹. Из тех дел, которые все же рассматривались Самарским окружным судом, значительная часть прекращалась за «отсутствием состава преступления» (в рамках статьи 277 того же Устава)⁵¹². Но даже в тех редких случаях, когда дело доходило до реального приговора, он обычно был сравнительно мягким. За погребение «по расколу», например, можно было получить два месяца ареста при полиции⁵¹³.

Такие решения суда вызывали нескрываемое недовольство епархиального начальства. Архив духовной консистории полон недоуменных вопросов в адрес прокурора Самарского окружного суда. Прокурор на эти вопросы отвечал лаконично: «Я не уполномочен давать определение по таким делам»⁵¹⁴. Не находя возможности разрешить сложившиеся конфликтные ситуации на местном уровне, епархиальная власть нередко обращалась с жалобами в Святейший Синод. Так, епископ Гурий (Буртасовский) на журнале консистории от 19 июля 1894 г. наложил резолюцию: «Надобно, мне думается, немедленно представить на мнение Святейшего Синода действия местного прокурора, отказывающегося признавать преступлением сведение православными родителями своих детей с раскольниками для брачной жизни по обрядам секты»⁵¹⁵. Многие дела по

⁵¹¹ Дело о сведении на брак по расколу Анны Баряевой и Ивана Ковалева // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2922. Л. 7.

⁵¹² См. например: ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2947. Л. 26 об.; Д. 2868. Л. 19; Д. 2920. Л. 40; Д. 2909. Л. 17 об. и др.

⁵¹³ Отношение председательствующего уголовного отделения Самарского окружного суда от 22 ноября 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2945. Л. 18.

⁵¹⁴ Журналы заседаний консистории по рапортам священника о распространении молоканства в с. Патровка Бузулукского уезда крестьянином Кудриным // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2920. Л. 13.

⁵¹⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 19 июля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2909. Л. 8.

совращению из православия консистория не завершала и не почисляла в архив именно в ожидании, «пока Святейший Синод не разъяснит, как относиться к случаям, когда суд прекращает дело о совращении в раскол и пропаганде ереси, не смотря на явные улики»⁵¹⁶.

Очень часто камнем преткновения становились именно дела о браках раскольников с православными. Православные крестьяне нередко отдавали своих дочерей за раскольников, так как те были зажиточными и могли дать «самую дорогую и большую по крестьянскому быту кладку» (до 70 рублей деньгами и другими вещами)⁵¹⁷. Консистория в подобных делах настаивала на привлечении к ответственности не только лиц, венчавших такие браки, но и родителей молодоженов, вменяя им в вину «сведение на брак по расколу». Прокурор же в таких действиях состава преступления не усматривал. «Я не нашел в деянии Баряевой признаков преступления», - писал прокурор А. Н. Львов по делу крестьянки Феклы Баряевой, выдавшей свою дочь за раскольника австрийского согласия⁵¹⁸. Епархиальному начальству оставалось только жаловаться в Синод, а приходским священникам – увещевать, разъясняя, что такое сожительство браком не является, и дети будут считаться «незаконноприжитыми».

Больше согласия наблюдалось в действиях церковной и светской власти в тех случаях, когда речь шла о совращении из православия детей их родителями или опекунами. Такие деяния карались лишением свободы от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев; дети отбирались и передавались православным родственникам. Данные правила существовали практически до 1917 г. В 1906 г. лишь было уменьшено наказание – не больше одного года. Кроме того, с этого времени больше не упоминалось об изъятии детей⁵¹⁹.

Когда становились известны факты совращения малолетних из православия консистория обращалась (от имени архиерея) непосредственно к губернатору с

⁵¹⁶ Журналы заседаний консистории по рапортам священника о распространении молоканства в с. Патровка Бузулукского уезда крестьянином Кудриным. Л. 40 об.

⁵¹⁷ Рапорт протоиерея пригорода Ерыклинск Александра Вратского от 7 июля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2909. Л. 2.

⁵¹⁸ Дело о сведении на брак по расколу Анны Баряевой и Ивана Ковалева // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2922. Л. 9.

⁵¹⁹ Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 49.

просьбой «защитить православие» детей⁵²⁰. По распоряжению губернатора полиция изымала детей, для которых затем подыскивались православные опекуны (с последних бралась подписка о воспитании детей в православии). В ряде случаев дети помещались для воспитания в монастыри епархии, особенно если речь шла об отпадении их родителей в нехристианские религии. Такие преступления государство считало более опасными, чем, скажем, уклонение в раскол⁵²¹. Наблюдение за такими делами возлагалось на Министерство внутренних дел, а если в деле фигурировали дети, то министерство делало представление о мерах к их охранению в православии императору⁵²². Так, в 1895 г. канцелярия обер-прокурора Святейшего Синода запрашивала преосвященного Гурия, в какие монастыри епархии можно было бы разместить детей крестьянина Прокопия Потемкина, уклонившегося в магометанство (он «вернулся к старой своей магометанской вере»)⁵²³. В результате старший сын Потемкина Иван был отдан на воспитание в Архиерейский дом (затем в Кирилловское ремесленное училище), а младшие – Гафа и Александр – в Иверский женский монастырь⁵²⁴.

Еще одной сферой взаимодействия епархиальной власти и государственных полицейских органов был контроль над незаконными старообрядческими молельнями. Большинство таких молелен устраивались при жилых домах раскольников или в отдельно стоящих зданиях на заднем дворе. Консистория предписывала местному духовенству вместе с представителями власти (волостным старшиной или полицейским урядником) «произвести акт освидетельствования молельни» и выяснить, кто владелец здания, и кто дал разрешение на устройство⁵²⁵. Среди документов «вероисповедного» стола консистории находится большое число описей изъятого при таких обысках

---

⁵²⁰ Дело о воспитании по расколу сироты Устиньи Сыромятниковой // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2935. Л. 1 об.

⁵²¹ Согласно статье 185 «Уложения о наказаниях», переход из христианства в иные религии наказывается лишением всех прав состояния и отобранием имения в опеку. См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. С. 181.

⁵²² Устав о предупреждении и пресечении преступлений. С.10.

⁵²³ Дело об уклонении в магометанство крестьянина с. В. Кармала Прокопия Потемкина // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2899. Л. 43.

⁵²⁴ Там же. Л. 77, 94.

⁵²⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 4 апреля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 2936. Л. 5.

имущества: книги, иконы, свечи и другая утварь, доказывающая использование этих зданий в качестве общественных молелен.

Консистория по этим делам пыталась привлечь к ответственности хозяев строений, которые использовались как нелегальные молельни. Однако в рассматриваемый период это было практически невозможно, так как упоминавшийся выше Манифест 14 ноября 1894 г. освобождал устроителей молелен от уголовной ответственности. Летом 1895 года, пытаясь сориентироваться в новой для себя ситуации, члены консистории запрашивали прокурора Самарского окружного суда, следует ли из данного Манифеста, что все нелегальные молельни автоматически признаются законными⁵²⁶. Прокурор отвечал, что речь идет только об отмене личного наказания для их устроителей⁵²⁷. Консистория в дальнейшем ограничивалась лишь запечатыванием молелен и изъятием богослужебных принадлежностей. Эффективность этих мер не в последнюю очередь зависела от личного усердия местного священника и представителей светской власти; особо отличившихся консистория отмечала. В конце 1894 г. консистория ходатайствовала перед Святейшим Синодом о награждении пристава второго стана Самарского уезда Мироносицкого, который в 1893 – 1894 гг. обнаружил и закрыл 11 несанкционированных молелен в Бобровке, Чесноковке, Новониколаевке, Сырейке и Новых Студенцах⁵²⁸. За свое рвение пристав получил благословение и грамоту от Синода. Подобный энтузиазм, надо заметить, встречался нечасто.

Вероисповедные вопросы являются также хорошим индикатором, показывающим внутренние проблемы епархиального начальства. Анализ документов первого стола позволяет нам говорить об определенных разногласиях, возникавших периодически между правящим архиереем и консисторией в вопросах охранения православной веры. Мы не склонны преувеличивать масштаб этих разногласий, так как они касались в первую очередь способов воздействия на

---

⁵²⁶ Переписка с прокурором Самарского окружного суда о раскольнических молельнях в доме крестьянина с. Бобровка Самарского уезда Ерискина // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2955. Л. 18 об.

⁵²⁷ Там же. Л. 19.

⁵²⁸ Материалы о существующих в с. Сырейка Самарского уезда раскольнических молельнях // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2952. Л. 17.

сектантов и раскольников, а не самой необходимости борьбы с ними. Следует также оговориться, что, упоминая здесь правящего архиерея, мы имеем в виду в первую очередь епископа Гурия (Буртасовского), который занимал кафедру с 1892 года. В 1904 году владыка Гурий был переведен на Симбирскую кафедру, а 17 апреля 1905 г. Николай II подписал указ «Об укреплении начал веротерпимости», в связи с чем возможности использования административного ресурса в борьбе с инакомыслием были практически сведены на нет.

Документы свидетельствуют, что в делах, связанных с противодействием распространению раскола, сектантства и иноверия консистория старалась строго придерживаться буквы закона. Более того, еще в 1893 г. в специальном постановлении по борьбе с сектантством консистория предписывала духовенству не возлагать особых надежд на полицейские меры, а стараться «даже сектантам и раскольникам внушать доверие и расположение к себе кротостью, беспристрастием, участием к житейским нуждам и крайнею осторожностью...»⁵²⁹. Это, однако не мешало консистории обращаться к мерам административного принуждения, когда закон это позволял.

Что же касается епископа Гурия, то его резолюции на журналах консистории говорят о нем как об иерархе, нередко расширенно трактовавшем область применения административного ресурса. Владыка неоднократно предлагал обратиться к губернатору с просьбой воздействовать на сектантов или раскольников. Так, на журнале консистории по делу секты «телешей» (разновидность хлыстовства) епископ Гурий пишет: «Надобно просить губернатора разместить сектантов по своим домам, а дом Хряпова запечатать, а так как такое есть и в других селах, может быть, просить губернатора дать общее указание, чтобы местной власти таковые сожительства силой расторгать»⁵³⁰. А «келейницам-беседницам» села Добрина Бугульминского уезда, ведущим зазорную жизнь, владыка предлагал губернаторской властью запретить

⁵²⁹ Цит. по: Якунин В. Н. История Самарской епархии. С. 72.

⁵³⁰ Материалы о распространении крестьянами с. Пестравские Выселки Николаевского уезда Богомоловым и Храповым секты телешей // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2974. Л. 8.

посещение святых мест и дать им «хорошую нагонку через губернатора»⁵³¹. Ограничение свободы перемещений было вообще стандартной мерой, которую епископ Гурий предлагал применять, например, к заезжим проповедникам баптизма (в основном из Саратовской губернии).

Особенно жестким было отношение епископа Гурия к движению, известному под названием «беседничества». К 1892 году, когда Гурий занял Самарскую кафедру, беседничество существовало в епархии уже несколько десятилетий и распространилось практически по всем уездам губернии⁵³². Данное движение имело в своем основании естественное для христианина стремление к чистой, праведной жизни и охватывало людей с повышенными религиозными запросами. Не имея, в большинстве случаев, возможности поступить в монастырь, беседники и в миру свою жизнь устраивали полумонашеским образом. Центром такой жизни становились молитвенные собрания – «беседки», а ее руководителями – возглавлявшие беседки «дяденьки» и «тетеньки». Постепенно беседки заменяли подлинную церковную жизнь, в чем отчасти, виновата и сама церковная ситуация того времени при ее «формальном отношении церковных руководителей к пасомым и последних – к своим христианским обязанностям»⁵³³.

Прибыв на Самарскую кафедру и столкнувшись с феноменом беседничества, Гурий без колебаний стал на уже сложившуюся к тому времени точку зрения, что беседники являются разновидностью хлыстовства. И, как следствие, обрушил на них все доступные для него меры воздействия. Самым сложным в этой борьбе было выявить таких «хлыстов», так как беседники аккуратно посещали храм и мало чем отличались от остальных прихожан (разве что особым внешним благочестием жизни). Для этого Гурий прибег к мере простой, но почему-то не использованной его преемниками. Он составил «Клятвенное отречение от хлыстовской ереси и других подобных суеверий», где подробно в 8 пунктах изложил хлыстовские лжеучения и присоединил к этому

⁵³¹ Сведения о келейницах с. Добрино Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2972. Л. 2.

⁵³² Кесарев Е., свящ. Беседничество как секта. Беседчики Самарской епархии. Самара, 1905. С. 113.

⁵³³ Там же. С. 136.

отречение от них в первом лице⁵³⁴. От приходских священников Гурий потребовал списки всех подозреваемых в хлыстовстве. Списки эти, кстати, выявили всю размытость терминологии; священники называли беседников то «хлыстами», то «монтанами», то «мормонами», то вообще «какой-то неизвестной сектой». В 1894 г. епископ Гурий велел отлучить всех подозреваемых от Причастия, а священникам предписал «объявить прихожанам, принадлежащим к хлыстовской ереси, к принятию Св. Таин они будут допускаемы не иначе, как по присоединении к православию с выдачей установленной подписки»⁵³⁵. Присоединение заключалось в произнесении текста «Отречения» и подписании под ним.

Следующей мерой было лишение беседников церковного погребения. Сам епископ Гурий писал в одной из своих резолюций: «лишение православного погребения мнимых хлыстов есть одна из самых сильны мер против этой ереси. Хлыстов непременно следует погребать на раскольническом кладбище. По отношению к ним уступок со стороны церковной власти быть не должно...»⁵³⁶. Но даже несмотря на опасность остаться без православного погребения, многие подозреваемые не желали произносить никаких отречений, «ссылаясь на незнание никакой ереси, от которой бы нужно отрицаться...». Те же, кто произносили отречение, также подчеркивали, что никакой ереси не знают, а делают это исключительно из послушания⁵³⁷.

Кроме указанных мер была развернута настоящая охота за «хлыстами» с целью застать их непосредственно во время радений. Иногда такие неожиданные визиты в дома подозреваемых походили на полноценные полицейские операции. Как, например, в с. Черноречье в 1897 г., где полицейский урядник с двумя сотниками, десятником и несколькими крестьянами поздно вечером ворвался в

⁵³⁴ Клятвенное отречение от хлыстовской ереси и других подобных суеверий // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3209. Л. 7–8.

⁵³⁵ О мерах к предотвращению развития хлыстовщины // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. I. С. 640.

⁵³⁶ О лишении православного погребения сектантов, именуемых хлыстами // СЕВ. 1895. №. 20 (оф. ч.). С. 353–354.

⁵³⁷ Рапорт священника Крестовоздвиженской церкви слободы Покровская Василия Драгомирова от 29 марта 1902 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3209. Л. 6.

избу крестьянина Федора Сироткина⁵³⁸. Ничего предосудительного, правда, тогда обнаружено не было. Полицейскими вместе с местным духовенством проводились обыски и изымались книги и рукописные тетради с молитвами и духовными стихами. К тем руководителям беседничества, которые признавались наиболее опасными, применялись более жесткие меры. Так в 1900 г. в Суздальский Евфимьев монастырь был заключен крестьянин Ермолай Федосеев⁵³⁹. А небезызвестного «братца» Ивана Чурикова по ходатайству церковной власти в 1898 г. поместили в лечебницу для душевнобольных⁵⁴⁰.

Жесткие меры и однозначное уравнивание с хлыстовством способствовали все большему отдалению беседников от Церкви. Ошибки эти чуть позже признает и само самарское духовенство. Священник Евгений Кесарев, много лет бывший противосектантским епархиальным миссионером напишет: «неумелое воздействие церковной власти, которая не поставила верного диагноза болезни и, отождествив это явление с хлыстовством, стало энергично применять... противохлыстовские средства, - вместо желаемого исправления ненормальности поставило беседничество прямо во враждебное отношение и к иерархии, и к самой Церкви...»⁵⁴¹.

В случаях, когда предложения правящего архиерея представлялись Самарской консистории выходящими за рамки законности, она выражала свое несогласие. По делу тех же «телешей» (хлыстов) консистория ответила епископу Гурию, что «не усматривает оснований в существующих законоположениях» для насильственного разгона их «общины»⁵⁴². А в 1900 г. вообще постановила, что проповедь хлыстовства не является достаточным основанием для возбуждения дела, «доколе не уличены будут в деяниях гнусного разврата»⁵⁴³.

⁵³⁸ Протокол урядника 2-го участка 1-го стана Самарского уезда И. Бочкарева от 19 октября 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3061. Л. 2–3.

⁵³⁹ Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М.: Вербум-М, 2002. С. 195.

⁵⁴⁰ Кесарев Е., свящ. Указ. соч. С. 79.

⁵⁴¹ Кесарев Е., свящ. Указ. соч. С. 136.

⁵⁴² Материалы о распространении крестьянами с. Пестравские Выселки Николаевского уезда Богомолковым и Храповым секты телешей. Л. 12.

⁵⁴³ Там же. Л. 45.

Иногда противостояние епископа и консистории приобретало черты детективной истории. В 1894 г. известный татарский меценат, купец 1-й гильдии Темирбулат Акчурин предоставил самарскому мусульманскому обществу участок земли под постройку мечети. Губернатор А. С. Брянчанинов запросил епископа Гурия, не встречается ли препятствий со стороны епархиального начальства для открытия мечети. Консистория доложила архиерею, что препятствий нет никаких. Несмотря на, это епископ Гурий все же попытался воспрепятствовать постройке. В своей резолюции он поручил консистории выяснить точное число мусульман в Самаре, и, если их мало – ходатайство по мечети отклонить.⁵⁴⁴ Мотивировал свое решение владыка тем, что в противном случае в Самаре поселится мулла, начнется рост числа мусульман и сойдут на нет усилия Церкви по обращению татар в православие. Кроме того, постройка мечети может быть воспринята как государственная поддержка пропаганды ислама среди язычников (чувашей и других инородцев). Резолюция была составлена в недвусмысленном тоне; отношение татар к православию было здесь охарактеризовано как фанатичное.

И вот эту резолюцию, документ, предназначенный исключительно для внутреннего использования, кто-то из консисторских служащих предал широкой огласке. Разразившийся шум вокруг данного вопроса заставил епископа Гурия в начале января 1895 г. доложить губернатору, что препятствий к устройению мечети в Самаре он не видит. Чуть ниже этой резолюции карандашом, рукой епископа Гурия сделано прибавление: «PS. Худо то, что кто-то сообщил татарскому адвокату дословно мою резолюцию, что вызвало фанатический взгляд на епархиальную власть... Кто это из канцеляристов умничает? Следовало бы проучить...»⁵⁴⁵. Подобного рода «партизанские» действия чиновников консистории против архиерея были, конечно, исключением из правил.

Проанализированные документы позволяют сделать вывод, что миссионерской деятельности и противодействию проповеди старообрядчества и сектантства самарское епархиальное начальство уделяло особое внимание. При

⁵⁴⁴ Переписка с губернским правлением о строительстве мусульманской мечети в г. Самара // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2976. Л. 3.

⁵⁴⁵ Переписка с губернским правлением о строительстве мусульманской мечети в г. Самара. Л. 5.

этом главными методами борьбы оставались увещания и собеседования с сектантами и раскольниками. В то же время и обращение к административному принуждению оставались вплоть до 1905 года традиционной мерой воздействия. Таким образом, может быть скорректирован тезис о том, что «меры административного принуждения в Самарской епархии применялись редко»⁵⁴⁶. О том, как часто они применялись, свидетельствуют документы вероисповедного стола консистории. Да и сам епископ Гурий в отчете за 1900 год писал, что епархиальное начальство «в целях ослабления сектантской пропаганды принимало... целый ряд ограничительных и стеснительных для сектантов мероприятий, то возбуждая судебные дела против наиболее зловредных сектантских руководителей и пропагаторов, то стараясь оказать на них содействие всей силой сострадательной христианской любви»⁵⁴⁷. И если свидетельств о мероприятиях первого типа у исследователя предостаточно, то вот христианской любви, судя по всему, нашей миссии хватало не всегда.

Другое дело, что полицейские меры нечасто давали конкретные результаты, причина чего коренится в позиции судебных органов и в меняющемся отношении общества к силовому вмешательству в дела веры. Нельзя также упускать из виду позицию консистории, которая нередко сдерживала стремления правящего архиерея обратиться к помощи светской власти в борьбе с инакомыслием. Не последнюю роль здесь играл протоиерей Валериан Лаврский, руководивший долгое время работой вероисповедного стола. Друг Н. А. Добролюбова по семинарии, издатель трудов архимандрита Феодора (Бухарева) Лаврский был известен как либерал. Он вряд ли мог симпатизировать полицейским методам миссионерства.

Так или иначе, после 17 апреля 1905 г. ситуация радикально изменилась, и в арсенале Церкви остались исключительно нравственные меры воздействия. Указ об укреплении начал веротерпимости от 17 апреля 1905 года, отменяя уголовную ответственность за переход из православия в инославие и иноверие,

---

⁵⁴⁶ Якунин В. Н. Указ. соч. С. 100.

⁵⁴⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 63.

действительно создавал совершенно иные условия для осуществления Церковью своих миссионерских задач. Если раньше об официальной «отписке» из православия нельзя было и помышлять, то теперь епархиальное начальство было вынуждено иметь дело с огромным количеством заявлений подобного рода. Первое прошение об отчислении из Православной Церкви поступило в Самарскую консисторию уже 28 апреля (через 10 дней после выхода указа) от бывшего лютеранина, желающего вернуться к вере предков⁵⁴⁸. В последующие месяцы число заявлений нарастало подобно снежному кому; люди ходатайствовали об отчислении в старообрядчество разных толков, баптизм, иудейство и т.д. Были не только индивидуальные прошения, но и коллективные. Так, одними из первых пожелали отписаться из православия в лютеранство 9 человек эстонцев из деревень Лифляндки и Горецкой Новоузенского уезда; те самые эстонцы, о которых епархиальное начальство имело особое попечение. При этом священник Алексей Карташев, которому было поручено увещать их, сообщал, что «эстонцы оказались настолько злобно-настроенными против православия, что никак не хотели ни к себе в дом пустить православного священника, ни идти на зов его, ни тем более слушать увещание»⁵⁴⁹.

Свою лепту в усиление негативного отношения к Православной церкви и ее миссионерским усилиям вносила и местная либеральная пресса, которая после обретения свободы слова регулярно помещала материалы соответствующей тематики. Так «Самарская газета» 2 ноября 1905 г. с пафосом писала о «непримиримой вражде православных с сектантами» и о насилиях, чинимых над инакомыслящими «сельскими властями во главе с приходскими батюшками»⁵⁵⁰. А уже 30 ноября третировала священника с. Черноречье Самарского уезда за то, что последний «проклинал сектантов по гурьевскому листу» (имелось в виду отречение от хлыстовства, составленное епископом Гурием)⁵⁵¹.

⁵⁴⁸ Прощение германского подданного Губерта Бросситтера от 26 апреля 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3233. Л. 1.

⁵⁴⁹ Рапорт благочинного 5-го округа Новоузенского уезда Самарской епархии священника Иоанна Орлова от 7 сентября 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3233. Л. 34–34 об.

⁵⁵⁰ Областные картинки // Самарская газета. 1905. №. 207. С. 5.

⁵⁵¹ Областной отдел (от наших корреспондентов) // Самарская газета. 1905. № 228. С. 3.

Надо сказать, что в первые месяцы после выхода указа о веротерпимости не существовало четких указаний о том, как именно должны выполняться его положения. Поэтому заявления об отчислении из православия подавались как в консисторию, так и непосредственно приходским священникам по месту приписки. Ситуация прояснилась после появления циркуляра МВД от 18 августа 1905 г., который устанавливал четкий порядок перехода из одного исповедания в другое.

Согласно этому циркуляру, для отчисления из православия человек должен был подать соответствующее заявление губернатору непосредственно или через местную административно-полицейскую власть (исправник, уездный начальник). Губернатор, в свою очередь, должен был незамедлительно известить епархиальное начальство. Не позднее чем через месяц после получения прошения губернатор препровождал его как православному, так и инославному духовному начальству. После получения желающим отписаться из православия отметки о прохождении официального увещания со стороны православного духовенства заявление вновь подавалось губернатору. Если чиновники аппарата губернатора не усматривали никаких формальных препятствий (неправильная информация в анкете и т. д.) дело можно было считать решенным⁵⁵². В последующие годы переписка с губернским правлением по поводу отчисления из православия занимала все больше места в архиве консистории.

Месяц, который давался законодательством, использовался епархиальным начальством для того, чтобы поручить приходскому священнику (иногда вместе с окружным миссионером) увещать отпадающего остаться в лоне Православной Церкви. Как показывают документы, чаще всего подобные увещания не имели успеха. Тогда с человека бралась расписка в упорности его решения, а гражданскому начальству сообщалось, что «со стороны консистории препятствий к исключению из числа православных такого-то не имеется»⁵⁵³. Впрочем, совсем бесполезной эту меру назвать все же нельзя. В ряде случаев увещания священника

---

⁵⁵²Безносова О. Религиозная политика в Российской империи по отношению к протестантскому движению в 1903 – 1917 гг. // Религия и право. 2013. № 3 (66). С. 29.

⁵⁵³ Журнал Самарской духовной консистории от 24 января 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3257. Л. 110 об

могли помочь колеблющимся развеять сомнения в истинности Православия. Так, в 1911 г. один крестьянин слободы Кинель-Черкасской, намеревавшийся перейти в баптизм, писал своему приходскому священнику отцу Троицкому: «в настоящее время пораздумав и главным образом под влиянием Вашей со мной беседы я понял свои заблуждения...»⁵⁵⁴.

Статистика показывает, что наибольшее число отпавших от православия в Самарской епархии приходилось на т. н. «рациональное сектантство» (в основном баптизм). В 1912 году, например, из 188 зарегистрированных отпавших в баптизм уклонилось 110 человек, а если к ним прибавить 33 евангелиста и 3 адвентистов, то получится внушительное большинство⁵⁵⁵. Такая ситуация вызывала настороженность не только епархиальной власти, но и гражданского начальства (не только местного, но и центрального⁵⁵⁶). Так, в феврале следующего 1913 г. самарский губернатор в письме на имя епископа Симеона (Покровского) сообщал, что у него вызывает опасения ситуация в некоторых селах (Орлов Гай Новоузенского уезда и Колыван Самарского уезда), откуда он получает особенно много ходатайств, нередко коллективных, об отписке в баптизм. При этом губернатор просил «усилить в означенных селениях меры православного миссионерского надзора»⁵⁵⁷. Несмотря на усилия епархиального миссионера, который лично объезжал наиболее проблемные сектантские села, и в последующие годы переходило в сектантство значительно больше людей, чем присоединялось из сект к православию (в 1914 – 151 и 49 соответственно⁵⁵⁸).

Лучше обстояли дела с противодействием распространению старообрядчества. Не последнюю роль в этом играло единоверие. В Самарской епархии все единоверческие церкви были разделены на два благочиннических округа; кроме того, существовало благочиние единоверческих монастырей.

⁵⁵⁴ Заявление крестьянина с. Кинель-Черкасы Ф. Немальцева от 21 ноября 1910 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3257. Л. 444.

⁵⁵⁵ Цифровые ведомости зарегистрированных вероотступников за 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19. Л. 22–23

⁵⁵⁶ См., например: *Бондарь С. Д.* Современное состояние русского баптизма. СПб., 1911.

⁵⁵⁷ Отношение самарского губернатора Н. В. Протасьева на имя епископа Симеона (Покровского) от 20 февраля 1913 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3268. Л. 1021.

⁵⁵⁸ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. С. 48.

Наибольшее число присоединенных из старообрядчества давали именно эти благочиния. Так, например, в 1907 году в церквях единоверческих благочиний присоединились 120 человек, тогда как в остальных благочиниях единицы (а в 12 округах вообще не было присоединившихся)⁵⁵⁹.

В мае 1908 г. Синод своим определением за № 3443 от 20–26 мая утвердил правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви. Согласно этим правилам, миссия должна осуществляться на трех уровнях: народно-приходская миссия (кружки ревнителей православия), пастырско-приходская миссия (приходское духовенство) и специальная миссия. Специальная миссия должна быть учреждена в каждой епархии и состоять из уездных миссионеров, епархиальных миссионеров и миссионерского совета⁵⁶⁰.

Во исполнение данного определения Синода в том же 1908 году в Самаре был организован Самарский епархиальный миссионерский совет. Председателем совета стал тогдашний самарский преосвященный епископ Константин (Булычев). Кроме него, в совет вошли: ректор семинарии архимандрит Неофит (Осипов) и 2 ее преподавателя, епархиальные миссионеры (противосектантский – протоиерей Михаил Алексеев и противораскольнический – Дмитрий Александров⁵⁶¹) и 2 члена духовной консистории (протоиерей Александр Ястребов и священник Афанасий Рождественский). Казначеем совета был назначен протоиерей Михаил Алексеев, а делопроизводителем – бессменный столоночальник вероисповедного стола консистории коллежский асессор Матвей Гребнев.

Собирался совет в здании духовной консистории несколько раз в год (в 1911 – 5, в 1914 – 10) под председательством правящего архиерея. В случае длительного отсутствия последнего заседания возглавлял епископ Уральский Тихон (Оболенский) как викарий⁵⁶². В последующие годы состав совета

⁵⁵⁹ Именные ведомости присоединившихся к Церкви Православной по 1-му и 2-му благочинническим округам единоверческих церквей Самарской епархии за 1907 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3251. Л. 207–215 об.

⁵⁶⁰ Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви // ЦВ. 1908. № 22. С. 190–196.

⁵⁶¹ У В. Н. Якунина ошибочно указан священник Сергей Пряхин (*Якунин В. Н.* История Самарской епархии. С. 72). На самом же деле Пряхин утвержден Синодом в должности епархиального миссионера только в 1910 году. См.: Указ Святейшего Правительствующего Синода от 23 февраля 1910 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3256. Л. 7.

⁵⁶² Отчет о состоянии расколосектантства и действиях миссии в Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

несколько расширился, в него были введены епархиальный наблюдатель церковных школ и настоятель самарского Никольского мужского монастыря⁵⁶³.

Создание миссионерского совета было вызвано той ситуацией, в которой оказалось дело миссии после дарования вероисповедных свобод. Лишенное возможности опираться на административно-полицейскую власть, епархиальное начальство должно было искать новые способы противостояния сектантству и расколу, новые формы миссионерской деятельности. За время своего существования советом были предложены и запроектированы много мер по усилению миссионерской деятельности, однако не все они были воплощены в жизнь.

Важнейшей мерой совет считал подготовку кадров для миссии, так как усилий окружных миссионеров и их сотрудников было явно недостаточно. С другой стороны, у тех священников, монашествующих и мирян, которые хотели бы потрудиться на ниве миссии, зачастую не хватало знаний. Исправить это положение должно было учреждение миссионерских курсов. Так, в 1911 году в Самарской епархии дважды проходили краткосрочные миссионерские курсы: 1) с 20 апреля по 1 мая противораскольнические курсы в Уральске для приходских священников и 2) с 24 августа по 18 сентября противосектантские курсы для монахинь Иверского женского монастыря (было еще 3 женщины сторонних)⁵⁶⁴. На курсах разбирались основные вопросы, по которым велась полемика с сектантами и раскольниками.

Со временем расширялась география курсов, а также круг слушателей. Курсы проводились в г. Бузулуке и в слободе Покровской Новоузенского уезда⁵⁶⁵. В 1914 году проводились специальные народно-миссионерские курсы для членов кружков ревнителей православия⁵⁶⁶. В 1912 г. Миссионерский совет вынес на

---

⁵⁶³ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. С 1.

⁵⁶⁴ Отчет о состоянии расколосектантства и действиях миссии в Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 16. Л. 54 об и 56 об.

⁵⁶⁵ Выписки из протокола заседания Миссионерского совета Самарской епархии от 10 августа 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12. Л. 7.

⁵⁶⁶ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. Самара, 1915. С. 46.

обсуждение епархиального съезда духовенства вопрос об устройстве еще и сельских миссионерских курсов. Съезд признал эту меру желательной, однако оговорился, что «по неимению средств сделать на это ассигновки не может»⁵⁶⁷. Такой же ответ был и на предложение организовать поездки семинаристов старших классов вместе с миссионерами в качестве практики.

Важную роль продолжали играть в деле епархиальной миссии приходские кружки или союзы ревнителей православия, которые начали возникать в селах губернии с 1898 г. Инициатива по их открытию была поддержана как епархиальным начальством в лице миссионерского совета, так и приходским духовенством. В результате в 1911 г. в Самарской епархии действовало уже около 30 кружков ревнителей православия⁵⁶⁸, а в 1912 г. – 59, считая самарский городской⁵⁶⁹. Члены кружков могли оказывать существенную помощь приходскому священнику. Дочери священника с. Острая Лука Сергия Самуилова вспоминали, что у их отца был такой кружок ревнителей из местных крестьян, которых он сам называл «застрельщики». Они завязывали разговоры со старообрядцами «летом по пути на сенокосе, осенью, когда делили землю, зимой, шагая около дровней с хворостом. Если дела не было, его изобретали, и, заведя нужный разговор, спорили до тех пор, пока одна из сторон не оказывалась в затруднении. Тогда решали пригласить батюшку и начетчика того толка, к которому принадлежали хозяева»⁵⁷⁰. С 1907 г. такой опыт стал перениматься и во внешней миссии, когда по инициативе священника Антония Иванова стали открываться подобные кружки в приходах с инородческим населением⁵⁷¹.

Другой важной мерой было предоставление желающим заняться миссионерством возможности самостоятельного ознакомления с полемической литературой. Остро стоял вопрос о снабжении миссионерских библиотек этой

⁵⁶⁷ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 г. Самара, 1912. С. 21.

⁵⁶⁸ Отчет о состоянии расколосектантства и действиях миссии в Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 16. Л. 60.

⁵⁶⁹ Список городов и сел Самарской епархии, в коих открыты кружки ревнителей православия // ЦГАСО Ф. 208. Оп. 1. Д. 12. Л. 8–8 об. У В. Н. Якунина указана другая цифра – 55. См.: Якунин В. Н. История Самарской епархии. С. 73.

⁵⁷⁰ Самуилова Н., Самуилова С. Отцовский крест. С. 35–36.

⁵⁷¹ Братства или союзы ревнителей православия в инородческих приходах // СЕВ. 1907. № 13 (неоф. ч.). С. 436–442.

литературой. Однако и здесь, как и во многих других случаях, главными сложностями были финансовые; совет мог выделять на приобретение книг, журналов и брошюр и на бесплатную их раздачу во время собеседований лишь немногим более 200 рублей в год. Этого явно не доставало. Была даже создана специальная комиссия для издания брошюр и листков, однако из-за нехватки средств и здесь дело не пошло⁵⁷².

Для того чтобы сделать миссионерскую литературу доступнее для людей, была предпринята еще одна мера. В 1913 г. епархиальный съезд духовенства утвердил должность миссионера-книгоноши, который был должен заниматься распространением литературы (продажей и бесплатной раздачей). Поскольку должность эта была связана с постоянными разъездами и не могла исправляться «на общественных началах», книгоноше было определено приличное жалование – 400 рублей в год. Однако этих денег в бюджете Миссионерского совета не было, поэтому идея тоже могла закончиться ничем, но в данном случае средства все же нашли; было принято решение специально для этой цели собирать с каждой церкви епархии по 50 копеек в год. Уже с конца 1913 года сборы стали поступать от благочинных в Миссионерский совет⁵⁷³. В 1914 г. на указанную должность был назначен крестьянин села Дубового Николаевского уезда Евстафий Оленин (приступил к исполнению обязанностей только в 1915 г.)⁵⁷⁴. Миссионерский совет обратился в управления Самаро-Златоустовской, Волго-Бугульминской, Рязанско-Уральской и Ташкентской железных дорог с ходатайством о предоставлении ему бесплатного проезда.

Поскольку финансирование было одним из самых животрепещущих вопросов самарской епархиальной миссии, следует остановиться на нем подробнее. Бюджет Миссионерского совета складывался из следующих поступлений: 1) пособие Священного Синода; 2) трех- шестирублевый сбор с

⁵⁷² Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества за 1914 год. С. 9.

⁵⁷³ Сопроводительные документы к приходно-расходной книге Миссионерского совета за 1914 – 1915 гг. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 15. Л. 8.

⁵⁷⁴ Зарайский В. В. Противосектантская деятельность Русской Православной Церкви // Пятое Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2000 г. Самара, 2001. С. 78.

храмов епархии (по 6 рублей с городских храмов и по 3 – с деревенских)⁵⁷⁵; 3) тарелочный сбор, проводимый в церквях епархии на Благовещение (бывший «сбор 6 декабря»); 4) проценты по капиталу миссии; 5) проценты по сберегательной кассе и 6) случайные поступления⁵⁷⁶. В целом бюджет совета колебался в пределах 9 – 11 тысяч рублей; по смете на 1917 год совет должен был получить из всех источников 11565 рублей 60 копеек⁵⁷⁷.

Этих денег для выполнения всех стоящих перед миссией задач было явно недостаточно. Больше половины бюджета уходило на жалование двум епархиальным миссионерам, которые не имели других средств к существованию, посвятив себя делу миссии целиком. Из оставшихся денег более чем скромное жалование (100–300 рублей в год) получали окружные миссионеры-священники, а также сотрудники миссионеров из крестьян (от 30 до 420 рублей в зависимости от усердия к службе). Кроме того, 400 рублей уходило на прогоны и суточные при разъездах миссионеров и 600 рублей на содержание канцелярии совета и епархиальной миссионерской библиотеки.

Миссионерские курсы также требовали определенных затрат, особенно в тех случаях, когда на них приглашались слушатели со всей епархии. Так, в 1912 г. слушателям курсов, проходивших в Воскресенском единоверческом монастыре (с. Криволучье Николаевского уезда) было выдано на дорогу 279 рублей 50 копеек (в зависимости от расстояния – от 1 до 15 рублей)⁵⁷⁸. В последующие годы совет пытался изыскать дополнительные средства для расширения сети курсов, но «остался при той же ежегодной ассигновке в 300 рублей на курсы, больше которой он не в состоянии был уделить на это дело»⁵⁷⁹. Крохи,

⁵⁷⁵ Данный сбор на миссию был установлен по решению епархиального съезда духовенства еще 5 июня 1889 г. с предоставлением благочинному права «распределять причитающуюся с его округа сумму между церквями его, соответственно их доходности».

⁵⁷⁶ Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3. Л. 37.

⁵⁷⁷ Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 476. Л. 2.

⁵⁷⁸ Список лиц, бывших на миссионерских противостарообрядческих курсах в Воскресенском мужском единоверческом монастыре в 1914 г. с 22 апреля по 2 мая // ЦГАСО Ф. 208. Оп. 1. Д. 15. Л. 149–154.

⁵⁷⁹ Отчет о состоянии сектанства и старообрядчества за 1914 год. С. 4.

оставшиеся от бюджета после всех упомянутых затрат, шли на выпуск журналов и брошюр и мелкие расходы.

В целом бюджет Миссионерского совета имел тенденцию к постоянному увеличению расходной части. Простой пример. В 1911 году епархиальные миссионеры получили жалования 5100 рублей на двоих; священник Сергей Пряхин – 2400 рублей, а протоиерей Михаил Алексеев – 2700 (получал доплату за заведование библиотекой)⁵⁸⁰. В следующем году жалование обоим миссионерам составило 6000 рублей (по 3000 каждому), т. е. расходная часть бюджета возросла почти на тысячу рублей⁵⁸¹. При этом никаких дополнительных средств для этого не изыскали (в 1917 году, учитывая удорожание жизни, им прибавили еще по 600 рублей⁵⁸²). Неудивительно, что бюджет был чаще дефицитным, чем сбалансированным. Так в 1908 году расход превысил доход на 184 рубля 58 копеек, в 1910 – на 641 рубль 77 копеек, в 1911 – на 1074 рубля 58 копеек⁵⁸³.

Такая ситуация грозила полным истощением запаса наличных денег, который все же существовал благодаря редким профицитным годам (например, 1909 г.). Попытки найти дополнительные источники финансирования все же были. Так, в 1912 г. казначей совета протоиерей Михаил Алексеев обратился к епархиальному съезду духовенства с просьбой восстановить прежнюю ассигновку в размере 1900 рублей из сумм свечного завода (производилась с 1902 г. по 1909 г.). Депутаты съезда, однако, разошлись во мнениях по этому вопросу и в результате голосования 24 из 38 проголосовали против⁵⁸⁴. В результате, постоянно уменьшаясь, на 1917 год запас наличных денег составил всего 228 рублей 35 копеек (еще в 1911 он едва не доходил до 2500 рублей)⁵⁸⁵.

Сложная финансовая ситуация вынуждала совет сокращать расходы. Если в 1911 году жалование получали 7 окружных миссионеров и 10 сотрудников, то в 1915 только 4 миссионера (остальные 11 трудились безвозмездно) и 8

⁵⁸⁰ Объяснительная записка к смете миссионерского совета за 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3. Л. 30.

⁵⁸¹ Там же. Л. 39 об.

⁵⁸² Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1917 г. Л. 2

⁵⁸³ Дело о состоянии миссионерского капитала на 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 5. Л. 39.

⁵⁸⁴ Там же. Л. 40 об.

⁵⁸⁵ Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1917 г. Л. 2 об.

сотрудников⁵⁸⁶. Если окружной миссионер – приходской священник – все же имел другие средства к существованию, то для сотрудника, питающегося «от сохи», даже небольшое жалование было серьезным подспорьем.

Те же финансовые проблемы не позволили в полной мере создать структуру, предусмотренную «Правилами» 1908 г. Такое звено епархиальной миссии, как уездные миссионеры, в Самарской епархии так и не сложилось. По подсчетам миссионерского совета на введение этого института понадобилось бы ежегодно 16500 рублей, т. е. в 1,5 раза больше, чем весь бюджет совета⁵⁸⁷. Правда, в означенный период в документах консистории и миссионерского совета все же встречаются упоминания об уездных миссионерах как минимум дважды. На момент своего назначения епархиальным миссионером священник Сергей Пряхин числился уездным миссионером Самарского уезда⁵⁸⁸, а в отчете совета за 1915 г. фигурирует еще один уездный миссионер – священник Василий Быстров (в Новоузенском уезде)⁵⁸⁹. Однако нет никаких сведений о том, как эта должность оплачивалась (судя по отчету 1915 г. – никак).

Еще одной идеей, так и оставшейся невоплощенной, была постройка специального миссионерского дома-храма, который мог бы стать своеобразным духовным и учебно-информационным центром епархиальной миссии, местом проведения собеседований, миссионерских курсов, местом общения миссионеров и т. д. В 1913 г. Миссионерский совет обращался к епархиальному съезду духовенства с просьбой о выделении пособия на его строительство, но получил отказ. А в следующем году стало ясно, «что на какое-либо пособие от Синода в данном деле и рассчитывать нечего»⁵⁹⁰.

Не менее насущной, чем финансовая, была для епархиальной миссии и кадровая проблема, в частности образовательный ценз. На 1915 г. полное семинарское образование из двух епархиальных миссионеров имел только один

⁵⁸⁶ Состав миссии в епархии, ее материальные средства, образовательный ценз, материальное и служебное положение деятелей миссии. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1. Л. 105 об.

⁵⁸⁷ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества за 1914 год. С. 8.

⁵⁸⁸ Указ Святейшего Правительствующего Синода от 23 февраля 1910 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3256. Л. 7.

⁵⁸⁹ Состав миссии в епархии, ее материальные средства, образовательный ценз, материальное и служебное положение деятелей миссии. Л. 105.

⁵⁹⁰ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества за 1914 год. С. 8.

(протоиерей Михаил Алексеев), а из 15 окружных – трое. Все остальные миссионеры, а тем более их сотрудники были самоучками-начетчиками⁵⁹¹. Правда, отсутствие образования далеко не всегда являлось препятствием к миссионерству, так как даже многие, не имеющие никакого образования сотрудники-крестьяне, прекрасно знали Священное Писание и хорошо разбирались в старопечатных книгах. Не менее важны были и личные качества миссионера. Несмотря на то, что большинство из них были искренними и ревностными проповедниками, всегда встречались те, кто мнимым миссионерским усердием пытался выслужиться или отвлечь внимание от своих неблаговидных деяний. Так было в случае со священником Иаковом Быстровым, который неожиданно начал проситься в миссионеры для борьбы с молоканством. На его прошение последовала следующая резолюция епископа: «Быстров неблагонадежен... не в далеком будущем последует на него донос от благочинного в склонности его к мелкому воровству»⁵⁹².

В годы Первой мировой войны миссия в Самарской епархии продолжала развиваться, несмотря на усложнявшуюся ситуацию. В 1914 – 15 гг. активно проводились миссионерские курсы. С 18 октября по 13 ноября 1915 г. епархиальный противостарообрядческий миссионер священник Сергей Пряхин проводил в здании церковно-приходской школы при богадельне купца Аржанова народно-миссионерские курсы, на которых в разные дни собиралось до 150 человек (преимущественно женщины, что характерно для военного времени)⁵⁹³. А с 1 декабря 1914 по 26 февраля 1915 г. в здании образцовой школы при семинарии проходили противосектантские курсы. Проводились в военные годы и регулярные полемические беседы с сектантами в нижнем храме кафедрального собора⁵⁹⁴.

В самом конце изучаемого периода в епархии была предпринята попытка открыть специальный миссионерский чувашский монастырь. 24 марта 1916 г.

⁵⁹¹ Состав миссии в епархии, ее материальные средства, образовательный ценз, материальное и служебное положение деятелей миссии. 105 об.

⁵⁹² Отношение Самарской духовной консистории на имя епископа Гурия (Буртасовского) от 23 декабря 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 189.

⁵⁹³ Миссионерские противостарообрядческие курсы // СЕВ. 1915. № 15 (неоф. ч.). С. 576.

⁵⁹⁴ Расписание противосектантских полемических бесед в нижнем храме самарского кафедрального собора с 22 ноября 1915 г. по 13 марта 1916 г. // СЕВ. 1915. № 20 (оф. ч.). С. 553–554.

последовал указ об открытии женской чувашской общины около деревни Федоровка Тенеевской волости Самарского уезда с названием ее «Знаменская»⁵⁹⁵. Епископ Михаил (Богданов) поручил устройство обители монахине Раковского женского монастыря Назарете⁵⁹⁶. Революция и последующие события не позволили довести это начинание до конца, по крайней мере, сведений о функционировании миссионерского монастыря нет.

Финансовые проблемы военного времени заставляли духовенство сокращать расходы в том числе и на миссию. Так в 1916 г. епархиальный съезд решил прекратить сбор на миссионерский противоязыческий стан имени епископа Гурия. Сбор это осуществлялся с 1903 г. и составлял 1,5 рублей с причта, что давало в начале XX в. 1500 рублей. На журнале съезда епископ Михаил наложил следующую резолюцию: «Понятно, что духовенство тяготится сбором в 1 р<убль> 50 к<опеек> с причта; однако трудно уразуметь, почему духовенство не пришло к мысли ассигновать оныя полторы тысячи рублей с причтов из сумм свечного завода... Предлагаю пересмотреть вопрос о 1500 руб<лей> с указанной точки зрения. Е<пископ> Михаил»⁵⁹⁷. Съезд вторично рассматривал данный вопрос и единогласно отклонил предложение архиерея.

Подводя итоги, необходимо отметить, что в изучаемый период епархиальная миссия развивалась весьма динамично, приобретая большую структурированность. В 1894 г. по инициативе опытного миссионера епископа Гурия в Самарской епархии миссия была четко разделена на внешнюю и внутреннюю. Последней занималась непосредственно консистория, а с 1908 г. – миссионерский совет. Говоря о роли консистории, нельзя не упомянуть о такой важной функции как координирование миссионерских действий с существовавшими гражданскими узаконениями, что было особенно важно во время правления епископа Гурия (1892 – 1904 гг.), нередко расширенно

⁵⁹⁵ Указ Святейшего Правительствующего Синода об открытии женской общины // СЕВ. 1916. № 10 (оф. ч.). С. 127–128.

⁵⁹⁶ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год. Л. 19 об.

⁵⁹⁷ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1916 года. Самара, 1916. С. 61.

толковавшего возможности привлечения гражданской власти к решению миссионерских задач.

После 1905 г. Церковь осуществляла миссию в новых условиях религиозной свободы и невозможности опираться на полицейский аппарат государства. В эти годы была предпринята попытка выстроить трехчастную структуру внутренней миссии: приходская, пастырская, епархиальная. Епархиальное начальство развивало различные формы подготовки местных кадров для миссии: кружки ревнителей благочестия, народно-миссионерские курсы, распространение миссионерской литературы и др. При этом материальные проблемы не позволили реализовать полностью все идеи положения 1908 г. и местные миссионерские инициативы. Документы свидетельствуют, что в сложных финансовых условиях приходское духовенство в лице делегатов епархиальных съездов не всегда относилось сочувственно к делу миссии.

2.2. Управление финансово-хозяйственной деятельностью Церкви

В конце синодального периода существовало расхожее мнение о якобы исключительных богатствах Православной Церкви, которыми она недостаточно эффективно пользовалась. Особенно обострилась дискуссия по поводу церковных средств после появления в империи представительного органа. С думской трибуны при обсуждении бюджета Святейшего Синода регулярно звучали упреки в неэффективности использования местных церковных средств, которые, по мнению выступавших, представляли собой «неиссякаемый источник для удовлетворения церковных нужд»⁵⁹⁸. Данная точка зрения активно поддерживалась и в советской литературе, т. к. работала на создание образа духовенства как сословия эксплуататоров и надежного оплота самодержавия⁵⁹⁹. Только в последние 20 лет появились работы, где более трезво и объективно

---

⁵⁹⁸Рожков В., прот. Церковные вопросы в Государственной Думе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. С. 269.

⁵⁹⁹См. например: Кошанский В. Указ. соч. С. 51–63.

оценивается финансовое состояние и хозяйственная деятельность Русской Церкви в синодальный период⁶⁰⁰.

В данном параграфе в силу специфики нашего исследования мы сосредоточили внимание не столько на церковном хозяйстве как совокупности материальных объектов, которыми распорядилась Церковь (земельные владения, постройки, ценные бумаги и пр.), сколько на организационной структуре, позволявшей осуществлять экономическую деятельность и на способах получения дохода при использовании указанных материальных ресурсов. Предметом рассмотрения является деятельность структур епархиального управления в финансово-хозяйственной сфере.

В организационном отношении хозяйственной деятельностью в епархии руководила консистория, «куда стекались финансовые ручейки со всех приходов, и где находилась текущая документация о суммах, собранных церквями и попечительствами»⁶⁰¹. На местном уровне консисторию представляли благочинные, контролировавшие, в том числе и хозяйственную деятельность в своем округе. Ими и настоятелями церквей составлялась вся первичная документация о положении в приходах, поступавшая затем в консисторию. В кафедральных соборах и соборных храмах для административно-хозяйственной деятельности существовала должность ключаря. Хозяйственными делами архиерейского дома управлял специальный штат во главе с экономом.

Все финансы епархии делились на две крупные части: 1) казенные и 2) местные. Соответственно этому делению разной была и роль консистории в контроле за этими средствами. Согласно Уставу духовных консисторий (ст. 138) «1) о суммах, отпускаемых от казны, Консистория наблюдает за точным исполнением правил о назначении денежных выдач по ведомству Св. Синода; 2) о прочих же суммах Консистория наблюдает, чтобы оные вписывались в приходно-

---

⁶⁰⁰ Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие // *Фирсов С. Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатисъ, 2007; *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в. // *Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви.* 2014. Вып. 2 (57). С. 56–81.

⁶⁰¹ *Мендюков А. В.* Указ. соч. С. 46.

расходные книги, чтобы ежемесячно свидетельствовались церковным причтом со старостою и почетнейшими прихожанами, и чтобы из них никаких произвольных расходов производимо не было»⁶⁰². Исходя из этого, наше рассмотрение начнется с участия епархиального начальства в распределении казенных средств, которое в изучаемый период претерпело определенные изменения.

При этом надо иметь в виду, что Церковь не была собственником своего имущества в прямом смысле слова, так как являлась фактически государственным ведомством. Вся ее собственность (кроме той, что предоставлялась сельскими обществами и частными жертвователями) считалась государственной. Поэтому правильнее говорить о государственно-церковной собственности – своеобразном юридическом феномене, порожденном тем положением, которое занимала церковь в государстве.

Самарская епархия в плане финансирования ее государством не принадлежала к числу привилегированных (как, например, столичная епархия или ряд епархий, находившихся на национальных окраинах). В 1903 г., например, государство потратило на управленческий аппарат Самарской епархии и ее приходские церкви чуть более 230 тысяч⁶⁰³. При этом на содержание сельского и городского духовенства ушла львиная доля – 208876 р. 10 коп⁶⁰⁴. Остальные средства включали в себя: жалование епископу, жалование служащим консистории, содержание кафедрального собора, архиерейского штата и зданий архиерейского дома, пособие одному штатному монастырю (Николаевскому Самарскому мужскому), прогоны и путевые издержки, и возврат налога с дохода. Эти деньги поступали большей частью через Самарскую казенную палату, меньшей – через Саратовскую (для уездов, удаленных от Самары)⁶⁰⁵. В дальнейшем средства, отпускаемые на Самарскую епархию, возрастали благодаря

⁶⁰² Устав духовных консисторий. С. 129.

⁶⁰³ Сличительная ведомость о денежных оборотах по сметным расходам сметы 1903 г. по Самарской духовной консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4554. Л. 18

⁶⁰⁴ Сличительная ведомость о денежных оборотах по сметным расходам сметы 1903 г. по Самарской духовной консистории. Л. 18.

⁶⁰⁵ Там же. Л. 19.

увеличению средств на приходское духовенство; остальные позиции оставались почти неизменными.

Высочайше утвержденным 27 декабря 1867 г. мнением Государственного Совета было постановлено отменить прежнее деление епархий на классы и ввести новые штаты для архиерейских домов и монастырей. Согласно этим штатам большинство епархиальных архиереев (а именно 32), включая Самарского и Ставропольского, получали от государства по 1500 р. жалования в год, а также 3100 р. на жалование свите архиерея, на содержание певчих и наем других служителей. Кроме того, 2850 р. выделялось на содержание кафедрального собора и церковной прислуги, 100 р. – на ремонт архиерейского дома и 350 р. на ремонт собора, на ризницу и другие церковные потребности⁶⁰⁶.

Кафедральный протоиерей, который по штату был один, получал 400 р., ключарь – 300 р., два священника – по 250 р., протодиакон – 250 р., два диакона – по 180 р., два иподиакона – по 180 р., два псаломщика – по 140 р. и еще 400 рублей «на остальной причт и церковную прислугу»⁶⁰⁷. Такой размер жалования нельзя назвать очень большим, однако духовенство кафедрального собора существовало в значительной степени за счет других средств. Так, в 1915 г. только братские доходы соборян составили более 12000 рублей⁶⁰⁸. Однако остальные городские церкви, не говоря уже о сельских, не могли похвастать таким доходом. Для них вопрос казенного жалования был гораздо актуальнее.

Материальное обеспечение приходского духовенства всегда было одной из основных проблем Русской Церкви. В XIX в. при императоре Николае I государство начало из своих средств назначать жалование, начав с юго-западных епархий⁶⁰⁹. В 1842 г. для этой цели были выработаны штаты содержания причтов. Суммы, выделяемые государством, постепенно увеличивались и к 1861 г. по смете Святейшего Синода назначалось более 3 млн рублей⁶¹⁰. В 1861 г.

⁶⁰⁶ Штат архиерейских домов и кафедральных соборов // Собрание постановлений. Т. I. С. 8–9.

⁶⁰⁷ Расписание о содержании причтов кафедральных соборов и расходов на церковную прислугу // Собрание постановлений. Т. I. С. 10–11.

⁶⁰⁸ Ведомость о доходах причтов городских самарских храмов за 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 220.

⁶⁰⁹ Фирсов С. Л. Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие. С. 377.

⁶¹⁰ О восстановлении существовавшего до 1861 года порядка постепенного ассигнования из казны сумм на содержание духовенства // ЦВ. 1893. № 10. С. 75.

постепенный отпуск средств из казны был прекращен, а учрежденное в следующем 1862 г. Главное Присутствие по делам православного духовенства в течение более чем 20 лет пыталось найти альтернативные источники финансирования. Однако, кроме сокращения числа приходов, никаких действенных мер принято не было. К середине 1880-х годов само правительство признавало, что вполне обеспечено духовенство всего двух епархий (Рижской и Холмско-Варшавской)⁶¹¹. В епархиях же Европейской России большинство духовенства никакого государственного жалования на тот момент вообще не получало⁶¹².

В конце XIX в. была предпринята попытка вывести решение данного вопроса на качественно иной уровень. Именно тогда возобновляются целенаправленные действия по достижению полного охвата жалованием духовенства империи. В 1893 г. 23 апреля было высочайше утверждено мнение Государственного Совета о постепенном увеличении кредита на содержание приходского духовенства до тех пор, пока не будет назначено содержание от казны всем причтам. Особая роль в появлении данного документа принадлежит обер-прокурору К. П. Победоносцеву⁶¹³. Согласно этому указу, обер-прокурор получил право ежегодно во время рассмотрения смет испрашивать из казны особую сумму для постепенного увеличения казенного жалования причтам⁶¹⁴. Этим же указом устанавливались средние суммы окладов: 300 рублей для священника, 150 рублей для диакона и 100 рублей для псаломщика. Минимальные оклады составляли соответственно 100, 80 и 40 рублей. Предполагалась также и возможность усиленного жалования (максимально 600, 300 и 200 рублей)⁶¹⁵.

Технически назначение или увеличение существующего жалования приходам стали производить следующим образом. 9 июня 1893 г. Св. Синод

---

⁶¹¹Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. С. 415.

⁶¹² О восстановлении существовавшего до 1861 года порядка постепенного ассигнования из казны сумм на содержание духовенства. С. 76.

⁶¹³Фирсов С. Л. Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие. С. 377.

⁶¹⁴ Об увеличении отпуска сумм на содержание православного духовенства // ЦВ. 1893. № 24. С. 163.

⁶¹⁵ Там же. С. 163.

циркулярным указом запросил все епархии о настоящем материальном обеспечении причтов и о предполагаемом их содержании с учетом местных средств. Используя эти сведения, Хозяйственное управление определяло беднейшие приходы и список предоставляло на утверждение Св. Синоду. Затем средства через Государственное казначейство доводились до приходов раз в полугодие. Консистория, помимо составления списков, следила за своевременным получением причтами жалования, оставляя без внимания просьбы о выдаче денег приходов, пропустивших положенные сроки⁶¹⁶.

За последующие 10 лет списки, предоставленные консисториями, значительно устарели. Тогда указом от 8-го января 1903 г. Синод затребовал новые, более подробные раскладки по каждой епархии. Причты в этих списках должны были быть разделены на три категории: 1) нуждающиеся в назначении или увеличении жалования в первую очередь; 2) причты, которым это назначение может быть отложено впредь до обеспечения причтов первого разряда; 3) причты, которым хватает местных средств (в случае если эти средства превышают максимум в 800 р.)⁶¹⁷. Еще пять лет выделение казенного жалования производилось по этим уточненным спискам.

В 1908 г. в порядке предоставления государственного жалования православным приходам происходят определенные изменения. В этом году смета Святейшего Синода вызвала бурное обсуждение в Государственной Думе⁶¹⁸. Бюджетная подкомиссия Думы в своем докладе по смете при обсуждении кредита на усиление средств содержания духовенства сделала указание, что назначаться жалование должно не по представлению консисторий, а на основании заключений съездов духовенства (окружных и епархиальных), которые лучше осведомлены в положении причтов⁶¹⁹.

Соответственно решением обер-прокурора было определено, что с этого момента Синод перестает заниматься утверждением готовых подробных списков

---

⁶¹⁶ Распоряжения по епархиальному ведомству // СЕВ. 1886. №. 16. (оф. ч.). С. 346.

⁶¹⁷ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4868. Л. 3 об.

⁶¹⁸ Рожков В., *прот.* Указ. соч. С. 228.

⁶¹⁹ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4868. Л. 2.

приходов, которым надлежит назначить или увеличить жалование. Теперь Хозяйственному управлению Синода представлялось лишь общее распределение ассигнований по епархиям, с учетом отдельной строкой материальных нужд переселенческих приходов Зауральских епархий. Распределение данного кредита по приходам выполнялось уже епархиальным начальством. Ведомости приходов, которым увеличено или вновь назначено жалование, предоставлялись консисториями в Хозяйственное управление.

В марте 1909 г. Хозяйственное управление Синода запросило из епархий новые (по отношению к 1903 г.) списки трех разрядов приходов, которые должны будут служить критерием при выделении общих сумм на епархию. А на местах разделять данные суммы между причтами должен был уже епархиальный съезд духовенства. При составлении списков в 1909 г. в Самарской епархии в третий разряд (причты, обеспеченные более, чем на 800 р.) было занесено всего 7 приходов⁶²⁰ (плюс два прихода из присоединенной в предыдущем году Уральской области). Следовательно, все остальные нуждались в назначении или увеличении казенного жалования.

На епархиальном съезде 1908 г. самарское духовенство впервые обсуждало вопрос о распределении казенного жалования. Для этого избрали специальную комиссию. Председателем ее был избран священник Иван Орлов, членами – священники Сергей Муромцев и Василий Орлов. Комиссия подготовила к съезду форму ведомости, по которой благочиннические съезды должны были предоставлять информацию о материальном состоянии приходов. Ведомость включала в себя следующие пункты: 1) количество лиц в причте по штату; 2) количество их на лицо; 3) количество православных душ в приходе; 4) количество церковной земли; 5) ее доходность; 6) проценты с капитала; 7) казенное жалование; 8) общественное жалование; 9) наличие у причта луговых наделов и их размер; 10) кружечный братский доход; 11) хлебный сбор и его доходность в рублях; 12) общий доход причта⁶²¹.

---

⁶²⁰ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 74 об.

⁶²¹ Там же. Л. 26

При этом все цифры в этой ведомости должны были быть подтверждены документами (договор на аренду земли и т. д.). Приходы же следовало размещать не по алфавиту, а в порядке обеспеченности (по восходящей). Комиссия съезда составила три ведомости: общую, самых бедных приходов и приходов второй очереди. Определили минимум доходности – 166 рублей. На общем обсуждении делегаты съезда добавили в ведомость еще один пункт – количество в приходе раскольников, сектантов и иноверцев⁶²².

Съезд следующего 1909 г. в принципе одобрил деятельность комиссии, заметив, однако, что списки приходов все же не везде составлены в согласии с постановлениями благочиннических съездов. Поэтому съезд дозволил депутатам от тех округов, в которых возникли недоразумения, делать перестановки, не меняя в целом списка, составленного комиссией⁶²³.

Съезд принял решение включать в ведомость исключительно сельские приходы как самые бедные. Действительно городские храмы Самары, например, вплоть до 1917 г. казенного жалования не получали. Исключение составляла Крестовоздвиженская церковь в Засамарской слободе, которая получала 525 рублей (у этой церкви был самый маленький братский доход). Но при этом храмы не бедствовали. Самый бедным был причт в поселке Новый Оренбург, который не имел других доходов, кроме братского, составлявшего 1600 рублей. Кафедральный собор был самым богатым с совокупным доходом в 13989 рублей (братский доход, оброчные статьи, проценты с капитала и т. д.)⁶²⁴.

Надо сказать, что процесс увеличения охвата казенным жалованием приходского духовенства при императоре Николае II шел поступательно с постепенно нарастающими темпами. Однако этих темпов все равно не было достаточно, чтобы сделать охват полным. Изначально в 1893 г. сумма ежегодной прибавки равнялась 250 000 рублей и постепенно к началу XX века выросла в два раза. Однако при распределении этой немаленькой в общем суммы по епархиям оказывалось, что количество приходов, которые в результате получили

⁶²² Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 26 об.

⁶²³ Там же. Л. 90.

⁶²⁴ Ведомость о доходах причтов городских самарских храмов за 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 220.

жалование, не так уж и велико. Так в 1909 г. дополнительное ассигнование по стране было равно 500 000 рублей. В результате в Самарской епархии жалование вновь получили 13 приходов (один из которых – в Уральской области)⁶²⁵.

Такие темпы действительно не могли окончательно решить проблему материального обеспечения духовенства. В результате в Самарской епархии к 1910 г. без государственного жалования оставалась почти треть приходов: 265 из 986⁶²⁶. Но даже там, где жалование было, оно было очень скромным и определенно нуждалось в увеличении. В Самарской епархии среднее жалование от казны составляло 379 рублей, а в соседней Пензенской – всего 305 рублей⁶²⁷.

В 1910 г. дополнительное ассигнование было увеличено и составило 580 000 рублей. Из них 80 000 рублей предназначались переселенческим приходам Зауральских областей, 50 000 должны были пойти на вновь учреждаемые причты в Европейской России, а 15 000 – в распоряжение Грузино-Имеретинской синодальной конторы. Остальные 435 000 распределялись на все остальные епархии в размере от 3 до 12 тысяч рублей. Самарская епархия получила в этом году 8 000, из которых 668 рублей – Уральская область⁶²⁸. Жалование по решению съезда назначалось среднее (300 рублей священнику, 150 – диакону и 100 – псаломщику), или же дополнялось до этого самого среднего.

В 1911 г. общая цифра дополнительного ассигнования достигла 600 000 рублей. За вычетом сумм на переселенческие приходы, новые причты и нужды грузинских епархий осталось 440 000 рублей, которые были поделены между 50 епархиями. Доля Самарской епархии составила в этот раз 12 000 рублей. Жалование назначено было в 25 приходов, а Уральской области досталось 828 рублей⁶²⁹. В 1912 г. на Самарскую епархию выделили 13 000 рублей, причем впервые отдельной строкой стало выделяться финансирование приходов

⁶²⁵ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 91–91 об.

⁶²⁶ Введенский В. По поводу образования при Святейшем Синоде Особого Совещания по вопросу об обеспечении православного духовенства // ПЦВ. 1910. № 40. С. 1693.

⁶²⁷ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905 – 1907 гг. СПб., 1910. С. 101–102.

⁶²⁸ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 116–117.

⁶²⁹ Там же. Л. 125 об.

Уральской области (3 000 рублей)⁶³⁰. Получается, что приходы собственно Самарской епархии получили даже немного меньше, чем в прошлом году. В следующем 1913 г. году цифра еще возросла, однако произошло это опять исключительно за счет Уральской области, которая из 15 000 рублей получила треть – 5 000⁶³¹. Следует упомянуть, что в реальности денег получалось несколько меньше, так как 2 % вычиталось в счет пенсий духовенству.

В результате наделение приходов жалованием происходило не так быстро, как этого бы хотелось. Когда в 1912 г. комиссия епархиального съезда составляла расписание на следующие 3 года, оказалось, что по этому расписанию 280 приходов не имели среднего жалования (или вообще никакого). В 1912 и 1913 годах назначили жалование в общей сложности в 47 приходах. На 1914 г. осталось 233 прихода, не имеющих средненормального жалования⁶³².

Только в 1914 г. правительством была совершена попытка форсировать сроки наделения всех приходов казенным жалованием, серьезно увеличив сумму, отпускаемую для этого. Сумма была увеличена более чем в 4 раза и составила 2 550 000 рублей. Самарской епархии выделили 75 000 рублей, в том числе 20 731 рубль приходам викариатства, получающим жалование от Уральского казачьего войска с прекращением выплат от него, и 10 000 на назначение жалования тем приходам Уральской области, которые получают меньше средненормального жалования⁶³³.

Надо сказать, что в последние предреволюционные годы работа комиссия епархиального съезда проходила в непростых условиях. Причем возникавшие проблемы носили чаще всего внутренний характер. Так, благочиния, которые, казалось бы, были прямо заинтересованы в составлении правильных ведомостей, не проявляли должного усердия в данном направлении. В 1916 г. комиссия жаловалась съезду, что из 52 округов только 20 представили свои журналы (да и

---

⁶³⁰ Материалы о распределении между причтами епархии вновь назначенного в 1912 г. казенного жалования, согласно списка приходов, составленного съездом духовенства сессии 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5029. Л. 51.

⁶³¹ Там же. Л. 254.

⁶³² Материалы о распределении между причтами епархии вновь назначенного в 1912 г. казенного жалования, согласно списка приходов, составленного съездом духовенства сессии 1912 г. Л. 290 об.

⁶³³ Там же. Л. 283.

из них 6 привезли их уже на сам съезд, что делало их рассмотрение затруднительным)⁶³⁴. Было решено руководствоваться старой ведомостью. Однако ряд делегатов составил особое мнение, так как посчитали старую ведомость непригодной по причине большого количества ошибок (самые бедные приходы почему-то оказывались здесь лишь во второй сотне списка)⁶³⁵.

В 1915 г. размер ассигнований на приходы Самарской епархии составил максимальные 85 000 р. При этом расходы на Уральскую область остались на уровне прошлого года (20 731 рублей + 10 000 рублей)⁶³⁶. А вот в 1916 г. уже, по видимому сказалась война. Всего на Самарскую епархию выделили всего 20 000 рублей⁶³⁷. В результате к 1917 г. часть приходов так и не была обеспечена средненормальным жалованием от государства.

В качестве итогов по Самарской епархии можно привести данные съезда духовенства сессии сентября 1917 г. Согласно спискам, составленным членами съезда, совсем не получали казенного жалования 73 прихода епархии. Всего же нуждающимися были признаны 248 причтов, получавших мизерное жалование. Только 15 из всех приходов, поименованных в списке, получали больше 200 рублей (и это на весь причт). Жалование большинства причтов составляло 176 рублей и меньше⁶³⁸.

А тем временем война настолько подорвала благосостояние прихожан и соответственно местные средства существования духовенства, что причтами ставился вопрос о необходимости наделения уже не средненормальным, а повышенным жалованием⁶³⁹.

Самым бедным был Бугульминский уезд, населенный в значительной степени татарами. Так, причт села Алексеевка 2-го округа данного уезда в 1917 г.

⁶³⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1916 г. Самара, 1916. С. 42.

⁶³⁵ Там же. С. 43.

⁶³⁶ Указ Святейшего Правительствующего Синода от 26 августа 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 240.

⁶³⁷ Отношение Хозяйственного управления Святейшего Синода в Самарскую духовную консисторию от 8 августа 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 5.

⁶³⁸ Ведомость по распределению казенного жалования между причтами Самарской епархии, составленная избранными от уездов членами очередного епархиального съезда сессии 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 71–78.

⁶³⁹ Прощение священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова в Самарский епархиальный съезд от 4 августа 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 98.

из всех возможных источников получал по совокупности 581 рубль, а села Васильевка – 704 рубля. (по факту же за 1916 было недополучено 200 рублей общественного жалования). Крайне тяжелой была ситуация в селе Домосейкино, где последние 3 года причт совсем не получал общественного жалования⁶⁴⁰.

Чтобы картина была полной, необходимо сказать и о местных средствах на содержание духовенства, не относящихся к государственному жалованию. Немаловажную роль в материальном обеспечении его играли земельные наделы. Начатое во время генерального межевания (с 1765 г.), наделение приходов земельными наделами продолжалось и в XIX в. Однако исследователи подчеркивают, что «исчерпывающих данных о росте церковной земельной собственности в XIX в. нет»⁶⁴¹. По Самарской епархии более-менее точные данные также относятся уже к рубежу веков.

По подсчетам секретаря самарской консистории В. Соловьева, проведенным в 1899 г., всего причтовой земли в епархии было 39 845,5 десятин В 1912 году при обсуждении земельного ценза участники Епархиального осведомительного комитета по выборам в IV Государственную Думу признали, что более точных данных у них нет и решили принять округленную цифру в 40000 (что давало соответственно 84 выборщика) десятин. По уездам распределение выглядело следующим образом⁶⁴²:

Уезд	Количество земли	Количество выборщиков
Самарский	3 931 десятина	9
Ставропольский	3 811,5 десятин	8
Бугульминский	1 985,5 десятин	4
Бугурусланский	5 648,5 десятин	12

⁶⁴⁰ Ведомость о доходах причтов 2-го округа Бугульминского уезда за 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 62 об

⁶⁴¹ Попов В. П., Ершов Б. А. Земельная собственность церквей и монастырей в XIX в. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. 2007. № 2. С. 108.

⁶⁴² Немерцалов В., свящ. Земельный ценз духовенства Самарской епархии (К вопросу о выборах в IV Государственную Думу) // СЕВ. 1912. №. 17 (неоф. ч.). С. 491–492.

Бузулукский	8 536 десятин	18
Новоузенский	7 413 десятин	15
Николаевский	8 140,5 десятин	18

Если говорить о благочиниях, то больше всего земли было в 5 округе Новоузенского уезда – 2 480,5 десятин, а меньше всего в 5 округе Бугурусланского – 486 десятин⁶⁴³. Согласно же отчету самарского губернатора, за 1914 г., в епархии числилось всего 43 830 десятин земли за церквями и 17 513 десятин за монастырями. В среднем это давало около 36 десятин на церковь и 1 250 – на монастырь⁶⁴⁴.

В общем и целом, самарские причты не владели большими наделами. Так, например, в 5 округе Самарского уезда все приходы владели наделами от 33 до 50 десятин (данные за 1907 г.)⁶⁴⁵. Эти данные совпадают с средними величинами по всему Среднему Поволжью, где на приход приходилось в среднем от 30 до 40 десятин⁶⁴⁶. Такая ситуация сохранялась и в начале XX в., хотя еще в 1869 г. вышел указ Синода, по которому узаконенной нормой надела считалось 99 десятин сельский причт⁶⁴⁷.

Чуть более богатыми в отношении земли были уезды Николаевский, Новоузенский и Бузулукский. Но и здесь приходы владели в лучшем случае двойной, реже – тройной нормой (66 и 99 десятин). Приходы, которые владели более чем сотней десятин являются исключением и исчисляются единицами. В Новоузенском уезде причты сел Курилловка и Малый Узень имели каждый по 105 десятин, причты села Питерка и двух приходов слободы Покровской – по 132 десятины. В Николаевском уезде самыми крупными землевладельцами были

⁶⁴³ Немерцалов В., свящ. Земельный ценз духовенства Самарской епархии (К вопросу о выборах в IV Государственную Думу). С. 492.

⁶⁴⁴ Кошанский В. Самарское духовенство, его доходы и быт. С. 53

⁶⁴⁵ Рапорт благочинного 5-го округа Самарского уезда священника Феодора Адриановского от 21 мая 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787. Л. 216 об.

⁶⁴⁶ Мендюков А. В. Указ. соч. С. 24.

⁶⁴⁷ Кильчевский В. А. Богатства и доходы духовенства. СПб., 1908. С. 6.

причты сел Семеновка – 114 десятины и Дмитриевка – 116 десятины⁶⁴⁸. Советский исследователь В. Кошанский, пытаясь представить приходы Самарской епархии крупными землевладельцами, также не находит других примеров, кроме с. Питерка с 132 десятинами⁶⁴⁹.

Чаще всего земельные наделы при открытии приходов выделялись из участков, принадлежавших крестьянским обществам. В связи с этим возникали разного рода сложности. Так частыми были ситуации, когда в деревне, ранее принадлежавшей к определенному приходу, со временем открывали собственный приход, а часть земель была уже раньше выделена. Так, в 1907 г. жители деревни Алпаевой Бугурусланского уезда обратились в самарскую консисторию с требованием отобрать у причта с. Русской Боклы, прихожанами которого они были до постройки собственного храма, 14,3 десятины земли⁶⁵⁰. Консистория определила оставить ходатайство без внимания, т. к. причт Русской Боклы владел данной землей уже более 70 лет, а такие наделы не отчуждаются.

Епархиальное начальство пыталось предотвратить возникновение недоразумений, касающихся церковных земель. Однако по признанию самого самарского духовенства около 90 % приходов не имело никаких документальных подтверждений своих прав на земли, которыми пользовалось⁶⁵¹. Еще в 1894 г. консистория распорядилась, чтобы духовенство епархии подвергло свои земельные угодья ревизии, оградив их межевыми знаками, «с составлением о сем актов за подписью выборных от прихожан, церковных старост причтов и благочинных или поверенных от них»⁶⁵². Однако при общей запущенности ситуации с документами переломить ее в одночасье было сложно.

Все это вызывало постоянные трения между причтами и сельскими обществами по поводу земли. В годы революции 1905 – 1906 гг. эти недоразумения обострились особенно; в подавляющем числе сельских приговоров

⁶⁴⁸ Ведомость по обеспеченности причтов Самарской епархии земельными наделами // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787. Л. 217–224.

⁶⁴⁹ Кошанский В. Указ. соч. С. 53.

⁶⁵⁰ Прощение уполномоченного от общества дер<евни> Алпаевой Бугурусланского уезда Т. П. Служаева в Самарскую духовную консисторию от 23 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787. Л. 8–8 об.

⁶⁵¹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1910 года. Самара, 1910. С. 96.

⁶⁵² О способах ограждения от захвата земельных церковных угодий // Собрание постановлений. Т. I. С. 155.

обсуждались вопросы отчуждения земли у духовенства. В некоторых селах крестьяне переходили от слов к делам. Кстати, после революции проблема не исчезла. Уже в 1912 г. крестьяне с. Злобинка Николаевского уезда составили приговор об отобрании у причта 38 десятин земли, которую считали своей. Тогда земский уездный начальник отменил этот приговор⁶⁵³.

Нередко причты, пытаясь закрепить за собой землю на основании длительного владения ею, уже не успевали этого сделать. Так, в ноябре 1907 г. Самарский окружной суд слушал дело о закреплении земли за причтом Троицкой церкви с. Могутово Бузулукского уезда и был вынужден отказать. Выяснилось, что «в настоящее время та земля, которую причт Троицкой церкви желает укрепить за собой по давности владения, продана дворянином Стобеусом Крестьянскому Поземельному Банку и находится во владении сего последнего»⁶⁵⁴.

Необходимо отметить, что само духовенство крайне редко возделывало свои земли, чаще всего получая прибыль, сдавая их в аренду. Так как земли были по своему качеству разные, то и доход они приносили разный. Большая часть земли чаще всего была пахотной, меньшая – сенокосной. Например, из 66 десятин (средний надел по епархии) 55 десятин как правило были пахотными, и 11 – сенокосными; из 132 десятин (максимальный надел по епархии) – 110 и 22 десятины соответственно⁶⁵⁵. Однако доход от аренды такого количества земли не был очень большим. По ведомостям видно, что участок в 33 десятины мог приносить доход от 40 до 88 р. в год. Реже чуть больше⁶⁵⁶. А иногда и больший участок почти ничего не давал. Так, участок в 40 десятин причта с. Богдановки Николаевского уезда был настолько неудобен, что сдавался сельскому обществу

---

⁶⁵³ Незаконный приговор // СЕВ. 1912. № 8 (неоф. ч.). С. 334.

⁶⁵⁴ Выписка из протокола заседания Самарского окружного суда от 20 ноября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787. Л. 112.

⁶⁵⁵ Ведомость о приходах 4-го благочиннического округа Новоузенского уезда с указанием количества душ в приходе мужского и женского пола, духовенства и его материального довольствия // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 81.

⁶⁵⁶ Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии. Л. 28–30.

под выпас всего за 15 р. в год⁶⁵⁷. Существовали еще небольшие наделы усадебной земли, сдавать в аренду которые было запрещено⁶⁵⁸.

Еще одной проблемой церковных земель была чересполосица. Выделявшие их сельские общества не всегда, судя по всему, заботились об удобстве для причтов пользования этими землями. Так, при открытии в 1897 г. прихода в с. Клявлино Бугульминского уезда церковная земля была отведена в трех полях по 11 десятин в каждом. Участки эти были весьма неудобны для использования. В двух полях «земля отведена рядом с крестьянскими выгонами, а потому неизбежно подвергаются потравам»⁶⁵⁹.

Естественно, что причты выступали за упразднение чересполосицы. И здесь уже была велика роль центральных епархиальных органов. Дело в том, что по указу Сената от 10 июня 1913 г. ходатайство об упразднении чересполосицы могла возбуждать только консистория. Поэтому, когда приходы обращались в уездную землеустроительную комиссию напрямую, та все равно запрашивала консисторию «дать свое согласие на уничтожение чересполосицы... причта и назначить депутата для производства означенных работ»⁶⁶⁰.

Вообще же роль консистории в вопросах церковного землевладения не исчерпывалась участием в переделе границ участков. Ее функции надзора за операциями, связанными с арендой церковной земли описывались законодательством того времени следующим образом: «При отдаче в оброчное или арендное содержание недвижимых имений и вообще оброчных статей... консистория входит в подробное соображение предполагаемой отдачи в арендное содержание, обозревает выгоду и законность условий контракта и представляет свое заключение епархиальному архиерею».⁶⁶¹ Таким образом, консистория обладала функциями контроля за арендой причтовых земель в пределах епархии,

⁶⁵⁷ Отношение самарского губернатора В. В. Якунина на имя епископа Константина (Булычева) по проверке заявления причта села Богдановка Николаевского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787. Л. 20.

⁶⁵⁸ Относительно отдачи в аренду церковных земель // Собрание постановлений. Т. I. С. 154.

⁶⁵⁹ Рапорт причта Димитриевской церкви села Клявлино Бугульминского уезда от 14 мая 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5091. Л. 137.

⁶⁶⁰ Отношение Бугульминской уездной землеустроительной комиссии в Самарскую духовную консисторию по ходатайству причта села Туарма Бугульминского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5091. Л. 138.

⁶⁶¹ Законы гражданские // СЗРИ. Т. X. Ч. 1. СПб., 1857. С. 346.

выполняя которые, она нередко ограничивала сроки или вообще запрещала тем или иным причтам сдавать свои наделы в аренду. Так, в 1901 г. консистория отклонила ходатайство причта с. Мироновки Новоузенского уезда о дозволении сдачи земли в долгосрочную аренду и посоветовала данному причту «обрабатывать самим землю, отведенную именно для этой цели»⁶⁶².

Еще одним источником материального обеспечения духовенства было жалование от сельских обществ. Оно могло быть серьезным подспорьем, так что в некоторых приходах не ощущалось особенной необходимости в жаловании казенном. Но в то же самое время, священник, основным источником дохода которого было общественное жалование, становился заложником не только доброй воли крестьян, но и их реального благосостояния, которое временами сильно изменялось.

Трения между священниками и их паствой из-за общественного жалования возникали регулярно. В этих условиях консистория в Самаре и благочинные на местах выполняли функции посредников при разрешении конфликтов. Еще в 1892 г. Синод запретил по таким делам обращаться к гражданскому начальству. Однако и позже такие обращения имели место, как например в случае священника с. Новоганькина, которому сельское общество летом 1897 г. недоплатило 63 с лишним рубля⁶⁶³. Консистория тогда предписала благочинному убедить крестьян. Последние деньги все же вернули, правда ровно через год, уже летом 1898 г.

В годы революции 1905 – 1906 гг. случаи отказов от уплаты общественного жалования становятся массовыми. Только в конце 1905 г. случаи полного отказа или значительного сокращения жалования зафиксированы в селах Козяковка, Федотовка, Миролюбовка, Палимовка, Яблонево Гай, Белокаменка, Старая Бесовка и др⁶⁶⁴. Уговоры, производимые благочинными, чаще всего своей цели не достигали. В качестве крайней меры епархиальное начальство использовало закрытие прихода. Так в конце 1905 г. причт с. Пронькино Бузулукского уезда

⁶⁶² Ходатайство о разрешении причту с. Мироновка Новоузенского уезда сдавать в аренду церковно-приходскую пахотную землю // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4351. Л. 7.

⁶⁶³ Правила о местных средствах содержания православного духовенства и о разделе доходов между причтами // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6630. Л. 30.

⁶⁶⁴ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 38.

был переведен в другое место, а село приписали к соседнему приходу. Вынужденные обращаться со всеми духовными нуждами за несколько верст жители села вскоре, покаявшись, уговорили епископа Константина вернуть их причт⁶⁶⁵. В 1913 г. консистория своим указом предупредило крестьян с. Николаевка Новоузенского уезда, что разрешит причту перейти в другой приход, если не будут отремонтированы причтовые дома, находившиеся в плачевном состоянии⁶⁶⁶.

Следующая волна отказов платить духовенству общественное жалование была связана с Первой мировой войной. В 1915 г. епископ Михаил (Богданов) доносил об учащении таких случаев Синоду⁶⁶⁷. В 1915 г. епархиальный съезд духовенства принял решение при составлении ведомости и определении степени нужды причта учитывать общественное жалование только там, где оно аккуратно платилось последние 3 года⁶⁶⁸.

Последний важный источник дохода из числа местных средств – плата за требоисправление. Здесь роль консистории также заключалась в том, чтобы разрешать периодически возникающие конфликты священников со своей паствой. Консистория должна была следить за тем, чтобы духовенство не вымогало у крестьян лишнего. Дело в том, что еще при открытии епархии в 1851 г. на имя епископа Самарского и Ставропольского Евсевия (Орлинского) было получено предписание: «Со введением в действие (в Самарской епархии) штатов надлежит обязать сельских священно-церковнослужителей, получающих жалование, отправлять безмездно все важнейшие христианские требы, как то: молитвование рождающихся, крещение, исповедь, причащение, брак, елеосвящение, погребение и присоединение иноверцев, под опасением строгого, за нарушение сего, наказания»⁶⁶⁹.

⁶⁶⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 39.

⁶⁶⁶ Рапорт священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова и церковного старосты Ивана Кадушкина от 5 июля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5202. Л. 8.

⁶⁶⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год. Л. 45.

⁶⁶⁸ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1915 г. Самара, 1915. С. 160.

⁶⁶⁹ О воспрещении брать плату за совершение необходимых треб, где назначено от казны жалование // Собрание постановлений. Т. I. С. 419.

Несмотря на это требование, консистории приходилось регулярно напоминать духовенству об этих распоряжениях, «поелику дела о вымогательстве священниками платы в Самарской Консистории повторяются часто»⁶⁷⁰. Что неудивительно, учитывая скудное казенное жалование и скромные размеры причтовых земельных участков. В свою очередь, крестьяне во время аграрных волнений часто выступали или за полную отмену платы за требы, или за то, чтобы размер таксы определялся сельским обществом, а не причтом⁶⁷¹. После революции 1917 г. возникли и все условия для реализации этих пожеланий. Так, крестьяне с. Туармы Бугульминского уезда в марте 1918 г. на собрании определили новые цены за все требы, уменьшив их на 55 %⁶⁷². Сами же священники, пытаясь найти выход из сложного материального положения, предлагали установить единообразную таксу для всей епархии. При этом, не нарушая синодального запрета, предлагалось взимать плату не за само свершение таинств, а за их регистрацию, которая тоже возлагалась на духовенство: «за метрическую запись при крестинах – столько-то; за брачное делопроизводство – столько-то и пр.»⁶⁷³.

Вообще же, говоря о предреволюционном периоде, нужно отметить, что за годы войны материальное положение духовенства становилось все тяжелее. Характерно, что в это время меняется соотношение города и деревни. Все чаще отмечалось, что в городе ситуация с продуктами и общей дороговизной жизни была хуже, чем на селе. Так, критическая ситуация сложилась в г. Покровске Новоузенского уезда. В феврале 1917 на благочинническом собрании 4-го округа этого уезда было принято решение нарушить предписание епархиальных съездов прошлых лет о первоочередном наделении жалованием сельских приходов. В

---

⁶⁷⁰ О воспрещении брать плату за совершение необходимых треб, где назначено от казны жалование. С. 419.

⁶⁷¹ Крестьянские наказания Самарской губернии (опыт собирания материалов русской революции). Самара, 1906. С. 60

⁶⁷² Рапорт причта Христорождественской церкви села Туарма 3-го округа Бугульминского уезда от 14 августа 1918 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5232. Л. 2.

⁶⁷³ Павлов В., *свящ.* Практическое разрешение вопроса об обеспечении духовенства // СЕВ. 1914. №. 2 (неоф. ч.). С. 47.

список нуждающихся первым был поставлен Покровский собор, а второй – Троицкая церковь города. Еще две церкви города заняли 6-е и 7-е места⁶⁷⁴.

Тяжелая ситуация сложилась и в кладбищенской церкви Покровска. Городская дума Покровска отказала причту в жаловании, в результате чего бесприходная церковь лишилась основного источника дохода⁶⁷⁵. В результате при составлении списка нуждающихся приходов в 1917 г. комиссия учла бедственное положение городских храмов и впервые внесла их, правда в самый конец. Так Покровские причты стоят тут под номерами 242 и 244, Бугурусланские – 241 и 246, Балаковские – 236 и 239, Бугульминский – 243⁶⁷⁶.

В течение войны вообще наблюдалось постоянное снижение уровня местных средств. Так, по донесению благочинного 1-го округа Бугульминского уезда, из 20 приходов округа во время войны доходы сократились у 14 приходов, иногда очень серьезно (до 20 %) ⁶⁷⁷.

В ситуации общего обеднения села не приходилось полагаться как на жалование от сельских обществ, так и на доходы от требоисправления. В августе 1916 г. священник с. Николаевки 1-го округа Новоузенского уезда Иоанн Скворцов писал епархиальному съезду, прося поставить его село в первую очередь в ведомости нуждающихся в казенном жаловании: «жители моего прихода (150 глиняных землянок на границе Уральской области) разоренные 9-тилетним подряд неурожаем, сделались из хозяев нищими... не только думать о каком-либо вознаграждении за требоисправление нельзя, а наоборот приходится напрягать все силы для изыскания материальной помощи им самим»⁶⁷⁸.

Причем крестьяне не могли не понимать, чем обернутся их отказы для духовенства. Они также старались переложить заботу о его материальном

⁶⁷⁴ Журнал съезда духовенства 4-го благочиннического округа Новоузенского уезда от 27 февраля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 80.

⁶⁷⁵ Рапорт благочинного 4-го округа Новоузенского уезда протоиерея Александра Дамаскина от 26 февраля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 87.

⁶⁷⁶ Ведомость по распределению казенного жалования между причтами Самарской епархии, составленная избранными от уездов членами очередного епархиального съезда сессии 1917 г. Л. 77 об–78.

⁶⁷⁷ Ведомость о средствах содержания причтов 1-го округа Бугульминского уезда до войны и во время войны // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5211. Л. 30.

⁶⁷⁸ Прощение священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова в Самарский епархиальный съезд от 4 августа 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 98.

состоянии на центральную власть. Так общество крестьян с. Вольная Солянка в мае 1916 г. обратилось к епископу Михаилу с просьбой наделить их причт жалованием, так как они не могут как раньше платить ему 300 р. денег и 300 пудов хлеба в год. Причина проста – большую часть дееспособных мужчин призвали на фронт, а оставшиеся женщины, старики и дети не в силах содержать причт⁶⁷⁹.

Все это происходило на фоне постоянного удорожания жизни. Так, один из благочинных доносил в 1916 г., что за время войны цены выросли практически на все: квартиры на 50 %, дрова на 400 %, мука на 250 %, хлеб на 100 %, масло скоромное на 500 %, мясо на 230 %, яйца на 350 % и т.д.⁶⁸⁰. В результате увеличилось число прошений со стороны причтов о переводе их в другие места служения. Тот же священник Иоанн Скворцов из с. Николаевка Новоузенского уезда, который в 1916 г. настаивал на предоставлении его причту в первую очередь казенного жалования, в феврале 1917 г. просил «о предоставлении ему права выйти в другие приходы»⁶⁸¹.

Таким образом, участие общепархиальных органов в материальном обеспечении приходов было минимальным, сводясь к составлению в консистории списков причтов для назначения казенного жалования (а с 1908 г. лишь утверждению списков, составленных на съезде духовенства) и предотвращению возможных конфликтов, связанных с причтовой землей, общественным жалованием и платой за требоисправление. Гораздо шире были фискальные функции, которые выполняли консистория в губернской столице и благочинные на местах.

Система налогообложения православных приходов, существовавшая на конец синодального периода, формировалась с начала XIX в. В 1808 г. у приходов был изъят «свечной сбор», который был важнейшим источником доходов. Деньги

⁶⁷⁹ Прошение уполномоченных общества села Вольная Солянка Бугурусланского уезда Я. Н. Зольникова и П. Х. Оленина от 3 июня 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168. Л. 130.

⁶⁸⁰ Ведомость сравнительная на дрова, муку, масло, мясо, яйца и проч^{<ее>} до войны и во время войны // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5211. Л. 74.

⁶⁸¹ Рапорт священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова и церковного старосты Ивана Кадушкина от 5 июля 1917 г. Л. 8.

эти направлялись на финансирование системы духовного образования⁶⁸². А 17 апреля того же 1808 г. была издана инструкция для церковных старост, которая ставила их деятельность под жесткий контроль епархиального начальства⁶⁸³. На основании этой инструкции старосты действовали вплоть до 1890 г.

Церковные старосты выбирались прихожанами на три года с согласия причта при благочинном и утверждались архиереем. В случае сомнений в правильности выбора дело рассматривалось в консистории⁶⁸⁴. Благочинный должен был присутствовать при выборах с целью «отвращать всякое пристрастие со стороны ли прихожан, или со стороны священно- и церковнослужителей по сему предмету произойти могущее»⁶⁸⁵. При этом благочинный, судя по всему должен был присутствовать именно лично, так как он подписывал приговор об избрании «в том смысле, что выбор церковного старосты происходил при его, благочинного, посредстве»⁶⁸⁶.

В 1885 г. постановили избирать вместе со старостой кандидата (заместителя) на случай болезни и смерти, который будет выполнять обязанности до очередных выборов (раз в три года)⁶⁸⁷. А в 1890 г. вступила в силу новая инструкция старостам, отменившая предписания 1808 г. В новом документе были более подробно прописаны условия избрания на эту должность.

Старостой не могли быть избраны сектанты и раскольники, а также люди, не бывающие у исповеди и причастия⁶⁸⁸. Кроме того, не могли претендовать на должность церковного старосты: состоящие под следствием или ранее судимые на тюрьму или более строгие наказания, несостоятельные должники, лица, сложившие священный сан или исключенные из своих обществ за пороки «по приговорам тех сословий, к которым они принадлежат», состоящие под опекой за расточительность, а также «содержатели заведений для раздробительной продажи

⁶⁸² Беглов А. Л. Указ. соч. С. 57.

⁶⁸³ Инструкция церковным старостам от 17 апреля 1808 года // ПСЗ-I. Т. 30. СПб., 1830. С. 185–191.

⁶⁸⁴ Устав Духовных Консисторий. С. 124.

⁶⁸⁵ Инструкция церковным старостам от 17 апреля 1808 года. С. 188.

⁶⁸⁶ Составление приговоров об избрании в церковные старосты // СЕВ. 1874 (оф. ч.). № 7. С. 79.

⁶⁸⁷ О выборе кандидатов к церковным старостам // СЕВ. 1885. № 18 (оф. ч.). С. 266.

⁶⁸⁸ Последняя мера могла также быть направлена против тайных раскольников, формально числившихся православными.

спиртных напитков, а равно приказчики и сидельцы сих заведений»⁶⁸⁹. Все эти меры не были прописаны в инструкции 1808 г.

Кроме того, в инструкции 1890 г. был более четко прописан механизм выборов старост. Причт в городах составляет список прихожан, имеющих право выбирать по церковно-исповедным ведомостям. Если выборы не состоялись, производились повторные, если и те не состоялись, архиерей поручал исполнение обязанностей «кому-либо из благонадежных прихожан по представлению местного причта или, в крайнем случае, одному из членов причта»⁶⁹⁰.

В новой инструкции оговорена возможность наличия старост и у бесприходных (приписных) церквей, «если в сих церквах совершается Богослужение, имеется собственное имущество и ведется отдельное от самостоятельной церкви хозяйство»⁶⁹¹. Старост к городским бесприходным церквям выбирала городская дума (причем только ее православные гласные), потом утверждал архиерей. Если в Думе не могли договориться, то архиерей поступал так, как в случае, изложенном в предыдущем абзаце. Выбранный староста приводился к присяге по форме, которая была приложена к инструкции.

В обязанности старосты входило собирание всех церковных денег: кошелекый и кружечный сбор, продажа свечей и аренда церковной недвижимости («оброчные статьи»). В церкви могло оставаться не более 200 р., остальные деньги сдавались в банк под проценты. Надо сказать, что во второй половине XIX в. государство последовательно добивалось, чтобы все церковные деньги хранились именно в Государственном банке. В 1883 г. был принят указ, согласно которому все церковные деньги изымались из частных банков и передавались в Госбанк, а частные ценные бумаги обменивались на государственные. В результате «частный денежный рынок для главной конфессии империи оказывался закрытым»⁶⁹².

⁶⁸⁹ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам // Собрание постановлений. Т. I. С. 248.

⁶⁹⁰ Там же. С. 249.

⁶⁹¹ Там же. С. 248.

⁶⁹² Фирсов С. Л. Финансовое положение Русской Церкви в последнее предреволюционное десятилетие. С. 394.

Староста вел и приходно-расходную книгу, если был грамотен (если нет – это делал кто-то из причта). Также староста наблюдал за состоянием церкви и ее служащими (сторожа и т. д.), церковного имущества и церковных домов, приобретал все необходимое (вино, ладан, книги). Покупать он все был должен только из церковных складов (если такие в епархии были)⁶⁹³.

Староста с согласия причта производил в этих целях текущие расходы. По кафедральному собору сумма таких расходов могла достигать 300 р., по городским церквям – 150 рублей, по сельским – 50 рублей в год. На расходы свыше этих сумм нужно разрешение епархиального начальства, как и на серьезный ремонт и любые постройки (даже на установку ограды)⁶⁹⁴. Здесь по новой инструкции самостоятельность старост была ограничена. В старой редакции 1808 г. читаем: «На старосту возлагаются... подряды, починки и пристройки; но производить сие надлежит ему не иначе, как с предварительного согласия священнослужителей и почетнейших прихожан. В случае же значущих издержек и починки внутрь алтаря церкви, староста и священнослужители имеют испрашивать на сие благословения Архипастыря»⁶⁹⁵. То есть в инструкции 1808 г. оговариваются четко лишь работы в алтаре и не указывается ограничение по суммам, которые можно истратить.

В 1909 г. полномочия старост были расширены по почину Государственной Думы, которая, по словам одного из членов бюджетной комиссии, осознавала «полезность и даже неизбежность участия мирского элемента в целом ряде дел церковного характера»⁶⁹⁶. Синод запросил по этому поводу мнения всех епархий, в результате чего большинство епархиальных начальств высказалось положительно. Самарская епархия, однако оказалась в числе 11 регионов, высказавшихся более осторожно. Признавая участие старост в съездах духовенства в принципе желательным, самарская консистория все же посчитала его преждевременным. Аргументировали свое решение тем, что «взгляд общества

⁶⁹³ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам. С. 249.

⁶⁹⁴ Там же. С. 250.

⁶⁹⁵ Инструкция церковным старостам от 17 апреля 1808 года. С. 190.

⁶⁹⁶ Цит. по: Рожков В., *прот.* Указ. соч. С. 235.

на церковное хозяйство, благодаря политическому движению и ряду предпринятых реформ в области государственного хозяйства, начинает изменяться, и прихожане некоторых приходов епархии выражали настойчивое желание взять церковное хозяйство из духовного ведомства в свое ведение и распоряжаться им по своему усмотрению, с лишением духовенства права пользоваться капиталами церковными в пределах, разрешаемых законом»⁶⁹⁷. После событий революции 1905 – 1907 гг. такие опасения не выглядели беспочвенными.

Святейший Синод предписал всем преосвященным, от которых пришли отрицательные ответы, войти в новое всестороннее рассмотрение данного вопроса. Опросив благочинных, консистория в следующем 1910 г. подтвердила свое мнение⁶⁹⁸. Только в 1914 г. консистория посчитала, что ситуация с противодействием со стороны старост процентным отчислениям на общепархиальные нужды утратила свою остроту и что «таким образом причину недопущения их на съезды можно считать устраненной»⁶⁹⁹. В результате, начиная с 1915 г. на епархиальных съездах духовенства Самарской епархии участвовали старосты. На благочиннических съездах для этой цели избирался один из старост округа. Он представлял свое благочиние на епархиальных съездах вплоть до окончания своих полномочий и обладал правом решающего голоса при обсуждении хозяйственных вопросов.

Стремление как можно более тщательно контролировать деятельность старост, выраженное в инструкциях, в первую очередь обуславливалось ролью последних в распоряжении церковными средствами и усилением тенденции контроля за этими средствами. Если сначала налоговое бремя, лежавшее на приходах, затрагивало только доход от продажи свечей, то в 1871 г. ситуация меняется. С этого года свечной сбор был заменен процентным отчислением со всех церковных доходов: свечных, кружечных и кошельковых⁷⁰⁰. Для

⁶⁹⁷ Материалы о допущении церковных старост к участию в епархиальных съездах благочинных. Л. 8 об.

⁶⁹⁸ Там же. Л. 10.

⁶⁹⁹ Материалы о допущении церковных старост к участию в епархиальных съездах благочинных. Л. 18 об.

⁷⁰⁰ О замене свечного сбора процентным с доходов кружечного, кошелькового и свечного на потребности по учебной части духовного ведомства // Собрание постановлений. Т. I. С. 188.

большинства епархий это отчисление равнялось 21 %, исключая ряд окраинных регионов, где налоговая политика государства была более гибкой (в Волынской, Литовской, Минской, Могилевской, Полоцкой и Рижской епархиях, например, взималось всего 10 %, а Грузинский экзархат и некоторые другие епархии вообще ничего не платили).

В своих расчетах на получение средств от данного сбора Синод исходил из доходов, показанных причтами за 1868 г. Согласно этим расчетам, Самарская епархия должна была отчислить 14 580 р. Для региона эта цифра является средней: она немного меньше, чем в Казанской (14 670) епархии, но выше, чем в Симбирской (14 120)⁷⁰¹. Если приход по каким-либо причинам не мог отчислить нужной суммы, она должна была лечь дополнительным бременем на другие церкви округа, но общая сумма изменению не подвергалась. Собранные деньги представлялись благочинным в консисторию в начале следующего года вместе с ведомостью по приходам⁷⁰². Если в результате оказывалось, что собранная сумма превышает необходимую для отчисления, остаток Синод разрешал использовать епархиальному начальству по своему усмотрению⁷⁰³. В 1878 г. сбор был увеличен на 4 % и уже до конца синодального периода взимался в 25 %-ном размере⁷⁰⁴.

Однако отчисления на нужды духовного образования не исчерпывались этим сбором. В каждой епархии с 1860-х гг. существовало большое количество местных отчислений на эти цели, которые не были унифицированы и зависели от конкретной ситуации в епархии. Одной из самых актуальных проблем к концу XIX в. в Самарской епархии было образование для дочерей духовенства. Сбор на нужды епархиального женского училища был учрежден в 1871 г. в размере 5 % со всех сумм, облагаемых 25 %-ным налогом⁷⁰⁵, а к 1897 г. достиг уже 30 %⁷⁰⁶. Также

⁷⁰¹ Ведомость о количестве процентного по епархиям сбора с кружечного, кошелькового и свечного церковных доходов, подлежащего отчислению на расходы по содержанию учебной части духовного ведомства // Собрание постановлений. Т. I. С. 189.

⁷⁰² О порядке сбора 21 % с доходов свечного, кружечного и кошелькового и представления сего сбора в консисторию // СЕВ. 1871. № 20 (оф. ч.). С. 281.

⁷⁰³ Об оставлении в распоряжении Епархиального Начальства излишка процентного сбора сверх нормы 1868 года // СЕВ. 1872. № 1 (оф. ч.). С. 3.

⁷⁰⁴ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 68.

⁷⁰⁵ О ежегодном отчислении на содержание Самарского епархиального женского училища 5 % со всех церковных доходов, подлежащих обложению 21 % сбора // СЕВ. 1872. № 14 (оф. ч.). С. 136.

⁷⁰⁶ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 36. Л. 51.

каждый причт, безотносительно к процентному сбору, отчислял на женское училище по 4 рубля 50 копеек в год.

Кроме того, были введены специальные сборы в целях формирования особого строительного капитала для постройки здания второго женского училища: 15-рублевый сбор с причтов и 10 %-ное отчисление со всех церквей. Данные сборы считались временными, однако отменить их было гораздо сложнее, чем ввести. На съезде в 1908 г. этот вопрос ставился, но не прошел⁷⁰⁷.

Самарская семинария тоже каждый год требовала дополнительных расходов, которые не покрывались суммами, выделявшимися Синодом. Так, много денег уходило на содержание семинарского общежития. Кроме платы с родителей, чьи дети в этом общежитии проживали (со священника причиталось 14 рублей, с диакона – 12, с псаломщика – 10), все церкви епархии были обложены 4-рублевым сбором. А в 1908 г. в связи с расширением здания общежития сбор был увеличен до 5 рублей⁷⁰⁸. Еще по 1 рублю отчисляла ежегодно каждая церковь епархии с формулировкой: «на чай бедным воспитанникам семинарии». В училищных округах (в Самарской епархии их было три) существовали также фиксированные сборы с причтов на содержание духовных училищ⁷⁰⁹. На содержание беднейших учеников духовных училищ перечислялся и «венчиковый сбор» (доход от продажи венчиков и листов с разрешительной молитвой)⁷¹⁰. Исследователи отмечают, что дополнительные отчисления на духовно-учебную часть к началу XX в. уже превышали основной 25 %-ный сбор⁷¹¹.

Кроме сборов на нужды семинарии и духовных училищ, существовал целый ряд обязательных отчислений на другие цели. Так, 10 % со всех церковных доходов отчислялось на церковно-приходские школы епархии, которые на рубеже веков переживали бурный рост. С 1896 г. существовал 2-рублевый сбор на

⁷⁰⁷ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 года. Самара, 1908. С. 24.

⁷⁰⁸ Там же. С. 98.

⁷⁰⁹ Журналы съезда выборных от духовенства Николаевско-Новоузенского училищного округа 27 и 28 мая 1908 г. // СЕВ. 1908. № 24 (оф. ч.). С. 661.

⁷¹⁰ Правила о снабжении церквей венчиками и листами разрешительной молитвы // Собрание постановлений. Т. I. С. 215.

⁷¹¹ Беглов А. Л. Указ. соч. С. 69.

епархиальную богадельню, а с 1900 г. – 1-рублевый сбор на епархиальный детский приют. В 1898 г. при епископе Гурии был также восстановлен, на время прекращенный 1 %-й сбор с причтов епархии на лечение и содержание в больнице бедных духовного звания. На миссионерские цели существовал также специальный сбор с каждой церкви (с городской 6 рублей, с сельской – 3). Немало средств уходило у духовенства на отчисления в эмеритальную кассу, погребальную кассу, фонд стипендий и другие структуры сословной взаимопомощи.

Нельзя не упомянуть о том, что, помимо обязательных отчислений, существовало и огромное число благотворительных сборов, в которых участвовали все приходы. Проходили такие сборы в особые праздничные дни. Собирали средства в пользу слепых (в Неделю о слепом), глухонемых (во 2-ю неделю Великого поста), в пользу «Общества для борьбы с проказою» (на Преображение), для детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей (на Усекновение главы Иоанна Предтечи) и пр. Организация этих сборов была обязанностью священников, которые читали специальные обращения, призывая паству к пожертвованиям, размещали информационные афиши, пересылали собранные деньги благочинным. В результате в начале XX в. практически каждый более или менее значимый праздник сопровождался какими-либо сборами. Когда в 1908 г. решался вопрос о назначении сбора на Православное миссионерское общество, выяснилось, что праздников, в которые еще не проводятся благотворительные сборы, всего два – Благовещение и Троица (потом сборы назначили и в эти дни)⁷¹².

Духовенство не могло не тяготиться постоянно увеличивающимися сборами и старалось облегчить это бремя. В 1900 г. епархиальный съезд принял решение отменить 30 %-ный сбор на женское училище, что, однако, не сильно изменило ситуацию, так как тот же съезд был вынужден санкционировать 21 %-ный сбор, направленный на погашение задолженности перед Святейшим Синодом (деньги

⁷¹² О дне сбора в пользу миссии // СЕВ. 1908. № 20 (оф. ч.). С. 558.

брались на постройку нового здания семинарии)⁷¹³. В 1908 г. епархиальный съезд принял постановление, согласно которому никакие новые сборы не могли вводиться без предварительного обсуждения данного вопроса на благочиннических съездах⁷¹⁴.

Еще одна мера, направленная на оптимизацию налогообложения приходов, была принята в 1911 г. Епархиальный съезд постановил все существовавшие разрозненные сборы и отчисления объединить в «основной причтовый сбор». Он должен был представляться «общей суммой и при одной бумаге, без указания тех мелких сборов, из каких он составил, но с приложением ведомости о числе штатных мест в каждом приходе»⁷¹⁵. В «епархиальных ведомостях» за 1912 г. впервые были напечатаны ведомости об «основном причтовом сборе», согласно которым за первое полугодие было собрано 11 489,93 рубля⁷¹⁶.

Необходимо отметить, что «основной причтовый сбор» покрывал далеко не все общепархиальные нужды, которые с каждым годом увеличивались. Если в 1905 г. общая смета по епархии составляла 72 799 рублей⁷¹⁷, то в 1908 г. эта сумма равнялась 84 382 рубля⁷¹⁸, в 1911 г. – 149 516 рублей⁷¹⁹, а в 1914 – 169 264 рубля⁷²⁰.

Огромную роль в покрытии все возрастающих затрат по содержанию епархиальных учреждений играл свечной завод. С каждым годом сумма, которую брали из его капитала на покрытие епархиальных нужд, возрастала и к 1914 г. составила 90 000 рублей⁷²¹. В 1903 г. в Самарской епархии открылся «склад церковных вещей», который занимался централизованным распространением по приходам церковной утвари и книг синодального издания⁷²². Согласно инструкции, именно на этом складе и обязаны были закупать все необходимое

⁷¹³ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1900 года // СЕВ. 1900. № 20 (оф. ч.). С. 264.

⁷¹⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 г. Самара, 1908. С. 19.

⁷¹⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. Самара, 1911. С. 130–131.

⁷¹⁶ Ведомость об основном причтовом сборе, высланном о.о. благочинными епархии за 1-е полугодие 1912 года // СЕВ. 1912 (оф. ч.). № 12. С. 215.

⁷¹⁷ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 года // СЕВ. 1905. № 23 (оф. ч.). С. 945.

⁷¹⁸ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 г. С. 37.

⁷¹⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. С. 129.

⁷²⁰ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 91. Л. 97 об.

⁷²¹ Там же. Л. 96.

⁷²² Распоряжение Святейшего Синода об открытии склада церковной утвари при Самарском епархиальном свечном заводе // СЕВ. 1903. № 2 (оф. ч.). С. 11.

церковные старосты⁷²³. Состоял этот склад под управлением комитета свечного завода. Кроме того, в 1911 г., когда в епархии была создана «Касса стипендий», ее правление также возглавил председатель комитета свечного завода священник Андрей Альбокринов. Важная роль, которую играл комитет в хозяйственной жизни епархии, сказывалась на амбициях его руководства, что будет показано в параграфе, посвященном социальной деятельности, на примере конфликта, разгоревшегося из-за денег погребальной кассы.

Однако в начале XX в. часто не хватало и средств свечного завода, и склада церковной утвари. В сложившейся ситуации епархиальные съезды были вынуждены идти на непопулярные меры: введение новых сборов (несмотря на стремление этого избежать) или нецелевое использование существующих средств. В 1911 г. когда дефицит епархиального бюджета составил более 12 тысяч рублей, было решено обложить приходы новым сбором в 2 рубля 50 копеек,⁷²⁴ а в 1914 г., когда недостача достигла почти 37 тысяч, эту сумму позаимствовали из капитала, который уже много лет бережно собирали на строительство второго женского училища⁷²⁵.

Необходимо отметить, что именно материальные вопросы часто становились индикатором взаимоотношений разных звеньев епархиальной власти. После 1905 г., когда съезды духовенства в Самарской епархии вновь стали выборными, усиливается роль этого органа. В 1912 г. Св. Синод своим определением постановил, что епархиальное начальство может обращаться за дополнительными ассигновками из сумм свечного завода только через епархиальный съезд. Таким образом, основной источник епархиальных доходов в значительной степени был под контролем съезда, что вызывало регулярные конфликты между консисторией и правящим архиереем с одной стороны и духовенством в лице депутатов с другой.

В первой главе подробно описано противостояние епископа Симеона (Покровского) и епархиальных съездов 1912 и 1913 гг., вызванное нежеланием

⁷²³ Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам. С. 249.

⁷²⁴ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. С. 130.

⁷²⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 91. Л. 89.

последних пойти навстречу архиерею в вопросах ассигновки на некоторые общепархиальные нужды. Данное противостояние многое говорит о взглядах сторон на приоритетность в субсидировании тех или иных епархиальных учреждений. Владыка Симеон настаивал на дополнительном финансировании консистории (деньги на открытие дополнительного стола, на разъезды сверхштатных членов). Съезд, в свою очередь, несколько раз упорно отклонял эти предложения. Епископ Михаил (Богданов), потеряв всякую надежду договориться со отцами-депутатами, обращался в Св. Синод за специальным разрешением употребить 5 000 рублей из сумм свечного завода на консисторскую канцелярию в обход съезда.

Правящий архиерей, будучи председателем миссионерского совета, е мог не понимать нужд миссии, и заботился о ее финансировании, делая соответствующие запросы в адрес епархиального съезда. Однако, решения последнего показывают, что приходское духовенство не всегда разделяло взгляды преосвященного и консистории. Документы свидетельствуют, что самарский епархиальный съезд отклонял инициативы миссионерского совета очень часто: сельские миссионерские курсы, учреждение института окружных миссионеров, миссионерские поездки воспитанников семинарии и пр. Надо отметить, что приходское духовенство более благосклонно относилось к тем расходам, которые касались его лично. Это были нужды учебных заведений, в которых учились дети священно- и церковнослужителей, эмеритальная и погребальная кассы, фонд стипендий и т.д.

Еще одним аспектом хозяйственной деятельности Церкви самого конца синодального периода была попытка создания приходских сберегательных касс. В июле 1916 г. синодальным определением было предоставлено право Министерству финансов «учреждать в православных приходах приходские государственные сберегательные кассы на выработанных в особом междудомственном Совещании с участием представителей духовного

ведомства основаниях»⁷²⁶. В первую очередь такие кассы должны были быть учреждены в сельской местности как плохо охваченной существовавшей системой сберкасс. Государство попыталось использовать ресурс Церкви, возложив руководство этими кассами на приходских священников. Открытие приходских касс было добровольным и должно было учитывать местную ситуацию с близостью существующих сберкасс и «почтово-телеграфных учреждений».

По Самарской епархии менее пятой части приходов, а именно 214, выразили желание открыть у себя сберегательные кассы⁷²⁷. Сам процесс открытия затянулся; только в феврале 1917 г. в епархию были присланы 60 экземпляров временного руководства приходскими кассами. Сколько точно успели открыть таких учреждений в Самарской епархии, установить пока не удалось. Сразу после февральской революции стали циркулировать слухи о возможной потере вкладов. Несмотря на официальные разъяснения от Временного правительства о «совершенной неосновательности означенных слухов», доверие к сберегательным учреждениям падало⁷²⁸. В епархии стали закрываться и те кассы, которые уже начали работать. Так, в июне 1917 г. закрылась приходская касса в с. Беляевка Новоузенского уезда⁷²⁹, а в июле – в с. Михайловка Бузулукского уезда⁷³⁰.

Приведенные данные наглядно свидетельствуют о сложном финансово-хозяйственном состоянии Русской Церкви в конце синодального периода и проблемах в системе управления этой сферой. Материальные нужды епархии были многочисленны и росли год от года. Вместе с этим, мы видим, что источники их удовлетворения оставались на протяжении периода одними и теми же. Самым сложным вопросом епархиальных съездов начала XX в. было как раз изыскание источников удовлетворения материальных нужд епархии. В решении этого вопроса съезды чаще всего прибегали к комбинированию средств из уже

⁷²⁶ Определение Святейшего Синода от 19–21 июля 1916 года по делу об участии православного духовенства в производстве сберегательных и страховых операций Государственных сберегательных касс // ЦВ. 1916. № 32. С. 290.

⁷²⁷ Об открытии сбер<егательных> касс // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5170. Л. 10.

⁷²⁸ Об открытии сбер<егательных> касс. Л. 98.

⁷²⁹ Там же. Л. 99.

⁷³⁰ Там же. Л. 100.

существующих источников, новые источники практически не предлагались. Наиболее существенными источниками покрытия общепархиальных нужд в начале XX в. служили средства, собранные с приходских церквей, а также капиталы свечных заводов.

Необходимо заметить, что при этом ситуация имела тенденцию к ухудшению. В 1908 г. один священник писал: «доходность епархиальных свечных заводов, вследствие общих социальных условий, (сокращение рабочего времени, дороговизна общего содержания, возвышение заработной платы, понижение производительности рабочих) падает». Епархия в новых условиях встала перед вопросом модернизации свечного производства, так как рассчитывать на 13-часовой рабочий день (как это было до 1905 г.) больше не приходилось. Однако решить этот вопрос епархиальные власти оказались не готовы.

Что касается обложения приходов, то в начале XX в. нарастает недовольство количеством отчислений. В первую очередь это касается сборов на духовно-учебные заведения, что неудивительно, учитывая их сословный характер. Революционные годы выявили настойчивое стремление церковных старост и попечительств сократить до минимума или даже совсем отказать в отчислениях на епархиальные нужды. Иногда это стремление принимало форму настоящего бунта, и епархиальное начальство было вынуждено закрывать приходы. Допущенные на съезды духовенства старосты и здесь, естественно, чаще всего стояли за сокращение отчислений на епархиальные нужды. Съезды в сложившихся условиях нередко были вынуждены образовавшиеся недоимки покрывать за счет повышения обложения духовенства. Что же касается последнего, то несмотря на стремление государства обеспечить его жалованием, процесс этот к 1917 г. так и не бы доведен до конца. Начавшаяся Мировая война с каждым годом усугубляла материальное положение и прихожан, и их пастырей.

Справедливости ради надо отметить, что несмотря на действительную тяжесть налогового бремени, на которую указывают исследователи, епархиальное духовенство не было только лишь исполнителем воли вышестоящего начальства, пытаясь оптимизировать расходы через свои представительные органы – съезды.

Благочиннические съезды занимались облегчением сборов, распределяя отчисления сообразно с реальным положением тех или иных приходов. На епархиальных же съездах духовенство входило в обсуждение всех материальных вопросов, и нередкими были случаи, когда оно отказывало в ассигновке на те нужды, которые не считало жизненно важными.

Кроме того, епархиальные съезды обладали функцией контроля за финансово-хозяйственной деятельностью епархиальных учреждений. Для этого организовывались ревизионные комитеты по проверке экономических отчетов. Таких комитетов было более 20-ти: по проверке отчетов семинарии, женского училища, консистории, попечительства о бедных, свечного завода, эмеритальной кассы, училищного совета, архиерейского дома, всех монастырей епархии и др.⁷³¹. Однако меры, предпринимавшиеся съездами, были паллиативными и не могли радикально изменить ситуацию при сохранении существовавшей системы хозяйствования. Усложняли ситуацию и разногласия между съездами и епархиальным начальством, которые иногда приводили к тупиковым ситуациям, особенно когда дело касалось сумм свечного завода.

2.3. Судебные функции епархиальной власти

Церковный суд, на наш взгляд, остается одним из самых важных и до сих пор не решенных вопросов в жизни Русской Церкви. Поиски его решения невозможны без изучения состояния церковно-судебной системы в предшествовавшие периоды. Поэтому так отраднее появление в последнее исследование о церковном суде синодального периода⁷³². В данном вопросе выделяются два основных аспекта: сфера полномочий духовного суда и устройство самой судебной системы. Что касается полномочий, то в синодальный период юрисдикция церковного суда была сильно сужена, так как государство постепенно «расширяло список уголовно-правовых вопросов,

⁷³¹См., например: О назначении временно-ревизионных комитетов // СЕВ. 1895. № 6 (оф. ч.). С. 66–69.

⁷³² См., например: *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни. М., 2004.

постоянно превышая свою компетенцию»⁷³³. Однако в течение всего рассматриваемого периода церковному суду все же подлежали не только многие дела духовенства, но и некоторые дела по проступкам мирян, по которым не предусматривалось уголовного наказания.

Начнем со второй категории. В первую очередь к ней относились дела бракоразводные и дела о признании браков недействительными, а также случаи «в которых нужно удостоверение о действительности события браков и рождении от законного брака»⁷³⁴. Они составляли значительный процент от всех судебных дел, и не случайно в начале XX в. в самарской консистории неоднократно вставал вопрос об учреждении дополнительного стола, который бы занимался только этими делами.

Духовному суду подлежал в синодальную эпоху ряд преступлений против веры и нравственности, за которые предусматривалось только церковное покаяние: уклонение от исповеди по нерадению, соблюдение обращенными в православие прежних иноверных обычаев, покушение на самоубийство, принуждение родителями своих детей к вступлению в брак или к постригу. В редких случаях это церковное наказание могло отбываться в специальных монастырских тюрьмах.

Некоторые преступления подлежали двойной подсудности светского и духовного суда. К таковым относились в первую очередь соращение из православия, отступление от христианской веры, кощунство, преступления против брачного союза (браки, заключенные насильственным или обманным путем; нарушение правил о допустимой степени родства; браки православных с нехристианами; превышение допустимого числа браков) и др. Правда участие церковной власти в производстве таких дел сводилось к возбуждению дела по этим преступлениям и к определению церковного наказания за них. А светская власть, которая была «не вправе отказаться от производства по

⁷³³ Фирсов С. Л. Церковный суд в России в синодальный период (краткий исторический обзор) // Исторический вестник. 2002. № 1(16). [Электронный ресурс]. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/6.htm (дата обращения: 16. 12. 2015).

⁷³⁴ Устав духовных консисторий. С. 131.

требованию духовного начальства дела по обвинению в соращении из православия или отступления от веры христианской» проводила расследование, и гражданский суд назначал наказание согласно уголовным законам⁷³⁵. В параграфе о миссионерской деятельности подробно рассмотрены алгоритмы взаимодействия церковной и светской властей в деле расследования преступлений против веры.

Что же касается преступлений духовенства, то они также, как и соответствующие наказания, были подробно прописаны в уставе духовных консисторий. Компетенция епархиального суда по отношению ко всем лицам духовного звания распространялась на следующие дела: 1) проступки и преступления против должности, благочиния и благоповедения; 2) взаимные споры о пользовании движимым и недвижимым церковным имуществом; 3) жалобы духовных и светских лиц на духовенство «в обидах и нарушении бесспорных обязательств» (за исключением уголовных дел), а также просьбы «о побуждении к уплате бесспорных долгов»⁷³⁶.

Кроме того, в уставе духовных консисторий определена компетенция гражданских судов по отношению к духовным лицам. В нее входили: 1) тяжбы духовных лиц между собой или с мирянами по неисполненным договорам и обязательствам, а также о возмещении ущерба или убытков; 2) нарушения государственных постановлений, «по которым существуют особые правила о судопроизводстве» и 3) тяжкие уголовные преступления. Таким образом, мы видим, что в синодальную эпоху практически все гражданские дела духовенства стали предметом разбирательства судов светских. К епархиальным властям виновные клирики направлялись только для снятия с них сана.

Необходимо отметить, что все же при возбуждении против духовных лиц уголовных дел первоначальное расследование велось духовными инстанциями, и только потом обвиняемый передавался гражданскому суду. Если же дело было срочным, гражданское начальство приступало к расследованию немедленно,

---

⁷³⁵ Устав уголовного судопроизводства. С. 362.

⁷³⁶ Устав духовных консисторий. С. 130–131.

«пригласив депутата с духовной стороны, а в крайней необходимости и без депутата»⁷³⁷. При слушании уголовных дел в отношении лиц духовного звания в суде присутствовал депутат с духовной стороны, «коего голос в суждении по делу приемлется наравне с прочими членами»⁷³⁸.

Однако и здесь мы можем констатировать постепенное уменьшение сословных привилегий духовенства. Так судебные уставы 1864 г. ухудшили положение духовенства по отношению к светскому суду. За служебные преступления (например, растрату церковных средств либо выдачу подложных метрических свидетельств) духовных лиц привлекала к ответственности непосредственно государственная прокуратура. Епархиальные инстанции теперь не принимали уже участия в предварительном следствии, от консисторий не требовалось согласия на передачу дела в гражданский суд, они были лишены права посылать туда своих депутатов. Суд просто сообщал епископу о вынесенном приговоре. Епископ мог, правда, высказывать свое мнение по уголовным делам, но суд не был обязан его запрашивать⁷³⁹.

В уставе духовных консисторий (ст. 176) была прописана и система мер наказания различной тяжести для духовенства. В порядке уменьшения тяжести эта система выглядела следующим образом: 1) лишение священнослужителей сана (а монашествующего духовенства – сана и монашества) с исключением из духовного ведомства; 2) лишение сана с оставлением в духовном ведомстве на низших должностях и лишение монашествующих сана с оставлением в монашестве; 3) временное запрещение в священнослужении с отрешением от должности и с определением в причетники; 4) временное запрещение в священнослужении без отрешения от места с возложением епитимьи в монастыре или на месте; 5) временное испытание в архиерейских домах и монастырях; 6) отрешение от места; 7) почисление за штат; 8) усиленный надзор со стороны ближайшего духовного начальства (благочинного); 9) пеня и денежное взыскание;

---

⁷³⁷ Устав духовных консисторий. С. 131.

⁷³⁸ Устав духовных консисторий. С. 131.

⁷³⁹ Смолч И. К. История Русской Церкви. Ч. 1. С. 286–287.

10) поклоны; 11) строгий или простой выговор и, наконец, 12) замечание⁷⁴⁰.

В последующих двадцати статьях устава были сформулированы основные правила применения тех или иных наказаний из вышеприведенного списка, т. е. основной свод того, что принято называть материальным правом. Еще в XIX в. неоднократно замечалось, что карательный кодекс Русской Церкви не отличался полнотой и ясностью и требовал переработки. Так, Н. В. Елагин писал: «Две трети консисторских дел решаются у нас теперь, можно сказать, наобум, и это зависит не столько от злокачественности членов, сколько от неполноты действующего права и от разбросанности церковных законов по разным источникам и сборникам...»⁷⁴¹. Действительно, в перечне преступлений, приведенном в уставе духовных консисторий, отсутствовал целый ряд проступков, с которыми в практической деятельности церковному суду приходилось часто сталкиваться: самовольные и продолжительные отлучки из прихода, неподчинение и неуважение низшего члена причта высшему, учинение растраты или присвоение церковных или братских денег, жестокое обращение с женой и детьми, превышение властных полномочий благочинными и другими должностными лицами и т.д.

Системе взысканий, изложенной в уставе, также недоставало точности и определенности. Не совсем понятным оставалось, например, чем отличаются друг от друга упомянутые в одном ряду пеня и денежное взыскание, а также простой и строгий выговоры. Вообще же устав часто не оговаривал при наложении наказания конкретных сроков, ограничиваясь нечеткими определениями: «смотря по обстоятельствам дела», «по усмотрению епархиального начальства» и др.

Самарская епархиальная комиссия, готовившая в 1905 г. свои соображения по поводу реформы духовного суда, пришла к следующим выводам: 1) материальное право, или карательный кодекс духовного суда, не отличается полнотой и точностью, как в определении преступных деяний, так и в соразмерности наказания со степенью действительной виновности; переработка

⁷⁴⁰ Устав духовных консисторий. С. 134–135.

⁷⁴¹ Елагин Н. В. Белое духовенство и его «интересы». СПб., 1881. С. 165.

его необходима; 2) в основу этой переработки должны лечь церковные правила, а недостающее может быть восполнено подходящими статьями из светских кодексов (Уложение о наказаниях и др.); 3) новый карательный кодекс Русской Церкви должен получить санкцию церковной законодательной власти, т. е. Всероссийского Собора⁷⁴².

Переходя к вопросу устройства духовно-судебной системы необходимо напомнить, что особенностью церковного суда с самой древности было соединение в лице епископа административной и судебной власти в пределах епархии. Основание для этого усматривается как в положении самих апостолов в ранних христианских общинах, так и в канонических правилах. Так, согласно 32-му апостольскому правилу, «который пресвитер или диакон от епископа во отлучении будет, не подобает ему в общение приять быти иным, но точию отлучившим его, разве когда случится умрети епископу, отлучившему его».

В синодальный период епархиальный архиерей продолжал оставаться основной судебной инстанцией. Правда практически все судебные дела разбирались в консистории, однако ее решения подлежали утверждению со стороны архиерея, который мог и не согласиться с ее суждением и вынести самостоятельное решение по любому делу. Необходимо отметить, что существовал ряд дел, которые подлежали в обязательном порядке рассмотрению в Св. Синоде. К таковым относились дела, имевшие своим последствием лишение сана священнослужителей и исключение церковнослужителей из духовного звания, а также дела бракоразводные. По остальным делам Синод выступал как апелляционная инстанция, куда могли поступать жалобы на решения епархиального суда.

Таким образом епархиальный суд был основной инстанцией для большинства дел. Часть из них подлежала непосредственному архиерейскому рассмотрению: 1) проступки неведения, нечаянности, и «неудобоподвергаемые гласности и формам обыкновенного суда»; 2)

---

⁷⁴² Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 2 (неоф. ч.). С. 53.

проступки небольшой тяжести, не сопряженные с явным вредом или соблазном, проступки священнослужителей, чье поведение ранее не вызывало нареканий и 3) дела по жалобам, которые были принесены специально для того, чтобы оступившегося клирика исправить архипастырским назиданием без формального делопроизводства. По таким делам архиерей мог наложить епитимью с прохождением ее по месту служения или в архиерейском доме сроком до двух недель. На эти решения не допускались жалобы в Синод. Данные случаи не вносились в формулярные списки духовенства⁷⁴³.

Во всех остальных случаях архиерей осуществлял свои судебные полномочия посредством консистории. В самарской консистории судебными делами занимались сразу два стола. В 4-м столе, который собственно и назывался «судным», рассматривались проступки духовенства, а также дела, входившие в сферу брачного права (расторжение браков, признание их недействительными и т. д.). 1-й, «вероисповедный» стол занимался помимо прочего и преступлениями против веры и нравственности (совращение в раскол и сектантство, кощунство, покушения на самоубийства и др.). В начале XX в. по инициативе консистории и правящего архиерея неоднократно возбуждался вопрос о выделении средств на учреждение 5-го стола, который занимался бы только бракоразводными делами. В результате в 1914 г. такой стол был учрежден в качестве сверхштатного.

Система функционировала таким образом, что, учитывая количество дел, епископ физически не мог обойтись без консистории, которая проводила всю подготовительную работу, предоставляя архиерею проекты готовых решений по делам. С другой стороны, епископ все равно оставался главной инстанцией епархиального суда. Он мог сам инициировать проведение расследования на основании сведений, доходивших до него различными путями, мог поручать следствие тому или иному доверенному

---

⁷⁴³ Устав духовных консисторий. С. 132.

лицу по своему усмотрению. Архиерей имел право делать предварительные распоряжения относительно обвиняемого еще до начала суда, которые сами по себе (например, временное запрещение) составляли вполне ощутимые меры воздействия⁷⁴⁴.

Чаще всего дело возбуждалось по указанию консистории в силу поступивших туда жалоб или другой информации. Если дело касалось проступков духовенства, консистория поручала провести расследование благочинному или другому уполномоченному лицу. В делах, связанных с преступлением против веры и нравственности мирян, в первую очередь запрашивались местные священники. Специальных следователей до начала XX в. в Самарской епархии не было, что вызвало критику со стороны духовенства.

В 1907 г. с целью повышения эффективности следственных действий на благочинническом уровне был создан специальный институт – окружные духовные следователи. 30 октября 1907 г. консистория рассматривала доклад руководителя 4-го стола консистории протоиерея Афанасия Рождественского, который предлагал на благочиннических съездах избрать по 3 кандидатуры, из которых епархиальное начальство должно было утвердить духовного следователя и его помощника (на случай болезни или отвода следователя)⁷⁴⁵. Основной обязанностью утвержденных было «производить формальные следствия по судным делам по поручению епархиального начальства»⁷⁴⁶. Должность предполагала частые командировки, на время которых благочинному вменялось в обязанность назначать на место командированного временного священника.

Консистория подошла к предложению Рождественского с практической стороны, озаботившись вопросом финансирования нового института. По причине отсутствия у епархиального начальства свободных средств было решено оставить должность следователя без жалования. Однако специфика деятельности

---

⁷⁴⁴ Устав духовных консисторий. С. 131–132.

⁷⁴⁵ Доклад члена 4-го (судного) стола священника Афанасия Рождественского от 30 сентября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5298. Л. 3.

⁷⁴⁶ Там же. Л. 3.

следователей, предполагавшая частые разъезды по округу требовала обеспечения их хотя бы прогонными и суточными. Консистория пошла здесь привычным путем обложения духовенства, устроив специальный фонд из ежегодных взносов клириков епархии (не менее 10 рублей)⁷⁴⁷.

В ходе выборов окружных следователей выяснилось, что не все духовенство епархии относится с одобрением к самой идее введения такой должности, и многие не готовы взять на себя эти обязанности. Так, выбранные на съезде 2-го округа Новоузенского уезда кандидаты в полном составе отказались от следовательских обязанностей. А духовенство 5-го округа Ставропольского уезда вообще заявило, что сама должность несвоевременна и идет вразрез с идеей товарищеского суда, которая активно обсуждалась в епархии с 1905 г.⁷⁴⁸. И в том, и в другом случае следователи все же были назначены по личному представлению благочинного. Решили не учреждать данную должность лишь в благочиниях единоверческих приходов, которые были расположены не компактно, а разбросаны по разным округам.

По отношению к клирикам чаще всего заводились дела о неисправности по должности, нетрезвой жизни, немирлолюбию с прихожанами и развратным действиям. Соответственно и крайние меры в наказаниях принимались не часто. Лишения сана и исключения из духовного звания встречались в самарской практике в пределе от 1 до 4 раз в год. Были годы, когда обходилось вовсе без подобных печальных инцидентов (например, 1915 г.)⁷⁴⁹. Необходимо отметить также достаточно большой процент оправдательных приговоров. Так в 1900 г. были оправданы 38 из 119 подсудимых⁷⁵⁰, в 1905 г. – 21 из 57⁷⁵¹, а в 1910 г. – 20 из 78⁷⁵². В том же 1910 г. преосвященный Константин (Булычев) в своем отчете в Св. Синод отмечал общее оздоровление духовной среды. Уменьшилось пьянство,

⁷⁴⁷ Журнал Самарской духовной консистории от 30 октября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5298. Л. 12–12 об.

⁷⁴⁸ Журнал № 1 благочиннического съезда 5-го округа Ставропольского уезда от 14 февраля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5298. Л. 136.

⁷⁴⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 41.

⁷⁵⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год. Л. 33.

⁷⁵¹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 35.

⁷⁵² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год. Л. 22.

вместо попеок священников начинают занимать пастырские собрания и съезды: «духовенство начинает жить идейно»⁷⁵³.

Одним из серьезных изъянов духовно-судебной системы современники называли ее централизацию, отсутствие в пределах епархии судов разной инстанции: низших и высших в качестве апелляционных и кассационных органов. Результатом такой централизации было то, что епархиальный суд был обременен делами маловажными, что, в свою очередь, отдаляло решение дел более серьезных, которые могли годами оставаться без движения. Так в 1901 г. в судном столе из 93 дел 8 находилось в производстве более года. В следующем году ситуация была еще хуже: из 72 дел судного стола 17 находилось в производстве более года, а одно тянулось целых три года⁷⁵⁴.

Немало нареканий вызывала и существовавшая практика решения дел по проступкам духовенства административным порядком без формального суда, что не было редкостью, учитывая отсутствие духовного суда независимого от административной власти. Так, в 1902 г. священник с. Владимирское 1-го округа Самарского уезда Михаил Модестов в административном порядке без суда и следствия был отдан под строжайший надзор местного благочинного и получил т. н. «ремарку» в личное дело. В следующем 1903 г. иеромонах Александровского Бугульминского монастыря Пахомий по доносу настоятеля иеромонаха Иннокентия был отдан под следствие. Следствие ничего не нашло, однако Пахомий получил жесткую ремарку. Вообще же в этом 1903 г. из 83 дел, поступивших в судный стол, административно было решено 20, т. е. почти четверть от общего числа⁷⁵⁵. В большинстве подобных случаев дело закончилось переводом подсудимых в другие приходы.

Необходимо отметить тот факт, что в конце XIX в. попытка частичной децентрализации судебной системы все же была. Речь идет о благочиннических советах, учрежденных в Самарской епархии в 1895 г. Совет принимал к

⁷⁵³ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 22.

⁷⁵⁴ Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 8 (неоф. ч.). С. 347.

⁷⁵⁵ Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 8 (неоф. ч.). С. 347.

рассмотрению дела по проступкам духовенства округа в том случае, если подразумевалось наказание не строже трех последних мер взыскания из 12, предусмотренных уставом духовной консистории (замечание, поклоны и выговор). Совет разбирал «жалобы на обиды и притеснения, когда дело может быть окончено прощением или примирением»⁷⁵⁶. Вопрос о благочиннических советах и расширении их полномочий в 1905 г. рассмотрен в первой главе.

Последние изменения в структуре духовного суда Самарской епархии относятся к самому концу рассматриваемого периода. В марте 1916 г. появился Св. Синода, призванный освободить епископов от части бумажной работы для того, чтобы последние могли больше времени уделять непосредственному руководству церковной жизнью в епархиях. Основным способом разгрузки правящих архиереев заключался в том, что часть дел передавалась викариям. Помимо прочего викариям должны были быть переданы дела епитимийные и дела о расторжении браков⁷⁵⁷. Что же касается судебных дел по проступкам духовенства, то по ним викарий выносил лишь предварительное заключение. Дальше дело все равно поступало из консистории на утверждение правящему архиерею. Необходимо отметить, что данные меры не могли улучшить ситуацию с духовным судом.

Необходимо сказать и об имевшей место в начале XX в. полемике вокруг церковного суда. В Самарской епархии этот вопрос активно обсуждался как в печати, так и на съездах духовенства разных уровней. Признавая, в виду всех описанных выше проблем, духовно-судебную систему несовершенной, духовенство предлагало принципы ее реформирования. При этом закономерным было обращение к опыту предшествующего периода, а именно к проекту реформы церковного суда 1873 г.

Данный проект появился по инициативе обер-прокурора Д. А. Толстого и был разработан специальной комиссией во главе с архиепископом Литовским Макарием (Булгаковым). Он предполагал приближение церковного суда к

---

⁷⁵⁶ Положение о благочиннических советах в Самарской епархии. С. 369.

⁷⁵⁷ Там же. С. 85.

гражданскому, отделение судебной ветви церковной власти от административной, введение институтов прокурорского надзора и адвокатуры, переход от бумажного делопроизводства, преобладавшего в консисторском суде, к открытым публичным прениям.

Одним из ключевых пунктов проекта было создание многоступенчатой системы церковных судов. Низшую судебную инстанцию должны были составить епархиальные суды, по несколько в каждой епархии; в качестве судей в них предполагалось избирать священников духовенством того или иного участка и представителями от приходов. Второй, апелляционной инстанцией должен был стать духовно-окружной суд, один на несколько епархий, судьи которого избирались бы в епархиях и утверждались епископами. Третья инстанция – Судебное отделение Синода, в которое должны были входить епископы и священники, назначаемые императором. И, наконец, четвертую, высшую инстанцию должно было представлять совместное заседание Присутствия Св. Синода и его Судебного отделения, которое должно было судить членов Синода и быть высшей апелляционной инстанцией по остальным делам⁷⁵⁸.

Эти предложения вызвали резкую критику со стороны епископата и значительной части церковной общественности, усмотревших в проекте искажение канонического строя Церкви. Положительно оценили проект всего два архиерея из российского епископата. Ни один другой проект правительства в сфере церковной политики не встречал столь жесткого и единодушного сопротивления. В результате, несмотря на усилия обер-прокурора, проект так и не был реализован⁷⁵⁹.

В начале XX в. многие идеи, озвученные комиссией архиепископа Макария, обрели второе рождение. Так комиссия, образованная в епархии для подготовки предложений к грядущему Собору, предлагала создание многоступенчатой судебной системы, которая несколько отличалась от

---

⁷⁵⁸ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. С. 556–557.

⁷⁵⁹ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. С. 559.

варианта 1873 г. Все эти предложения, как мы уже отмечали выше, вошли целиком в отзыв преосвященного Константина⁷⁶⁰. Низшей инстанцией должны были стать духовные судьи в священном сане на уровне благочиннических округов, которых вместе с их товарищами избирало бы все духовенство округа. Существовавшие благочиннические советы, по мнению членов комиссии, не подходили для этой роли по причине того, что руководились благочинными, которые все же являлись представителями административной власти, а также в силу своей коллегиальности не нужной на этой ступени. Компетенция таких судей должна быть шире компетенции советов, они могли бы разбирать и имущественные споры в размерах, предоставленных мировым судьям и земским начальникам (до 500 р.), а также вымогательство платы за требы и другие проступки⁷⁶¹. Наказания, налагаемые такими судьями также должны были быть расширены по сравнению с благочинническими советами.

Вторым уровнем должен был стать епархиальный суд, который занимался бы более тяжкими проступками и был апелляционной инстанцией на приговоры окружных духовных судей. Он должен был состоять из трех (не менее) авторитетных клириков епархиального города, которых избирали бы из лиц с высшим образованием. Принципиальный момент – «учреждение для епархиального суда должно быть устроено совершенно отдельно от консистории»⁷⁶².

В качестве третьего уровня предполагался совет или собор при митрополите округа, и здесь реформа суда рассматривалась в более широком контексте административных преобразований. Суду такого собора подлежали проступки епископов данного округа, а также апелляционное рассмотрение приговоров епархиальных судов. «Будучи центральным в своем округе, и находясь не в таком отдалении от самых крайних пределов округа, в каком

⁷⁶⁰ Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 502–540.

⁷⁶¹ Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 9 (неоф. ч.). С. 378.

⁷⁶² Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе) // СЕВ. 1906. № 9 (неоф. ч.). С. 380.

находится Синод, он представлял бы и более удобства...»⁷⁶³. Высшей инстанцией, и только в качестве кассационного органа, в этой системе фигурировал Св. Синод

Таким образом, мы видим, что при некоторых отличиях от проекта 1873 г. в предложениях самарской комиссии были воплощены те же принципы отделения судебной власти от административной и выборности судей (по крайней мере на первых двух уровнях). Разошлись члены комиссии лишь во взглядах на роль епархиального архиерея в данной системе духовного суда. Часть из них отстаивала судебные права епископа и предлагала все решения епархиального суда (вторая инстанция) отправлять ему на утверждение. Другие, ратуя за более полное разделение судебной и административной власти, предлагали оставить епископу только функции прокурорского надзора⁷⁶⁴. В результате в доклад вошла первая формулировка. Выступала самарская комиссия и за введение в духовный суд института адвокатов, допуская исполнение адвокатских функций лицами в священном сане. Предлагали также ввести институт духовных следователей, о чем говорилось практически во всех отзывах⁷⁶⁵. В Самарской епархии это предложение, как мы увидели, было реализовано уже в 1907 г.

Активно обсуждалась самарским духовенством в начале XX в. и идея т. н. «суда чести» подобного существовавшему в других сообществах (военных, адвокатов). И здесь мнения разделились диаметрально. Некоторые авторитетные священники (например, протоиерей Валериан Лаврский) считали, что такое неформальное разбирательство поможет разрешать многие споры между клириками полюбовно. В таком суде не должно быть председателя и формального делопроизводства, а все должно решаться братским увещанием. Каждый из истцов или ответчиков мог заявлять любое число посредников⁷⁶⁶.

⁷⁶³ Духовный суд (к вопросу о духовно-судебной реформе). С. 382.

⁷⁶⁴ Там же. С. 351.

⁷⁶⁵ См.: Белякова Е. В. Указ. соч. С. 125.

⁷⁶⁶ Пр-й С-н. Суд чести // СЕВ. 1906. № 7 (неоф. ч.). С. 300–307.

Другие священники отнеслись к данной идее крайне отрицательно, посчитав, что такое разбирательство «среди своих», без формального судопроизводства, напротив породит в духовной среде, не отличающейся особой сплоченностью, мелочные дразги и вражду. Аргументы противников «суда чести» носили в основном психологический характер: «и стоит только разгореться страстям, как сравнительно мирная жизнь духовной среды даст впечатление еврейского кагала»⁷⁶⁷. В результате после достаточно активного обсуждения данного вопроса на епархиальном съезде 1906 г. было решено отложить «мудреный житейский вопрос до сессии будущего года». Тем не менее председатель поставил на голосование вопрос о желательности введения «суда чести». Внушительное большинство депутатов высказалось против⁷⁶⁸.

Таким образом духовно-судебная система в рассматриваемый период сохранялась в основных чертах в том виде, в котором сложилась еще в начале синодального периода. Центральной фигурой и главным субъектом епархиального суда был правящий архиерей, осуществлявший свои судебные функции при помощи консистории, которая проводила всю подготовительную работу и предоставляла епископу проекты готовых решений по делам. В то же самое время подобная централизация вызывала большие затруднения, что приводило к попыткам внесения изменений в структуру духовного суда. К этим мерам можно отнести и учреждение благочиннических советов (в Самарской епархии – в 1895 г.), которым был делегирован ряд судебных функций, и введение в 1907 г. должности окружных духовных следователей, а также перераспределение некоторых судебных полномочий в пользу викарных архиереев. Несмотря на эти меры, система продолжала вызывать нарекания со стороны духовенства, что выражалось в различных проектах духовно-судебной реформы, которые правда в рассматриваемый период не получили реализации. Отчасти потому, что, несмотря на понимание необходимости преобразований, у

---

⁷⁶⁷ Г. П., *свящ.* О суде чести (доклад епархиальному съезду) // СЕВ. 1906. № 18 (неоф. ч.). С. 826.

⁷⁶⁸ Епархиальный съезд духовенства сессии 1906 года // СЕВ. 1906. № 18. (неоф. ч.). С. 856.

самой Церкви «не было ясности в том, каким же образом должен быть организован суд»⁷⁶⁹.

2.4. Управление в сфере народного просвещения

Начало рассматриваемого периода было временем благоприятным для Церкви в плане ее участия в деле начального народного образования. В ходе реформ 60-х годов XIX века Церковь потеряла контроль над школами. Согласно «Положению о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г. церковно-приходские школы попали под надзор Министерства народного просвещения, что негативно сказалось на энтузиазме духовенства в школьном деле. В результате количество церковных школ стало резко сокращаться: с 22 305 школ в 1864 г. до 4 440 в 1881 г.⁷⁷⁰. Ситуация стала меняться только с 1880 г., когда пост обер-прокурора Синода занял К. П. Победоносцев, считавший народное образование приоритетным делом Церкви.

13 июня 1884 года были утверждены «Правила о церковноприходских школах», согласно которым высшее управление церковно-приходскими школами переходило к Святейшему Синоду. С этого момента начинается формирование системы управления церковными школами. В январе следующего 1885 г. был создан специальный орган – Училищный Совет при Святейшем Синоде. Он занимался разработкой программ, правил и других нормативных актов, регулировавших деятельность разных типов церковных школ, а также дальнейшим формированием системы управления этими учебными заведениями.

Параллельно с этим формировались местные управленческие структуры. Согласно «Правилам» 1884 г. общее руководство и надзор за церковными школами находились в руках правящего архиерея, в чьи обязанности входило: утверждение и увольнение учителей и законоучителей, поощрение наиболее ревностных из них, посещение школ во время обозрения епархии и

⁷⁶⁹Белякова Е. В. Указ. соч. С. 126.

⁷⁷⁰Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. С. 444.

предоставление Синоду ежегодных отчетов об их деятельности⁷⁷¹. Кроме того, согласно этим «Правилам», в помощь архиерею в епархиях создавался епархиальный училищный совет, председатель и члены которого избирались епископом из людей «преданных делу народного образования»⁷⁷². В Самаре такой совет был создан 5 октября 1884 г. Председателем его стал ректор семинарии, а членами – 4 священника и председатель губернской земской управы. Со временем состав совета расширялся, и в 1902 г. в него кроме председателя входил епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, епархиальный миссионер и еще 4 священника, председатель губернской земской управы, директор народных училищ и два чиновника⁷⁷³.

В связи с начавшимся ростом числа церковно-приходских школ к концу 1880-х годов усложняется и управленческая структура. В 1888 г. появляются уездные отделения епархиального училищного совета «для ближайшего заведования церковно-приходскими школами»⁷⁷⁴. Председателем отделения назначался один из священников данного уезда. Членами отделения становились как члены клира, так и миряне, знакомые со школьным делом, причем число их правилами не регламентировалось. В уездных отделениях была сосредоточена основная работа: поиск подходящих учителей, изыскание средств, снабжение учебными пособиями и т. д. Епархиальный совет должен был координировать работу отделений. Однако, сразу стало ясно, что у такой системы много изъянов.

Дело в том, что постановления уездного отделения должны были утверждаться правящим архиереем по представлению епархиального училищного совета (§ 9 Правил об уездных отделениях)⁷⁷⁵. Исключения составляли дела, которые епархиальная власть оставит на самостоятельное рассмотрение уездных отделений. Однако перечень дел не был в «Правилах» обозначен даже приблизительно. Первые несколько лет уездные отделения в Самарской епархии все свои решения переправляли в епархиальный совет для передачи архиерею.

⁷⁷¹ Правила о церковно-приходских школах // ПСЗ-III. СПб., 1887. Т. 4. С. 374.

⁷⁷² Там же. С. 374.

⁷⁷³ Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 год. Самара, 1901. С. 181.

⁷⁷⁴ Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов // ПСЗ-III. СПб., 1890. Т. 8. С. 278.

⁷⁷⁵ Там же. С. 278.

Данная бюрократическая процедура сильно замедляла реальную деятельность отделений.

Только в 1896 г. епархиальный училищный совет выработал список дел, подлежащих окончательному решению в уездных отделениях. В этот список вошли все дела, касающиеся управления школами грамоты, сношения с епархиальным комитетом миссионерского общества и другими учреждениями и лицами по поводу пособий школам или учителям, а также выплата жалования и пособий, если их размер «предварительно утвержден Его Преосвященством и источник его указан отделению на целый год»⁷⁷⁶. Такое разграничение обязанностей несколько уменьшило нагрузку правящего архиерея в отношении церковно-приходских школ.

Несмотря на это данная нагрузка оставалась ощутимой. Так, правящий архиерей осуществлял общее руководство работой епархиального училищного совета, просматривал его журналы, утверждал назначение и увольнение законоучителей, во всех поездках по приходам епархии посещал школы. В 1916 г. в рамках мероприятий по освобождению правящих архиереев от излишних нагрузок назначение и увольнение законоучителей было передано в ведение викарных архиереев.

1890-е годы были временем быстрого роста числа церковноприходских школ в Самарской епархии. Особенно увеличиваются темпы этого роста с марта 1892 г., когда появляется распоряжение епархиальной власти об открытии школы в каждом приходе. В определении консистории сказано: «в приходах, где нет никакой школы, обязательно открыть, если не церковно-приходскую школу, то хотя школу грамоты»⁷⁷⁷. К началу правления императора Николая II, к 1894 году, церковных школ в епархии насчитывалось 906, в три раза больше, чем в соседних

---

⁷⁷⁶ О делах, предоставленных уездным отделениям на окончательные их разрешения // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Самара, 1899. Т. 1. С. 734.

⁷⁷⁷ Об обязательном открытии в каждом приходе школы // Собрание постановлений. Т. 1. С. 704.

Симбирской или Пензенской епархиях⁷⁷⁸. К 1898 году число школ выросло до 1137⁷⁷⁹.

Подавляющее большинство школ Самарской епархии было открыто именно в 1890-е годы. По данным за 1898 год, из 26 школ 2-го округа Николаевского уезда, например, одна школа была открыта в 1869 г., а остальные – начиная с 1892 г.⁷⁸⁰. В 1908 году школы представляли епархиальному начальству исторические очерки. В архиве консистории сохранился 131 очерк, судя по которым только 9 школ были открыты до 1890-х годов.

Эти цифры подтверждаются и статистикой по церковным школам губернской столицы. На 1914 г. в Самаре было 11 школ. Самой старой из них была школа при Петропавловской церкви, открытая в 1886 г. Церковь находилась на рабочей окраине, очень густонаселенной и динамично развивающейся. В начале XX века этот приход насчитывал без малого 6 000 человек, и одной школы не хватало. В 1893 г. при этой же церкви была открыта вторая школа. В обеих школах обучалось одновременно более 150 детей. Все остальные самарские городские школы открылись с 1891 по 1902 годы.

Школы, относящиеся к духовному ведомству, делились, согласно «Правилам» 1884 г., на одноклассные (2 года) и двухклассные (4 года)⁷⁸¹. Кроме того, в 1891 году были утверждены Правила о школах грамоты, которые должны были давать элементарные знания по Закону Божию, церковнославянскому и русскому чтению, письму и счислению (курс – 1 год)⁷⁸².

Право открыть приходскую школу имели члены причта, сельское общество и даже частные лица. Члены причта испрашивали разрешение правящего архиерея, а частные лица и сельские общества предварительно заявляли о своем намерении священнику. Те, кто желали получить место учителя, также предъявляли священнику свои документы о личности и образовании, а священник

⁷⁷⁸ Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1894 – 1895 годы. СПб., 1898. С. 367–369.

⁷⁷⁹ Сведения о церквях и духовенстве, монастырях и монашествующих и числе состоящих при них школ и училищ по Самарской епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6771. Л. 208.

⁷⁸⁰ Там же. Л. 139.

⁷⁸¹ Правила о церковно-приходских школах. С. 372.

⁷⁸² Правила о школах грамоты // ПСЗ-III. СПб., 1894. Т. 11. С. 237.

отправлял их прошение на рассмотрение местного (уездного) отделения епархиального училищного совета.

Все церковно-приходские школы состояли «под непосредственным наблюдением приходского священника, который обязан, возможно чаще, при требоисправлениях, а также и нарочито, посещать школы, следить за ходом обучения в них, проверять успехи учеников, направлять и руководить учителя»⁷⁸³. Преподавание велось по пособиям, одобренным Синодом. За этим тоже следил священник, составлявший еще и расписание уроков, которого придерживался учитель. В тех школах, которые были открыты не причтом, все равно Закон Божий вел священник или кто-то из причта под его наблюдением. И естественно, при обнаружении неблагонадежности со стороны учащих священник докладывал архиерею. В конце учебного года священник представлял отчет о состоянии школ.

Священники чаще всего были и заведующими школами, и законоучителями в них. Если у священника было несколько школ или много других дел, к законоучительству допускались миряне, но под бдительным надзором настоятеля. Данные за 1911 год по законоучителям: 975 священников, 10 диаконов, 1 псаломщик и 105 мирян; по учителям общеобразовательных предметов: 1 310 мирян, 3 священника, 28 диаконов и 9 псаломщиков⁷⁸⁴.

Двухклассные школы играли особую роль в системе народного просвещения. Их основная роль – восполнение недостатка в учителях одноклассных школ и, особенно, школ грамоты. Их число поэтому было невелико: 2–4 на уезд. Располагались они, как правило, в крупных селах с развитой инфраструктурой и имели специальные здания, ассигнации на покупку или постройку которых поступали из Синода. У школы была более серьезная материально-техническая база: свои кухня, столовая, баня, амбар, комнаты для учителя.

---

⁷⁸³ Инструкция наблюдателям церковно-приходских школ. С. 15.

⁷⁸⁴ Документы об устройстве и состоянии управления Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 497. Л. 24.

Соответственным уровнем обладал и педагогический состав. Заведующий и законоучитель, как правило, имели образование не ниже духовной семинарии, а учителя (1-го и 2-го классов) – церковно-учительских школ и епархиальных училищ.

Вообще же к концу XIX века проблема с учительскими кадрами для церковно-приходских школ становилась все более насущной для всей Церкви: «Ежегодно ощущается недостаток в учителях для церковно-приходских школ. Местный училищный совет всеми зависящими от него распоряжениями старается восполнить этот недостаток: определяет воспитанниц духовного училища на такие должности, хлопочет перед епархиальным начальством о назначении в диаконы-учителя достойных лиц из окончивших курс в учительских семинариях... Но несмотря на эти меры, все-таки, как нам сообщают, много школ остаются без учителей»⁷⁸⁵. В Самарской епархии ситуация была не менее сложной, чем в остальных регионах.

Для устранения этой проблемы в 1895 г. было принято решение об открытии 1086 школ, которые получили название «второклассные», хотя целесообразность такого названия неоднократно подвергалась сомнению⁷⁸⁶. На эти цели Государственное казначейство должно было ежегодно ассигновать 1 629 000 рублей. В Самарской епархии решено было открыть 14 таких школ; по 2 в каждом уезде⁷⁸⁷ (в среднем в 88 губерниях и областях получается 12,34 школы).

В Самарской епархии места для открытия второклассных школ начали определяться в 1897 г. Для этой цели выбирались крупные села такие как Обшаровка (Самарский уезд), Липовка и Пестравка (Николаевский уезд), Новорепное (Новоузенский), Зелянка (Бузулукский), Озерки (Ставропольский), Чирково и Подлесная Шентала (Бугульминский). В последствии к ним прибавились Иса克林ская (Бугурусланский), Сорочинская, Дьяковская (Новоузенский), Ставропольская, Смольковская, Балаковская (Николаевский) и

⁷⁸⁵ *Полетаева Н. О.* О подготовке учителей для школ церковно-приходских и грамоты // ЦПШ. 1893 – 1894 уч. год. 1893. № 2. С. 59–60.

⁷⁸⁶ См., например. За четверть века. 1884 – 1909. К истории церковно-приходских школ Московской епархии. М., 1910. С. 186.

⁷⁸⁷ *Наблюдатель.* Второклассные церковные школы в Самарской епархии // СЕВ. 1897. № 8 (неоф. ч.). С. 318.

Покровская (Новоузенский). Итого 15, но за вычетом Обшаровской школы, которая в 1900 г. была преобразована в учительскую семинарию, остается как раз 14. Только распределение «по 2 на уезд» не выдерживалось, и по факту в тех уездах, где и населения, и церковно-приходских школ было больше, их могло быть 3 (Новоузенский и Николаевский уезды).

В выборе места большую роль играло наличие существующей материальной базы. Так, в Обшаровке признали подходящим здание местной одноклассной школы. В других местах сельские общества откликнулись и жертвовали для школы здания и землю (Озерки) или обещали выстроить их на свои деньги, вкладывая вполне приличные суммы: до 5 (Пестровка) или даже 7 тысяч (Новорепное)⁷⁸⁸.

Поступали во второклассные школы выпускники одноклассных церковно-приходских школ, немало было и учеников из школ светских. Возраст колебался от 12 до 16 лет, но брали и 17–22-летних в виде исключения, если они уже были учителями в школах грамоты и желали повысить свой образовательный уровень. Для иноприходных учеников во второклассных школах, по распоряжению Училищного Совета при Синоде, в обязательном порядке создавались общежития, которые было «предпочтительнее устроить в самом здании школы»⁷⁸⁹. В Самарской епархии особо отмечались Обшаровское и Новорепнинское общежития, как наиболее приспособленные.

Для лучшей постановки дела педагогической практики во второклассных школах устраивались т. н. «образцовые» школы. Таким образом второклассные школы были первыми полноценными педагогическими учебными заведениями духовного ведомства, в то время как двухклассные, с которыми их нередко путают, были всего лишь обычными церковноприходскими школами, хоть и с расширенным курсом некоторых предметов (например, истории).

Середина 1890-х годов ознаменовалась не только появлением второклассных школ, но и новыми мерами по упорядочению в управленческой

⁷⁸⁸ *Наблюдатель*. Второклассные церковные школы в Самарской епархии. С. 324.

⁷⁸⁹ Отношение Училищного Совета при Святейшем Синоде от 18 февраля 1896 г. № 191 // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. С. 713.

сфере. 26 февраля 1896 г. было утверждено «Положение об управлении школами церковноприходскими и грамоты Ведомства православного исповедания». Этот документ закреплял позиции сложившихся структур, которые до того момента проходили своего рода апробацию. Одним из важнейших пунктов этого документа было введение церковно-школьной инспекции. Дело в том, что должность наблюдателя церковных школ была прописана еще в «Правилах» 1884 г. Однако там не было указано их число и четкая структура данного института. Поэтому количество наблюдателей варьировалось в разных епархиях, иногда достигая 80 человек (в Нижегородской епархии)⁷⁹⁰.

Согласно новому «Положению», учреждалась структурированная церковно-школьная инспекция в составе епархиального и уездных наблюдателей⁷⁹¹. На эти должности назначали священников, которых для этого чаще всего освобождали от других обязанностей, в том числе и приходского служения. Так в 1911 – 1912 учебном году из семи уездных наблюдателей Самарской епархии только один (Новоузенский) был в то же время и приходским священником⁷⁹².

Деятельность наблюдателей церковноприходских школ регламентировалась в Самаре специальной инструкцией. Согласно этому документу, в обязанности наблюдателя входило инспектировать школы своего округа, посещая их не менее трех раз в год⁷⁹³. Также наблюдатель должен был присутствовать на годичных испытаниях во всех школах своего округа. Кроме наблюдения за существующими школами он был «обязан прилагать старание как к преобразованию существующих школ грамоты в церковно-приходские, так и к открытию новых церковно-приходских школ»⁷⁹⁴. Проблема заключалась в том, что инструкция наблюдателям церковно-приходских школ была составлена в Самаре еще в 1890 году, до «Положения» 1896 года, когда еще не были четко определены границы

⁷⁹⁰ Церковные школы Нижегородской епархии за последние одиннадцать лет (1884 – 1895): историко-статистический очерк. Нижний Новгород, 1896. С. 70.

⁷⁹¹ Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты Ведомства Православного Исповедания // ПСЗ-III. СПб., 1899. Т. 16. С. 138.

⁷⁹² Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковных школ за 1911 – 1912 год. Самара, 1913. С. 144.

⁷⁹³ Инструкция наблюдателям церковно-приходских школ Самарской епархии // Собрание постановлений. Т. 1. С. 742.

⁷⁹⁴ Там же. С. 742.

округов. С введением должности уездных наблюдателей, учитывая, что в каждом уезде было 150–200 школ, такой график посещений естественно не выдерживался на практике.

В ряде случаев уездный наблюдатель являлся одновременно и председателем Уездного отделения Училищного совета; это допускалось «Положением», хотя и не было общим правилом⁷⁹⁵. Кроме того, иногда уездным наблюдателям приходилось выполнять и ряд других обязанностей по уездным отделениям. Так один из наблюдателей писал: «фактически я являюсь и председателем, и казначеем, и делопроизводителем Отделения. Я веду приходно-расходные книги, рассылаю жалование, получаю деньги, веду отчетность по контролю, составляю и пишу все решительно бумаги»⁷⁹⁶. Неудивительно, что епархиальным наблюдателем при ревизии уездных отделений нередко отмечались такие недостатки как «медлительность и бессистемность по операциям», «не вполне аккуратное ведение реестра бумаг» и «некоторая запутанность в бухгалтерии»⁷⁹⁷. Одному уездному наблюдателю не под силу было нести такую нагрузку. В тех же случаях, когда функции были разделены, между уездным наблюдателем и председателем уездного отделения нередко возникали разногласия.

Такая двойственность создавала серьезные неудобства, для устранения которых в июне 1913 г. был созван съезд наблюдателей церковных школ с участием председателей уездных отделений. На этом совещании было принято решение о полной правомочности и желательности совмещения в одном лице двух должностей, с освобождением этих лиц от обязанностей делопроизводства по отделениям⁷⁹⁸. Решение было принято большинством, несмотря на опасения одного из председателей уездных отделений что «такая комбинация служебных

⁷⁹⁵Положение об управлении школами церковноприходскими и грамоты Ведомства Православного Исповедания. С. 143.

⁷⁹⁶ Отчет о состоянии церковных школ за 1911 – 1912 год. С. 148.

⁷⁹⁷ Там же. С. 144.

⁷⁹⁸ Постановления Съезда наблюдателей церковных школ Самарской епархии 10–15 июня 1913 года // СЕВ. 1913. № 18 (оф. ч.). С. 255.

функций создаст излишнюю централизацию права, и решение вопросов может стать единоличным»⁷⁹⁹.

Вообще же съезды наблюдателей были еще регулярным и весьма эффективным элементом формировавшейся системы управления школьным делом. Иногда такие съезды проходили в расширенном составе. Так в 1899 г. в Самаре проходил съезд представителей восьми поволжских губерний с инородческим населением под председательством самарского епископа Гурия. Съезд обсуждал преимущественно вопросы, связанные с постановкой инородческого образования в Империи⁸⁰⁰.

Обязанности по контролю над церковно-приходскими школами, кроме наблюдателей, несли еще и местные благочинные, которые входили в уездные отделения училищного совета. Определением Св. Синода от 3 сентября 1897 года им предписывалось при обозрении церквей своего округа обращать «внимание на все условия существования школ»⁸⁰¹. Уездное отделение училищного совета готовило свои отчеты на основании с одной стороны донесений уездных наблюдателей, а с другой стороны – благочинных.

При этом несколько запутанными выглядят отношения между уездными наблюдателями церковных школ и благочинными. В деле народного образования последние должны быть «ближайшими сотрудниками наблюдателей церковных школ», тем более что наблюдатели часто возглавляли уездные отделения, членами которых состояли благочинные⁸⁰². С другой стороны, как приходской священник уездный наблюдатель (хотя такое в Самарской епархии, повторимся, было нечасто) находился в подчинении у благочинного. Согласно резолюции епископа Гурия, «отцы уездные наблюдатели в отношении к благочинным, по исполнению обязанностей приходского священника, должны состоять в безусловном

⁷⁹⁹ Съезда наблюдателей церковных школ Самарской епархии 10–15 июня 1913 года. С. 254.

⁸⁰⁰ Матюшенский А., *свящ.* Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50 лет ее существования (1851 – 1901). Самара, 1901. С. 36.

⁸⁰¹ О преподавании благочинным руководственных указаний касательно их обязанностей в отношении церковных школ // ЦВ. 1897. № 39. С. 372.

⁸⁰² Там же. С. 372.

подчинении. Выезжать в уезды могут только в недели, свободные от очередных служений по храму и приходу и всегда с ведома благочинных...»⁸⁰³.

В мае 1903 года Св. Синодом были утверждены новые программы обучения в церковно-приходских школах, заменившие собой программы 1888 года. Увеличился на год срок обучения: в одноклассных школах до трех, а в двухклассных до пяти лет. Интересно, что в Самаре эти изменения начались гораздо раньше. Еще в 1895 г. наблюдатели церковных школ указывали на недостаточность двухгодичного курса одноклассных школ⁸⁰⁴. По ходатайству епископа Гурия Св. Синод в том же 1895 году разрешил «в виде изъятия из общего правила» увеличить курс в самарских одноклассных школах до трех лет⁸⁰⁵.

Кроме того, смягчилась процедура сдачи экзаменов. Если до 1903 г. на выпускных экзаменах обязательно присутствовал представитель Министерства народного просвещения в лице преподавателя ближайшего народного училища, то по правилам 1903 г. Синод разрешал проводить экзамены без его участия. Выпускник теперь сам мог выбирать, в какой комиссии держать экзамен – церковно-школьной или министерско-земской⁸⁰⁶.

Одним из важнейших моментов становления системы подготовки кадров для церковноприходских школ было появление в Самарской епархии церковно-учительской школы. Появление этой школы было вызвано тем, что значительное число выпускников второклассных школ по своим знаниям вполне были способны продолжить свое обучение. Уже в 1898 г., через 2 года после появления первых второклассных школ, епархиальный наблюдатель священник А. Матюшенский обратился с ходатайством в епархиальный училищный совет об открытии учительского класса при одной из второклассных школ. Выбор пал на с. Обшаровка благодаря наличию хорошего каменного двухэтажного здания и

⁸⁰³ Об отношениях уездных наблюдателей к местным благочинным // СЕВ. 1897. № 16 (оф. ч.). С. 354.

⁸⁰⁴ Доклад съезда о.о. наблюдателей церковных школ Самарской епархии, бывших на епархиальном съезде сессии 1895 года // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. С. 780

⁸⁰⁵ Об увеличении на год курса учения в церковноприходских школах Самарской епархии // СЕВ. 1895. № 23 (оф. ч.). С. 426.

⁸⁰⁶ Недостаток или достоинство (из жизни церковных школ) // ПЦВ. 1908. № 13. С. 625.

возможности недорого приобрести еще один каменный дом. Епархиальный совет обратился, в свою очередь, в Училищный совет при Синоде за разрешением купить этот дом и за деньгами на это дело. В конце 1899 г. синодальный Училищный совет выделил 11 000 рублей⁸⁰⁷.

В 1900 г. было получено разрешение на открытие и произведен первый набор – 22 выпускника второклассных школ. Первым заведующим был бывший вольский уездный наблюдатель школ Саратовской епархии кандидат богословия священник Александр Дивногорский. Учителем стал учитель Пестравской второклассной школы кандидат богословия Аркадий Словохотов. К 1907 г. штат состоял уже из 6 человек, четверо из которых были выпускниками академий и кандидатами богословия, один выпускник семинарии (учитель пения и музыки) и школьный врач⁸⁰⁸.

С 1901 по 1908 г. школу окончили 117 человек и почти все они впоследствии занимались преподавательской деятельностью. Руководство школы признавалось, что специально не отслеживало судьбу всех своих выпускников, и поэтому «точных сведений об их служебном положении не имеется». Но даже по приблизительным подсчетам около 80 человек из них были учителями церковно-приходских школ, а около 30 пошли в светские школы⁸⁰⁹.

Результатом данных преобразований стало то, что в начале XX века по количеству церковно-приходских школ Самарская епархия занимала одно из первых мест. В 1908 г. только в 5 епархиях школ было больше, чем в Самарской. Из них Могилевской и Минской это превосходство давали школы грамоты, которых было более 1 100 в каждой епархии⁸¹⁰. Несмотря на общий критический взгляд на качество образования в церковно-приходских школах, даже некоторые светские авторы отмечали, что народ предпочитает их земским или министерским.

⁸⁰⁷ Отчеты об истории возникновения и деятельности Самарской церковно-учительской школы // ЦГАСО. Ф. 776. Оп. 1. Д. 1. Л. 139.

⁸⁰⁸ Отчеты об истории возникновения и деятельности Самарской церковно-учительской школы. Л. 144–145.

⁸⁰⁹ Там же. Л. 146–146 об.

⁸¹⁰ *Архангельский Н.* Извлечения из статистики церковно-приходских школ за 1903 – 1907 гг. // СЕВ. 1908. № 13 (неоф. ч.). С. 530.

Наибольшего количества школы в Самарской епархии достигли в 1903 г., после чего стал заметен определенный спад.

Годы	2-классные	1-классные	Школы грамоты	Всего
1902	16	774	496	1 286
1903	18	794	502	1 314
1904	16	797	452	1 265
1905	12	783	420	1 215
1906	11	754	375	1 140
1907	10	718	350	1 078
1909	9	1 048	33	1 090
1910	11	1 046	21	1 078
1911	11	1 053	12	1 076
1912	11	1 054	11	1 076
1913	11	1 051	6	1 068
1914	11	1 048	3	1 062
1915	11	1 048	3	1 062

Таким образом, за 1903 – 1907 гг. общее число церковно-приходских школ сократилось на 236. Особенно большое сокращение имело место в 1906 г., на что повлияли революционные события и неурожай, приводившие к сокращению или прекращению местного финансирования. Наиболее устойчивыми оказались одноклассные школы (особенно в Николаевском, где их стало даже больше на одну, и Новоузенском уездах). Основное сокращение произошло за счет школ грамоты. До 1908 г. их сокращение было плавным, по несколько десятков в год. Резкое изменение ситуации, которое мы видим из таблицы приходится, судя по

всему, на 1909 г., так как в 1908 г. даже по неполным данным (по пяти из семи уездов) их было еще как минимум 239⁸¹¹.

В 1909 году подавляющее большинство школ грамоты было переведено в разряд одноклассных, а те, которые остались, постепенно закрывались в последующие годы так, что к 1913 г. их осталось всего 6⁸¹², а к 1915 г. – 3⁸¹³. Связаны были эти закрытия, в первую очередь, с малым количеством учеников и отсутствием надлежащей материальной базы, особенно помещений. Это видно на примере последних трех школ грамоты, которые размещались: одна в церковной сторожке, вторая в доме учителя, а по третьей у епархиального училищного совета информации вообще не было⁸¹⁴.

О том, что закрывались в первую очередь школы с малым количеством учеников, красноречиво свидетельствует тот факт, что при сокращении количества школ в епархии не только не сокращалось число учащихся, но наоборот, был заметен рост их числа. В 1902 году учащихся было 55 900 человек, в 1903 – 58 127, в 1904 – 57 833, в 1905 – 61 616, в 1906 – 67 332, в 1907 – 60 382⁸¹⁵. Т. е. был заметный обвал после 1906 года, когда закрылось много школ, далее снижение показателей было более плавным: в 1909 году – 59 465 учащихся, в 1910 – 56 756⁸¹⁶. А в последующие годы снова отмечается значительный рост: 1912 год – 67 850 учащихся,⁸¹⁷ 1914 – 64 369⁸¹⁸, а 1915 – 64 877⁸¹⁹. Характерно, что уровень 1906 г. так и не был достигнут. Нельзя забывать и об Уральской области, в которой на тот же 1915 г. было 96 школ с 5 923 учащимися (правда общих

⁸¹¹ Ведомости о начальных и второклассных церковных школах за 1908 год // СЕВ. 1909. № 11 (неоф. ч.). С. 320–339.

⁸¹² Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковноприходских школ Самарской епархии в 1912 – 1913 годах. Самара, 1914. С. 1.

⁸¹³ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковноприходских школ Самарской епархии в 1914 – 1915 годах. Самара, 1916. С. 4.

⁸¹⁴ Там же. С. 5.

⁸¹⁵ *Архангельский Н.* Извлечение из статистики. С. 532.

⁸¹⁶ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковноприходских школ Самарской епархии в 1909 – 1910 годах. Самара, 1911. С. 2, 3, 20, 48.

⁸¹⁷ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковноприходских школ Самарской епархии в 1911 – 1912 годах. Самара, 1913. С. 1.

⁸¹⁸ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковноприходских школ Самарской епархии в 1913 – 1914 годах. Самара, 1916. С. 1.

⁸¹⁹ Там же. С. 1.

расчетов этот факт не меняет, так как в 1906 г. область еще не входила в Самарскую епархию)⁸²⁰.

Таким образом, как число самих школ, так и число учащихся после 1907 г. стабилизировалось и менялось незначительно. Отдельные колебания находят свое объяснение в экономическом состоянии сельской общины. Так резкий рост числа учащихся в 1911 – 1912 учебных годах не в последнюю очередь был вызван бедственным положением крестьянства, связанным с засухой и неурожаем. Все уездные наблюдатели церковно-приходских школ отмечали, что данный рост «объясняется всецело голодовкой и связанной с ней широкой организацией правительственной помощи населению в виде школьных столовых»⁸²¹. В урожайные же годы крестьяне не спешили отдавать детей в школу, рабочие руки нужны были дома.

Таким образом, статистика показывает, что за те же 1903 – 1907 гг., когда число школ уменьшилось на 236, число учащихся возросло на 2 255 человек, а в 1907 – 1915 гг., когда число школ почти не менялось – на 4 495 человек. Общий вывод, который можно сделать на основе приведенных данных: закрывались, в первую очередь, малосоставные школы грамоты, которые вообще не играли особой роли в системе церковно-приходского образования епархии и были неэффективными. После 1907 г. стабилизировалось число школ и выросло число учащихся. Дело в том, что школы грамоты практически не имели материальной базы, размещались в церковных сторожках, комнатах причтовых домов, крестьянских избах. Книг не хватало: библиотеки были очень скудны. Из наглядных пособий часто были только счеты, как, например, в школе с. Беляевки Новоузенского уезда⁸²².

Вместе с сокращением числа школ сокращалось и местное финансирование. Местные средства на содержание церковных школ постепенно уменьшались: 1903 – 169 864 рубля, 1904 – 135 249 рублей, 1905 – 127 727 рублей, 1906 – 114 664

⁸²⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 70.

⁸²¹ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1911 – 1912 годах. С. 3.

⁸²² Сведения о церковноприходских школах Новоузенского уезда за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75. Л. 6.

рубля, 1907 – 114 301 рубль. Итого за 5 лет финансирование уменьшилось на 32,5 %⁸²³. При этом нельзя говорить, что это связано только с сокращением числа школ. Наибольшее сокращение местных средств приходится на Николаевский уезд, в котором как раз число школ уменьшилось ненамного.

Кроме местных средств на содержание школ, шел и казенный кредит. В 1907 г. он составил для Самарской епархии 201 131 рубль⁸²⁴ (больше всего денег пошло в Бузулукский уезд, затем – Николаевский и Бугурусланский). Вместе с местными средствами это составило 315 432 рубля.

Большая часть средств уходила на одноклассные школы, которые являлись основой системы церковных школ. На одну такую школу уходило в год от 293 рублей (Николаевский уезд) до 461 рубль (Новоузенский уезд). Разница объясняется тем, что именно в Николаевском уезде сильнее всего сократилось местное финансирование, при примерно равном казенном финансировании (оно составляло от 209 до 273 рублей на школу в год). Получается, что если в Новоузенском уезде местных средств тратили 249 рублей, то в Николаевском – всего 81 рубль! Причина, вероятнее всего, в том, что Николаевский уезд в значительной степени был старообрядческим, и (особенно с 1905 г., когда легализовались «потайные» раскольники) денег церковные попечительства собрать могли все меньше. Такие же проблемы с финансированием и по той же причине были и в Уральской области. Об этом писал в своем отчете за 1914 г. (описывая, правда, ситуацию пятилетней давности) епископ Тихон⁸²⁵.

Школы грамоты обходились, естественно, намного дешевле – от 146 до 232 рублей. Соответственно отличались и средства на содержание одного ученика. В одноклассных школах эта цифра составляла от 7,95 рублей (Самарский уезд) до 4,19 (Николаевский). А в школах грамоты – от 6,11 (Самарский) до 3,41 (Бузулукский).

Несмотря на материальные проблемы, скудное жалование, отказ со стороны сельских обществ в местном финансировании, с началом войны в 1914 году

⁸²³ *Архангельский. Н.* Извлечения из статистики. С. 533.

⁸²⁴ Там же. С. 533.

⁸²⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год. Л. 64.

самарские школы приняли активное участие в оказании помощи фронту. Только с августа по ноябрь 1914 г. учащие и учащиеся самарских школ перечислили епархиальному комитету 600 рублей⁸²⁶. Кроме того, ученицы второклассных женских школшили сорочек и брюк из 2 397 аршин ткани, которую разослал по школам епархиальный наблюдатель⁸²⁷. Ученики многих школ устраивали благотворительные концерты, вечера и спектакли в пользу раненых и их семей.

Большую роль в деле подготовки педагогических кадров для церковно-приходских школ играли духовные училища, которых в епархии было три: Самарское, Николаевское и Бугурусланское, и, особенно, епархиальное женское училище. Надо сказать, что в основном в школах трудились именно женщины. Так, в 1906 г. их было в одноклассных школах епархии 462, а мужчин – 239. А в Самарском уезде соотношение было еще более показательным; в 1907 г. в одноклассных школах из 99 учителей женщин было 83 человека. Исключение представлял Бугульминский уезд, где мужчин было больше. Возможно, это связано с тем, что значительное число школ в этом уезде были специализированные – миссионерские (татарские, чувашские и вотские). Все это придавало вопросу о женском образовании в епархии особую важность. Исследователи отмечают, что женские училища, возникнув как ответ на запрос отдельного сословия, к началу XX в. стали «образцом исполнения социального заказа стороны государства»⁸²⁸.

Важную роль в системе подготовки профессиональных педагогических кадров играли также учительские курсы. Чаще всего устраивались курсы для учителей одноклассных и второклассных школ. В первых особое значение придавалось церковному пению, а во-вторых – методике преподавания тех или иных предметов. Иногда это были общепархиальные курсы, как например, курсы, проходившие в июне 1911 года в здании Самарской семинарии и собравшие 120 учительниц со всех уездов⁸²⁹.

⁸²⁶ А. Н-ий, *свящ.* Отклики войны в церковных школах Самарской епархии // СЕВ. 1914. № 23 (неоф. ч.). С. 736.

⁸²⁷ Там же. С. 739.

⁸²⁸ Назаренко О. Е. История духовных школ в Самарской епархии // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию христианства. Самара, 2000. С. 48.

⁸²⁹ Майеранов И., *прот.* Педагогические курсы // СЕВ. 1911. № 13 (неоф. ч.). С. 633.

В других случаях курсы проходили на уездном уровне. Большую роль в устройстве такого рода курсов играла активная деятельность уездных наблюдателей церковных школ. Одним из самых энергичных был наблюдатель Бугульминского уезда священник Антоний Иванов, о неутомимой пастырской и миссионерской деятельности говорится в параграфе, посвященном миссионерству.

Так, именно по его ходатайству в 1909 г. в Шентале проходили специальные курсы для учителей инородческих школ. Руководителем был сам о. Иванов, а преподавали на курсах опытные священники и преподаватели Казанской инородческой учительской семинарии. В курсах приняли участие 56 учителей инородческих школ.

Действия по повышению профессионализма педагогического состава церковно-приходских школ постепенно приводили к тому, что сокращалось число учителей клириков. Последние в силу занятости своей другими обязанностями, будучи зачастую вынуждены много времени уделять на заботы о «хлебе насущном», не всегда проявляли должное рвение в школьном деле. Так, в 1900 г. инспектор народных училищ просил о назначении в три села светских преподавателей Закона Божьего (двое мужчин и женщина). Дело было в том, что местные священники практически не выполняли своих обязанностей. В с. Домашки, например, священник Иоанн Белозеров с начала учебного года вплоть до 1 февраля в школе ни разу не был⁸³⁰.

В результате в 1903 г. в одноклассных школах учителей-клириков было 254 (из них 146 диаконов), а в 1907 г. – уже 188 (112 диаконов)⁸³¹. Это не может быть связано только с происходившим сокращением числа самих школ, так как число светских учителей не уменьшилось, а, наоборот, даже возросло. С 1903 по 1907 гг. школ стало меньше на 76, а учителей на 39 человек больше⁸³². Причины: 1) многих священников и псаломщиков поменяли на светских учителей; 2) во

⁸³⁰ Материалы о недобросовестном исполнении своих обязанностей законоучителя священниками Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6831. Л. 1.

⁸³¹ *Архангельский Н.* Извлечения из статистики. С. 535.

⁸³² Там же. С. 537.

многие школы стали назначать второго учителя, как правило, из тех, кто имел свидетельство на звание учителя школ грамоты.

Не всегда частота посещений школы священником-учителем была связана только с его желанием. Были и вполне объективные причины. Многие приходы были весьма обширными, включали в себя кроме основного села еще целый ряд деревень и могли иметь несколько школ, иногда отстоящих друг от друга на много верст. Нормальным было явление, когда в одном приходе было 3-4 школы. Рекордсменом в Самарской епархии был Бугульминский уезд. Здесь в с. Туарма, например, было 10 школ и 400 учеников. В Шентале – 9 школ и 218 учеников, а в Новом Куваке – 9 и 334 соответственно. В такой ситуации даже и благочинный не мог уследить за положением во всех школах. Весь уезд с 140 школами был разделен всего на три благочиния⁸³³.

Несмотря на явный плюс от замены священников, и без того занятых на приходе, учителями-мирянами, нельзя не упомянуть и о том, что качество последних не всегда соответствовало стоявшим перед ними задачам. И здесь велика была роль правящего архиерея, которому принадлежало право утверждения учителей. Ревизия Самарской епархии в 1916 г. выявила ряд нарушений в деятельности епископа Михаила (Богданова), который нередко назначал учителей в церковноприходские школы для преподавания Закона Божьего без всякого богословского образования⁸³⁴. Подобные поступки вряд ли можно считать злонамеренными, скорее всего тем, что при скудости материального обеспечения найти достойных кандидатов иногда было просто невозможно. За год до ревизии, в 1915 г. епархиальный наблюдатель отмечал, что при среднем жаловании в 360 рублей учителя церковно-приходских школ, в отличие от земских, были лишены периодических прибавок и квартирных денег⁸³⁵.

---

⁸³³ Сведения о числе монастырей, школ училищ и богаделен, состоящих при церквях Самарской епархии за 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6821. Л. 81.

⁸³⁴ Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. Л. 14.

⁸³⁵ Отчет самарского епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1914 – 1915 годах. С. 64.

Помимо материальных проблем и сложностей с учительскими кадрами, на церковную школу оказывали влияние и общественно-политические процессы в стране. Нарастание революционных настроений не могло ее не затронуть. В начале XX века отмечаются случаи участия учителей приходских школ в революционном движении и подпольной работе. В политическом обзоре Самарской губернии за 1902 г. жандармское управление отмечает: «В 1902 году впервые замечается распространение... приходскими учителями и учительницами преступных брошюр и нелегальной литературы между крестьянами...»⁸³⁶. В разгар революции 1905 – 1907 гг. число подобных случаев возрастает. Так, в 1906 г. квартира учительницы Воскресенского приходского училища г. Самара Д. Г. Лобынцевой служила пунктом, куда доставлялась нелегальная социал-демократическая литература и откуда она распределялась для распространения. У Лобынцевой, кстати, и двумя годами ранее изымалась запрещенная литература и листовки⁸³⁷. Явочной, судя по всему, была и квартира учительницы церковно-приходской школы Анны Смирновой⁸³⁸.

Особенно сложной была ситуация в Обшаровской церковно-учительской школе – одном из основных учреждений по подготовке педагогических кадров Самарской епархии. Крупное село привлекало повышенное внимание со стороны пропагандистов, как эсеров, так и эсдеков. За годы первой русской революции школа очень много пережила: погром, забастовки воспитанников и даже покушение на жизнь заведующего. Подробнее эти события описываются в третьей главе настоящей диссертации.

В результате стало ясно, что оставлять школу в таком неблагополучном с точки зрения революционной обстановки месте нельзя. Еще в 1905 г. Синодом было дано разрешение начать строительство нового здания для церковно-учительской школы в губернском центре, на что выделили 12 800 р. С августа 1908 г. началось строительство.

⁸³⁶ Политическое обозрение за 1902 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 210. Л. 12.

⁸³⁷ Дело о преступном сообществе, открывшем ядровые кружки с целью пропаганды среди самарских рабочих идей социализма, распространения брошюр и прокламаций, устройства демонстраций и прочее // ЦГАСО. Ф. 468. Д. 283. Л. 76.

⁸³⁸ Материалы по самарской организации РСДРП // ЦГАСО. Ф. 469. Оп. 1. Д. 30. Л. 14.

В 1911 г. Самарская церковно-учительская школа произвела первый набор воспитанников. Здание школы было построено в 5-й части Самары на земле, принадлежавшей Николаевскому мужскому монастырю за Молоканским садом напротив артиллерийских казарм (сейчас в этом здании помещается Самарская духовная семинария). Заведующим школой стал протоиерей Павел Потоцкий⁸³⁹.

Несмотря на все проблемы и трудности, недостаток финансирования, кадровый голод, определенную несогласованность в действиях епархиального руководства и не всегда доброжелательное отношение со стороны земств и других светских структур, церковные школы Самарской епархии на рубеже XIX – XX веков выполняли серьезные задачи в сфере начального народного образования. И выполняли их чаще всего качественно, что не могли отрицать и внешние наблюдатели. По отзывам председателей экзаменационных комиссий, качество знаний учеников церковно-приходских школ вполне отвечало программным требованиям. Так, земский начальник 5-го участка Бугульминского уезда А. Яковлев писал: «Подготовка воспитанников по произведенному испытанию оказалась отличной, все предметы в пределах программы усвоены с полным пониманием. Ответы всех воспитанников, не исключая инородца, были сознательными и мною никакой разницы в подготовке учащихся земских или церковно-приходских школ не замечено, если не считать более обширные познания последних по Закону Божию и церковнославянской грамматике»⁸⁴⁰.

Конец XIX – начало XX вв. стали также временем становления сложной и разветвленной системы управления церковно-приходскими школами. Ключевым моментом было появление в 1896 г. положения об управлении этими школами. Однако процесс настройки административных механизмов оказался более длительным, так как нередко возникали ситуации дублирования тех или иных обязанностей: уездных наблюдателей и председателей уездных отделений училищного совета, уездных наблюдателей и благочинных. Большую роль в деле управления школами играло и епархиальное начальство в лице архиерея и

---

⁸³⁹ Самарская церковно-учительская школа // СЕВ. 1911. № 14 (оф. ч.). С. 341.

⁸⁴⁰ Отчет самарского епархиального наблюдателя церковных школ за 1912 – 1913 гг. Самара, 1914. С. 10.

консистории. Особенно энергично школьными делами занимался преосвященный Гурий (Буртасовский), который всячески поддерживал в епархии съезды учащихся, старался своими распоряжениями отрегулировать взаимоотношения разных звеньев управленческой структуры, инициировал (раньше, чем в целом по стране) увеличение срока обучения в самарских церковных школах. Однако общие проблемы епархиального управления касались и этой сферы. Увеличивавшаяся с годами занятость епископов не позволяла максимально эффективно руководить школьными делами. Предпринятая в 1916 г. попытка переложить часть дел на викариев не успела принести ощутимых плодов, а летом 1917 г. все церковно-приходские школы были изъяты из ведения Св. Синода.

2.5. Социальные и благотворительные организации на епархиальном уровне

К концу XIX – началу XX века материальное положение духовенства радикально не изменилось по сравнению с предыдущими периодами⁸⁴¹. По-прежнему около трети приходов Самарской епархии не имели совсем жалования от государства и целиком зависели от благосостояния своей паствы. Но даже там, где жалование было (как правило, очень скромное), оно не решало проблем социально незащищенных групп духовного сословия. Все это вынуждало Церковь самостоятельно искать возможности для социального обеспечения. Поиск этот выражался в реформировании существующих и создании новых учреждений, деятельность которых была направлена на поддержку заштатного духовенства, вдов и сирот духовного звания, учащихся духовно-учебных заведений. В Самарской епархии ключевыми учреждениями такого рода были эмеритальная касса и попечительство о призрении бедных духовного звания. Кроме того, в начале XX века в епархии появились кассы взаимопомощи (ссудная и похоронная), касса стипендий и фонд стипендий для детей духовенства, учащихся

⁸⁴¹ О материальном положении духовенства в XIX в. см., например: *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ. М., 1999. С. 118–138; *Фирсов А. Г.* Церковные финансы и бюджетная политика российского правительства эпохи «великих реформ» (конец 50-х – 70-е гг. XIX в.): дис. ... канд. ист. н. СПб., 2003.

в светских учебных заведениях. Кроме этих учреждений, бывших внутрисословными, действовал ряд комитетов, координировавших благотворительную деятельность Церкви: епархиальный комитет красного креста, епархиальный комитет помощи раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну и т. д.

В настоящем параграфе рассматриваются принципы, на которых основывались социальные и благотворительные учреждения Самарской епархии, их взаимоотношения между собой, а также роль разных звеньев епархиальной власти в управлении этими структурами.

Попечительства о призрении бедных духовного звания начали учреждаться еще по указу императора Александра I с 1823 г. и состояли при епархиальных кафедрах под непосредственным руководством архиереев. Статья 1562 Устава общего призрения гласит: «При каждой епархиальной кафедре состоит отдельно от духовных консисторий попечительство о бедных духовного звания»⁸⁴². Попечительство состояло из нескольких членов (в уставе уточнено – 3–6), избираемых из белого духовенства и монашествующих. Несмотря на обособленность от консистории, один член ее присутствия должен был являться одновременно членом попечительства «для удобнейшего сношения и согласного действия обоих мест»⁸⁴³.

Попечительство финансировалось исключительно за епархиальный счет без дотаций из казны. Источниками дохода для Попечительства служили добровольные пожертвования, кружечные сборы, штрафы с духовенства, доходы с кладбищенских церквей и от праздных священнослужительских мест. Главной целью попечительства было распределение пособий для нуждающегося духовенства и его семей. Для исполнения своих поручений по епархии попечительство имело от одного до трех сотрудников в каждом уезде из числа городского или сельского духовенства, которых назначал епархиальный архиерей. В функции попечительства входили: 1) сбор благотворительных приношений по

---

⁸⁴² Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные // СЗРИ. Т. XIII. СПб., 1857. С. 250.

⁸⁴³ Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. С. 251.

подписным листам; 2) наблюдение за кружечным сбором; 3) доставление призрения тем священнослужителям, кто имеет в этом насущную потребность. Ежегодно попечительство составляло подробный отчет о своей деятельности, который вместе с приходно-расходной книгой поступал к епископу.

В начале XX века Попечительство пыталось расширить свою структуру. В 1907 году съезд духовенства Самарской епархии рассматривал возможность учреждения отделений попечительства в благочиннических округах. Съезд указал на статью 1567 Устава, где говорится только лишь о местных сотрудниках и признал расширение нецелесообразным⁸⁴⁴. Было принято решение, как и раньше, ограничиться на местах сотрудниками из духовенства⁸⁴⁵.

Надо заметить, что попечительство не располагало крупными суммами, и пособия, которые оно выдавало, вряд ли могли кардинально изменить ситуацию в нуждающихся семьях духовенства. Так, согласно отчету епископа Гурия, в 1896 г. пособия из попечительства получили 590 семейств, и затрачено на эти пособия было 7 698 рублей 36 копеек⁸⁴⁶. Несложно подсчитать, что средний размер пособия в данном случае – 13 рублей. И если кто-то получал более солидное пособие, то другие – копейки.

В 1907 г. епархиальный съезд духовенства озаботился увеличением пособий, назначаемых попечительством. Было решено установить следующие пособия заштатному духовенству: священникам по 60 рублей, диаконам по 42 рубля, псаломщикам по 36 рублей в год. Пособия же, выдаваемые вдовам и сиротам, предполагалось разделить на три разряда: 1-й разряд – 30 рублей, 2-й – 25 и 3-й – 20 рублей на человека в год⁸⁴⁷. В основу данной дифференциации должна была лечь степень нужды, а не статус покойных мужей и отцов этих семейств. Попечительству было рекомендовано ориентироваться не на количество лиц, охваченных пособиями, а на то, чтобы эти пособия приносили

⁸⁴⁴ Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные. С. 251.

⁸⁴⁵ Журналы Самарского духовного попечительства за 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2а. Л. 2–3.

⁸⁴⁶ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1896 год. Л. 15.

⁸⁴⁷ Журналы Епархиального съезда духовенства сессии 1907 года // СЕВ. 1908. № 1 (оф. ч.). С. 37.

реальное облегчение нуждающимся. Было открыто 100 вакансий 1-го разряда, 200 вакансий 2-го разряда и 380 – 3-го.

Еще одним направлением деятельности Попечительства была опека над несовершеннолетними детьми духовенства и их имуществом. Фонд Епархиального попечительства в ЦГАСО (Ф. 40) в значительной степени состоит из отчетов по опекунству. Дело это, судя по отчетам, было хлопотным, почему и число опекаемых Самарским попечительством было небольшим. Так, в 1909 году опека осуществлялась над наследниками 37 лиц, а в 1911 – над детьми и имуществом 29 священников⁸⁴⁸.

Попечительством также оказывалась помощь еще одной крайне незащищенной группе – беднейшим невестам духовного звания. Им выдавалось единовременно при выходе замуж от 50 до 100 рублей, на что Епархиальный съезд ежегодно ассигновал 1000 рублей. Правда, начиная с 1912 г. депутаты отказывали в ассигновке, аргументируя тем, что у духовенства практически не осталось ресурсов к самообложению⁸⁴⁹. Восстановлена ассигновка на беднейших невест была в 1915 г.⁸⁵⁰.

Помимо всего прочего, попечительство действовало и как кредитное учреждение, выдавая ссуды духовенству. В 1906 г. Самарскую губернию постиг голод по причине неурожая. В 1907 г. с разрешения Святейшего Синода Попечительство выдавало ссуды под 5 % сроком на один или два года. Кредиты духовенство брало охотно, а вот отдавало с трудом. На 1 декабря 1910 года должников числилось 127 человек, которые должны были Попечительству 15 270 рублей⁸⁵¹. Еще 29 человек, получивших беспроцентную ссуду, задолжали 1 315 рублей. Благодичным было предписано вычитать у должников из жалования, а тем, кому проценты не начислялись, начать начисление⁸⁵². Давались ссуды духовенству и в 1911 – 1912 годах также в связи с голодом. Тогда было принято

⁸⁴⁸ Настольный докладной реестр опекунских дел за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 40. Оп. 3. Д. 4. Л. 53–55.

⁸⁴⁹ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. Самара, 1913. С. 55.

⁸⁵⁰ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1915 года. Самара, 1915. С. 32.

⁸⁵¹ Журнал Самарского духовного попечительства от 18–25 ноября 1910 года // СЕВ. 1911. № 2 (оф. ч.). С. 58–64.

⁸⁵² Там же. С. 67.

решение на время бедствия не взыскивать с должников долга и не начислять штрафы⁸⁵³.

В ведение попечительства входила епархиальная богадельня им. императора Александра III для престарелых и увечных священно-церковнослужителей и членов их семей, открытая в 1894 г., церковь при богадельне, а также приют для сирот из семей духовенства открытый в 1900 г. и школа для воспитанников приюта.

Одним из самых животрепещущих вопросов церковной жизни конца синодального периода оставался вопрос о пенсионном обеспечении, так и не решенный в ходе реформ 1860-х годов. Правда, часть духовенства все же получала пенсию от государства, но право на эту пенсию было сильно ограничено целым рядом условий, а ее размер был более чем скромным. По «Временным правилам о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их», утвержденным в 1866 г. священник, беспорочно прослуживший 35 лет, мог рассчитывать на пенсию в размере 70 рублей, его вдова получала 35 рублей, вдова с малолетними, увечными или больными детьми – 45 рублей. Несмотря на периодические незначительные повышения, на рубеже XIX – XX веков пенсии были по-прежнему невелики: священник – 130 рублей, вдова священника – 65 рублей, вдова с детьми – 90 рублей. С 1880 года пенсию стали получать и диаконы: диакон – 90 рублей, вдова диакона – 40 рублей, вдова с детьми – 50 рублей. Псаломщики из этой системы социальной поддержки были совсем исключены. Эти «Временные правила» исследователем названы дискриминационными, «потому что, хотя казна и взяла на себя выплату пенсий, она и не подумала назначить священникам такие же суммы, какие значились в общем пенсионном уставе»⁸⁵⁴.

Таким образом, духовенство в деле своего социального обеспечения было вынуждено полагаться в большей степени на себя. Учитывая небольшие размеры и нерегулярность пособий, выдаваемых Попечительством, можно понять, какое

---

⁸⁵³ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 года. Самара, 1911. С. 111.

⁸⁵⁴ Римский С. В. Российская Церковь в эпоху великих реформ. С. 417.

значение имела в жизни духовенства эмеритальная касса. В течение всего рассматриваемого периода вопросы, связанные с функционированием этого учреждения, активно обсуждались в прессе, на епархиальных съездах и т. д. Отношение к этим вопросам позволяет также выявить некоторые проблемы епархиального управления в социальной сфере и не только.

Эмеритальными (от лат. *emeritus* – заслуженный) кассами назывались капиталы, составленные из отчислений государственных служащих, из которых после отставки последние (или их вдовы и сироты) получали пенсию. В Самарской епархии эмеритальная касса была основана в 1867 г. по инициативе епископа Герасима (Добросердова). В ее истории можно выделить два периода. В 1867 – 1904 гг. касса была необязательна для духовенства, принимая добровольные взносы, и давала вкладчикам 60 % пенсии на внесенный рубль. Выплаты могли начаться только после 10 лет внесения денег в кассу. Выдавались пенсии по полугодиям: 1 января и 1 июля; за правильность и своевременность выдачи отвечали благочинные.

За основу при составлении устава кассы был взят устав аналогичного учреждения военного ведомства. Разница была небольшой: при одинаковой пропорции сами взносы у военных были в 10 раз больше, и пенсия выдавалась только после 20 лет⁸⁵⁵. В результате, по военному уставу, внося 20 лет по 108 рублей в год (максимальный размер), вкладчик кассы мог рассчитывать на пенсию в 1 341 рубль⁸⁵⁶. В то же время священник мог вносить максимально по 10 рублей, и за те же 20 лет зарабатывал себе только 120-рублевую пенсию. Кроме того, военная касса каждые 10 лет подвергалась тщательному обследованию на предмет эффективности и перспектив развития. За епархиальной кассой такого пристального контроля не было (по крайней мере, первые 40 лет).

Эмеритальной кассой руководил комитет под надзором правящего архиерея. Члены комитета избирались епархиальным съездом духовенства сроком на пять лет из числа священников г. Самары. Их было шестеро, но те трое, кто

---

⁸⁵⁵ Положение об Эмеритальной кассе военного сухопутного ведомства. СПб., 1894. С. 31–33.

⁸⁵⁶ Там же. С. 32.

набрал меньше всего голосов, оставались кандидатами, а оставшиеся трое исправляли должности председателя, делопроизводителя и казначея⁸⁵⁷. Представителями комитета в округах были попечительские советы эмеритальной кассы, состоявшие из двух членов, которые выбирались благочинническими съездами и утверждались епископом.

Надо заметить, что далеко не все духовенство добровольно становилось вкладчиками кассы. Те, кто получали небольшое жалование, считали такие траты необоснованными, пытаясь на этих взносах сэкономить. В 1894 г. епископ Гурий писал: «Как диаконы, так и особенно псаломщики далеко не все состоят членами эмеритальной кассы и чрез это, по смерти своей, обрекают свои семьи на бедность и нищенство, особенно при многочисленности сирот»⁸⁵⁸. Владыка всячески старался простимулировать вступление таких лиц в кассу, для чего поручил благочинным и всем священникам вести в этом направлении разъяснительную работу.

На время управления епархией епископом Гурием (1892 – 1904 гг.) приходится долгий и непростой процесс реформирования эмеритальной кассы самарского духовенства. Процесс этот был инициирован съездом духовенства сессии 1893 г. Депутаты постановили передать на обсуждение благочиннических съездов епархии ряд серьезных изменений в уставе кассы. Предполагалось внести изменения в ряд параграфов: 11 (размеры взносов); 12 (пожертвования при получении наград); 19 (обязательное участие всего духовенства в образовании капитала кассы); 31 (размер пенсии)⁸⁵⁹.

В отзывах благочиннических съездов по большинству пунктов обнаружилось согласие, хотя духовенство некоторых округов высказалось против увеличения взносов, ссылаясь на бедность. По 19 пункту почти все высказались за обязательное участие в кассе всего духовенства и даже учителей и учительниц церковноприходских, образцовых школ и школ грамоты, если эти лица из

⁸⁵⁷ Правда, в 1896 году архиерей утвердил одним из членов о. Богородицкого, хотя было два священника, у которых баллов было больше. См.: Извлечения из журналов съезда духовенства Самарской епархии сессии 1896 г., утвержденных Его Преосвященством // СЕВ. 1896. № 18 (оф. ч.). С. 342.

⁸⁵⁸ От Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1894. № 10 (оф. ч.). С. 169–170.

⁸⁵⁹ Дело о применении устава эмеритальной кассы // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 31. Л. 24 об.

духовного звания. Что же касается размера пенсий, то большинство поддержало цифру, указанную в проекте – от 30 до 36 % вноса, некоторые указали от 40 до 50 % и даже до 60 %.⁸⁶⁰

Рассмотрев все отзывы благочиннических округов, депутаты съезда духовенства 1894 г. пришли к следующим выводам: по § 11 – делать взносы по 8 разрядам, с тем, чтобы пенсия равнялась 40 % от общей суммы взносов, в связи с чем изменить и § 31, заключающий в себе таблицы для высчитывания пенсий. По § 12, люди получившие награды должны делать обязательные взносы в пользу кассы, а не добровольно, а согласно § 19 участие в кассе должно быть обязательным⁸⁶¹. Епископом Гурием этот журнал был утвержден. Редактировать проект устава кассы поручили протоиереям Валериану Лаврскому и Николаю Ласточкину. В 1895 г. съезд духовенства постановил направить отредактированный устав в Святейший Синод⁸⁶².

В дальнейшем процесс реформирования эмеритальной кассы застопорился. Целых шесть лет из Синода не было никакого ответа. Дело дошло до того, что Комитет эмеритальной кассы в апреле 1901 г. принял решение о вступлении нового устава в действие без утверждения Синода с 1 января 1902 г.⁸⁶³. С этим решением был согласен и епископ Гурий.

Однако Синод опередил епархиальное начальство: 6 октября 1901 г. пришло отношение, в котором были высказаны претензии, а сам Устав возвращен на доработку. Хозяйственное управление Синода полагало, что выплаты, даже уменьшенные в процентном соотношении с 60 до 40 %, все равно слишком велики и предлагал снизить их до 20 % от взносов. В качестве довода приводились расчеты, согласно которым взносы за 10 лет – 480 рублей (по первому разряду), пенсионер выберет менее чем за три года, получая по 192 рубля

⁸⁶⁰ Дело о применении устава эмеритальной кассы. Л. 44.

⁸⁶¹ Проект устава эмеритальной кассы от 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 32. Л. 19.

⁸⁶² Проект устава эмеритальной кассы от 1895 г. Л. 56.

⁸⁶³ Журнал Комитета эмеритальной кассы о приведении в действие проекта изменений и дополнений устава // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 48. Л. 36 об.

в год. Кроме того, Управление высказалось против обязательности пожертвований при награждении⁸⁶⁴.

Епархиальный съезд 1902 г. снова занимался вопросом об эмеритуре, для чего были приглашены и делегаты от светских вкладчиков. Съезд решил, что на местах членами попечительского совета кассы должны являться не специально избранные лица, а члены благочиннического совета. По светским участникам было принято компромиссное решение: к участию в кассе допустили учителей церковно-учительских и второклассных школ, а из учителей и учительниц церковных школ только лиц, происходящих из духовного звания. Съезд хотел даже оставить право пользования пенсией священникам, сложившим с себя сан или лишенным по суду, но на этот пункт наложил вето епископ Гурий⁸⁶⁵.

В феврале 1904 г. многострадальный новый устав был одобрен Синодом с минимальными исправлениями и вступил в действие сразу же. В результате устав получился компромиссным, и некоторые его параграфы включали противоречивые положения.

Поступления в кассу по уставу делились на два разряда: 1) пенсионный (или разрядный) капитал и 2) благотворительный капитал.

Пенсионный капитал – это неприкосновенный фонд, состоящий из взносов вкладчиков. Весь капитал сразу по поступлению в кассу переводился в ценные бумаги. Получаемые с них проценты как раз и шли на выплату пенсий вкладчикам⁸⁶⁶. Для поддержания данного капитала использовались и взносы от церквей епархии. По изначальному уставу кассы они были добровольными, однако существовала устойчивая тенденция сделать их фиксированными. Так, съезд 1901 г. определил размеры взносов: городские церкви – 30 рублей, монастыри – 20 рублей, сельские – 10 рублей⁸⁶⁷. Однако дело пошло туго, и в следующем году «от большинства монастырей и единоверческих церквей совсем

⁸⁶⁴ Журнал Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии от 25 октября 1901 г. // СЕВ. 1901. № 23 (оф. ч.). С. 340–355.

⁸⁶⁵ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1902 г. // СЕВ. 1902. № 18 (оф. ч.). С. 148.

⁸⁶⁶ Устав эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1904. № 9 (оф. ч.). С. 166.

⁸⁶⁷ Журнал Комитета эмеритальной кассы о приведении в действие проекта изменений и дополнений устава // ЦГАСО Ф. 357. Оп. 1. Д. 48. Л. 12.

не поступило пожертвований или [поступили] в весьма незначительном количестве»⁸⁶⁸.

В уставе 1904 г. взносы от церквей названы постоянными поступлениями наряду с взносами духовенства (§ 8). Но к этому параграфу есть примечание, где сказано, что взносы церквей являются лишь *добровольным* пожертвованием в эмеритальную кассу. Пункт второй этого примечания говорит о лицах, получивших церковную награду в том смысле, что они лишь *приглашаются к пожертвованиям* (формулировка, предложенная Синодом)⁸⁶⁹. На практике же в Самарской епархии и взносы от церквей, и пожертвования награжденных рассматривались как обязательные, а благочинным предписывалось взыскивать по ним с должников.

Благотворительный капитал складывался из необязательных (случайных) вкладов, к которым, кроме разовых пожертвований, как раз и относились взносы награжденных, а также штрафы должников. Проценты с благотворительного капитала шли на выплату пособий: единовременных (от 25 до 100 рублей) и постоянных (от 10 до 50 рублей)⁸⁷⁰. Кроме того, из этого капитала нередко заимствовали суммы для выдачи пенсий в случаях нехватки процентов с капитала разрядного.

Новый устав закреплял право участия в кассе светских вкладчиков (§ 13). Участниками кассы могли быть служащие консистории, педагогический состав семинарии и духовных училищ, преподаватели учительских и второклассных школ, а также те учителя и учительницы церковно-приходских школ, которые происходили из духовного звания⁸⁷¹. Этот параграф был принят не без споров, так как еще в 1900 г. съезд духовенства в качестве меры для повышения устойчивости кассы предлагал запретить участие для всех светских лиц⁸⁷². Тогда это сильно возмутило чиновников консистории.

---

⁸⁶⁸ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1902 года // СЕВ. 1902. № 18 (оф. ч.). С. 236.

⁸⁶⁹ Устав эмеритальной кассы. С. 164–165.

⁸⁷⁰ Устав эмеритальной кассы. С. 166–167.

⁸⁷¹ Там же. С. 167.

⁸⁷² Проект устава эмеритальной кассы 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 46. Л. 32.

Как в первом варианте устава, так и в новом выплаты пенсий зависели от размера вкладов и стажа вкладчика. Вклады делились на постоянные и случайные. Первые по новому уставу насчитывали 8 разрядов: 1-й – 48 рублей, 2-й – 42, 3-й – 36, 4-й – 30, 5-й – 24, 6-й – 18, 7-й – 12 и 8-й – 6. Случайными считались вклады частных лиц и организаций, которые шли в благотворительный капитал. Необходимо отметить, что большинство сельского духовенства не могло вносить в кассу крупные вклады и, соответственно, рассчитывать на большую пенсию. Первый разряд могла позволить себе лишь небольшая часть городского духовенства.

Пенсия начинала начисляться после 10 лет взносов и возрастала до 35 лет. В дальнейшем, если вкладчик оставался на службе, он продолжал делать взносы, но пенсия уже не росла. Пенсии не лишались и те, кто получил пенсию от государства или любые другие пособия (§ 25). Размер пенсии был компромиссным, проект устава предполагал 40 %, а Синод рекомендовал всего 20 %. В результате размер пенсии был определен в 30 % от внесенной суммы (§ 27)⁸⁷³.

Пенсия не полагалась лицам, сложившим сан, лишенным сана и поступившим в монашество. Вдовы священников могли рассчитывать на пенсию как по вкладам мужа, так и по собственным. Круглые сироты также могли рассчитывать на родительскую пенсию: сыновья получали ее до окончания духовных учебных заведений или до совершеннолетия, дочери – до совершеннолетия или до выхода замуж⁸⁷⁴.

Введение нового устава, по мнению епархиального начальства, должно было способствовать устойчивости эмеритальной кассы. Однако сомнения в этой самой устойчивости были как при старом уставе, так и при новом. Имеет смысл привести здесь некоторые цифры, касающиеся эффективности работы эмеритальной кассы Самарской епархии.

⁸⁷³ Устав эмеритальной кассы. С. 173–174.

⁸⁷⁴ Там же. С. 176–177.

С одной стороны, статистика показывает, что общая сумма пенсионного капитала постоянно увеличивалась за счет взносов и отчислений церквей. Так к концу 1895 г. в кассе числилось 673 672 рублей, 1900 – 756 078 рублей, 1905 – 846 227 рублей, 1910 – 995 505 рублей. К 1915 г. капитал составил уже 1 079 680 рублей⁸⁷⁵. С другой стороны, эти деньги не использовались для выдачи пенсий; согласно уставу кассы, этот капитал, «который как собственность всей епархии, никому и ни в каких случаях возврату из кассы не подлежит, никуда и ни на что не может быть употреблен» (§ 10)⁸⁷⁶. Пенсии выдавались только из процентов (§ 11), которых как раз постоянно не хватало.

Годы	Получено процентов с капитала (в рублях)	Выдано пенсий (в рублях)
1896	19 486	21 334
1897	21 292	20 996
1898	26 277	23 554
1899	24 124	25 316
1900	21 783	26 608
1901	24 326	27 408
1902	24 780	28 698
1903	25 540	33 383
1904	26 277	29 839
1905	27 210	33 765
1906	29 310	29 310
1907	31 112	40 418
1908	35 233	43 063
1909	49 086	41 846
1910	50 291	48 679
1912	54 895	49 679

⁸⁷⁵ Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1915 г. С. 92.

⁸⁷⁶ Устав эмеритальной кассы. С. 166.

1915	54 925	61 879
------	--------	--------

Таким образом, начиная с 1896 года процентов, полученных с взносов духовенства, постоянно не хватало (кроме 1897 г.), и нехватка эта с годами увеличивалась. Для покрытия этой разницы деньги брались из благотворительного капитала и из сумм похоронной кассы.

Такая отрицательная динамика эмеритальной кассы вызывала опасения у епархиального духовенства. Причин у данной нехватки было много: общее снижение доходности процентных бумаг, практика внесения взносов «задним числом» за несколько лет (причем вкладчик получал право на пенсию, но процентов с таких взносов касса не получала в полном объеме) и др. Для исправления ситуации Комитет эмеритальной кассы в 1908 г. принял решение обменять билеты 4 %-ной государственной ренты на 6 %-ные обязательства Крестьянского Поземельного банка⁸⁷⁷. Первоначально эта мера действительно дала положительные результаты, и в 1909 г. проценты с капитала превысили расходы на пенсии более чем на 7 000 рублей⁸⁷⁸. Однако в дальнейшем этот разрыв сокращался и к 1915 г. снова образовалась нехватка почти в семь тысяч рублей. Поэтому вопрос о повышении эффективности эмеритальной кассы был актуальным вплоть до конца рассматриваемого периода.

Одна из сложностей заключалась в том, что делами кассы занимались не профессиональные экономисты и бухгалтеры, а сами священники, причем на основании одних и тех же данных делались совершенно разные прогнозы. В результате одни писали о том, что касса стабильна и ей ничто не угрожает, а по подсчетам других авторов получалось, что к 1939 г. расход на выдачу пенсий должен был превышать доход с процентов более чем на 110 000⁸⁷⁹. В конце концов, большинство авторов сошлось на необходимости внесения новых изменений в устав кассы, которые позволяли бы использовать при выдаче пенсий

⁸⁷⁷ Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 73. Л. 46.

⁸⁷⁸ Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 76. Л. 3.

⁸⁷⁹ Смирнов Петр, свящ. Еще о состоянии эмеритальной кассы // СЕВ. 1911. № 10 (неоф. ч.). С. 541.

не только проценты с капитала, но и сам капитал. Останавливало только то, что при этом капитал должен был замедлить свой рост, что, в свою очередь, отдаляло мечту руководителей кассы: достичь того момента, когда проценты с капитала будут покрывать все пенсии, не требуя от новых поколений священников уже никаких взносов.

В результате в 1911 г. даже руководитель Комитета эмеритальной кассы протоиерей Иоанн Беневольский согласился с необходимостью внести такую поправку в 11-й параграф устава, хотя и всячески отстаивал эффективность кассы⁸⁸⁰. Съезд 1911 г. обсуждал этот вопрос, но решил прежде внесения изменений в устав создать специальную «историческую» комиссию из трех человек для изучения положения дел кассы за все время ее существования⁸⁸¹. В 1913 году эту комиссию переизбирали, так как она ничего не сделала. В результате на конец 1914 г. комиссия успела изучить только состояние кассы старого образца 1867 – 1904 гг., а к новой кассе еще не приступала⁸⁸².

Еще одной формой взаимопомощи и социального обеспечения духовенства была похоронная касса. Впервые идея ее создания возникла у делегатов съезда 1901 г., потом прошло ее обсуждение на благочиннических собраниях, завершившееся подготовкой устава в 1902 г. Открылась касса по решению съезда 1903 г., управлялась комитетом эмеритальной кассы и использовалась для выдачи единовременных пособий осиротевшим семействам священно-церковнослужителей. Участники делились на два разряда: 1) протоиереи, священники и кафедральные протодиакона и 2) диаконы и псаломщики. Единовременный взнос при вступлении в кассу для священников составлял 1 рубль, диаконов – 75 копеек, псаломщиков – 40 копеек. В случае смерти священнослужителя духовенство епархии делало разовый взнос: священники – 50 копеек, диаконы и псаломщики – 25 копеек. Таким образом, собиралось и выдавалось семье усопшего 400 (семье священника) или 200 (диакона или

⁸⁸⁰ Журнал Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1911. № 14 (оф. ч.). С. 370–371.

⁸⁸¹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 г. С. 76–77.

⁸⁸² Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 г. С. 41.

псаломщика) рублей⁸⁸³. В 1915 г. пособия из похоронной кассы были увеличены на 20 % и составили 480 и 240 рублей⁸⁸⁴.

С самого начала в работе кассы возникло много сложностей: недостаточность запасного капитала, большое количество должников, несвоевременное представление благочинными списков умерших. В 1905 г. суммы похоронной кассы были объединены с суммами благотворительного капитала эмеритальной кассы для удобства управления обоими⁸⁸⁵. А в 1906 году было принято решение вместо разовых взносов по случаю смерти ввести регулярные ежегодные взносы: священник – 10 рублей, диакон – 7 рублей, псаломщик – 5 рублей. С 1904 по 1909 гг. из кассы было выплачено семействам умерших 49 898, 58 рублей при приходе за это же время 72 887, 71⁸⁸⁶.

С 1909 г. вокруг средств похоронной кассы разгораются нешуточные страсти, которые разделяют самарское духовенство на противоборствующие партии. В указанном году по предложению комитета свечного завода был создан фонд стипендий, задачей которого была выдача пособий детям духовенства, обучающимся как в духовных, так и в светских учебных заведениях и не получающим помощи от государства или епархии. Для того, чтобы найти средства на эти стипендии в 1910 г. съезд своим журналом постановил передавать в фонд ежегодные остатки похоронной кассы взаимопомощи, начиная с остатков за 1908 г. Епископом этот журнал был утвержден⁸⁸⁷. С этого момента началась затяжная борьба между комитетом эмеритальной кассы во главе с протоиереем Иоанном Беневольским и комитетом свечного завода под руководством священника Андрея Альбокринова. Она выражалась в попытках перетянуть на свою сторону правящего архиерея и в постоянных столкновениях на епархиальных съездах духовенства.

⁸⁸³ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1903 г. // СЕВ. 1903. № 18 (оф. ч.). С. 241.

⁸⁸⁴ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1915 года. Самара, 1915. С. 33.

⁸⁸⁵ Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 64. Л. 13 об.

⁸⁸⁶ Журнал комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1911. № 10 (оф. ч.). С. 255.

⁸⁸⁷ Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 76. Л. 33.

Собственно, трения между двумя этими учреждениями возникли раньше. Дважды, в 1907 и 1908 годах, комитет свечного завода пытался через съезд духовенства решить вопрос о займе для нужд завода средств эмеритальной кассы в размере от 120 до 150 тысяч рублей соответственно под 6–8 %. Комитет эмеритальной кассы был категорически против, и архиерей оказался тогда на его стороне⁸⁸⁸.

В связи с этим в 1910 г. комитет эмеритальной кассы отказался передавать остаток похоронной кассы фонду стипендий, которым ведал Комитет свечного завода. Аргументировали свою позицию члены комитета тем, что самой эмеритальной кассе не хватает расходного капитала. Свои права на эти деньги комитет эмеритальной кассы обосновывал и тем, что в кассу взносы делают все и пользуются пенсиями тоже все, а в фонд вносят все, но не у всех дети учатся, и не все те, кто учатся, получают оттуда пособия (сначала сироты, затем дети младших клириков как самых бедных, а уже затем многодетных священников)⁸⁸⁹.

Комитет свечного завода стал уговаривать архиерея, чтобы тот принудил эмеритальную кассу отдать деньги. Епископ Константин в феврале 1911 г. положил резолюцию, передающую этот вопрос на следующий съезд духовенства. О себе же он заметил: «Делать же своею властью какие-либо распоряжения по вопросу о расходовании денежных средств, составляющих личную собственность духовенства, считаю себя не вправе, да и не имею времени входить в подробное рассмотрение таких вопросов»⁸⁹⁰.

На экстренном съезде духовенства в мае 1911 г. был рассмотрен доклад специальной комиссии по данному вопросу, в котором предлагалось вообще изъять похоронные деньги из ведения Комитета эмеритальной кассы и соединить их с фондом стипендий, создав на их основе одно учреждение под заведованием комитета свечного завода. Положения доклада, за которым видна рука о. Альбокринова и его сторонников, были приняты съездом с минимальными

⁸⁸⁸ Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 73. Л. 79.

⁸⁸⁹ Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1910 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 80. Л. 4.

⁸⁹⁰ Доклад экстренному съезду Комитета Епархиального свечного завода по фонду стипендий от 10 мая 1911 г. // СЕВ. 1911. № 15 (оф. ч.). С. 422.

правками. Епископ Константин, и раньше скептически относившийся к идее помощи учащимся светских заведений, в своей резолюции допустил лишь возможность выдачи пособий учащимся заведений духовно-учебных – и то в случае выработки четкого устава, определяющего порядок предоставления этой помощи. Устав взялся разработать сам председатель комитета свечного завода о. А. Альбокринов.

Очередной съезд в августе 1911 г. уже обсуждал разработанный комитетом завода устав нового учреждения, которое должно было носить название «Касса стипендий». Ряд пунктов скорректировали, а большинство приняли в редакции комитета. Согласно этому уставу касса состоит из обязательных ежегодных взносов всего духовенства в размерах, определяемых съездами. Право на получение стипендий имеют сироты, а также дети духовенства: у священников начиная с 4-го учащегося, у диакона – с 3-го, у псаломщика – с 2-го. Размер стипендии – 50 рублей в семестр⁸⁹¹.

Управлять кассой должно было правление из 3-х священников епархии, избираемых съездом на три года и утверждаемых епископом. Председателем правления по делам кассы стипендий избрали главу комитета свечного завода священника Андрея Альбокринова, что было вполне предсказуемо. На том же съезде было принято решение ассигновать на нужды кассы стипендий 7 000 рублей общепархиальных денег, из которых 1 000 должна пойти в фонд стипендий для учащихся в светских заведениях⁸⁹². В следующем году решили ассигновать еще 6 000 поровну на оба учреждения (кассу и фонд)⁸⁹³.

Кульминационным моментом съезда 1911 г. было специальное заседание с участием членов комитетов эмеритальной кассы и свечного завода, где противоборствующие стороны сошлись лицом к лицу. Вопрос стоял так: передавать или нет кассу взаимопомощи (похоронную) в ведение завода. После горячих споров 26 делегатов проголосовали против, 11 – за. Решили оставить средства в ведении комитета эмеритальной кассы, но остатки все же передавать в

⁸⁹¹ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 года. Самара, 1911. С. 10–11.

⁸⁹² Там же. С. 150.

⁸⁹³ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 года. Самара, 1912. С. 32.

фонд стипендий⁸⁹⁴. Этому решению предшествовали доклады о. Иоанна Беневоляского архиерею и съезду духовенства епархии (июль 1911), где нежелание отдавать кассу объяснялось общностью целей с эмеритурой, а также удобством выплат благочинными одновременно и пенсий, и пособий осиротевшим членам семейств⁸⁹⁵. Что касается остатков, то их за 1911 – 1912 гг. было уже передано в фонд стипендий около 16–18 тысяч рублей⁸⁹⁶.

Давление на комитет эмеритальной кассы осуществлялось с разных сторон. Так, например, комитет пытались перевести в одно из помещений свечного завода, что означало бы оказаться под пристальным наблюдением руководства последнего. Дело в том, что годами комитет эмеритальной кассы помещался в консистории в одной комнате с попечительством о бедных духовного звания. В 1912 г. секретарь П. Зорин велел протоиерею И. Беневоляскому освободить площадь или платить за нее 180 р. в год. Съезд же не разрешил пользоваться для этого благотворительным капиталом кассы⁸⁹⁷. Епископ Симеон планировал перевести Комитет в свободное помещение при свечном заводе, чего Беневоляский всячески пытался избежать. В конце концов, в октябре 1912 г. владыка Симеон все же разрешил временно оставить кассу вместе с ее архивом в старом помещении⁸⁹⁸. Абсурд ситуации заключается в том, что и эмеритальной кассой, и попечительством о бедных на тот момент заведовал один человек – протоиерей Иоанн Беневоляский.

Пока длились все эти споры вокруг средств похоронной кассы ее устав, посланный в Синод еще в 1903 г. (и так и не одобренный) уже успел устареть. В 1912 г. комитет эмеритальной кассы создал новый. В этой версии устава более дифференцированы пособия: 400 рублей (семье священника), 300 рублей (диакона) и 200 рублей (псаломщика)⁸⁹⁹. Авторы нового устава постарались

⁸⁹⁴ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 года. Самара, 1911. С. 119.

⁸⁹⁵ Доклады Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1911. № 23 (оф. ч.). С. 641–656.

⁸⁹⁶ Беневоляский И., *прот.* Об оказании помощи учащимся детям духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1912. № 10 (неоф. ч.). С. 421.

⁸⁹⁷ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 года. С. 74.

⁸⁹⁸ От Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1913. № 1 (оф. ч.). С. 8.

⁸⁹⁹ Журналы об изменении и дополнении устава кассы взаимопомощи // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 86. Л. 5 об.

подстраховаться от посягательств на средства кассы. Согласно примечанию к § 15, остатки сумм не могли быть использованы в других целях, даже если этого пожелал бы епархиальный съезд⁹⁰⁰. Они переходят в запасной капитал и могут быть использованы для пополнения расходного материала, дополнительных пособий членам кассы, выдачи ссуд. Ссуду предполагалось давать на год под 6 % по решению благочиннического съезда, который определяет степень нужды и размер ссуды (при этом размер не должен превышать размер причитающегося пособия: 400, 300 или 200 рублей)⁹⁰¹.

Этот устав был вынесен на обсуждение благочиннических съездов, но к съезду духовенства 1912 г. отзывы предоставили только 36 из 54 округов, и вопрос был отложен. В 1913 г. от остальных 18 округов потребовали обсудить этот вопрос⁹⁰². В результате вопрос с новым уставом похоронной кассы так и не был решен вплоть до 1917 г. (а Синод даже старый вариант рассмотреть не успел).

Что касается кассы и фонда стипендий, то эти учреждения просуществовали очень недолго. Собственно говоря, полноценно функционировали они только в течение 1911/12 учебного года. За этот период касса выдала стипендий на сумму 8 150 рублей, а фонд – на 10 775 рублей⁹⁰³. В 1912 г. съезд рассматривал вопрос об увеличении стипендий до 150 рублей и понижении ценза (чтобы у священника получал стипендию 3-й ребенок, а у диакона 2-й получал хотя бы половину стипендии)⁹⁰⁴.

Но эти изменения так и не были приняты. Епископ Симеон (Покровский), сменивший преосвященного Константина (Булычева) осенью 1911 года, имел свой взгляд на те инициативы в области социального обеспечения, которые вырабатывало самарское духовенство. В начале 1913 г. он направил в Синод представление о закрытии кассы и фонда стипендий. Указом Синода от 4 апреля 1913 г. оба учреждения были закрыты. Кассу посчитали ненужной, так как она существовала обособленно от правлений и советов учебных заведений. Фонд

---

⁹⁰⁰ Журналы об изменении и дополнении устава кассы взаимопомощи. Л. 11.

⁹⁰¹ Там же. Л. 20 об.

⁹⁰² От Комитета Эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1913. № 2 (оф. ч.). С. 13–14.

⁹⁰³ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 года. Самара, 1912. С. 39.

⁹⁰⁴ Там же. С. 42.

стипендий для учащихся светских заведений вообще был учрежден не в порядке, установленном законом⁹⁰⁵. Деньги, которые оставались в кассе, были направлены на учреждение полноконтных или полуконтных стипендий. Деньги фонда перешли в распоряжение духовенства.

Надо сказать, что духовенство не оставило попыток поддержать учащуюся молодежь духовного звания. На съезде 1913 г. попытались выйти из положения, создав специальный «романовский» фонд (по поводу юбилейного года). В него предполагали внести 150 000 рублей из сумм свечного завода. С этой суммы планировали получать ежегодно 9 000 рублей процентов, плюс к этому должны отчислять 6 000 рублей из чистой прибыли от свечей и 15 000 из 20-рублевого сбора (основной причтовый сбор). Епископ Симеон отказался утверждать это предложение без согласования с Синодом⁹⁰⁶.

На экстренном съезде духовенства в январе 1914 г. вопрос о «романовском» фонде снова был на повестке дня. На этот раз архиерей – это был уже архиепископ Питирим (Окнов) – разрешил выдать 150 стипендий духовным и 150 – светским студентам, но только на 1914 г. Дальнейшую судьбу фонда все равно должен был решить Синод⁹⁰⁷. Начавшаяся Мировая война отодвинула очень многие вопросы на задний план; эта участь постигла и фонд стипендий.

Пенсии и стипендии были не единственными формами социальной поддержки. В 1898 г. при епископе Гурии был восстановлен на время прекращенный 1 %-й сбор с причтов епархии на лечение и содержание в больнице бедных духовного звания. А в 1904 году по предложению Пятигорского управления общества Красного Креста съезд принял решение ассигновать 1 000 р. для того, чтобы можно было затем в сезон лечить на Кавказских минеральных водах по 6 представителей духовенства епархии. Протоиерей Иоанн Беневольский составил правила пользования этими курортами⁹⁰⁸. В дальнейшем духовенство

⁹⁰⁵ Указ Святейшаго Правительствующаго Синода о закрытии кассы взаимопомощи и фонда стипендий // СЕВ. 1913. № 10 (оф. ч.). С. 91–93.

⁹⁰⁶ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. Самара, 1913. С. 59.

⁹⁰⁷ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1914 года // СЕВ. 1914. № 5 (оф. ч.). С. 105.

⁹⁰⁸ Правила о порядке приема кандидатов в колонии Красного Креста в Пятигорске, Ессентуках и Железноводске и условия содержания в них пансионеров из духовенства Самарской епархии // СЕВ. 1905. № 24 (неоф. ч.). С. 1020–1023.

епархии регулярно пользовалось этим лечением, отчеты о чем печатались в «епархиальных ведомостях».

Необходимо отметить, что Церковь не только старалась обеспечить достойное существование священнослужителям, их семьям и другим служащим по ведомству православного исповедания. Не могла она оставаться в стороне от нужд всего православного народа. Особенно это касается голода, войн и других тяжелых бедствий, которые объединяли все общество. Для оказания помощи создавались различные учреждения, как в системе епархиального управления, так и на низовом – приходском уровне.

В сентябре 1904 г. Синод поручил епархиальным преосвященным призвать подчиненные им структуры (благотворительные и просветительские общества, братства, церковно-приходские попечительства, монастыри) принять посильное участие в судьбе детей воинов, погибших в войне с Японией. Самарская епархия разработала особое «Положение» с целью выяснить, какие мероприятия, и в каком объеме могли бы быть осуществлены в данном направлении.

Положение предусматривало как мероприятия, которые не требовали финансовой поддержки от государства (принятие сирот в духовные учебные заведения без ограничительных правил, выделение стипендий, принятие сирот в приюты), так и мероприятия, требовавшие новых ассигнований от государства (стипендии для тех, кто живет в общежитиях, помощь тем, кто принимал к себе сирот на воспитание)⁹⁰⁹.

Призыв нашел широкий отклик в Самарской епархии. Монастыри выразили готовность принять на полное содержание 117 детей. Больше всего – по 20 детей – Чагринский Покровский и Новоузенский Свято-Троицкий⁹¹⁰. Кроме того, монастыри и приходы приступили к оказанию непосредственной помощи семьям воинов продуктами и топливом.

Свой вклад вносили и учебные заведения. Они выразили желание принять без всяких ограничений 180 детей (больше всего – 117 человек – женские

⁹⁰⁹ Филиппов С. А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской Православной церкви в кон. XIX – нач. XX вв. (по материалам Самарской епархии): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2002. С. 55.

⁹¹⁰ Там же.

одноклассные церковноприходские школы). Вопрос с финансированием решался комбинированным способом. Освободить от платы за обучение планировалось только 36 человек (это все вакансии семинарии, духовных училищ и женского училища). Остальных предполагалось учить за счет казенных (10 человек) и частных стипендий (167 человек)⁹¹¹.

В начале XX века в Поволжье случился целый ряд засушливых годов, что приводило к массовому голоду. В ноябре 1911 г. епископ Симеон инициировал создание Самарского епархиального комитета местного управления Красного креста. В декабре было получено согласие гражданской власти. Комитет был совершенно самостоятельным, лишь предоставляя в конце года в местное управление Красного Креста количественную отчетность.

Средства этого епархиального комитета складывались из пожертвований губерний, не пострадавших от голода (комитет распространял воззвания), сборов по причтам епархии, кружечного сбора, штрафов, взимаемых Попечительством.

Цели комитета были следующими: 1) пособия вдовам, сиротам и заштатным, не получающим других пособий и 2) устройство столовых для учащихся церковных школ. И то и другое предоставлялось по ходатайству благочинного. На местах для устройства столовых образовывались комитеты из 5 человек (священник и 4 выборных от крестьян). К февралю 1912 г. было открыто уже 5 столовых на 250 человек и 300 р. пособий было выдано⁹¹². Кроме того, священники активно работали в участковых и сельских попечительствах, которые гражданская власть открывала для заведования столовыми.

Правда, вклад епархиального комитета по сравнению с земством и другими учреждениями все же был скромным из-за ограниченности в финансах. Так, по данным на 1911/12 учебный год в Бугульминском уезде было открыто 60 столовых. На их содержание земство отпустило 5 620 рублей, епархиальный комитет – 294 рубля. В Николаевском уезде: 44 361 рубль и 315 рублей соответственно. В Новоузенском уезде 55 школ кормились на средства земства и

⁹¹¹ Филиппов С. А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской Православной церкви в кон. XIX – нач. XX вв. С. 56.

⁹¹² Самарский Епархиальный Комитет местного Управления Красного Креста // СЕВ. 1912. № 2–3 (неоф. ч.). С. 86.

только одна – на средства комитета. В остальных уездах столовые функционировали практически целиком на деньги земства и частных лиц⁹¹³.

Участвовала Самарская епархия и в помощи другим регионам страны, страдавшим от тех или иных стихийных бедствий. В марте 1914 г. был учрежден Самарский епархиальный комитет по оказанию помощи пострадавшим от урагана на юге России. До мая месяца комитет собрал 4 000 рублей, которые отправили на имя великой княгини Елизаветы Федоровны, возглавлявшей центральное отделение. Кроме того, собрали большое количество вещей, которые отправили на имя астраханского губернатора.

Широкую благотворительную деятельность развернула Самарская епархия в связи с начавшейся в 1914 г. Мировой войной⁹¹⁴. Уже 9 августа был образован Самарский епархиальный комитет по оказанию помощи раненым воинам и семьям лиц, призванных на войну. Возглавил его епископ Михаил (Богданов). В состав комитета вошли все сотрудники консистории, ректор семинарии, несколько благочинных, наблюдатель церковных школ, епархиальные миссионеры, члены Комитета свечного завода.

Только за конец 1914 г. комитет собрал 27 303 рублей, а в 1915 – уже 86 715 рублей. На эти деньги были устроены 2 лазарета в Самаре (20 и 50 коек) и еще 10 коек содержались в этапном лазарете Государственной Думы⁹¹⁵. Духовенство епархии обязалось ежемесячно отчислять взносы в Губернский комитет Красного Креста: священники – 3 рубля 50 копеек, диаконы – 2 рубля 35 копеек, псаломщики – 1 рубль 15 копеек⁹¹⁶. На эти средства было устроено филиальное отделение лазарета Красного Креста «имени духовенства Самарской епархии» (до 200 коек). Кроме того, в монастырях епархии функционировало 10 лазаретов на 92 койки⁹¹⁷.

⁹¹³ *Никольский А., свящ.* Снабжение беднейших учащихся церковных школ Самарской епархии пищею и одеждою в 1911–12 учебном году // СЕВ. 1912. № 19 (неоф. ч.). С. 588–591.

⁹¹⁴ См.: *Филиппов С. А.* Деятельность Самарской епархии по оказанию помощи воинам и их семьям, пострадавшим от военных конфликтов в начале XX века // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 4. Самара, 2001. С. 96–99.

⁹¹⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 50.

⁹¹⁶ Документы об устройстве и состоянии управления Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 497. Л. 37 а.

⁹¹⁷ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 53.

Приходы епархии только за 1915 г. собрали 44 357 рублей и 11 896 пудов хлеба, а также производило уборку хлеба и посев озимых для семей воинов. Комитет, в свою очередь, в страдные месяцы содержал в ряде сел приюты-ясли, чтобы обеспечить взрослым возможность трудиться в поле. Летом 1915 г. такие ясли действовали при 48 приходах и были рассчитаны на 981 человека⁹¹⁸. В некоторых приходах матерям-солдаткам выдавались дополнительные пайки «на наем няnek». Священники часто возглавляли и сельские попечительства, которые создавались по линии земства, так было в Бугурусланском уезде в 30 волостях из 49⁹¹⁹.

Большую работу проводил и созданный в том же августе 1914 г. Епархиальный комитет по устройству быта беженцев. Беженцев размещали в Самарском Николаевском мужском монастыре, Иверском женском монастыре, трех церковно-приходских школах, учительских квартирах, причтовом доме Ильинской церкви. Всего в Самаре постоянно размещалось от 100 до 119 человек. Кроме того, комитет оплачивал учебу детям беженцев (около 1 000 рублей в год)⁹²⁰.

Рассматриваемый период характерен еще и усилением активности в социальной сфере на приходском уровне. Помимо просветительских и миссионерских братств и союзов, о которых речь идет в соответствующих параграфах, возникали и организации с экономическими и социальными целями. Так, еще в 1895 году было организовано братство при церкви св. митрополита Алексия (она же Успения Пресвятой Богородицы) для вспомоществования бедным прихода. Инициатором создания выступил священник Алексей Орлов. Открытие состоялось в мае после года бюрократических процедур. Председателем братства стал о. Орлов, его помощником – потомственный почетный гражданин К. И. Курлин (в числе братчиков было еще трое Курлиных). Всего членов было при открытии братства 20 человек (взносы – 3 рубля в год).

⁹¹⁸ Ясли по уходу за детьми // СЕВ. 1915. № 22 (неоф. ч.). С. 740.

⁹¹⁹ Об объединении деятельности приходских попечительств с сельскими попечительствами // СЕВ. 1914. № 19 (неоф. ч.). С. 629.

⁹²⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 55.

Братству разрешили поставить в храме кружку и обносить 6 раз в году. Настоятель в ноябре 1905 г. просил преосвященного прекратить этот кружечный сбор, так как в храме и так уже 9 кружек, «по которым требуется вносить в Епархиальное Ведомство одне лепты». Ему отказали.

Братство снимало помещение, в котором давало теплый кров бедным числом от 20 до 25 человек (в основном вдовам с детьми). В 1898 г. К. И. Курлин купил для братства дом, который к 1902 году был из 1-этажного превращен в 2-этажный архитектором А. А. Щербачевым (вложившим и свои деньги). Призреваемых в братском доме сначала кормили горячими обедами из дома Курлиных, затем удобнее стало выдавать на питание деньги. Кроме того, нуждающимся помогали и с работой. Нескольким людям были выданы субсидии на аренду торговых площадей, других обучали профессии. Среди сотрудников братства были врачи, которые пользовали призреваемых. Умерших хоронили также за счет братства.

Кроме Епархиальной богадельни им. Александра III, принимавшей только бедных духовного звания, в ряде приходов и монастырей существовали больницы и богадельни, открытые для всех. В течение всего рассматриваемого периода их число увеличивалось. Так, в 1905 г. в четырех богадельнях при церквях епархии призывалось 134 человека⁹²¹, а в 1915 богаделен было уже 7 (на 186 человек)⁹²². Географически 5 богаделен находились при церквях Самары, одна в г. Балакове Николаевского уезда и одна в г. Покровске Новоузенского уезда⁹²³.

Из монастырей епархии особое значение в деле благотворительности имел Спасо-Преображенский Николаевский единоверческий мужской монастырь. Его роль подчеркивалась в отчетах самарских архиереев уже в середине 1890-х годов⁹²⁴. Монастырь оказывал значительную материальную помощь беднякам города Николаевска и окрестных селений. За 1915 год 2 500 человек пользовались от монастыря бесплатным лечением и лекарствами и около 3 000 человек –

⁹²¹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год. Л. 114.

⁹²² Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 23.

⁹²³ *Филитов С. А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской Православной церкви в кон. XIX – нач. XX вв. С. 51.

⁹²⁴ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1896 год. Л. 17.

даровым отоплением⁹²⁵. Всего же в 1915 г. при монастырях епархии действовало 2 богадельни (19 человек) и 8 больниц (75 коек)⁹²⁶.

Приходские братства начала XX века искали различные формы материальной помощи, не останавливаясь на классических (богадельни, приюты, денежные или хлебные пособия). Так, открывшееся в 1911 г. Константиновское (в память о самарском епископе Константине) братство в с. Дьяковка Новоузенского уезда сочетало нравственные задачи с экономическими. Для этого в селе активно вводилось сарпиночное ткацкое ремесло⁹²⁷, которое и давало доход, и отвлекало от пьянства, кулачных боев и пр. Ткацкую мастерскую специально для беженцев организовали в 1915 г. в с. Краков.

Говоря о благотворительности, нельзя не упомянуть о том, что приходы и монастыри Самарской епархии участвовали и в сборах на нужды общероссийских благотворительных организаций. Таких сборов было большое количество, и проходили они в особые праздничные дни. Собирали средства в пользу слепых (в Неделю о слепом), глухонемых (во 2-ю неделю Великого поста), в пользу «Общества для борьбы с проказою» (на Преображение), для детей лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей (на Усекновение главы Иоанна Предтечи) и пр. Организация этих сборов была обязанностью священников, которые читали специальные обращения, призывая паству к пожертвованиям, размещали информационные афиши, пересылали собранные деньги благочинным. Благодаря этой работе удавалось даже в неблагоприятных условиях собирать приличные суммы. Так, в засушливом и беспокойном 1906 г. в пользу одного только Братства во имя Царицы Небесной, занимавшегося детьми слабоумными и эпилептиками, было собрано 1 278 рублей 54 копейки⁹²⁸.

Подводя итоги, можно сказать, что в Самарской епархии на рубеже XIX – XX веков вопрос социального обеспечения был одним из самых актуальных. Этот

⁹²⁵ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год. Л. 63

⁹²⁶ Там же. Л. 50.

⁹²⁷ Сарпинка – лёгкая хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения, с полосатым или клетчатым рисунком. Изготавливается из тонкой, заранее крашенной пряжи. Внешне похожа на ситец.

⁹²⁸ Филиппов С. А. Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской Православной церкви в кон. XIX – нач. XX вв. С. 66.

вопрос не был решен государством до конца синодального периода, что стимулировало Церковь, в первую очередь на епархиальном уровне, искать поиск выхода из ситуации самостоятельно. Самарская епархия находилась в относительно благополучном состоянии, так как здесь были сильны традиции взаимопомощи и поддержки социально незащищенных. Достаточно сказать, что эмеритальная касса, открытая в Самаре в 1867 г., была первым подобным учреждением в епархиях Русской Церкви.

Начало XX в. было временем, когда в работе учреждений, существовавших в структуре епархиального управления, происходили изменения направленные на повышение эффективности их деятельности. В 1904 г. был принят новый устав эмеритальной кассы, который делал участие в ней духовенства обязательным и через повышение взносов позволял получить пенсию, в разы превышающую ту, на которую духовенство могло рассчитывать по старому уставу. В 1907 г. была пересмотрена деятельность Попечительства о бедных духовного звания, повышены пособия, установлена более четкая дифференциация нуждающихся. Эти учреждения не утратили своей актуальности, даже когда государство в 1902 г. все же приняло Устав о пенсиях для духовенства. Достаточно сравнить цифры. Согласно этому Уставу, рядовые священники получали пенсию размером в 300 рублей (больше получали только кафедральные и соборные протоиереи)⁹²⁹. В то же время из эмеритальной кассы священник мог получать, внося даже не по первому, а по третьему разряду, 378 рублей. Кроме того, полная пенсия от государства полагалась лишь тем, кто отслужил 35 лет (точнее 34 года и 6 месяцев). Те же, кто не дотянул до нужного срока получали половину пенсии и меньше⁹³⁰.

Кроме классических, проверенных временем форм взаимопомощи и социальной поддержки, в начале XX в. появляются новые, наглядно демонстрировавшие основные заботы духовного сословия. В 1903 г. была создана похоронная касса для поддержки осиротевших семейств духовенства. В условиях

---

⁹²⁹ Устав о пенсиях и единовременных пособиях епархиальным священнослужителям // ЦВ. 1902. № 25. С. 233.

⁹³⁰ Там же. С. 232.

оттока молодежи духовного звания, ее нежелания идти по стопам отцов характерно появление фонда стипендий, который поддерживал детей духовенства, учащихся в светских учебных заведениях.

Необходимо сказать и о сложностях, с которыми сталкивались благие начинания в Самарской епархии. В первую очередь речь идет о материальных проблемах. У всех учреждений взаимопомощи было не так много источников финансирования. Поскольку надеяться только на добровольные пожертвования было нельзя, оставалось самообложение, т. е. обязательные взносы с приходов или лично с духовенства. Но и этот ресурс был ограничен при существовавшем уровне благосостояния. Кроме того, сборов и отчислений было огромное количество и помимо благотворительных касс. Когда в 1908 г. решался вопрос о назначении сбора на Православное миссионерское общество, выяснилось, что значимых праздников, в которые еще не проводятся какие-либо сборы, всего два – Благовещение и Троица (потом сборы назначили и в эти дни)⁹³¹.

При этом нельзя сказать, что и тот социальный и благотворительный потенциал, который был в Самарской епархии, реализовали в полной мере. Причиной этому послужили определенные изъяны в сфере управления. При отсутствии единого центра вопросами социального обеспечения и благотворительности занимались сразу несколько учреждений, которые далеко не всегда действовали скоординировано. Иногда это приводило даже к прямой борьбе за ограниченные ресурсы (борьба комитетов эмеритальной кассы и свечного завода за суммы похоронной кассы). Можно предположить также, что при другом подходе достаточно крупные средства, скопившиеся в неприкосновенном капитале эмеритальной кассы, могли бы быть рационально использованы. Однако комитет отвечал отказом на все попытки позаимствовать часть этих денег.

Сыграл свою роль и дух разобщенности, партийности, который активно проникал в жизнь духовенства с 1905 года. Благодаря этому обсуждение ряда вопросов (в основном материальных) на съездах превращалось в настоящую

⁹³¹ О дне сбора в пользу миссии // СЕВ. 1908. № 20 (оф. ч.). С. 558.

парламентскую борьбу с кулуарными переговорами и интригами (особенно эта партийность видна в вопросе о постройке второго женского училища, о чем речь пойдет в следующем параграфе). Позиция правящего архиерея также не всегда совпадала с мнением большинства духовенства, как, например, позиция Симеона (Покровского) по поводу кассы стипендий. Частая смена епископов не способствовала проведению последовательных преобразований, так как нередко новый архиерей менял решения предшественника. К этому нужно прибавить общую неповоротливость церковно-бюрократического аппарата, при которой Синод, например, 10 лет не мог рассмотреть присланный устав епархиального учреждения. Тогда получается общая картина тех трудностей, с которыми сталкивалось дело социального обеспечения, взаимопомощи и благотворительности в Самарской епархии.

2.6. Богослужбная и проповедническая деятельность

Отдельного рассмотрения требует и ситуация с богослужбной практикой и проповедничеством в Самарской епархии. Дело в том, что такой вопрос, как администрирование в области богослужбной и проповеднической жизни Церкви часто оказывается за пределами внимания исследователей. Однако для церковного историка изучение данной темы может дать обильный материал при построении целостной картины системы епархиального управления. Тем более, что в рассматриваемый период литургические вопросы приобрели особую актуальность и обсуждались на всех уровнях.

Ситуацию с проповедничеством в Самарской епархии конца XIX в. наглядно демонстрирует докладная записка кафедрального протоиерея Валериана Лаврского, сохранившаяся в архиве консистории. Этот документ был подан на рассмотрение епископу Гурию в 1893 г., хотя на самой записке стоит дата: 16 марта 1891 г. Кафедральный протоиерей дает весьма критичную оценку тому, как поставлено дело проповеди в епархии. Даже в городских храмах поучения за

каждым воскресным богослужением являются редкостью. Лаврский говорит в частности о протоиерее Петропавловской церкви Григории Разумовском, который «единолично ведет каждый воскресный и праздничный день проповеди», как о явлении совершенно уникальном для Самары⁹³².

В своей записке кафедральный протоиерей предлагал для исправления ситуации устроить при крупных храмах своеобразные проповеднические кружки с привлечением городских священников, способных к проповеди. Предложение было достаточно проработанным; оно включало в себя несколько готовых вариантов расписания произнесения проповедей (исходя из того, сколько храмов будет задействовано: 2, 3 или 4)⁹³³.

На этой записке в виде интерлинейрных комментариев изложены замечания епископа Гурия (Буртасовского). Архиепией отклонил предложение о. Лаврского, так как считал, что дело проповеди не есть дело некоторых одаренных священников, а является первейшей обязанностью каждого пастыря⁹³⁴. Замечание абсолютно правильное, однако скорее в теории. На деле ситуация была гораздо сложнее. Интересный факт: через несколько месяцев после рассмотрения архиепием записки Лаврского последний стал членом присутствия консистории, где возглавил работу 1-го «вероисповедного» стола, который, помимо прочего, занимался и вопросами проповедничества.

Надо отметить, что в Уставе духовной консистории вопрос о проповедничестве занимает одно из важнейших мест. В разделе II «Епархиальное управление» ему посвящены статьи 8–13. Епархиальному начальству здесь приписывается усиленно «пещись, чтобы духовенство проповедовало Слово Божие... при всяком удобном случае»⁹³⁵. Что же касается самого духовенства, то ему устав предписывал «читать поучения из писаний Св. Отец и из назначенных для того книг, а получившие надлежащее образование должны произносить и

⁹³² Записка кафедрального протоиерея Валериана Лаврского об устройении проповеднических кружков в Самарской епархии // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881. Л. 7.

⁹³³ Там же. Л. 7 об.

⁹³⁴ Записка кафедрального протоиерея Валериана Лаврского об устройении проповеднических кружков в Самарской епархии. Л. 6.

⁹³⁵ Устав духовных консисторий. С. 112.

собственные свои поучения»⁹³⁶. Собственные проповеди священники были должны «смотря по возможности» предоставлять в цензуру до их произнесения. В крайнем случае поучения должны были быть предоставлены уже после произнесения «для рассмотрения и означения в клировых ведомостях, сколько кем произнесено собственных поучений»⁹³⁷. О «неисправных» священнослужителях Консистория была обязана докладывать правящему архиерею.

В кафедральных соборах епархий учреждалось очередное проповедование. Для этого в собор вызывались все священники городских и пригородных церквей. Консистория в ноябре месяце каждого года составляла расписание этих проповедей и предоставляла его на утверждение епархиальному преосвященному. Кроме того, в епархиальных городах и других крупных населенных центрах епархий «сообразно местности и способности священников» были учреждены специальные катехизические поучения, которые произносились по воскресным дням. Расписание катехизических поучений консисторией составлялось в августе месяце каждого года.

Что касается цензуры как катехизических поучений, так и проповедей собственного сочинения, в Уставе духовных консисторий нет однозначных предписаний. В § 12 сказано, что рассмотрение поучений поручается либо благочинному, либо особому цензору, которые и сообщают епархиальному начальству как о тех священниках, которые не предоставили проповеди, так и о тех, «кои к составлению оных не прилагают должного тщания»⁹³⁸. Провинившихся консистория штрафовала; в Самарской епархии эти штрафы доходили до 5 рублей и шли в пользу Попечительства о бедных духовного звания⁹³⁹.

Верховной инстанцией в деле проповедничества в епархии был, конечно же, правящий архиерей. Ему устав предписывал в § 13 рассмотрение проповедей

---

⁹³⁶ Устав духовных консисторий. С. 112.

⁹³⁷ Там же.

⁹³⁸ Там же.

⁹³⁹ Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 125 об.

священников, служащих в церквях епархиального центра «сколько другие занятия позволяют». Ему же в конце года предоставлялись цензорами катехизические поучения, которые он должен был просматривать сам или иные лица по его поручению⁹⁴⁰.

При своем возникновении эта система цензорской проверки поучений имела, несомненно, благие цели – улучшить состояние проповеднического дела в Церкви. В то же самое время целесообразность ее нередко ставилась под вопрос духовенством. Особенно активно недовольство стало высказываться в начале XX в. С одной стороны, отсутствие дифференцированного подхода, когда даже опытным и хорошо образованным священникам приходилось предоставлять свои проповеди на проверку, не могло не восприниматься как недоверие и вызывало недовольство. С другой стороны, цензорские обязанности ложились на благочинных или других авторитетных городских священников, отвлекая их от более насущных занятий и увеличивая и без того раздутую переписку между инстанциями. Не говоря уже об архиереях, которые не имели никакой возможности исполнять предписания 13-го параграфа. Так, в Самарской епархии архиерей лично не просматривал проповеди городского духовенства; это делал кафедральный протоиерей, исполнявший обязанности цензора церковью Градо-Самарского округа. Весь рассматриваемый период эту должность занимал упоминавшийся выше протоиерей Валериан Лаврский.

Вообще же руководство проповедническим делом в Самарской епархии имело некоторые особенности, дополняющие общие указания Устава духовной консистории. Устав еще оставляет определенную свободу проповеднику, не регламентируя количество и время произнесения проповедей (исключая поучения катехизические и очередные в кафедральном соборе), предписывая все собственные проповеди предоставлять на рассмотрение. В Самарской епархии система была следующей. Существовала специальная должность – уездный цензор, занимал которую, как правило, соборный протоиерей уездного города. Все благочинные были обязаны в конце августа предоставить ему списки

---

⁹⁴⁰ Устав духовных консисторий. С. 112.

«ученого» духовенства своего округа. Иногда, судя по документам, благочинные предоставляли не просто списки, а готовые расписания на следующий год по своему округу⁹⁴¹.

Цензор в свою очередь составлял сводное расписание очередных поучений для духовенства всего уезда и затем отсылал его епархиальному Преосвященному. После утверждения архиереем расписание отправлялось назад по цепочке: уездный цензор – благочинный – приходской священник⁹⁴². Расписание для духовенства г. Самара составлял кафедральный протоиерей, а духовенством Самарского уезда занималась непосредственно консистория⁹⁴³. Священники, которым были назначены очередные поучения предоставляли их на проверку благочинным, а священники уездных городов – соборным протоиереям. В конце года отчет об исполнении проповеднического долга по всем инстанциям через благочинного и уездного протоиерея доходил до епископа. Таким образом, мы видим, что в организации проповеднического дела были задействованы все звенья церковной администрации.

Очередные поучения были обязаны произносить все священнослужители епархии, имевшие образование не ниже семинарского. Причем это касалось не только священников, но и диаконов и даже псаломщиков⁹⁴⁴. Количество очередных поучений в году у каждого проповедника было в разных епархиях и в разное время неодинаковым, имея устойчивую тенденцию к уменьшению (12, 8, 4). В Самарской епархии в 1894 г. это число было уменьшено с 4 до 2⁹⁴⁵. Эта мера должна была облегчить жизнь священникам, однако выродилась в чистую формальность. Ленивых и нерадивых пастырей такой подход исправить вряд ли мог. Напротив, он мог расхолодить и других, внушив мысль, что сказавший в год две одобренные цензором проповеди, уже выполнил проповеднический долг.

⁹⁴¹ Расписание проповедей своего сочинения, назначенных священникам 3-го округа Бутульминского уезда на 1907/08 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 45–45 об.

⁹⁴² О назначении и составлении очередных проповедей // Собрание постановлений. Т. II. С. 595.

⁹⁴³ О назначении и составлении очередных проповедей. С. 596.

⁹⁴⁴ Расписание очередных проповедей своего сочинения, назначенных на 1906/07 г. священно-церковнослужителям Ставропольского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 32, 34.

⁹⁴⁵ О составлении очередных проповедей // СЕВ. 1894. № 19 (оф. ч.). С. 270.

Многие так и делали, все остальное время не произнося поучений совсем или ограничиваясь проповедованием по книгам.

В то же самое время добросовестные и ревностные пастыри, регулярно произносившие живые и искренние слова перед своей паствой, не могли не тяготиться таким формализмом как произнесение проповедей по расписанию и на жестко регламентированные темы.

Кроме очередных поучений, образованное духовенство произносило еще и катехизические поучения, которые имели своей целью наставление народа в основных истинах православной веры и являлись по сути толкованием Символа веры, Молитвы Господней, а также Декалога и Заповедей блаженств. Катехизаторов на каждый год выбирало духовенство округа на благочинническом съезде чаще всего в количестве двух человек (иногда избирали всего только одного проповедника)⁹⁴⁶. Критерием избрания была не только подготовка священника, но и давность последней катехизации в том или ином селе, а также состояние местной паствы (наличие раскольников или сектантов)⁹⁴⁷.

Учитывая большой объем материала, один цикл катехизических поучений мог не уложиться в срок и вместо года длился полтора или два, что дозволялось распоряжением консистории⁹⁴⁸. Несмотря на следование принципу очередности, иногда имели место ситуации, когда в приходе катехизации не было более 20 лет⁹⁴⁹. В Самарской епархии в инородческих приходах при наличии подготовленного священника катехизация велась на соответствующем языке (причем священников-инородцев иногда назначали и без полного семинарского образования)⁹⁵⁰. В любом случае катехизические поучения также, как и очередные подлежали цензуре; составители лучших поучений удостоивались благодарности епархиального начальства.

⁹⁴⁶ Журналы благочиннических округов по вопросу избрания окружных катехизаторов на 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3042. Л. 1, 6.

⁹⁴⁷ О правильном ведении катехизации // СЕВ. 1894. № 1 (оф. ч.). С. 6.

⁹⁴⁸ О ведении полного круга катехизации // Собрание постановлений. Т. II. С. 599.

⁹⁴⁹ Журналы благочиннических округов по вопросу избрания окружных катехизаторов на 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3252. Л. 12.

⁹⁵⁰ Там же. Л. 14.

На практике произнесение очередных проповедей сопровождалось целым рядом проблем. В частности, запрещалось отклоняться от тем этих очередных проповедей. Так, в январе 1907 года благочинный 4 округа Самарского уезда Павел Введенский докладывал в консисторию, что в его благочинии проповеднический долг не исполнил священник с. Новый Сарбай Василий Остроумов⁹⁵¹. Нарушение его заключалось в том, что в 1906 г. в 3-ю неделю по Пасхе он совершал первую литургию в своем новом приходе. Совершенно логично, что он обратился к пастве с приветственным словом вместо того, чтобы говорить на тему дня. Консистория строго отнеслась к данному нарушению. В ее определении сказано: «за несоставление очередного поучения священнику Василию Остроумову сделать замечание с предупреждением его, что назначенных епархиальным начальством поучений он не может заменять по своему произволу. При повторении подобных поступков он, священник Остроумов, будет подвергнут более тяжкому взысканию»⁹⁵².

Выговор мог получить и тот редкий священник, который постоянно проповедовал в течение года, но пропустил «очередное» поучение. Так было с священником с. Николаевки Иоанном Масловым. Благочинный характеризовал его как «усерднейшего» проповедника, который произносит проповеди не только по книгам, но и «своего составления». Консистория решила все же не наказывать его в административном порядке, но «внушить ему, однако же, чтобы на будущее время неотложно составлял и произносил очередные поучения»⁹⁵³.

При ознакомлении с расписанием священник отмечался в графе «расписка в выслушании росписания». Наличие этой графы правда не всегда гарантировало произнесение проповедей. Благочинный 5-го округа Николаевского уезда Михаил Ливанов доносил, что 2 священника не произносили проповедей, т. к. «забыли время». Обоих консистория оштрафовала на 2 рубля в пользу Попечительства о

⁹⁵¹ Рапорт благочинного 4-го округа Самарского уезда священника Павла Введенского от 28 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 9.

⁹⁵² Журнал Самарской духовной консистории от 31 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 10–10 об.

⁹⁵³ Журнал Самарской духовной консистории от 6 июля 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 16 об.

бедных, так же, как и еще одного священника, который не произнес проповедь «по причине холода»⁹⁵⁴.

В начале XX века все чаще стали раздаваться голоса, предлагавшие отменить систему цензуры проповедей. В Самаре впервые этот вопрос был поднят на съезде духовенства в 1903 г. Тему проповедничества делегатам предложил сам епископ Гурий (Буртасовский), увязав ее с активизацией противодействия сектантству и расколу. Съезд подошел к вопросу основательно, учредив специальную комиссию, которая привлекла местный материал. Свои предложения представил съезд благочинных Новоузенского уезда и духовенство 1-го округа уезда Бузулукского, где к тому времени уже действовали регулярные проповеднические собрания. На заседания съезда, посвященные теме церковной проповеди были приглашены, кроме его делегатов, ректор семинарии епархиальный миссионер и кафедральный протоиерей Валериан Лаврский⁹⁵⁵.

Делегаты отметили необходимость регулярных братских собраний священников в благочиннических округах, не придавая им, однако официального характера, который «убьет их жизнеспособность и полезность»⁹⁵⁶. Кроме того, в целях поднятия уровня самих проповедников было рекомендовано на этих собраниях особое внимание уделять изучению Священного Писания. Также делегаты съезда отметили необходимость частых катехизических поучений, и здесь закономерно встал вопрос об обязательной цензуре последних. Попросили высказаться о. Валериана Лаврского, который занимался этим вопросом специально. По мнению о. Валериана, обязательное составление поучений по расписанию следовало совсем отменить, так как «составление их крайне необстоятельно» и, кроме того, оно «растягивается на несколько лет, следовательно, не достигает намеченной цели обучения прихожан истинам веры»⁹⁵⁷. Но поскольку параграф Устава духовных консисторий священники изменить не могли, было принято решение ходатайствовать перед архиереем об

---

⁹⁵⁴ Журнал Самарской духовной консистории от 22 сентября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 47.

⁹⁵⁵ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1903 года // СЕВ. 1903. № 18 (оф. ч.). С. 198.

⁹⁵⁶ Там же. С. 200.

⁹⁵⁷ Там же. С. 201.

отмене обязательного избрания катехизаторов и предоставления поучений цензору. При этом отцы-делегаты ссылались на практику, существовавшую в соседних Саратовской и Казанской епархиях.

Епископ Гурий отнесся к данному предложению категорически отрицательно. На журнале съезда он оставил запись: «Это значит лишить возможности талантливых, добрых священников заслуживать внимание начальства... Если прекратить этот обязательный ученый пастырский труд, священники впадут в беспечность и разучатся рассуждать о благочестии и вере»⁹⁵⁸. Обращают на себя внимание последние слова, которые свидетельствуют об отношении епископа (при всех его несомненных достоинствах) к своему духовенству как к людям, способным на ответственное отношение к своим обязанностям лишь при условии принуждения сверху.

Ситуация стала меняться с 1904 г., когда епархию возглавил епископ Константин (Булычев). В сентябре 1905 года во время проведения в Самаре съезда епархиального духовенства по инициативе преосвященного состоялось первое пастырское собрание всего самарского духовенства. Одним из главных вопросов на нем было состояние проповеднического дела в епархии. После долгих обсуждений, в ходе которых были выявлены многочисленные изъяны существующей системы, было принято решение по-прежнему избирать катехизаторов, но произносить поучения без предоставления их цензору. Что касается очередных поучений, то их решено было оставить только для кафедральных соборов (как того и требовал Устав духовных консисторий)⁹⁵⁹. Епископ Константин высказал согласие с такими решениями. Однако данное пастырское собрание не было официальной инстанцией и одобрение архиерея было лишь устным.

В следующем, 1906 году епархиальный съезд духовенства вернулся к данному вопросу. Отцы съезда отметили полную бесполезность существующего порядка, т. к. тот, кто не хочет проповедовать, все равно списывает свои

⁹⁵⁸ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1903 года. С. 201.

⁹⁵⁹ Первое пастырское собрание // СЕВ. 1905. № 18 (неоф. ч.). С. 753.

поучения, а тот, кто хочет – делает это без всякого принуждения. Осознавая, что так сразу изменить весь порядок невозможно, съезд просил у архиерея сделать распоряжение, чтобы в следующем проповедническом году консистория не штрафовала не представивших проповеди цензору, а в будущем совсем отменить цензуру. На этом журнале епископ Константин наложил резолюцию: «Постановление не может быть утверждено, как не согласное с существующими узаконениями. Касательно отмены обязательной катехизации я высказался в своем отзыве Святейшему Синоду»⁹⁶⁰. Справедливости ради надо сказать, что в отзыве епископ Константин высказался очень осторожно, лишь сказав, что все существующие меры усиления проповедничества и катехизации не оказывают должного действия, так как «вера проповедуется не живая, а мертвая»⁹⁶¹.

Таким образом, мы видим, что осознание проблемы имелось как у рядового духовенства, так и у правящего архиерея. Однако централизованная система управления Церковью и отсутствие навыка к проявлению инициативы тормозили решение данного вопроса. При этом многие священники восприняли результаты пастырского собрания и обсуждение на съезде духовенства как сигнал к действию.

Так, уже в 1907 года консистория попыталась оштрафовать за невыполнение проповеднического долга священника Андрея Альбокринова, председателя Комитета свечного завода. Вместо того, чтобы заплатить 3 рубля штрафа, о. Андрей вступил с консисторией в длительную переписку, пытаясь доказать, что после всех обсуждений данного вопроса, его можно уже считать практически решенным в смысле отмены очередного проповедования и цензуры поучений⁹⁶². Дело закончилось уже в начале 1908 г. тем, что консистория постановила штраф взыскать и «независимо сего, священнику Альбокринову предписать не обременять епархиальное начальство неосновательной и не относящейся к существу дела перепиской»⁹⁶³.

⁹⁶⁰ Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 года // СЕВ. 1906. № 19 (оф. ч.). С. 382.

⁹⁶¹ Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 439.

⁹⁶² Журнал Самарской духовной консистории от 23 января 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3253. Л. 21 об.

⁹⁶³ Там же. Л. 22.

Невыполнение проповеднического долга иногда принимало масштабные размеры. Уездный цензор Бузулукского уезда сообщал в 1907 г., что за истекший проповеднический год не представили одно или даже оба поучения 84 человека (из них один диакон и один псаломщик) 12-ти округов уезда⁹⁶⁴.

Консистория, естественно, затребовала объяснение от благочинных тех округов, где были «неисправные» священники. Объяснения священников иллюстрируют отношение их к такому порядку исполнения проповеднического долга и свидетельствуют о глубине проблемы. Некоторые из священников честно признались, что не предоставляли проповедей цензору по забывчивости. Другие не получили даже самого расписания проповедей по причине неповоротливости бюрократической системы, как, например, священник с. Ново-Троицкого Виктор Островидов, который получил извещение о назначении ему очередной проповеди на 5-е ноября только в декабре. Необходимо еще учитывать расстояния между отдаленными селами и уездным центром. Некоторые священники жаловались на то, что отправили цензору поучения по почте, но они не дошли в срок. Многие священники отмечали в своих рапортах огромную занятость, в силу которой они не успели отправить проповеди, хотя сами поучения были ими произнесены. Действительно, 1906 – 1907 годы были голодными годами, и священникам приходилось, кроме своих обычных занятий, еще заведовать столовыми (таких священников консистория, кстати, от наказания все же освободила).

Однако ряд священников, не предоставивших проповеди цензору, не сделал этого принципиально и попытались отстоять свою позицию. Так, священник с. Преображенки Михаил Леонидов написал, что находит «представление поучений цензору, да еще назначенных на известные дни и только двух – совершенно излишней и даже унижительной формальностью» и не намерен этим заниматься⁹⁶⁵. А священник с. Логачевки Николай Орлов апеллировал к тексту Устава духовной консистории, где не прописаны четко ни очередность поучений, ни их количество. Кроме того, он высказывал мнение, что при существующем

⁹⁶⁴ Рапорт уездного цензора Бузулукского уезда священника Александра Третьякова от 3 августа 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 50.

⁹⁶⁵ Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244. Л. 124 об.

«образовательном цензе духовенства едва ли есть какая-либо польза от цензуры поучений»⁹⁶⁶.

Консистория ответила бунтарям, что инициатива назначения проповедей и предоставления их цензорам принадлежит епархиальному начальству, а потому «священнослужители, самовольно и на основании своих мудрствований не исполнившие возложенной на них обязанности по составлению проповедей, оказывают явное противление епархиальному начальству»⁹⁶⁷. В результате тех, кто забыл произнести проповеди, наказали штрафом в 3 рубля, а упорствовавших – в 5 рублей.

В конечном итоге изменилась ситуация только в 1910 г., когда указом консистории назначение двух обязательных проповедей для всех ученых священников было отменено. Благодичным было лишь предписано тщательно следить за исполнением проповеднического долга всеми священниками округа и отражать состояние проповедничества в своих полугодовых и годовых отчетах. Очередное проповедничество сохранилось лишь в кафедральном соборе, где произносили поучения все священники губернской столицы. Таким образом, практика приблизилась к тем положениям, которые были прописаны в Уставе духовных консисторий.⁹⁶⁸ Сохранились и обязательные катехизические поучения; изменилась только их география. Назначать их стали только в Самаре, уездных городах, а также г. Балаково и Покровской слободе Николаевского уезда (самого сложного с точки зрения распространения раскола)⁹⁶⁹.

Полемика, развернувшаяся по поводу церковной проповеди, наглядно показала отсутствие единого видения путей решения проблемы. Сходились все авторы только в том, что формальный подход с расписанием и цензурой поучений оказывает отрицательное влияние и должен быть отменен. Что же касается положительных мер усиления проповеди, то тут мнения серьезно расходились. Многие молодые священники, окрыленные преобразованиями, начавшимися в

⁹⁶⁶ Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1907 г. Л. 125.

⁹⁶⁷ Там же.

⁹⁶⁸ Об исполнении долга проповедничества // СЕВ. 1914. № 16 (оф. ч.). С. 401.

⁹⁶⁹ Расписание катехизических поучений, назначенных к произнесению в церквах в 1914 году // СЕВ. 1913. № 17 (оф. ч.). С. 245.

государстве и Церкви, требовали полного отказа от чтения готовых проповедей, которые называли «недоразумением» и «жалким анахронизмом»⁹⁷⁰. призывая пользоваться исключительно «живым» словом. Высказывались даже предложения, чтобы «пастырям церкви было предъявлено требование «живого» слова, и тогда каждый будет знать, что неисполнение этого требования повлечет за собою, если не ухудшение настоящего положения, то, во всяком случае, лишит его многих шансов на дальнейшее улучшение этого положения»⁹⁷¹. То есть решать вопрос опять предлагали методом санкций и наказаний.

С другой стороны, многие священники, относившиеся к ситуации трезво, подчеркивали, что при разном уровне одаренности и ораторских дарований подходить ко всем священникам с одной меркой неправильно. Для некоторых пастырей наиболее приемлемой формой проповеди действительно является чтение готовых поучений, прошедших определенную проверку. Самые осторожные, опасавшиеся, вероятно, вреда от молодых проповедников-импровизаторов, вообще предлагали сделать проповедничество уделом только некоторых наиболее опытных пастырей, а не всеобщим пастырским долгом. Предлагали для этого ввести должность специальных проповедников: «пусть это будет проповедь редкая; пусть она будет только достоянием таланта и пусть будет, как в древности, восстановлена должность церковного проповедника...»⁹⁷².

Епархиальное начальство пыталось исправить ситуацию не только штрафами и распоряжениями. Понимая, что проповедника необходимо готовить еще во время обучения, в семинарии постарались активизировать данное направление. В конце 1908 г. в стенах семинарии по инициативе ректора начал свою деятельность проповеднический кружок. Здесь воспитанники под руководством преподавателей и опытных городских священников приобретали опыт составления поучений, которые произносились затем за воскресной вечерней в семинарском храме⁹⁷³. Причем за богослужением произносилось сразу

⁹⁷⁰ По вопросам церковной жизни // СЕВ. 1908. № 3 (неоф. ч.). С. 93.

⁹⁷¹ *Сельский священник*. Еще о живой проповеди // СЕВ. 1908. № 11 (неоф. ч.). С. 454.

⁹⁷² Живая и «мертвая» проповедь // СЕВ. 1908. № 9 (неоф. ч.). С. 374.

⁹⁷³ Из местной жизни. Проповеднический кружок в духовной семинарии и религиозно-нравственные чтения // СЕВ. 1908. № 24 (неоф. ч.). С. 950.

две проповеди: одну говорил кто-либо из духовенства, а вторую – воспитанник VI класса семинарии.

Это начинание было абсолютно добровольным; семинаристов к участию в кружке никто не обязывал. И все же его деятельность получила на удивление активный отклик как среди учащейся братии, так и среди прихожан. И если по началу на таких воскресных вечернях в семинарии собиралось несколько десятков молящихся, то к 1911 г. их число доходило до 500, а к 1912 г. – до 700 человек⁹⁷⁴! Кроме воспитанников VI класса желание получить проповедническую практику высказали и пятиклассники, в связи с чем стало ясно, что в прежних рамках кружок действовать уже не может. Действительно, число воскресных богослужений в году было явно меньше числа желающих, и постепенно география деятельности кружка стала меняться. В 1912 – 1913 учебном году уже шесть храмов Самары предоставляли свои кафедры молодым проповедникам. Кроме того, семинаристы принимали участие во внебогослужебных беседах, которые проходили в зале Троицких торговых корпусов⁹⁷⁵.

Не только проповедничество вызывало горячее обсуждение среди самарского духовенства. В начале XX в. в ходе обсуждения церковных реформ и подготовки к Поместному собору впервые стали подниматься вопросы о богослужебных преобразованиях в Русской Церкви, которые много лет были практически табуированными. Поднимались они как в ходе работы специальных органов по подготовке Собора, так и в отзывах архиереев, светской и церковной печати, на епархиальных и благочиннических съездах. Среди основных проблем литургической жизни называлась «непонятность богослужебных текстов для массы простых верующих, а порой и для самих священнослужителей; отчуждение между совершителями богослужения и его пассивными слушателями; несоответствие застывших уставных норм изменившимся условиям жизни»⁹⁷⁶. Активно обсуждались исправление богослужебных книг и реформа Типикона

⁹⁷⁴ Богородицкий С., *свящ.* Проповеднический кружок (мысли и наблюдения) // СЕВ. 1912. № 14 (неоф. ч.). С. 510.

⁹⁷⁵ Богородицкий С., *свящ.* Деятельность проповеднического кружка при Самарской духовной семинарии в 1912 – 13 учебном году // СЕВ. 1913. № 16 (неоф. ч.). С. 743.

⁹⁷⁶ Балашов. Н., *прот.* На пути к литургическому возрождению. М., 2001. С. 5.

(или введение отдельного «приходского»). Все эти вопросы часто вызывали горячую полемику и разделяли как духовенство, так и мирян на непримиримые группы зачастую с диаметрально противоположными взглядами.

Самарская епархия была регионом, в котором присутствовало значительное число сект, в начале XX века динамично развивавшихся (особенно баптизм). В связи с этим вопросы литургические здесь были тесно связаны с вопросами миссии. Самое активно обсуждение вызвали вопросы богослужебного языка и постановки проповеднического дела.

Интересно что в своем обсуждении самарское духовенство не ограничивалось местными периодическими изданиями. На самой ранней стадии дискуссии о богослужебном языке статьи самарских священников появляются в журналах общероссийского значения. Так в 13-м номере «Миссионерского обозрения» за 1905 г. была опубликована статья «По вопросу о богослужебном языке», подписанная: «Священник С»⁹⁷⁷. Протоиерей Николай Балашов совершенно справедливо предположил, что за этим сокращением находится имя самарского священника Сергея Самуилова⁹⁷⁸. Действительно о. Сергей был одним из самых ярких защитников литургического употребления русского языка в Самарской епархии и регулярно печатал статьи как в «Миссионерском обозрении»⁹⁷⁹, так и в Самарских епархиальных ведомостях⁹⁸⁰. О. Николай Балашов отмечает влияние его статьи на дальнейшее обсуждение вопроса о языке. Так, например, доклад «О желательной постановке миссионерского дела в соответствии с манифестами 17-го апреля и 17-го октября 1905 года», который был представлен епископом Иоанникием Архангельским включает несколько абзацев, представляющих собой сокращение статьи Самуилова⁹⁸¹. Так, доводы, высказанные провинциальным духовенством, задавали тон для дальнейшей дискуссии.

⁹⁷⁷ *Священник С.* По вопросу о богослужебном языке // МО. 1905. № 13. С. 534–536.

⁹⁷⁸ *Балашов Н., прот.* Указ. соч. С. 57.

⁹⁷⁹ *Самуилов С., свящ.* О богослужении на русском языке // МО. 1907. № 9. С. 1337–1342.

⁹⁸⁰ *Священник старообрядческого прихода.* В защиту равноправия в богослужении русского и славянского языков // СЕВ. 1910. № 13 (неоф. ч.). С. 836–845; *Самуилов С., свящ.* О богослужебном языке // СЕВ. 1912. № 18 (неоф. ч.). С. 559–562.

⁹⁸¹ *Балашов Н., прот.* Указ. соч. С. 30.

Духовенство, защищавшее русский язык, отмечало, что одной из главных причин (если не самой главной) популярности среди русского православного населения баптизма и других рационалистических сект являлось богослужение на языке понятном народу в отличие от церковнославянского используемого в Церкви. Допустить русский язык в литургическую жизнь Церкви, по словам того же священника Сергия Самуилова, значит «отбить у врага взятое им у нас оружие»⁹⁸². Необходимо отметить и тот факт, что перед глазами у самарского духовенства был положительный опыт использования национальных языков в инородческих приходах. Именно этот довод часто воспроизводился сторонниками русского языка.

Проблема богослужебного языка обсуждалась не только в печати, но и на пастырских собраниях, которые с 1905 г. стали регулярным явлением в епархиальной жизни. И здесь также в первую очередь подчеркивали миссионерский аспект вопроса. Так, на пастырском собрании в сентябре 1908 г., где обсуждался вопрос борьбы с неверием, епархиальный миссионер священник Димитрий Александров отмечал как одну из причин охлаждения народа к вере тот факт, что «богослужение мало научает, потому что совершается на непонятном языке»⁹⁸³. Протоиерей Валериан Лаврский подчеркивал, что люди идут к сектантам именно потому, что «их богослужение больше нравится»⁹⁸⁴.

В начале XX века вопрос о русификации богослужения в Самарской епархии начал переходить из теоретической плоскости в практическую. Некоторые священники в своих приходах стали вводить чтение на русском языке отдельных частей богослужений. Так, священник Николай Пономарев из с. Сок-Кармала у себя в приходе на свой страх и риск ввел чтение на русском языке 33-го псалма, шестопсалмия, кафизм, канона, 1-го часа и Апостола на Литургии⁹⁸⁵. Когда же о. Николай решил рассказать о своих экспериментах правящему архиерею, то вопреки ожиданиям получил не выговор, а одобрение. Епископ

⁹⁸² Самуилов С., *свящ.* О богослужебном языке // СЕВ. 1912. № 18 (неоф. ч.). С. 562.

⁹⁸³ Пастырское собрание // СЕВ. 1908. № 18 (неоф. ч.). С. 726.

⁹⁸⁴ Там же. С. 728.

⁹⁸⁵ Пономарев Н., *свящ.* О церковно-богослужебном языке // СЕВ. 1912. № 23 (неоф. ч.). С. 693.

Константин (Булычев) дал устное разрешение на употребление русского языка, сказав следующее: «Раз вашим прихожанам нравится русский язык в богослужении, вы признаете его полезность, так с Богом, и служите на нем»⁹⁸⁶.

Это устное разрешение еще, конечно, не означало повсеместного изменения практики. Однако прецедент был создан, и впоследствии такие случаи были не единичными и уже оформлялись официально. Так, в 1914 г. постановлением миссионерского совета, утвержденным епископом Михаилом (Богдановым), священнику с. Романовки Николаевского уезда было разрешено читать за богослужением на русском языке паремии, Апостол и Евангелие⁹⁸⁷.

Естественно, что такая позиция по вопросу о богослужебном языке не была единственной. На страницах епархиальных ведомостей печатались и статьи противников русификации богослужения. Одним из главных оппонентов оо. Самуилова, Пономарева и других сторонников перехода на русский язык был настоятель храма в честь св. вмч. Пантелеимона при губернской земской больнице священник Стефан Богородицкий. Доводы, приводившиеся им и другими принципиальными противниками русификации, основывались на представлении о русском языке как о чем-то профанном и абсолютно не пригодном для богослужебного употребления, языке «мира» и «базаро-житейской суеты»⁹⁸⁸. Признавая наличие проблемы понимания народом богослужения, авторы допускали возможность «лишь частичного исправления общеупотребительных книг»⁹⁸⁹.

Между двумя крайними полюсами – сторонниками немедленной замены славянского языка русским и ее категорическими противниками, – располагалось значительное число авторов, высказывавшихся более умеренно. Не ставя под сомнение саму возможность служения на русском языке и признавая его миссионерское значение, они призывали к взвешенному и неторопливому подходу к делу перевода богослужения. Настаивали на том, чтобы допустить оба

⁹⁸⁶ Пономарев Н., *свящ.* О церковно-богослужебном языке. С. 696.

⁹⁸⁷ Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. С. 7.

⁹⁸⁸ Богородицкий С., *свящ.* В защиту церковно-богослужебного языка // СЕВ. 1912. № 11 (неоф. ч.). С. 447.

⁹⁸⁹ Богородицкий С., *свящ.* Еще в защиту церковно-богослужебного языка // СЕВ. 1912. № 19 (неоф. ч.). С. 595.

языка к одновременному употреблению, исходя из состояния и насущных потребностей того или иного прихода. В противном случае «при крутой ломке... фанатичных поборников славянского языка будут сотни тысяч, а это уже наличность раскола, соблазна...»⁹⁹⁰.

Кроме того, по справедливому замечанию умеренных авторов, незамедлительное введение русского языка в богослужение не решит всех проблем с сознательным участием народа в богослужении. Такую позицию занимал в частности один из самых авторитетных самарских священников кафедральный протоиерей Валериан Лаврский. В своих статьях, которые он публиковал под псевдонимом «Пр-ий С-н»⁹⁹¹ он в частности писал, что и тексты на русском не будут понятны простому народу по причине сложности их содержания, а потому пользы от замены славянского языка на русский будет немного пользы.⁹⁹²

Такое же мнение высказал в своем отзыве епископ Константин (Булычев): «богослужение непонятно народу не только потому, что совершается на церковнославянском языке и притом спешным чтением, но и прямо потому, что для понимания его требуется в известной мере богословское образование»⁹⁹³. Вообще в данном отзыве много мыслей схожих с теми, что высказаны в статьях Лаврского. Данный факт не удивителен, если представлять степень авторитета и влияния кафедрального протоиерея. Достаточно упомянуть о том, что в бытность свою членом присутствия консистории о. Лаврский своей рукой правил черновики практически всех официальных документов, которые затем от лица самарского архиерея направлялись в Синод (отчеты, рапорты и т.д.).

⁹⁹⁰Третьяков П., свящ. О богослужебном языке // СЕВ. 1914. № 3 (неоф. ч.). С. 82.

⁹⁹¹Протоиерей Николай Балашов предположил, что за этим псевдонимом скрывается другой самарский священник – Иоанн Соковнин. Однако именно под псевдонимом «Пр-ий С-н» Лаврский издал в 1916 г. в Киеве «Исповедь священника пред мирянами» (См.: Егоров Б. Ф., Серебренников Н. В. Друг Добролюбова В. В. Лаврский // Традиционализм и модернизм в русской литературе. Томск, 2004. С. 25). Кроме того, так подписано большое количество проповедей и ряд статей Лаврского, напечатанных в Самарских епархиальных ведомостях. О том, что за этим псевдонимом скрывался именно Лаврский, писал в 1917 г. и знакомый с ним отец Павел Флоренский. (См.: Феодор (Бухарев), архим. Письма к о. протоиерею Валериану Викторовичу Лаврскому и его супруге Александре Ивановне / Примеч. П. А. Флоренский, свящ. // БВ. 1917. Т. I. № 4–5. С. 524).

⁹⁹²Пр-ий С-н. Еще о языке церковнославянском как языке православного богослужения // СЕВ. 1910. №. 14 (неоф. ч.). С. 925.

⁹⁹³Отзывы епархиальных архиереев. Ч. 1. С. 440.

Кроме проблем с богослужебным языком остро стоял вопрос и о соблюдении устава. Невозможность совершения служб полностью по Типикону, который был ориентирован на монастырское богослужение и отсутствие четких уставных указаний для соборно-приходской службы неизбежно порождали проблему сокращения богослужения, которую каждый священник решал в меру своих знаний и литургической культуры. Священноначалие регулярно призывало пастырей к ревностному и уставному служению, что чаще всего не имело никакого эффекта.

Понимая миссионерское значение богослужения, духовенство само пыталось принимать меры к тому, чтобы усилить его влияние на паству. Одной из таких мер были пастырские кружки. Так, епархиальный противораскольнический миссионер священник Сергей Пряхин во время своей поездки по Самарскому и Николаевскому уездам в 1909 г. основал четыре пастырских кружка «для служения торжественных вечере»⁹⁹⁴. Кружки включали в себя священников 3–4 соседних села, которые в установленные дни собирались для совместного торжественного совершения вечернего богослужения.

Однако такие меры не могли кардинально исправить положение в богослужебной жизни, в которой за длительное время укоренились некоторые элементы, сильно искажавшие изначальный смысл общественной молитвы. Показательна в этом смысле попытка отменить практику совершения утрени с вечера. Попытка эта была предпринята епископом Гурием (Буртасовским).

В сентябре 1894 г. он распорядился, чтобы в самарских церквях утрению служили, как и предусмотрено церковным уставом, утром перед Литургией. Нововведение просуществовало недолго; уже в ноябре месяце епископ стал получать рапорты от причтов городских церквей с просьбами вернуть сложившийся порядок. Служение утрени рано утром, по словам священников,

---

⁹⁹⁴ От Самарского Епархиального Миссионерского совета // СЕВ. 1910. № 3 (оф. ч.). С. 54.

затрудняло выполнение других обязанностей, да и прихожане в 6 утра в храм не приходят⁹⁹⁵.

На рапорте причта Казанско-Богородицкой церкви г. Самары от 24 ноября 1894 г. епископ наложил резолюцию: «Подобные заявления доходят до меня и от других причтов. Принимая во внимание как это, так и то, что градо-самарские священники в течение будничного дня обременены многими другими обязанностями... разрешаем во всех градо-самарских церквях служение утрени с вечера»⁹⁹⁶.

В то же самое время в конце синодального периода в богослужебную жизнь Русской Церкви все прочнее входили новые элементы, не предусмотренные уставом. Речь идет о любимых народом акафистах. Их читали не только в приходских храмах; во многих монастырях еженедельно читался акафист перед наиболее чтимой иконой обители⁹⁹⁷. Даже в семинарской церкви ректор архимандрит Виссарион (Зорин) в 1910 г. ввел пение акафистов за воскресной вечерней⁹⁹⁸. Не в последнюю очередь популярность акафистов была обусловлена большей понятностью их языка по сравнению с другими текстами богослужения. Уже в годы Первой Мировой войны акафисты становятся в Самарской епархии повсеместным явлением. В 1916 г. епископ Михаил (Богданов) в своем отчете указывал, что воскресная вечерня с акафистом служитя практически во всех храмах⁹⁹⁹.

За пять лет до революции в богослужебной практике Самарской епархии появляются и пассии. Характерно, что введены они были по инициативе епископа Симеона, переведенного на Самарскую кафедру в 1911 г. из Екатеринославля. В январе следующего 1912 г. на пастырском собрании городского духовенства «Владыка спросил, совершаются ли в Самаре пассии? И, получив отрицательный ответ, выразил желание, чтоб в предстоящую Великую Четыредесятницу в

⁹⁹⁵ Рапорт причта Казанско-Богородицкой церкви г. Самара от 24 ноября 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6533. Л. 1.

⁹⁹⁶ Там же.

⁹⁹⁷ Монастыри Самарского края (XVI – XX вв.). Справочник. Самара, 2002. С. 24, 44, 57.

⁹⁹⁸ *Богородицкий С., свящ.* Проповеднический кружок (мысли и наблюдения) // СЕВ. 1912. № 14 (неоф. ч.). С. 510.

⁹⁹⁹ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год. Л. 122 об.

течение первых четырех недель пессии совершались по пятницам в 4 часа вечера»¹⁰⁰⁰. Дело это было настолько новым для епархии, что автору заметки о пастырском собрании в «епархиальных ведомостях» пришлось дать подробное объяснение того, что из себя представляет чинопоследование пессии¹⁰⁰¹. Сам епископ Симеон совершал их в Крестовой церкви Архиерейского дома, а в кафедральном соборе служить пессии поручили протоиерею Валериану Лаврскому. На этом же собрании «подтверждено было и о совершении акафистов, которые особенно любит простой народ...»¹⁰⁰².

В начале XX века вызвало горячее обсуждение и состояние церковного пения. В городе дело обстояло чуть лучше, так как здесь имелись в достаточном количестве кадры (как певцы, так и регенты). У городских храмов было больше средств для того, чтобы содержать профессиональные хоры. Правда, духовенство отмечало в начале XX в. снижение уровня преподавания церковного пения в духовно-учебных заведениях¹⁰⁰³. Это, в свою очередь, приводило к плачевным результатам, особенно когда, не зная твердо простых обиходных вещей, регенты стремились включать в репертуар сложные партесные песнопения. Результатом часто была погоня за внешними музыкальными эффектами в ущерб понятности, когда ни о каком молитвенном настроении уже нельзя было говорить. Отношение к своему делу исключительно как к ремеслу, крайний цинизм и повальное пьянство «профессиональных» певчих. Все это нашло отражение и в публицистике, и в художественной литературе. Достаточно вспомнить произведения «Октава» или «Спевка» С. Г. Скитальца (Петрова) уроженца с. Обшаровка Самарского уезда. Особенно показательна «дуэль» басов в первой повести¹⁰⁰⁴.

В качестве мер к оздоровлению ситуации с церковным пением самарское духовенство предлагало в частности разрешить использование денег из

¹⁰⁰⁰ Пастырское собрание // СЕВ. 1912. № 4 (неоф. ч.). С. 178.

¹⁰⁰¹ Там же. С. 178–179.

¹⁰⁰² Пастырское собрание. С. 178.

¹⁰⁰³ Фармаковский Г., свящ. Несколько слов по вопросу об улучшении церковного пения // СЕВ. 1914. № 23 (неоф. ч.). С. 712.

¹⁰⁰⁴ Скиталец С. Г. Октава // Скиталец С. Г. Светлые лучи любви. М., 1989. С. 31–32.

церковных сумм для оплаты певчих и стремиться к тому, чтобы все хоры были профессиональными. Кроме того, предлагалось урегулировать права и обязанности регентов, сравнив их с низшими членами причта, стремясь к тому, чтобы «обязанности псаломщика были соединены с обязанностями регента»¹⁰⁰⁵. Для этого, однако потребовалось бы серьезно усилить преподавание церковного пения в духовно-учебных заведениях. Кроме того, предлагали самарские священники учредить при Святейшем Синоде специальный комитет по контролю за церковным пением наподобие учебного или комитета по свечным заводам¹⁰⁰⁶.

Таким образом, мы видим, что система контроля за проповеднической деятельностью конца XIX – начала XX веков ярко свидетельствует об общих проблемах епархиального управления. Предельно централизованная система составления расписаний, цензурирование поучений, а также штрафы, налагавшиеся консисторией вызывали массу критики. Однако отмена их затянулась до 1910 г. не в последнюю очередь благодаря более консервативной позиции правящего архиерея. В то же самое время литургические вопросы были тем катализатором, который способствовал активизации приходского духовенства на уровне благочиннических округов, собраний благочинных уезда, специальных проповеднических собраний и пастырских кружков. В любом случае и здесь заметна тенденция к децентрализации, стремление решать ряд вопросов на местном уровне, что вполне коррелирует с активно обсуждавшимся в последние предреволюционные годы вопросом о создании епархий меньших размеров (на уровне уезда). В таком случае и попечение правящего архиерея о проповедничестве и богослужебной практике могло бы быть более эффективным.

---

¹⁰⁰⁵ Фармаковский Г., *свящ.* Указ. соч. С. 776.

¹⁰⁰⁶ Фармаковский Г., *свящ.* Указ. соч. С. 721.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря о системе епархиального управления конца XIX – начала XX веков, рассмотренной в работе на самарских материалах, можно констатировать тот факт, что в основных своих параметрах она сохранялась в том виде, в котором сложилась в эпоху Великих реформ. Это касается структуры епархиальной власти в целом, которая после окончательного упразднения в 1869 г. духовных правлений не менялась. То же самое касается и внутреннего устройства самих учреждений, в первую очередь духовных консисторий, которые до 1917 г. функционировали на основании штатов, принятых в том же 1869 г. При сохранении общей структуры епархиального управления сохранялся и целый комплекс проблем, наследованных от предыдущего периода. К началу XX в. под воздействием целого ряда причин проблемы эти усугублялись и привели значительную часть духовенства и церковного народа к осознанию необходимости преобразований. В то же самое время необходимо заметить, что система управления епархией не была совершенно статичной вплоть до 1917 г., и определенные изменения стали происходить в ней особенно после 1905 г. Так, появившиеся на волне преобразований 1860 – 1870-х годов институты (епархиальные, училищно-окружные и благочиннические съезды, благочиннические советы) в исследуемый период не только продолжили свое существование, но и, как было показано, расширяли свои полномочия.

Одной из проблем, лежавших на поверхности, являлось несоответствие медленно модернизирующейся системы управления динамично меняющимся условиям жизни Церкви и общества. Это касалось как института епископской власти, так и духовных консисторий. Размер многих епархий, рост численности населения, увеличение количества приходов приводили к тому, что правящий архиерей был настолько обременен текущими делами, что практически не мог посещать подведомственную ему территорию. Последний дореволюционный самарский преосвященный, епископ Михаил (Богданов) в своих отчетах писал, что за год посещал только восемь сел и два уездных города. Естественно при

таких условиях говорить о близком знакомстве преосвященного с состоянием своей епархии не приходится. Неслучайно разукрупнение епархий было одним из самых обсуждаемых вопросов на Поместном Соборе 1917 – 1918 гг.

При этом сохранявшийся до 1917 г. принцип, по которому границы епархии должны были соответствовать границам губерний также не способствовал облегчению дела. Выход из сложившейся ситуации виделся в назначении викарных епископов. В целях помощи правящим архиереям к 1917 г. было учреждено 70 викариатств. При этом никакого четкого положения о статусе и полномочиях викария не было создано. Викарий чаще всего получал инструкции непосредственно от правящего архиерея или же они оговаривались Синодом при учреждении викариатства.

Пример Самарской епархии в этом отношении очень показателен. При учреждении Николаевского викариатства в 1901 г. его основной целью предполагалась помощь правящему архиерею, но при этом оговаривались и особые полномочия викария по отношению к двум уездам (Николаевскому и Новоузенскому), что изначально закладывало определенную двойственность, создавая фактически два центра власти в границах одной епархии. В 1908 году ситуация поменялась, и епископ Уральский получил от Синода инструкцию с достаточно широкими полномочиями. Вся дальнейшая история Уральского викариатства – путь к созданию независимой епархии. В сентябре 1916 г. епископ Уральский, как и еще два викария получил особый статус, позволявший самостоятельно решать подавляющее большинство вопросов, но даже после этого оставалось некоторое количество дел, по которым требовалось «суждение и решение духовных консисторий»¹⁰⁰⁷. Таким образом, последний шаг сделан не был, а Уральское викариатство так и оставалось до 1917 г. «полунезависимой» епархией.

Следует отметить тот факт, что на рубеже веков активизируется обсуждение необходимости возрождения уездного звена в структуре епархиального управления. До середины XIX в. во многих епархиях такую роль играли уездные

---

¹⁰⁰⁷ Инструкция викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями // ЦВ. 1916. № 40. С. 357–359.

духовные правления, которые были промежуточной инстанцией между благочинными и центральной епархиальной властью. В начале XX в. обсуждение данной темы было связано с ощущавшейся необходимостью разукрупнения епархий. Тем более, что ряд административных функций в уездах сохранялись, а другие возникали в новых условиях: уездные цензоры проповедей, уездные наблюдатели школ, уездные отделения епархиального училищного совета, уездные миссионеры. Эти предложения коррелировались с тенденцией к увеличению числа викариатств и превращению их в независимые епархии, которая усилилась в начале XX в. Предельно точно обобщили эти мысли делегаты одного из благочиннических съездов Самарской епархии 1916 г., предлагавшие во главе каждого уезда поставить викарного архиерея.

Необходимость активизации работы епархиального управления на таком уровне, как уезд, была подтверждена и на Соборе 1917 – 1918 гг. При этом в Отделе об епархиальном управлении развернулась дискуссия о функциях и полномочиях уездного собрания духовенства. Часть членов отдела полагала, что эти органы должны стать «особым административным ярусом или институтом в общей системе епархиального управления»¹⁰⁰⁸. Другие видели их лишь подготовительной инстанцией к епархиальным собраниям. В результате победила компромиссная точка зрения. В специальном добавлении к своему докладу отдел указал, что уездные собрания духовенства должны состоять как из членов благочиннических советов, так и из депутатов, избранных на епархиальный съезд. Соответственно круг дел, подлежащих ведению уездных собраний, не ограничивался предварительным обсуждением проблем, вынесенных на епархиальный съезд, но включал в себя «вопросы, касающиеся религиозной и вообще церковной жизни приходов уезда и города»¹⁰⁰⁹.

В начале XX в. все острее ощущалась необходимость изменений и внутри консисторского аппарата. Штаты 1869 г., которые определяли состав учреждения

---

¹⁰⁰⁸ Протоколы Отдела об епархиальном управлении Священного Собора Православной Российской Церкви. Л. 208.

¹⁰⁰⁹ Протоколы Отдела об епархиальном управлении Священного Собора Православной Российской Церкви. Л. 210.

вплоть до революции, стали определенно тесны при росте епархий, увеличении числа приходов и усложнении делопроизводства. В 1913 г., например, количество дел, прошедших через самарскую консисторию превысило 56 тысяч¹⁰¹⁰, тогда как еще в 1910 г. в качестве максимальной консисторской нагрузки по всей Церкви называлась другая цифра – до 40 тысяч дел¹⁰¹¹. Загруженность членов присутствия другими обязанностями, малая эффективность сверхштатных членов при отсутствии финансирования их из местных средств, недостаточно материальное обеспечение канцелярии, упразднение должности помощника столоначальника (тоже, судя по всему, из-за отсутствия средств), – все это приводило к тем нарушениям, которые выявили как ревизия 1916 г., так и установленный над консисторией после февраля 1917 г. контроль со стороны духовенства епархии¹⁰¹².

Кроме того, следует указать на тенденцию определенного сокращения сферы деятельности консистории. Связано это было с тем, что, с одной стороны, расширялись полномочия других учреждений, в первую очередь епархиального съезда. С другой стороны, усложнялась и дифференцировалась сама структура епархиального управления, появлялись новые органы. Так, дела по расколу и сектантству, сконцентрированные в 1894 г. в первом столе консистории, в 1908 г. перешли в ведение миссионерского совета.

Говоря о функционировании духовной консистории конца синодального периода, мы должны также признать, что к началу XX в. сохранялись все проблемы, характеризовавшие эту систему на протяжении предшествующих XVIII и, в особенности, XIX вв. В этом смысле устав духовных консисторий 1883 г. не принес серьезных изменений и, по-прежнему, поддерживал определенную двойственность в епархиальном управлении, сохраняя двойную подчиненность секретаря консистории. Отсутствие частых конфликтов зависело не от системы, а

---

¹⁰¹⁰ Отчет о состоянии Самарской епархии за 1913 год. Л. 3.

¹⁰¹¹ О мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства (Объяснительная записка к определению Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. за № 5127а). С. 335.

¹⁰¹² Журнал Самарской духовной консистории от 22 августа 1917 г. Л. 30–30 об.

скорее от личного фактора, отношений правящего архиерея с секретарем (а нередко с первенствующим членом присутствия) консистории.

Необходимо также отметить определенное смещение смыслового центра традиционного внутриепархиального конфликта. На рубеже XIX – XX вв. условная «линия фронта» по-прежнему пролегла между архиереем и консисторией. Достаточно вспомнить здесь регулярные столкновения епископа Гурия (Буртасовского) с консисторией в лице заведующего «вероисповедного» стола протоиерея Валериана Лаврского, вызванные разницей во взглядах на методы борьбы с сектантством и расколом. Роль съездов епархиального духовенства в этом противостоянии была невелика. Состоявшие по должности из благочинных съезды по большому счету были собраниями статистов, утверждавших заготовленные сметы. После 1905 г. ситуация меняется, намечается определенная демократизация церковно-административной системы, постепенно возрастает роль епархиальных съездов. В последнее предреволюционное десятилетие мы все чаще видим, что епископ и консистория выступали совместно против решений съезда епархиального духовенства, особенно в вопросах распределения епархиальных средств.

Вообще же епархиальный съезд становится в начале XX в. все более значительным фактором епархиальной жизни. Появившись изначально, также, как и окружные, в контексте реформы духовного образования, епархиальные съезды духовенства со временем расширяли свои полномочия и стали настоящим органом самоуправления, отстаивающим интересы приходского духовенства. В первую очередь это касалось всех вопросов, связанных с расходованием общецерковных средств (собранных при помощи обложения приходов или непосредственно священнослужителей). Так, например, ведению епархиального съезда подлежала деятельность эмеритальной кассы, состоявшей из взносов духовенства. В 1870 г. съездам было разрешено открывать свечные заводы и лавки «для увеличения церковных доходов»¹⁰¹³. Средствами этих заводов без разрешения съездов не могли распоряжаться ни консистория, ни правящий

¹⁰¹³ Определение Святейшего Синода от 9–16 декабря 1870 г. // Собрание постановлений. Т. II. С. 169.

архиерей. А в 1908 г. к съездам перешла от консистории функция распределения казенного жалования по приходам. Кроме того, епархиальный съезд в Самаре контролировал деятельность епархиальной богадельни, попечительства о бедных духовного звания, епархиального детского приюта, учреждал фонды для поддержки учащихся детей духовенства и т. д.

Такая возрастающая роль епархиальных съездов нередко приводила к столкновению интересов этого органа сословного представительства и епархиального начальства. В этом смысле показательно описанное в соответствующем параграфе столкновение 1894 г. между епископом Гурием и епархиальным съездом, которое привело к тому, что епархиальные съезды превратились в съезды благочинных. В последнее предреволюционное десятилетие достаточно частыми были спорные ситуации между епархиальным начальством и съездом духовенства, в основном по вопросу расходования средств свечного завода. Кульминационным моментом было противостояние съезда с епископом Симеоном (Покровским) в 1913 г., когда съезд сопровождался внутренней партийной борьбой, неоднократными попытками самоотвода председателя, жалобами в Синод и активным привлечением к этому конфликту светских либеральных газет.

Вообще же дух партийности, проникавший в начале XX в. в работу епархиальных съездов способствовал обострению отношений внутри самого приходского духовенства. Характерным примером явился экстренный съезд 1909 г., на котором главным вопросом было открытие дополнительных женских училищ в епархии. Духovenство явным образом разделилось на три группы по училищным округам (самарское, николаевское и бугурусланское). Сначала николаевцы и бугурусланцы совместными усилиями добились принятия решения об открытии училищ в обоих их округах. Однако затем самарцы, у которых училище уже было, путем кулуарных переговоров добились согласия значительной части николаевских депутатов на открытие только одного училища в Николаевске. В результате под основным журналом оказалось всего 15

подписей, тогда как под особым мнением – 29¹⁰¹⁴. Возмущению бугурусланского духовенства не было предела, и они еще долго вспоминали николаевским это предательство.

Говоря о функционировании епархиальной системы, следует отметить в качестве характерной черты исследуемого периода такой факт, как устойчивую тенденцию к дифференциации епархиального управления. Усложнение общественной жизни неизбежно вызывало к существованию новые формы церковной активности. Особое место здесь занимает такой орган, как Комитет свечного завода, так как завод становится главным источником епархиальных доходов. Достаточно сказать, что из его средств покрывалось более половины всех епархиальных расходов. Под ведением комитета, кроме того, состоял централизованный склад церковных вещей, где были обязаны закупать все необходимое старосты, а также (в 1911 – 1912 гг.) фонд и касса стипендий для помощи детям духовенства. Подчиняясь съезду духовенства, руководство комитета нередко вставало в открытую оппозицию к епархиальному начальству. Самым ярким моментом в этом смысле было участие председателя комитета священника Андрея Альбокринова в съезде 1913 г., где он пытался проводить самостоятельную политику, объединяя единомышленников и используя ресурсы и возможности комитета в том числе и для того, чтобы придать внутрицерковные дела широкой огласке.

Серьезные изменения претерпела в рассматриваемый период и система управления епархиальной миссией. Ситуация, которая сложилась после дарования вероисповедных свобод, требовала обновления подходов и коренного пересмотра принципов устройства миссии. В мае 1908 г. Синод своим определением за № 3443 от 20–26 мая утвердил правила об устройстве внутренней миссии Русской Церкви. Согласно этим правилам миссия должна осуществляться на трех уровнях: народно-приходская миссия (кружки ревнителей православия), пастырско-приходская миссия (приходское духовенство) и специальная миссия. Специальная миссия должна быть учреждена в каждой

---

¹⁰¹⁴ Итоги экстренного съезда // СЕВ. 1909. № 11 (неоф. ч.). С. 343.

епархии и состоять из уездных миссионеров, епархиальных миссионеров и миссионерского совета. Правда, в полной мере осуществить внедрение данной структуры миссии в Самарской епархии так и не удалось из-за нехватки средств. Так, за все предреволюционное десятилетие в Самарской епархии известны только два уездных миссионера, работавших без оплаты, на одном энтузиазме.

Заметно усложнилась в рассматриваемый период и система епархиальных учреждений, отвечавших за социальную поддержку и благотворительность. С одной стороны, происходили изменения направленные на повышение эффективности деятельности уже существовавших органов. В 1904 г. был принят новый устав эмеритальной кассы, который делал участие в ней духовенства обязательным и через повышение взносов позволял получить пенсию, в разы превышавшую ту, на которую духовенство могло рассчитывать по старому уставу. В 1907 г. была пересмотрена деятельность Попечительства о бедных духовного звания, повышены пособия, установлена более четкая дифференциация нуждающихся.

Кроме классических проверенных временем форм взаимопомощи и социальной поддержки, в начале XX в. появляются новые, наглядно демонстрирующие основные заботы духовного сословия. В 1903 г. была создана похоронная касса для поддержки осиротевших семейств духовенства. В условиях оттока молодежи духовного звания, ее нежелания идти по стопам отцов характерно появление кассы и фонда стипендий, которые поддерживали детей духовенства, учащихся не только в духовных, но и в светских учебных заведениях.

Поскольку, как мы увидели, большинство преобразований натывалось не в последнюю очередь на финансовые трудности, этот вопрос требует отдельного упоминания. Материальные нужды епархии были действительно многочисленны и возрастали год от года. Вместе с этим, мы видим, что источники их удовлетворения оставались на протяжении исследуемого периода одними и теми же. Самым сложным вопросом епархиальных съездов начала XX в. было как раз изыскание источников удовлетворения материальных нужд епархии. В решении

этого вопроса съезды чаще всего прибегали к комбинированию средств из уже существующих источников, новые источники практически не предлагались. Наиболее существенными источниками покрытия общепархиальных нужд в начале XX в. служили капиталы свечных заводов, а также средства, собранные с приходских церквей.

Необходимо заметить, что при этом ситуация имела тенденцию к ухудшению. В 1908 г. один священник писал: «доходность епархиальных свечных заводов, вследствие общих социальных условий (сокращение рабочего времени, дороговизна общего содержания, возвышение заработной платы, понижение производительности рабочих) падает». Епархия в новых условиях встала перед вопросом модернизации свечного производства, так как рассчитывать на 13-часовой рабочий день (как это было до 1905 г.) больше не приходилось. Однако решить этот вопрос епархиальные власти не смогли вплоть до революции.

Что касается обложения приходов, то в начале XX в. нарастает недовольство количеством отчислений. В первую очередь это касается сборов на духовно-учебные заведения, что неудивительно, учитывая их сословный характер. Революционные годы выявили настойчивое стремление церковных старост и попечительств сократить до минимума или даже совсем отказать в отчислениях на епархиальные нужды. Иногда это стремление принимало форму настоящего бунта, и епархиальное начальство было вынуждено закрывать приходы. Допущенные на съезды духовенства старосты и здесь естественно чаще всего стояли за сокращение отчислений на епархиальные нужды. Съезды в сложившихся условиях нередко были вынуждены образовавшиеся недоимки покрывать за счет повышения обложения духовенства. Что же касается последнего, то несмотря на стремление государства обеспечить его жалованием, процесс этот к 1917 г. так и не бы доведен до конца. Начавшаяся Мировая война с каждым годом усугубляла материальное положение и прихожан, и их пастырей.

Подводя итоги, необходимо отметить, что демонтаж традиционной консисторской системы начался уже в период февраля – октября 1917 г. Выражалось это во внедрении выборного начала и стремлении поставить работу

консistorии под контроль епархиального съезда, а затем и в фактическом дублировании основных ее функций в совете при епископе. Весной 1917 г. в епархии прошли выборы благочинных, на которых духовенство настаивало все начало XX в. А в сентябре епархиальный съезд духовенства впервые выбирал членов консистории, куда попал и один протодиакон. На епархиальном уровне ведущую роль в процессе т. н. «демократизации» играли приходские священники, младшие клирики и миряне, которые начали активно организовываться с первых чисел марта.

С лета 1917 г. в высших церковных сферах проходит революционная эйфория и начинается постепенное сворачивание темпов «демократизации», что выражалось, например, в отмене разрешения избирать в консистории младших клириков. При этом мы видим на примере самарского съезда, что на местах духовенство пытается оказывать посильное сопротивление, отстаивая это разрешение, прописанное в определении Синода от 1–5 мая 1917 г.

Таким образом начало XX в. было временем, когда с одной стороны, очень ярко высветились многие системные проблемы епархиального управления Русской Церкви. С другой стороны, благодаря свободному обсуждению, начавшемуся в рамках предсоборной подготовки, были намечены некоторые необходимые преобразования и даже сделаны первые шаги к их осуществлению. На примере Самары мы видим тенденцию к разукрупнению епархий и отдельные меры на пути к децентрализации епархиального управления: расширение полномочий благочиннических советов, появление специальных окружных следователей и т. д.

Соборный Отдел об епархиальном управлении в своей работе в значительной мере использовал опыт предшествовавшей дискуссии. Однако последующие события не позволили в полной мере реализовать намеченные Собором преобразования в епархиальном управлении. Революция, которая позволила «Церкви начать постепенный демонтаж порочной синодальной

системы, в итоге и похоронила ее реформы»¹⁰¹⁵. К сожалению, таков, чаще всего, исход правильных преобразований, совершаемых в неправильное время. Сегодняшняя церковная ситуация (например, дробление епархий) ярко свидетельствует об актуальности опыта столетней давности. Для этого необходимо продолжить пристальное и углубленное изучение данного опыта, и мы надеемся, что осуществленная работа внесла в это дело свою малую лепту.

---

¹⁰¹⁵Фирсов С. Л. Революция 1917 года и проблема «демократизации» Русской Церкви. С. 457.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные источники

1. Ведение 2-го стола Самарской духовной консистории в 3-й стол оной от 2 сентября 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5180.
2. Ведение 4-го стола Самарской духовной консистории во 2-й стол оной от 13 июля 1896 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3048.
3. Ведомость о доходах причтов 2-го округа Бугульминского уезда за 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
4. Ведомость о доходах причтов городских самарских храмов за 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
5. Ведомость о приходах 4-го благочиннического округа Новоузенского уезда с указанием количества душ в приходе мужеского и женского пола, духовенства и его материального довольствия // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
6. Ведомость о средствах содержания причтов 1-го округа Бугульминского уезда до войны и во время войны // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5211.
7. Ведомость по обеспеченности причтов Самарской епархии земельными наделами // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.
8. Ведомость по распределению казенного жалования между причтами Самарской епархии, составленная избранными от уездов членами очередного епархиального съезда сессии 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
9. Ведомость сравнительная на дрова, муку, масло, мясо, яйца и проч^{<ее>} до войны и во время войны // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5211.
10. Выписка из определения Святейшего Синода от 5 декабря 1917 г. // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 253.
11. Выписка из протокола заседания Самарского окружного суда от 20 ноября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.

12. Выписки из журналов Самарской духовной консистории от 8 июня, 4, 10 и 20 сентября 1901 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 7. Д. 4342.
13. Выписки из протокола заседания Миссионерского совета Самарской епархии от 10 августа 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 12.
14. Дело о применении устава эмеритальной кассы // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 31.
15. Дело о ревизии самарского епархиального управления 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7092.
16. Дело о состоянии миссионерского капитала на 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 5.
17. Доклад Отдела об епархиальном управлении об органах епархиального управления Православной Российской Церкви // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 253.
18. Доклад Самарской духовной консистории от 11 июня 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093.
19. Доклад Самарской духовной консистории от 28 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7106.
20. Доклад Самарской духовной консистории от 7 августа 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
21. Доклад секретаря епископа Самарского и Ставропольского Н. Тихомирова от 11 ноября 1902 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6864.
22. Доклад члена 4-го (судного) стола священника Афанасия Рождественского от 30 сентября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5298.
23. Доклад экзаменационной комиссии по производству экзамена 2-го марта 1916 г. по Св<ященному> Писанию Ветхого Завета архимандриту Анатолию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090.
24. Докладная и<справляющего> д<должность> секретаря Самарской духовной консистории К. Миловзорова о найденных после смерти секретаря Соловьева документах // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6780.

25. Документы об устройстве и состоянии управления Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 497.
26. Журнал благочиннического собрания духовенства г. Самара от 16 мая 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3042.
27. Журнал заседания Епархиального совета при епископе от 29 октября 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
28. Журнал Комитета эмеритальной кассы о приведении в действие проекта изменений и дополнений устава // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 48.
29. Журнал Самарского губернского совещания от 12 июня 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1016.
30. Журнал Самарской духовной консистории от 15 февраля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2893.
31. Журнал Самарской духовной консистории от 8 апреля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
32. Журнал Самарской духовной консистории от 12 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881
33. Журнал Самарской духовной консистории от 31 августа 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 2881.
34. Журнал Самарской духовной консистории от 10 сентября 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
35. Журнал Самарской духовной консистории от 23 декабря 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
36. Журнал Самарской духовной консистории от 24 февраля 1894 г. // ЦГАСО. Ф.32. Оп. 1. Д. 2871.
37. Журнал Самарской духовной консистории от 16 марта 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
38. Журнал Самарской духовной консистории от 4 апреля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 2936
39. Журнал Самарской духовной консистории от 15 апреля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 2937.

40. Журнал Самарской духовной консистории от 19 июля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2909.
41. Журнал Самарской духовной консистории от 30 ноября 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2931.
42. Журнал Самарской духовной консистории от 14 августа 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2971.
43. Журнал Самарской духовной консистории от 19 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 4342.
44. Журнал Самарской духовной консистории от 22 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864.
45. Журнал Самарской духовной консистории от 30 января 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864.
46. Журнал Самарской духовной консистории от 3 октября 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп7. Д. 4347.
47. Журнал Самарской духовной консистории от 31 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3244.
48. Журнал Самарской духовной консистории от 6 июля 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3244.
49. Журнал Самарской духовной консистории от 22 сентября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3244.
50. Журнал Самарской духовной консистории от 30 октября 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.8. Д. 5298.
51. Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3244.
52. Журнал Самарской духовной консистории от 23 января 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3253.
53. Журнал Самарской духовной консистории от 31 декабря 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 4826.
54. Журнал Самарской духовной консистории от 24 января 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.1. Д. 3257.

55. Журнал Самарской духовной консистории от 26 октября 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5093.
56. Журнал Самарской духовной консистории от 10 декабря 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5168.
57. Журнал Самарской духовной консистории от 18 января 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5168.
58. Журнал Самарской духовной консистории от 22 ноября 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.7. Д. 5180.
59. Журнал Самарской духовной консистории от 27 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7116.
60. Журнал Самарской духовной консистории от 15 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7122.
61. Журнал Самарской духовной консистории от 17 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7117.
62. Журнал Самарской духовной консистории от 22 августа 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7116.
63. Журнал Самарской духовной консистории от 15 ноября 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7122.
64. Журнал совета церковно-учительской школы в с. Обшаровка Самарского уезда // ЦГАСО. Ф. 776. Оп. 1. Д. 1.
65. Журнал съезда духовенства 4-го благочиннического округа Новоузенского уезда от 27 февраля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
66. Журнал съезда духовенства 1-го благочиннического округа Бузулукского уезда от 13 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
67. Журнал съезда духовенства и мирян Николаевского градского округа от 20 июня 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7127.
68. Журнал съезда духовенства Самарского уезда от 17 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
69. Журналы благочиннических округов по вопросу избрания окружных катехизаторов на 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3042.

70. Журналы благочиннических округов по вопросу избрания окружных катехизаторов на 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3252.
71. Журналы об изменении и дополнении устава кассы взаимопомощи // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 86.
72. Журналы пастырских собраний благочиннических округов Самарской епархии 1916–1917 гг. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 10. Д. 619.
73. Журналы Самарского духовного попечительства за 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 40. Оп. 1. Д. 2а.
74. Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 26.
75. Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 36.
76. Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1913 года // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 74.
77. Журналы съезда епархиального духовенства сессии 1917 года // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7139.
78. Журналы съезда миссионеров Самарской епархии 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3075.
79. Записка кафедрального протоиерея Валериана Лаврского об устройении проповеднических кружков в Самарской епархии // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
80. Записка начальника Самарского губернского жандармского управления о дознании по делу о семинаристах Горизонтове, Богородицком и Благонадеждине // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 457.
81. Заявление крестьянина с. Кинель-Черкасы Ф. Немальцева от 21 ноября 1910 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3257.
82. Именные ведомости присоединившихся к Церкви Православной по 1-му и 2-му благочинническим округам единоверческих церквей Самарской епархии за 1907 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3251.

83. Инструкция викарным епископам, составленная Отделом об епархиальном управлении Священного Собора Православной Российской Церкви // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 252.
84. Клятвенное отречение от хлыстовской ереси и других подобных суеверий // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3209.
85. Материалы о допущении церковных старост к участию в епархиальных съездах благочинных // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7079.
86. Материалы о недобросовестном исполнении своих обязанностей законоучителя священниками Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6831.
87. Материалы о новом разделении благочиннических округов в уездах Самарской епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6792.
88. Материалы о распределении между причтами епархии вновь назначенного в 1912 г. казенного жалования, согласно списка приходов, составленного съездом духовенства сессии 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5029.
89. Материалы о распространении крестьянами с. Пестравские Выселки Николаевского уезда Богомолковым и Храповым секты телешей // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2974.
90. Материалы о существующих в с. Сырейка Самарского уезда раскольнических молельнях // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1 Д. 2952.
91. Материалы по донесению купца Бердникова о самовольном распоряжении финансами церковно-приходского попечительства с. Наумовка Николаевского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6680.
92. Материалы по жалобе врача Самарского уезда Кряжимского на священника с. Обшаровка Казанского // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6885.
93. Материалы по обвинению дьякона с. Митрофановка Новоузенского уезда А. Лебедева в занятии пропагандой и в других неблагоприятных поступках // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5351.

94. Материалы по обвинению священника с. Корнеевка Бузулукского уезда Н. Ключкова в неправильном толковании Манифеста о свободе прихожанам // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 8. Д. 5349.
95. Материалы по сообщению епископа Самарского и Ставропольского об отобрании яковлевским обществом от причта с. Тримихайловка церковной пахотной земли // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2356.
96. Материалы со сведениями о церковно-причтовых землях за 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.
97. Настольный докладной реестр опекунских дел за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 40. Оп. 3. Д. 4.
98. О выдаче жалования служащим консистории в 1914 году // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093.
99. О жаловании служащим в консистории лицам в 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4970.
100. О крестьянине Иване Алексееве Дьякове, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 130 статьей уголовного уложения // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 488.
101. О лицах, замеченных в противоправительственной агитации в 1906–1910 гг. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 594.
102. О публичном выступлении о голоде священника с. Красносамарское о. Петра Щербакова // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 5177.
103. О состоящей под надзором полиции дочери священника Л. М. Лепоринской // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1023.
104. О студенте Николае Федорове Овчинникове, обвиняемом в преступлении, предусмотренном 129 статьей уголовного уложения // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 508.
105. Об антиправительственной деятельности священника с. Новая Майна Димитрия Касаткина // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 2261.

106. Об антиправительственной деятельности священника с. Ромашка о. Покровского и учителя ромашкинской земской школы Софийского // ЦГАСО. Ф. 3. Оп. 233. Д. 1938.
107. Об изменении порядка назначения жалования причтам епархии // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4868.
108. Об открытии сбер<егательных> касс // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5170.
109. Об учительнице Елизавете Федоровне Поповой, обвиняемой в преступлении, предусмотренном 129 статьей уголовного уложения // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 683.
110. Обвинительные акты за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 9. Оп. 2. Д. 12.
111. Объяснительная записка к смете миссионерского совета за 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3.
112. Опись вещественным доказательствам, приложенным к дознанию по делу о семинаристах Горизонтове, Богородицком и Благонадеждине // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 457.
113. Ответ Алексеевского волостного правления на запрос Самарской духовной консистории от 11 октября 1893 г. // ЦГАСО. Ф.32. Оп. 1. Д. 2871.
114. Отношение Бугульминской уездной землеустроительной комиссии в Самарскую духовную консисторию по ходатайству причта села Туарма Бугульминского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5091.
115. Отношение епископа Гурия (Буртасовского) в Самарскую духовную консисторию от 17 сентября 1903 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4609.
116. Отношение епископа Константина (Булычева) на имя земского начальника 6-го участка Ставропольского уезда от 29 января 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826.
117. Отношение заведующего Старо-Буянской ремесленной школой в Самарское губернское жандармское управление от 31 мая 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 1110.
118. Отношение инспектора народных училищ Новоузенского уезда Самарской губернии К. Рылова на имя епископа Гурия (Буртасовского) по

- поводу духовного окормления православных эстов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3180.
119. Отношение канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода на имя епископа Гурия (Буртасовского) по поводу помещения в монастыри епархии детей П. Потемкина // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2899.
120. Отношение Новоузенского уездного комитета общественной безопасности благочинному 1-го округа Новоузенского уезда от 13 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7122.
121. Отношение председательствующего уголовного отделения Самарского окружного суда от 22 ноября 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2945.
122. Отношение ректора Самарской духовной семинарии архимандрита Вениамина (Казанского) начальнику Самарского губернского жандармского управления // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 457.
123. Отношение самарского губернатора В. В. Якунина на имя епископа Константина (Булычева) по проверке заявления причта села Богдановка Николаевского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.
124. Отношение самарского губернатора И. С. Брянчанинова на имя епископа Гурия (Буртасовского) от 12 июня 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2899.
125. Отношение самарского губернатора Н. В. Протасьева на имя епископа Симеона (Покровского) от 20 февраля 1913 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 1. Д. 3268.
126. Отношение Самарского губернского исполнительного комитета народной власти в Самарскую духовную консисторию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7140.
127. Отношение Самарской духовной консистории в Самарский епархиальный съезд духовенства сентября 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7139.

128. Отношение Самарской духовной консистории на имя епископа Гурия (Буртасовского) от 23 декабря 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
129. Отношение Хозяйственного управления Святейшего Синода в Самарскую духовную консисторию от 8 августа 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
130. Отношение экстренного съезда духовенства Самарской епархии сессии мая 1917 г. в Самарскую духовную консисторию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
131. Отчет миссионера 9-го округа Николаевского уезда священника села Балаково Александра Началова за 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
132. Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 73.
133. Отчет о движении сумм эмеритальной кассы и кассы взаимопомощи за 1909 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 76.
134. Отчет о состоянии расколосектантства и действиях миссии в Самарской епархии за 1911 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 16.
135. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1895 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1638.
136. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1900 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1862.
137. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1905 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2112.
138. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1906 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2172.
139. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1907 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2236.
140. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1910 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2414.
141. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1913 год // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 498.

142. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1914 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2664.
143. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1915 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2727.
144. Отчет о состоянии Самарской епархии за 1916 год // РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2761.
145. Переписка о фельдшерских ученицах В. Горзьялковской и В. Пушистовой, обвиняемых в преступлениях по статьям 129 и 130 уголовного уложения // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 325.
146. Переписка с губернским правлением о строительстве мусульманской мечети в г. Самара // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2976.
147. Переписка с прокурором Самарского окружного суда о раскольнических молельнях в доме крестьянина с. Бобровка Самарского уезда Ерискина // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2955.
148. Перечень миссионеров Самарского епархиального комитета миссионерского общества от 23 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
149. Перечень миссионеров Самарского епархиального комитета миссионерского общества, трудящихся безмездно за 1892 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
150. Послужной список ректора Саратовской духовной семинарии протоиерея В. В. Лаврского // РГИА. Ф. 796. Оп. 437. Д. 2144.
151. Постановление Священного Собора Православной Российской Церкви о викарных епископах // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 256.
152. Правила о местных средствах содержания православного духовенства и о разделе доходов между причтами // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6630.
153. Представление архиепископа Питирима (Окнова) в Святейший Синод по поводу дополнительного ассигнования на нужды канцелярии Самарской духовной консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5093.

154. Представление епископа Гурия (Буртасовского) в Святейший Синод с характеристикой архимандрита Тихона (Оболенского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864.
155. Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод о назначении второго vikария в Самарскую епархию // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090
156. Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу открытия второго vikариатства // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090.
157. Представление епископа Михаила (Богданова) в Святейший Синод по поводу увеличения жалования служащим консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180.
158. Приговор сельского общества села Верхнее Якушкино Ставропольского уезда от 29 ноября 1908 г. об избрании членов церковно-приходского совета // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826.
159. Проект донесения Св. Синоду по двум жалобам священника М. Клеандрова (с. Ивановка Николаевского уезда) на епархиальное начальство // ЦГАСО. Ф. 356. Оп. 1. Д. 346.
160. Проект устава эмеритальной кассы 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 32.
161. Проект устава эмеритальной кассы 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 46.
162. Проекты распределения училищных округов и правила для съездов // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6450.
163. Протокол допроса Н. А. Благонадеждина от 19 января 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 457.
164. Протокол допроса Н. Л. Карасева от 30 декабря 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 616.
165. Протокол допроса Н. П. Калужского от 10 февраля 1906 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 621.

166. Протокол заседания членов Церковно-епархиального совета и членов консистории от 1 ноября 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
167. Протокол урядника 2-го участка 1-го стана Самарского уезда И. Бочкарева от 19 октября 1897 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3061.
168. Протоколы Отдела об епархиальном управлении Священного Собора Православной Российской Церкви // ГАРФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 252.
169. Прошение германского подданного Губерта Броситтера от 26 апреля 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3233.
170. Прошение горожан г. Самара и его уездных городов в Святейший Синод по поводу открытия второго викариатства // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090.
171. Прошение горожан г. Самара на имя Его Императорского Величества по поводу открытия второго викариатства // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7090.
172. Прошение председателя церковно-приходского попечительства с. Сарма Николаевского уезда В. И. Стрельцова на имя епископа Гурия (Буртасовского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4415.
173. Прошение прихожан села Николаевка Николаевского уезда на имя епископа Гурия (Буртасовского) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4476.
174. Прошение прихожан Успенской церкви г. Ставрополь в Ставропольский комитет народной власти // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 101.
175. Прошение священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова в Самарский епархиальный съезд от 4 августа 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
176. Прошение уполномоченного от общества дер<евни> Алпаевой Бугурусланского уезда Т. П. Служаева в Самарскую духовную консисторию от 23 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.
177. Прошение уполномоченных общества села Вольная Солянка Бугурусланского уезда Я. Н. Зольникова и П. Х. Оленина от 3 июня 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.

178. Рапорт благочинного 1-го округа Бугурусланского уезда протоиерея Евгения Веригина от 4 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
179. Рапорт благочинного 1-го округа Новоузенского уезда протоиерея Федора Князевского от 15 июня 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7140.
180. Рапорт благочинного 1-го округа Самарского уезда священника Стефана Кильдюшевского // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2931.
181. Рапорт благочинного 2-го округа Ставропольского уезда священника Порфирия Высокова от 29 июля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826.
182. Рапорт благочинного 3-го округа Новоузенского уезда священника Михаила Карпова от 12 октября 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7140.
183. Рапорт благочинного 4-го округа Новоузенского уезда протоиерея Александра Дамаскина от 26 февраля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5168.
184. Рапорт благочинного 4-го округа Самарского уезда священника Павла Введенского от 28 января 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244.
185. Рапорт благочинного 5-го округа Новоузенского уезда Самарской епархии священника Иоанна Орлова от 7 сентября 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3233.
186. Рапорт благочинного 5-го округа Самарского уезда священника Феодора Адриановского от 21 мая 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4787.
187. Рапорт благочинного 8-го округа Бугурусланского уезда протоиерея Владимира Благоразумова от 22 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7121.
188. Рапорт благочинного 10-го округа Бузулукского уезда от 26 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
189. Рапорт благочинного 11-го округа Бузулукского уезда священника Николая Орлова от 14 августа 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7140.
190. Рапорт благочинного Николаевского градского округа протоиерея Феодора Лебедева от 3 июля 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.

191. Рапорт бывшего благочинного 3-го округа Новоузенского уезда священника Михаила Воинова от 21 мая 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7110.
192. Рапорт епархиального миссионера священника Сергея Пряхина от 7 февраля 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 4.
193. Рапорт и<справляющего> д<олжность> благочинного 9-го округа Николаевского уезда священника Василия Виноградова // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4331.
194. Рапорт и<справляющего> д<олжность> секретаря Самарской духовной консистории Г. Добротина от 10 августа 1901 г. // ЦГАСО Ф. 32. Оп. 7. Д. 4342.
195. Рапорт настоятеля Спасо-Вознесенского собора г. Бугуруслан протоиерея Константина Сухова от 28 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
196. Рапорт председателя Комитета 3-го округа Новоузенского уезда священника Михаила Карпова от 12 июня 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7140.
197. Рапорт причта Дмитриевской церкви села Клявлино Бугульминского уезда от 14 мая 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5091.
198. Рапорт причта и церковного старосты Михайло-Архангельской церкви села Романовка 3-го благоч<иннического> округа Николаевского уезда от 3 февраля 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4347.
199. Рапорт причта Казанско-Богородицкой церкви г. Самара от 24 ноября 1895 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6533.
200. Рапорт причта Христорождественской церкви села Туарма 3-го округа Бугульминского уезда от 14 августа 1918 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5232.
201. Рапорт протоиерея пригорода Ерыклинск Александра Вратского от 7 июля 1894 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2909.

202. Рапорт священника Крестовоздвиженской церкви слободы Покровская Василия Драгомирова от 29 марта 1902 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3209.
203. Рапорт священника Самарского Иверского женского монастыря Павла Третьякова от 4 июля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7116.
204. Рапорт священника села Куриловка Михаила Яхонтова от 26 марта 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7122.
205. Рапорт священника села Милорадовка Николаевского уезда Владимира Розалиева от 18 февраля 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4826.
206. Рапорт священника села Николаевка 1-го округа Новоузенского уезда Иоанна Скворцова и церковного старосты Ивана Кадушкина от 5 июля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5202.
207. Рапорт священника села Новиковка 5-го округа Ставропольского уезда Григория Софоклова от 27 апреля 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7119.
208. Рапорт станового пристава 2-го стана Бузулукского уезда от 29 июля 1906 г // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 761.
209. Рапорт уездного цензора Бузулукского уезда священника Александра Третьякова от 3 августа 1907 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244.
210. Рапорты благочинных Бузулукского уезда о противодействии священника с. Яшкино Жемчужникова проведению служб на чувашском языке и открытию в селе чувашской школы // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6699.
211. Рапорты благочинных Николаевского уезда о миссионерской деятельности в 1893 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2881.
212. Расписание жалования служащим в консистории лицам за сентябрь 1916 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5180.
213. Расписание очередных проповедей своего сочинения, назначенных на 1906/07 г. священно-церковнослужителям Ставропольского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244.

214. Расписание проповедей своего сочинения, назначенных священникам 3-го округа Бугульминского уезда на 1907/08 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3244.
215. Распоряжения о подавлении аграрных беспорядков // ЦГАСО Ф. 3. Оп. 233. Д. 1913.
216. Сведения о келейницах с. Добрино Бузулукского уезда // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2972.
217. Сведения о состоянии церквей и причтов Самарской епархии за 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7097.
218. Сведения о церквях и духовенстве, монастырях и монашествующих и числе состоящих при них школ и училищ по Самарской епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6771.
219. Сведения о церковноприходских школах Николаевского уезда за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 71.
220. Сведения о церковноприходских школах Новоузенского уезда за 1908 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 5. Д. 75.
221. Сведения о числе монастырей, школ училищ и богаделен, состоящих при церквях Самарской епархии за 1900 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 6821.
222. Сведения о числе школ, состоящих при церквях Самары за 1914 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 4. Д. 500.
223. Сличительная ведомость о денежных оборотах по сметным расходам сметы 1903 г. по Самарской духовной консистории // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4554.
224. Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 3.
225. Смета прихода и расхода Самарского епархиального миссионерского совета на 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 2. Д. 476.
226. Сопроводительные документы к приходно-расходной книге Миссионерского совета за 1914 – 1915 гг. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 15.

227. Состав миссии в епархии, ее материальные средства, образовательный ценз, материальное и служебное положение деятелей миссии. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1.
228. Список бесед, произведенных миссионерами епархии за 1898 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3075.
229. Список городов и сел Самарской епархии, в коих открыты кружки ревнителей православия // ЦГАСО Ф. 208. Оп. 1. Д. 12.
230. Список крестьян самовольно проживающих в деревне Эстонка Моршанской волости Новоузенского уезда, исповедующих Православную веру // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3070.
231. Список лиц, бывших на миссионерских противостарообрядческих курсах в Воскресенском мужском единоверческом монастыре в 1914 г. с 22 апреля по 2 мая // ЦГАСО Ф. 208. Оп. 1. Д. 15.
232. Телеграмма делегатов съезда духовенства и мирян 1-го округа Новоузенского уезда на имя епископа Михаила (Богданова) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7140.
233. Телеграмма делегатов съезда духовенства Самарской епархии сессии сентября 1917 г. на имя епископа Михаила (Богданова) // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 7139.
234. Телеграмма сотрудников Самарской духовной консистории на имя обер-прокурора Святейшего Синода В. Н. Львова // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
235. Уведомление о возбуждении дознания от 19 января 1905 г. // ЦГАСО. Ф. 468. Оп. 1. Д. 457.
236. Указ Самарской духовной консистории от 21 февраля 1901 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп.6. Д. 6864.
237. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 23 февраля 1910 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3256.
238. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 26 августа 1915 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 5186.

239. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 12 мая 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7143.
240. Указ Святейшего Правительствующего Синода от 20 мая 1917 г. // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 6. Д. 7116.
241. Устав кассы взаимопомощи // ЦГАСО. Ф. 357. Оп. 1. Д. 58.
242. Ходатайство о разрешении причту с. Мироновка Новоузенского уезда сдавать в аренду церковно-приходскую пахотную землю // ЦГАСО. Ф. 32. Оп. 7. Д. 4351.
243. Цифровые ведомости зарегистрированных вероотступников за 1912 г. // ЦГАСО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 19.

Опубликованные источники

1. 1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революционного движения / под ред. Н. Сперанского. – Самара: Самарский губком РКП(б), 1925. – 788 с.
2. Ведомости о начальных и второклассных церковных школах за 1908 год // СЕВ. – 1909. – № 11 (оф. ч.). – С. 320–339.
3. Ведомость о количестве процентного по епархиям сбора с кружечного, кошелькового и свечного церковных доходов, подлежащего отчислению на расходы по содержанию учебной части духовного ведомства // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. – Самара, 1899. Т. I. – С. 189–192.
4. Ведомость об основном причтовом сборе, высланном о.о. благочинными епархии за 1-е полугодие 1912 года // СЕВ. – 1912. – № 12 (оф. ч.). – С. 215–217.
5. Ведомость об открытых Святейшим Синодом в 1912 году переселенческих приходах в Зауральских епархиях // СЕВ. – 1912. – № 6 (оф. ч.). – С. 58–59.

6. Ведомость открытых Святейшим Синодом, по определению от 13–27 января 1911 г. за № 354, переселенческих приходов Самарской епархии // СЕВ. – 1911. – № 5 (оф. ч.). – С. 160–161.
7. Воззвание преосвященного Константина // СЕВ. – 1905. – № 22 (оф. ч.). – С. 959.
8. Вопросы, подлежащие обсуждению епархиального съезда // СЕВ. – 1906. – № 12 (оф. ч.). – С. 220–223.
9. Вопросы, подлежащие обсуждению съезда по Самарскому духовному училищу // СЕВ. – 1905. – № 10 (оф. ч.). – С. 388–390.
10. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1894 – 1895 годы. – СПб., 1898. – 159 с.
11. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству православного исповедания за 1905 – 1907 гг. – СПб., 1910. – 268 с.
12. Высочайше утвержденная 12 июня 1890 года инструкция церковным старостам // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 248–252.
13. Высочайшее повеление об изъятии Уральской области в церковном отношении из ведения епископа Оренбургской епархии с присоединением ее к Самарской епархии // ЦВ. – 1908. – № 48. – С. 351.
14. Высочайшее повеление об учреждении кафедры епископа Николаевского, викария Самарской епархии // ЦВ. – 1901. – № 1. – С. 2–3.
15. Высочайшие резолюции на докладе Синода 14 февраля 1721 г. // ПСЗ- I. Т. 6. – СПб., 1830. – С. 356.
16. *Добролюбов Н. А.* Письмо к В. В. Лаврскому от 3 августа 1856 года / Добролюбов Н. А. Избранные философские сочинения / Н. А. Добролюбов. Т. I. Под редакцией и с предисловием Т. Иовчука. – М.: ОГИЗ, Государственное изд-во политической литературы, 1945. – С. 30–32.
17. Доклад съезда отцов наблюдателей церковных школ Самарской епархии, бывших на епархиальном съезде сессии 1895 года // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 778–786.

18. Доклад экстренному съезду Комитета епархиального свечного завода по фонду стипендий от 10 мая 1911 г. // СЕВ. – 1911. – № 15 (оф. ч.). – С. 420–425.
19. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917 – 1918 годов / Русская православная церковь; [А. И. Мраморнов (отв. ред.) и др.]. Т. 1, кн. 1: Предсоборная работа 1917 года. Акты, определявшие порядок созыва и проведения Собора. – Москва: Изд-во Новоспасского монастыря, 2012. – 708 с.
20. Духовный регламент всепресветлейшего, державнейшего государя Петра Первого, императора и самодержца всероссийского. – Москва: Синодальная типография, 1904. – 198 с.
21. Журнал благочиннического собрания г. Самара // СЕВ. – 1895. – № 5 (оф. ч.). – С. 50–57.
22. Журнал Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1901. – № 23 (оф. ч.). – С. 340–355.
23. Журнал Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1908. – № 18 (оф. ч.). – С. 514–526.
24. Журнал Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1911. – № 14 (оф. ч.). – С. 370–371.
25. Журнал Самарского духовного попечительства от 18-25 ноября 1910 г. // СЕВ. – 1911. – № 2 (оф. ч.). – С. 58–64.
26. Журнал Совета Самарского епархиального женского училища по вопросу о санитарном состоянии училища // СЕВ. – 1905. – № 14 (неоф. ч.). – С. 1–42.
27. Журналы Николаевско-Новоузенского училищного съезда // СЕВ. – 1906. – № 2 (оф. ч.). – 23–34.
28. Журналы съезда выборных от духовенства Николаевско-Новоузенского училищного округа 27 и 28 мая 1908 г. // СЕВ. – 1908. – № 24 (оф. ч.). – С. 658–669.
29. Журналы Съезда духовенства Самарского училищного округа сессии 1913 года // СЕВ. – 1913. – № 23 (оф. ч.). – С. 389–419.

30. Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1897 года // СЕВ. – 1897. – № 20 (оф. ч.). – С.387–418.
31. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1899 г. // СЕВ. – 1899. – № 18 (оф. ч.). – С. 267–318.
32. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1900 года // СЕВ. – 1900. – №. 20 (оф. ч.). – С. 264–276.
33. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1903 года // СЕВ. – 1903. – № 18 (оф. ч.). – С. 197–267.
34. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1905 г. // СЕВ. – 1905. – №. 20 (оф. ч.). – С. 838–847.
35. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1906 г. // СЕВ. – 1906. – № 19 (оф. ч.). – С. 373–402.
36. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1907 года // СЕВ. – 1908. – № 1 (оф. ч.). – С. 9–46.
37. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1908 года. – Самара, 1908. – 98 с.
38. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1910 года. – Самара, 1910. – 124 с.
39. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1911 года. – Самара, 1911. – 152 с.
40. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1912 года. – Самара, 1912. – 144 с.
41. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1913 года. – Самара, 1913. – 220 с.
42. Журналы Съезда духовенства Самарской епархии сессии 1915 года. – Самара, 1915. – 211 с.
43. Журналы съезда духовенства Самарской епархии сессии 1916 года. – Самара, 1916. – 226 с.
44. Журналы экстренного Съезда духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1911. – № 16–17 (оф. ч.). – С. 443–472.

45. Журналы экстренного Съезда духовенства самарской епархии январской сессии 1914 года // СЕВ. – 1914. – № 5 (оф. ч.). – С. 78–106.
46. Законы гражданские // Свод законов Российской Империи. Т. X. Ч. 1. – СПб., 1857.
47. Извлечения из журналов съезда духовенства Самарской епархии сессии 1896 года, утвержденных Его Преосвященством // СЕВ. – 1896. – № 18 (оф. ч.). – С. 325–360.
48. Извлечения из представленных епархиальными преосвященными Святейшему Синоду годовых отчетов о состоянии епархиальных женских училищ за 1905 – 1906 и 1906 – 1907 учебные годы // ЦВ. – 1908. – № 40. – С. 309–318.
49. Инструкция благочинным // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 9–20.
50. Инструкция викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями // ЦВ. – 1916. – № 40. – С. 357–359.
51. Инструкция наблюдателям церковно-приходских школ Самарской епархии // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. – С. 742–756.
52. Инструкция церковным старостам от 17 апреля 1808 года // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 30. – СПб., 1830. – С. 185–191.
53. К предстоящему съезду епархиального духовенства. От Самарского Духовного Попечительства о бедных духовного звания // СЕВ. – 1905. – № 11 (оф. ч.). – С. 441–459.
54. К сведению и исполнению благочиннических съездов Бугурусланского духовно-училищного округа // СЕВ. – 1906. – № 14 (оф. ч.). – С. 303–304.
55. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1901 год. – Самара, 1900. 421 с.
56. Календарь и памятная книжка Самарской губернии на 1902 год. – Самара, 1901. – 339 с.

57. *Кошко И. Ф.* Воспоминания губернатора (1905 – 1914 г.). Новгород-Самара-Пенза / И. Ф. Кошко. – Петроград, 1916. – 259 с.
58. Крестьянские наказания Самарской губернии (опыт собирания материалов русской революции): С вступ. ст. А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. – Самара, 1906. – 88 с.
59. Круг дел, подлежащих ведению преосвященного викария Самарской епархии // СЕВ. – 1901. – № 5 (оф. ч.). – С. 29–30.
60. *Лаврский В. В., прот.* Мои воспоминания об архимандрите Феодоре (А. М. Бухареве). Из переписки прот. В. В. Лаврского / Архимандрит Феодор (А. М. Бухарев): Pro et contra / В. В. Лаврский. – Спб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1997. – С. 139–286.
61. *Лаврский В. В.* Последние письма Г. Н. Потанину // Вестник Томского государственного университета / В. В. Лаврский. Т. 266. – 1998. – Январь. – С. 41–46.
62. Материалы для оценки санитарных условий Самарского епархиального женского училища: (Докл. Совету Самар. епарх. жен. уч-ща врача больницы того же уч-ща И. Б. Онуфровича). – Самара, 1905. – 27 с.
63. О ведении журналов благочиннических съездов на особых листах // СЕВ. – 1877. – № 6 (оф. ч.). – С. 52.
64. О ведении полного круга катихизации // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 599.
65. О воспрещении брать плату за совершение необходимых треб, где назначено от казны жалование // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 419.
66. О восстановлении существовавшего до 1861 года порядка постепенного ассигнования из казны сумм на содержание духовенства // ЦВ. – 1893. – № 10. – С. 73–77.
67. О выборе кандидатов к церковным старостам // СЕВ. – 1885. – № 18 (оф. ч.). – С. 266.

68. О выработанных Особым Совещанием при Святейшем Синоде мерах к удовлетворению церковных нужд в переселенческих областях // ЦВ. – 1908. – № 20. – С. 167–170.
69. О делах, предоставленных уездным отделениям на окончательные их разрешения // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. – С. 734.
70. О дне сбора в пользу миссии // СЕВ. – 1908. – № 20 (оф. ч.). – С. 558–559.
71. О ежегодном отчислении на содержание Самарского епархиального женского училища 5% со всех церковных доходов, подлежащих обложению 21% сбора // СЕВ. – 1872. – № 14 (оф. ч.). – С. 300–301.
72. О замене свечного сбора процентным с доходов кружечного, кошелькового и свечного на потребности по учебной части духовного ведомства // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 188.
73. О лишении православного погребения сектантов, именуемых хлыстами // СЕВ. – 1895. – № 20 (оф. ч.). – С. 353–354.
74. О мерах к предотвращению развития хлыстовщины // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 640.
75. О мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства (Объяснительная записка к определению Святейшего Синода от 6-9 июля 1910 г. за № 5127а) // ЦВ. – 1910. – № 34. – С. 335–344.
76. О назначении временно-ревизионных комитетов // СЕВ. – 1895. – № 6 (оф. ч.). – С. 66–69.
77. О назначении и составлении очередных проповедей // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 595.
78. О новом способе избрания депутатов на епархиальные съезды духовенства // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 171–173.

79. О порядке сбора 21% с доходов свечного, кружечного и кошелькового и представления сего сбора в консисторию // СЕВ. – 1871. – № 20 (оф. ч.). – С. 423–424.
80. О постройке новых зданий во дворе епархиального училища и о постройке нового епархиального училища в одном из уездных городов // СЕВ. – 1908. – № 18 (оф. ч.). – С. 360–361.
81. О правильном ведении катихизации // СЕВ. – 1894. – № 1 (оф. ч.). – С. 6–7.
82. О представлении денежного сбора на нужды противораскольнической миссии // СЕВ. – 1900. – № 12 (оф. ч.). – С. 136.
83. О предоставлении духовенству права избирать из своей среды доверенных лиц для участия в делах семинарии и духовных училищ // СЕВ. – 1867. – № 7 (оф. ч.). – С. 96.
84. О преподании благочинным руководственных указаний касательно их обязанностей в отношении церковных школ // ЦВ. – 1897. – № 39. – С. 372–373.
85. О сосредоточении миссионерского дела епархии в консистории // СЕВ. – 1894. – № 19 (оф. ч.). – С. 271–272.
86. О составлении очередных проповедей // СЕВ. – 1894. – № 19 (оф. ч.). – С. 270–271.
87. О способах ограждения от захвата земельных церковных угодий // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 155–157.
88. Об исполнении долга проповедничества // СЕВ. – 1914. – № 16 (оф. ч.). – С. 401.
89. Об обязательном ведении бесед с раскольниками и сектантами и записывании этих бесед в «дневники» // СЕВ. – 1895. – № 19 (оф. ч.). – С. 339–343.
90. Об обязательном открытии в каждом приходе школы // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 704.

91. Об оставлении в распоряжении Епархиального Начальства излишка процентного сбора сверх нормы 1868 года // СЕВ. – 1872. – № 1 (оф. ч.). – С. 16–17.
92. Об отмене графы о поведении из клировых ведомостей священно-церковнослужителей // СЕВ. – 1917. – № 11–12 (оф. ч.). – С. 123.
93. Об отметках поведения членов благочиннического совета // СЕВ. – 1905. – № 11 (оф. ч.). – С. 193.
94. Об отношениях уездных наблюдателей к местным благочинным // СЕВ. – 1897. – № 16 (оф. ч.). – С. 354.
95. Об увеличении на год курса учения в церковно-приходских школах Самарской епархии // СЕВ. – 1895. – № 23 (оф. ч.). – С. 426–427.
96. Об увеличении отпуска сумм на содержание православного духовенства // ЦВ. – 1893. – № 24. – С. 205.
97. Об употреблении инородческих наречий при отправлении Богослужения в приходах с инородческим населением // СЕВ. – 1894. – № 14–15 (оф. ч.). – С. 220.
98. Об установлении церковного сбора в день Св. Троицы «на построение церквей и школ для переселенцев» // СЕВ. – 1910. – № 8 (оф. ч.). – С. 159–161.
99. Об учреждении института благочиннических миссионеров // СЕВ. – 1914. – № 12 (оф. ч.). – С. 228–229.
100. Определение Святейшего Синода от 13–20 декабря 1867 г. // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 170.
101. Определение Святейшего Синода от 9–16 декабря 1870 г. // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 169.
102. Определение Святейшего Синода от 9–20 октября 1892 г. о ведении церковно-приходской документации исключительно на бланках, изготовленных в Московской синодальной типографии // ЦВ. – 1892. – № 44. – С. 439–440

103. Определение Святейшего Синода от 18-го ноября 1905 г. по вопросу об устройении церковно-приходской жизни и пастырских собраний // ЦВ. – 1905. – № 48. – С. 523–525
104. Определение Святейшего Синода от 6–9 июля 1910 г. о мерах к упрощению и ускорению консисторского делопроизводства // ЦВ. – 1910. – №. 34. – С. 333–335.
105. Определение Святейшего Синода от 10 августа – 25 сентября 1912 г. // ЦВ. – 1912. – № 41. – С. 379–383.
106. Определение Святейшего Синода от 3–8 февраля 1916 г. о мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов // ЦВ. – 1916. – № 7. – С. 42–45.
107. Определение Святейшего Синода от 8–9 марта 1916 г. о мерах к освобождению епархиальных преосвященных от части дел епархиального управления // ЦВ. – 1916. – №. 11. – С. 83–86.
108. Определение Святейшего Синода от 19–21 июля 1916 года по делу об участии православного духовенства в производстве сберегательных и страховых операций Государственных сберегательных касс // ЦВ. – 1916. – № 32. – С. 286–290.
109. Определение Святейшего Синода от 1–5 мая 1917 года // ЦВ. – 1917. – № 18–19. – С. 111.
110. От Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1894. – № 10 (оф. ч.). – С. 169–170.
111. От Комитета эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1913. – № 1 (оф. ч.). – С. 7–8.
112. От Самарского епархиального миссионерского совета // СЕВ. – 1910. – № 3 (оф. ч.). – С. 53–55.
113. Отзывы епархиальных архиереев по вопросу о церковной реформе. – СПб., 1906. Т. 1–3.
114. Относительно отдачи в аренду церковных земель // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 154–156.

115. Отношение Училищного Совета при Святейшем Синоде от 18 февраля 1896 г. // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 713.
116. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1909 – 1910 годах. – Самара, 1911. – 62 с.
117. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1911 – 1912 год. – Самара, 1913. – 84 с.
118. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1912 – 1913 годах. – Самара, 1914. – 79 с.
119. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1913 – 1914 годах. – Самара, 1915. – 88 с.
120. Отчет епархиального наблюдателя о состоянии церковно-приходских школ Самарской епархии в 1914 – 1915 годах. – Самара, 1916. – 116 с.
121. Отчет о состоянии сектантства и старообрядчества и действиях противосектантской и противостарообрядческой миссии в Самарской епархии за 1914 год. – Самара, 1915. – 65 с.
122. Отчет Обшаровского Миссионерского во имя Пр. Богородицы Братства за 1895/6 год // СЕВ. – 1897. – № 2 (оф. ч.). – С. 17–20.
123. Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1900 год. – Самара, 1901. – 48 с.
124. Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1901 год. – Самара, 1902. – 54 с.
125. Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1903 год. – Самара, 1904. – 62 с.
126. Отчет Самарского епархиального комитета миссионерского общества за 1909 год. – Самара, 1910. – 27 с.
127. Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1908 год. – Уральск, 1908. – 224 с.

128. Положение о благочиннических советах в Самарской епархии, утвержденное Его Преосвященством 29 сентября 1895 года // СЕВ. – 1895. – № 21 (оф. ч.). – С. 368–371.
129. Положение об управлении школами церковно-приходскими и грамоты ведомства Православного Исповедания // ПСЗ–III. Т. 16. – СПб., 1899. – С. 136–141.
130. Положение об Эмеритальной кассе военного сухопутного ведомства. – СПб., 1894. – 51 с.
131. Положения, Высочайше утвержденные 2 августа 1864 года // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 257–269.
132. *Попов. Ф. Г.* Летопись революционных событий в Самарской губернии. 1902 – 1917 / Под ред. проф. К. Я. Наякшина; Парт. архив Куйбышевского обкома КПСС. Гос. архив Куйбышевской обл. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1969. – 623 с.
133. Послание братьям-пастырям // СЕВ. – 1917. – № 6 (оф. ч.). – С. 124–127.
134. Постановления Съезда наблюдателей церковных школ Самарской епархии 10–15 июня 1913 года // СЕВ. – 1913. – № 18 (оф. ч.). – С. 251–278.
135. Правила о миссионерских съездах инородческих священников-миссионеров Самарской епархии // СЕВ. – 1904. – № 8 (оф. ч.). – С. 145–147.
136. Правила о порядке приема кандидатов в колонии Красного Креста в Пятигорске, Ессентуках и Железноводске и условия содержания в них пансионеров из духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1905. – № 24 (оф. ч.). – С. 1020–1023.
137. Правила о снабжении церквей венчиками и листами разрешительной молитвы // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 215–219.

138. Правила о церковно-приходских школах // ПСЗ–III. Т. 4. – СПб., 1887. – С. 372–374.
139. Правила о школах грамоты // ПСЗ–III. Т. 11. – СПб., 1894. – С. 235–238.
140. Правила об избрании доверенных лиц от благочиний для окружных съездов духовенства по делам духовно-учебных заведений // СЕВ. – 1867. – № 19 (оф. ч.). – С. 355–360.
141. Правила об уездных отделениях епархиальных училищных советов // ПСЗ–III. Т. 8. – СПб., 1890. – С. 278–280.
142. Правила об устройстве внутренней миссии православной русской Церкви // ЦВ. – 1908. – № 22. – С. 190–196.
143. Правила об устройстве миссии и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам // ЦВ. – 1888. – №. 28. – С. 175–182.
144. Правила, определяющие отношения церковной власти к обществам и союзам, возникающим в недрах Православной Церкви и вне ее, и к общественно-политической и литературной деятельности церковных должностных лиц // ЦВ. – 1906. – №. 48. – С. 505–507.
145. Призыв к примирению (телеграмма на имя преосвященного Константина) // СЕВ. – 1905. – № 21 (оф. ч.). – С. 851–852.
146. Проект устава богадельни Самарского Епархиального духовенства в память в Бозе почившего Государя Императора Александра III-го // СЕВ. – 1896. – № 21 (оф. ч.). – С. 428–442.
147. Проект устава Космо-Дамианского благотворительного братства // СЕВ. – 1900. – № 6 (оф. ч.). – С. 79–84.
148. Путешествие в прошлое: Страницы истории Самар. края: [Самар. край глазами современников: Сборник / Сост. Завальный А. Н., Рыбалко Ю. Е.]. – Самара: Кн. изд-во, 1992. – 285 с.
149. Расписание катехизических поучений, назначенных к произнесению в церквах в 1914 году // СЕВ. – 1913. – № 17 (оф. ч.). – С. 245.

150. Расписание о содержании причтов кафедральных соборов и расходов на церковную прислугу // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 10–11.
151. Расписание противосектантских полемических бесед в нижнем храме самарского кафедрального собора с 22 ноября 1915 г. по 13 марта 1916 г. // СЕВ. – 1915. – № 20 (оф. ч.). – С. 553–554.
152. Распоряжение епархиального начальства по вопросу о содержании канцелярии консистории // СЕВ. – 1905. – №. 20 (оф. ч.). – С. 823.
153. Распоряжение Святейшего Синода об открытии склада церковной утвари при Самарском епархиальном свечном заводе // СЕВ. – 1903. – № 2 (оф. ч.). – С. 11.
154. Распоряжения епархиального начальства // СЕВ. – 1894. – № 19 (оф. ч.). – С. 237.
155. Распоряжения по епархиальному ведомству // СЕВ. – 1886. – №. 16 (оф. ч.). – С. 346.
156. Революция 1905 – 1907 гг. в г. Самаре и Самарской губернии: Документы и материалы / Сост.: Л. И. Бородянская, Ф. П. Захарова, Э. С. Шарикова и др.; [Вступ. статья кандидатов ист. наук А. Г. Капитонова и К. Я. Наякшина]; Архивный отд. Гос. архив Куйбышевской обл. Парт. архив Куйбышевского обкома КПСС. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1955. – 464 с.
157. Российское духовенство и свержение монархии в 1917 году: материалы и архивные документы по истории Русской православной церкви / Ин-т переподгот. и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Московского государственного ун-та им. М. В. Ломоносова, Каф. истории России, Южно-Уральского гос. ун-та, Гос. публичная ист. б-ка России; сост., авт. предисл. и коммент. М. А. Бабкин. – М.: Индрик, 2008. – 627 с.
158. Самарская церковно-учительская школа // СЕВ. – 1911. – № 14 (оф. ч.). – С. 341–344.

159. *Самуилова С. С., Самуилова Н. С.* Отцовский крест. Острая Лука, 1908 – 1926: [Докум. повесть о священнике С. Е. Самуилове] / С. С. Самуилова, Н. С. Самуилова. – СПб.: Сатись, 1996. – 453 с.
160. *Самуилова С. С.* Повесть о трех поколениях // Духовный собеседник. – 1999. – №№ 3–4. – С. 254–279.
161. *Синельников С.* Иловатый Ерик: от неурожая 1891 г. до урожая 1913 г. (по страницам церковной летописи) / С. Синельников // Духовный собеседник. – 1998. – № 4 (16). – С. 141–157.
162. Составление приговоров об избрании в церковные старосты // СЕВ. – 1874. – № 7 (оф. ч.). – С. 148–149.
163. Стоимость бланков и книг, высылаемых в церкви епархии // СЕВ. – 1904. – № 1 (оф. ч.). – С. 22–23.
164. Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода // СЕВ. – 1909. – № 1 (оф. ч.). – С. 1–3.
165. Указ Святейшего Правительствующего Синода на имя епископа Самарского и Ставропольского об учреждении в гор. Уральске Областного Комитета // СЕВ. – 1911. – № 4 (оф. ч.). – С. 126–128.
166. Указ Святейшаго Правительствующего Синода о закрытии кассы взаимопомощи и фонда стипендий // СЕВ. – 1913. – № 10 (оф. ч.). – С. 91–93.
167. Указ Святейшего Правительствующего Синода об открытии женской общины // СЕВ. – 1916. – № 10 (оф. ч.). – С. 127–128.
168. Указ Святейшего Синода об учреждении в Самарской епархии для Уральской области должности противораскольнического и противосектантского миссионера-проповедника // СЕВ. – 1910. – № 19 (оф. ч.). – С. 357–358.
169. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года. 6-е изд. – СПб., 1889. – 775 с.

170. Устав Братства во имя Введения во храм Пресвятыя Богородицы при Самарском Епархиальном женском училище, для вспомошествования недостаточным и нуждающимся воспитанницам сего училища // СЕВ. – 1908. – № 23 (оф. ч.). – С. 627–635.
171. Устав духовных консисторий // ПСЗ–III. Т. 3. – СПб., 1886. – С. 111–155.
172. Устав о пенсиях и единовременных пособиях епархиальным священнослужителям // ЦВ. – 1902. – № 25. – С. 231–237.
173. Устав о предупреждении и пресечении преступлений. – СПб., 1876. – 96 с.
174. Устав приходского благотворительного братства при церкви Спаса Нерукотворенного Образа села Исаклов, Бугурусланского уезда // СЕВ. – 1896. – № 11 (оф. ч.). – С. 233–237.
175. Устав уголовного судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. – СПб., 1866. – 495 с.
176. Устав Уральского Михаило-Архангельского Братства // СЕВ. – 1912. – № 20 (оф. ч.). – С. 387–382.
177. Устав эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии // СЕВ. – 1904. – № 9 (оф. ч.). – С. 163–181.
178. Уставы о народном продовольствии, общественном призрении и врачебные // Свод законов Российской империи. Т. XIII. – СПб., 1857. – 996 с.
179. Уставы православных духовных семинарий и училищ, высочайше утвержденные 22 августа 1884 года, с относящимися к ним постановлениями Святейшего Синода. – СПб., 1888. – 202 с.
180. Учреждение и правила съездов духовенства по благочиниям // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. II. – С. 148–157.

181. *Феодор (Бухарев), архим.* Письма к о. протоиерею Валериану Викторовичу Лаврскому и его супруге Александре Ивановне / Феодор (Бухарев), архим. Примеч. П. А. Флоренский, свящ. // БВ. – 1917. – Т. I. № 4–5. – С. 523–618.
182. Церковная летопись села Морши Самарской губернии Николаевского уезда Казанской церкви с 1867 по 1916 гг. // Моршане / В. В. Лисицына. – Самара: Офорт, 2013. – С. 19–87.
183. Церковноприходская летопись событий, составленная священниками Христорождественской церкви с. Царевщина Самарского уезда и губернии, 1905 г. (Публикация подготовлена Г. В. Галыгиной) // Самарский земский сборник. – 2010. – № 1(19). – С. 89–99.
184. *Шавельский Г., протопресвитер.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота / Протопресвитер Георгий Шавельский. – М., 2010. – 704 с.
185. Штат архиерейских домов и кафедральных соборов // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. I. – С. 8–9.
186. Штат духовных консисторий // Собрание постановлений и распоряжений по Самарской епархии. Т. 1. – С. 315–317.

Литература

1. *А. Н-ий, свящ.* Отклики войны в церковных школах Самарской епархии / священник А. Н-ий // СЕВ. – 1914. – № 23 (неоф. ч.). – С. 735–740.
2. *Акифьева И. Ю.* Православные библиотеки дореволюционной Самары / И. Ю. Акифьева // Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию христианства. – Самара, 2000. – С. 23–28.
3. *Амбарцумов И. В.* Проблемы и коллизии брачного права Российской империи / И. В. Амбарцумов // Христианское чтение. – 2013. – № 1. – С. 39–113.

4. *Архангельский Н.* Извлечения из статистики церковно-приходских школ за 1903 – 1907 гг. / Н. Архангельский // СЕВ. – 1908. – № 13 (неоф. ч.). – С. 530–537.
5. *Бабкин М. А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. – конец 1917 г.) / М. А. Бабкин; Гос. публичная ист. б-ка России. – Москва: [Гос. публичная ист. б-ка России], 2007. – 532 с.
6. *Балашов Н., прот.* На пути к литургическому возрождению / Прот. Николай Балашов. – М.: Культур.-просветит. центр «Духов. б-ка», 2001. – 511 с.
7. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX – начале XX в. / А. Л. Беглов // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. – 2014. – Вып. 2 (57). – С. 56–81.
8. *Беглов А. Л.* Сословность православного приходского духовенства в России в начале XX века: региональные особенности // Электронный научно-образовательный журнал «История». – М., 2013. Выпуск 5 (21). [Электронный ресурс]. URL: <https://history.jes.su/s207987840000561-6-1/> (Дата обращения: 14. 10. 2014).
9. *Безносова О.* Религиозная политика в Российской империи по отношению к протестантскому движению в 1903 – 1917 гг. / О. Безносова // Религия и право. – 2013. – № 3 (66). – С. 27–38.
10. *Беллюстин И. С.* Описание сельского духовенства / Священник Иоанн Беллюстин. – Лейпциг, 1858. – 166 с.
11. *Белякова Е. В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни / Е. В. Белякова. – М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. – 820 с.
12. *Беневольский И., прот.* Об оказании помощи учащимся детям духовенства Самарской епархии / И. Беневольский, прот. // СЕВ. – 1912. – № 10 (неоф. ч.). – С. 415–423.

13. Биографии духовенства Самарской/Куйбышевской епархии (преимущественно 1940 – 1950-х годов): справочник / Автор-составитель диакон Алексей Подмарицын. – Самара: Изд-во «Книга», 2008. – 146 с.
14. Благотворительное общество при Николаевском духовном училище // СЕВ. – 1907. – № 9 (неоф. ч.). – С. 185–186.
15. Блок В., Буданова А. Судьба собора / В. Блок, А. Буданова // Духовный собеседник. – 1998. – № 3. – С. 110–132.
16. Бовкало А., Галкин А. Священномученик Вениамин – ректор Самарской Духовной семинарии / А. Бовкало, А. Галкин // Духовный собеседник. – 1998. – № 2. – С. 119–133.
17. Бовкало А. А. Февральская революция и проблемы взаимоотношения Церкви и государства / А. А. Бовкало // Церковь и государство в русской православной и западной латинской традициях. Материалы конференции 22–23 марта 1996 г. – СПб., 1996. – С. 62–76.
18. Богородицкий С., свящ. В защиту церковно-богослужебного языка / С. Богородицкий, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 11 (неоф. ч.). – С. 447–449.
19. Богородицкий С., свящ. Деятельность проповеднического кружка при Самарской духовной семинарии в 1912 – 13 учебном году / С. Богородицкий, свящ. // СЕВ. – 1913. – № 16 (неоф. ч.). – С. 743–776.
20. Богородицкий С., свящ. Еще в защиту церковно-богослужебного языка / С. Богородицкий, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 19 (неоф. ч.). – С. 592–595.
21. Богородицкий С., свящ. Об улучшении церковного пения / С. Богородицкий, свящ. // СЕВ. – 1908. – № 19 (неоф. ч.). – С. 764–777.
22. Богородицкий С., свящ. Проповеднический кружок (мысли и наблюдения) / С. Богородицкий, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 14 (неоф. ч.). – С. 507–514.
23. Бондарь С. Д. Современное состояние русского баптизма / С. Д. Бондарь. – СПб., 1911. – 66 с.
24. Братства или союзы ревнителей православия в инородческих приходах // СЕВ. – 1907. – № 13 (неоф. ч.). – С. 436–442.

25. *Введенский В.* По поводу образования при Святейшем Синоде Особого Сопещения по вопросу об обеспечении православного духовенства / В. Введенский // ПЦВ. – 1910. – № 40. – С. 1689–1693.
26. Взятничество // Самарская газета. – 1905. – № 141. – С. 3.
27. *Водоватов Ф. Я.* Крестьянское движение в Самарской губернии в период революции 1905 – 1907 гг. / Ф. Я. Водоватов. – Куйбышев, 1957. – 184 с.
28. Второе в Самаре пастырское собрание по вопросу об оживлении церковной жизни // СЕВ. – 1906. – № 6 (неоф. ч.). – С. 276–285.
29. *Гребнев М.* Движение населения в Самарской епархии за 1895 год / М. Гребнев // СЕВ. – 1896. – № 11 (неоф. ч.). – С. 449–459.
30. *Гребнев М.* Нижне-абдулловские, Старо-багряшские и Беркет-Ключские татары вероотступники / М. Гребнев // СЕВ. – 1901. – №. 15 (неоф. ч.). – С. 797–807.
31. Государственная дума Российской империи: 1906 – 1917. – М., 2008. – 735 с.
32. *Дворецкий Е. В., Козлов К. В.* Епархиальные училищные советы в системе управления церковными школами в России в конце XIX – начале XX вв. / Е. В. Дворецкий, К. В. Козлов // Вестник Брянского государственного университета. – 2014. – № 2. – С. 51–55.
33. *Дубровский С. М.* Крестьянское движение в революции 1905 – 1907 гг. / С. М. Дубровский. – М., 1956. – 168 с.
34. Думы и заботы о церковной реформе // Самарская газета. – 1905. – № 183. – С. 4–5.
35. Духовный суд // СЕВ. – 1906. – № 2. – С. 45–61; № 6. – С. 245–253; № 7. – С. 346–351.
36. *Егоров Б. Ф., Серебренников Н. В.* Друг Н. А. Добролюбова В. В. Лаврский / Б. Ф. Егоров, Н. В. Серебренников // Традиционализм и модернизм в русской литературе. – Томск, 2004. – С. 13–32.
37. *Елагин Н. В.* Белое духовенство и его «интересы» / Сост. под. ред. Н. В. Елагина. – СПб., 1881. – 183 с.

38. *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в период первой русской революции / Акад. наук СССР. М-во культуры РСФСР. Музей истории и атеизма. – М.–Л.: Наука, 1965. – 201 с.
39. Живая и «мертвая» проповедь // СЕВ. – 1908. – № 9 (неоф. ч.). – С. 371–375.
40. *Житенев Т. Е.* Вопрос о церковноприходских школах на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917 – 1918 гг. / Т. Е. Житенев // Ежегодная Богословская Конференция Православного Свято-Тихоновского Богословского Института: Материалы 2002 г. – М.: Издательство ПСТБИ, 2002. – С. 128–134.
41. За четверть века. 1884 – 1909: к истории церковно-приходских школ Московской епархии. – М., 1910. – 544 с.
42. Замещение священнических вакансий в новооткрытых переселенческих приходах // ПЦВ. – 1914. – № 10. – С. 566.
43. *Зарайский В. В.* Противосектантская деятельность Русской Православной церкви / В. В. Зарайский // Пятые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2000 г. – Самара, 2001. – С. 75–81.
44. *Зырянов П. Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. / П. Н. Зырянов; отв. ред. А. И. Клибанов. – М.: Наука, 1984. – 224 с.
45. *Зырянов П. Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века / П. Н. Зырянов. – М.: Вербум-М, 2002. – 319 с.
46. Из местной жизни. Проповеднический кружок в духовной семинарии и религиозно-нравственные чтения // СЕВ. – 1908. – № 24 (неоф. ч.). – С. 950–951.
47. Итоги экстренного съезда // СЕВ. – 1909. – № 11 (неоф. ч.). – С. 341–350.
48. *Кабытова Н. Н.* Православные приходские священники и их паства в социальной смуте 1917 года / Н. Н. Кабытова // Христианство и мир: материалы Всероссийской научно-практической конференции

- «Христианство-2000», Самара 16–18 мая 2000 г. – Самара, 2001. – С. 186–190.
49. *Катькова В. В.* Старообрядчество Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Катькова Валентина Владимировна; [Место защиты: Оренбург. гос. пед. ун-т]. – Самара, 2010. – 311 с.
50. *Кесарев Е., свящ.* Беседничество как секта. Беседчики Самарской епархии / Священник Евгений Кесарев. – Самара, 1905. – 327 с.
51. *Кильчевский В. А.* Богатства и доходы духовенства / В. Кильчевский. – СПб., 1908. – 46 с.
52. *Кипарисов Н.* Жизнь православного сельского духовенства по изображению светской литературы 1904 года / Н. Кипарисов // Странник. – 1905. – Январь. – С. 63–99.
53. *Кокарев М. С.* Взаимодействие церкви и государства в вопросах миссионерства и ограждения православной веры в конце XIX – начале XX века (на материалах Самарской епархии) / М. С. Кокарев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. № 10 (48). Ч. 2. – С. 100–106.
54. *Кокарев М., прот.* К истории Самарской церковно-учительской школы (1900 – 1908 гг.) / протоиерей Максим Кокарев // Вера. Журнал Самарской православной духовной Семинарии. – 2014. – № 1 (18). – С. 87–96.
55. *Кокарев М., прот.* Пенсионное обеспечение духовенства РПЦ в конце синодального периода / М. С. Кокарев // Научные труды Самарской православной духовной Семинарии. Сборник статей. – Самара: ООО «Медиа-Книга», 2014. – С. 78–98
56. *Кокарев М. С.* Социальные и благотворительные учреждения в структуре епархиального управления РПЦ конца XIX – начала XX века (на материалах Самарской епархии) / М. С. Кокарев // Исторические, философские,

- политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2014. – № 8 (46). Ч. 2. – С. 65–74
57. *Кокарев М. С.* Николаевское и Уральское викариатства в структуре Самарского епархиального управления начала XX в. / М. С. Кокарев // Самарский земский сборник. – 2014. – № 1 (24). – С. 23–29.
58. *Кокарев М. С.* Февральская революция 1917 г. и изменения в системе епархиального управления Русской Православной Церкви / М. С. Кокарев // Вестник Самарского государственного университета. – 2015. – № 11 (133). – С. 201–206.
59. *Кокарев М. С.* Финансирование епархиальной миссии Русской Православной Церкви в 1905 – 1917 годах (на материалах Самарской епархии) / М. С. Кокарев // Социум и власть. – 2016. – № 1 (57). – С. 131–134.
60. *Кокарев М., прот.* Становление системы съездов духовенства в Самарской епархии второй половины XIX – начала XX вв. / протоиерей Максим Кокарев // Научные труды Самарской духовной семинарии. Сборник статей. Выпуск V. – Самара: ООО «Медиа-Книга», 2017. – С. 36–43.
61. *Кокарев М. С.* Модернизация миссии Русской церкви в условиях вероисповедной свободы (на материалах Самарской губернии) / М. С. Кокарев // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. – 2019. – № 1 (49). – С. 13–24
62. *Кокарев М., прот.* Надзор за проповеднической деятельностью в Русской Церкви конца синодального периода (на материалах Самарской епархии) / протоиерей Максим Кокарев // Вестник Свято-Филаретовского института. – 2020. – № 33. – С. 144–161;
63. *Колычев С. В.* Обитель: историко-биографический очерк о Спасо-Преображенском Бузулукском мужском монастыре с момента возникновения до наших дней / С. Колычев. – Самара, 2009. – 174 с.
64. Константин Николаевич Шмонин // СЕВ. – 1914. – № 19 (неоф. ч.). – С. 642–643.

65. *Кормилицын Д., Арнольд Н.* Некрополь Николаевского мужского монастыря в г. Самаре / Д. Кормилицын, Н. Арнольд. – Самара, 2008. – 35 с.
66. *Кошанский В.* Самарское духовенство, его доходы и быт // Коммунист. – 1940. – № 7. – С. 51–63.
67. *Кравецкий А. Г.* Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом) / А. Г. Кравецкий. – М.: Наука, 2011. – 711 с.
68. *Красносамарский В., свящ.* Необходимость пересмотра устава эмеритальной кассы духовенства Самарской епархии / В. Красносамарский, свящ. // СЕВ. – 1908. – № 13 (неоф. ч.). – С. 519–530.
69. Краткий исторический очерк Чиликской двухклассной миссионерской церковной школы за десятилетнее ее существование (с 1901 – 1911 гг.) // СЕВ. – 1912. – № 12 (неоф. ч.). – С. 457–483.
70. *Кутлакова М. В.* Значение деятельности епархиальных архиереев в развитии церковно-школьного просвещения Самарской губернии в конце XIX – начале XX вв. / М. В. Кутлакова // Платоновские чтения: материалы XI всеросс. конф. молодых историков. – Самара, 2005. – С. 226–228.
71. *Лавров-Калужский А.* Дружеский совет евреям / А. Калужский. – СПб., 1906. – 72 с.
72. *Леонтьева Т. Г.* Вера и прогресс: православное сельское духовенство в России во 2-й пол. XIX – нач. XX в. / Т. Г. Леонтьева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 253 с.
73. *Литвак Б. Г.* Русское православие в XIX веке // Русское православие. Вехи истории. М., 1989. С. 309–379.
74. *Майеранов И., прот.* Педагогические курсы / И. Майеранов, прот. // СЕВ. – 1911. – № 13 (неоф. ч.). – С. 633–635.
75. *Маклакова А. П.* История. Годы и люди: Михайло-Архангельская церковь с. Красные Ключи. 1897 – 1997 гг. / А. П. Маклакова. – Похвистнево, 1997. – 63 с.
76. *Мануил (Лемешевский), архиеп.* Каталог русских архиереев за последние 60 лет (1897 – 1957). – Чебоксары, 1959. Части 1–6. Машинопись.

77. *Матюшенский А., свящ.* Церковно-приходские школы Самарской епархии за 50 лет ее существования (1851 – 1901) / А. Матюшенский, свящ. – Самара, 1901. – 57 с.
78. *Мендюков А. В.* Русская Православная Церковь в Среднем Поволжье на рубеже XIX – XX веков / А. В. Мендюков; Федеральное агентство по образованию; Гос. образовательное учреждение высш. проф. Образования «Самарский гос. технический ун-т». – Самара, 2007. – 154 с.
79. *Мендюков А. В.* школа в России на рубеже XIX – XX вв. (по материалам Среднего Поволжья) / А. В. Мендюков // Девятые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2004 г. – Самара, 2005. – С. 70–73.
80. Местная хроника // Самарская газета. – 1905. – № 77. – С. 4.
81. *Михаил (Семенов), архим.* Почему нам не верят? К церковной реформе. О церковно-общественных злобах дня / Архим. Михаил, проф. Спб. дух. акад. – СПб., 1906. – 234 с.
82. Миссионерские противостарообрядческие курсы // СЕВ. – 1915. – №. 15 (неоф. ч.). – С. 576–577.
83. Мнения и отзывы по вопросу о реформе // Церковный Вестник. – 1905. – № 12. – С. 8–10.
84. Монастыри Самарского края (XVI – XX вв.): Справочник / Упр. гос. арх. службы Самар. обл; [Сост: В. С. Блок, К. А. Катренко] – Самара: Изд-во «Самар. Дом печати», 2002. – 213 с.
85. *Мраморнов А. И.* Вопросы миссии в епархиальном управлении начала XX в. (на саратовских материалах) / А. И. Мраморнов. [Электронный ресурс]. URL: <http://grant.rfh.ru/userpub> (дата обращения: 24. 09. 2015).
86. *Мраморнов А. И.* Особенности изучения епархиальной истории Русской Православной Церкви (к вопросу о новом научном направлении) / А. И. Мраморнов // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2013. – № 4 (54). – С. 75–81.

87. *Наблюдатель*. Второклассные церковные школы в Самарской епархии // СЕВ. – 1897. – № 8 (неоф. ч.). – С. 317–329.
88. *Назаренко О. Е.* История духовных школ в Самарской епархии / О. Е. Назаренко // *Христианство и культура: материалы конференций, посвященных 2000-летию христианства*. – Самара, 2000. С. 42–48.
89. Наречение и хиротония настоятеля Спасо-Преображенского единоверческого (Николаевского уезда, Самарской губ.) монастыря, архимандрита Тихона, в епископа Николаевского, викария Самарской епархии // СЕВ. – 1901. – № 3 (неоф. ч.). – С. 131–145.
90. Наш край (от наших корреспондентов) // *Волжский день*. – 1917. – № 82. – С. 3.
91. Недостаток или достоинство (из жизни церковных школ) // ПЦВ. – 1908. – № 13. – С. 623–626.
92. Незаконный приговор // СЕВ. – 1912. – № 8 (неоф. ч.). – С. 334.
93. *Немерцалов В., свящ.* Земельный ценз духовенства Самарской епархии (К вопросу о выборах в IV Государственную Думу) / В. Немерцалов, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 17 (неоф. ч.). – С. 490–492.
94. *Никольский А., свящ.* Снабжение беднейших учащихся церковных школ Самарской епархии пищею и одеждою в 1911 – 12 учебном году / А. Никольский, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 19 (неоф. ч.). – С. 588–591.
95. О расширении прав Уральского викария // ПЦВ. – 1914. – № 47. – С. 1978 – 1979.
96. О суде чести // СЕВ. – 1906. – № 6 (неоф. ч.). – С. 156–164;
97. Об объединении деятельности приходских попечительств с сельскими попечительствами // СЕВ. – 1914. – № 19 (неоф. ч.). – С. 629–630.
98. Областная жизнь // *Самарский курьер*. – 1906. – № 455. – С. 2–3.
99. Областной отдел (от нашего корреспондента) // *Самарская газета*. – 1905. – № 224. – С. 3–4.
100. Областной отдел (от наших корреспондентов) // *Самарская газета*. – 1905. – № 226. – С. 3–5.

101. *Одинцов М. И.* На пути к Поместному Собору (февраль – август 1917 г.) / М. И. Одинцов // Религиоведение. – 2001. – № 2. – С. 9–30
102. Открытие церковного Братства в селе Березовом Гае, Самарского уезда // СЕВ. – 1896. – № 2 (неоф. ч.). – С. 58–60.
103. Отношение государства к религии. Очерк барона А. А. Иксуля. – [СПб.], 1903. – 46 с.
104. *Павлов В., свящ.* Практическое разрешение вопроса об обеспечении духовенства / В. Павлов, свящ. // СЕВ. – 1914. – № 2 (неоф. ч.). – С. 49–52 .
105. *Папков А.* Начало возрождения церковно-приходской жизни в России / А. А. Папков. – М., 1900. – 49 с.
106. Пастырское собрание // СЕВ. – 1908. – № 18 (неоф. ч.). – С. 721–729.
107. Пастырское собрание по вопросу об оживлении приходской жизни // СЕВ. – 1906. – № 1 (неоф. ч.). – С. 4–17.
108. Первое пастырское собрание // СЕВ. – 1905. – № 18 (неоф. ч.). – С. 745–755.
109. Пастырь, трудник, герой. Подвиг жизни и смерти иеромонаха Антония (Смирнова) (1843 – 1914 гг.) // Духовный собеседник. – 2004. – №2. – С. 34–46.
110. Письмо в редакцию // Самарская газета. – 1905. – № 164. – С. 3.
111. Письмо в редакцию. Обращение к русскому духовенству // СЕВ. – 1917. – № 9–10 (неоф. ч.). – С. 164–166.
112. *Платон (Левшин), архиеп.* Инструкция благочинным иереям или протоиереям / Архиепископ Платон (Левшин). – М., 1775. – 32 с.
113. По вопросам церковной жизни // СЕВ. – 1908. – № 3 (неоф. ч.). – С. 90–97.
114. По поводу самарского епархиального съезда // Самарская газета. – 1905. – № 243. – С. 3.
115. *Подмарицын А. Г., диак.* Духовенство Куйбышевской и Ульяновской епархий (40 – 80-х гг. XX столетия) / Диакон Алексей Подмарицын. – Самара, 2014. – 146 с.

116. *Подмарицын А.Г.* Источники по региональной церковной истории / А. Г. Подмарицын // Вторые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 1997 г. – Самара, 1998. – С. 41–46
117. *Подмарицын А.Г.* Клировые ведомости и метрические книги как типы исторических источников / А. Г. Подмарицын // Девятые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2004 г. – Самара, 2005. – С. 83–85.
118. *Подмарицын А. Г., диак.* Очерки истории Самарской епархии (1917 – 1941 гг.) / Диакон Алексей Подмарицын. – Самара, 2008. – 171 с.
119. *Полетаева Н. О.* О подготовке учителей для школ церковно-приходских и грамоты / Н. О. Полетаева // ЦПШ. 1893 – 1894 уч. год. – 1893. – № 2. – С. 59–60.
120. *Пономарев Н., свящ.* О церковно-богослужебном языке / Н. Пономарев, свящ. // СЕВ. – 1912. – № 23 (неоф. ч.). – С. 692–696.
121. *Попов В. П., Ершов Б. А.* Земельная собственность церквей и монастырей в XIX в. / В. П. Попов, Б. А. Ершов // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: история, политология, социология. – 2007. – № 2. – С. 108–111.
122. *Поспелов А.* К вопросу о постройке нового Епархиального женского училища в г. Самаре / А. Поспелов // СЕВ. – 1911. – № 5 (неоф. ч.). – С. 298–314.
123. *Пр. А. М.* Духовные концерты в г. Самаре / А. М. Пр. // СЕВ. – 1909. – № 6 (неоф. ч.). – С. 254–261.
124. *Права и обязанности благочинного приходских церквей.* По действующим церковно-гражданским законоположениям, руководственным указам Святейшего Синода и распоряжениям епархиального начальства. – М., 1900. – 200 с.

125. Православные святые Самарского края. Историко-церковная энциклопедия / Самар. и Сызран. Епархия Рус. Православ. Церкви (Моск. патриархат) [и др.]; [Зубова О. В. И др.]. – Самара, 2001. – 263 с.
126. *Преображенский П.* Рост народного образования в Самарской губернии со времен крестьянской реформы (за 50 лет) / П. Преображенский // Известия Самарского общества народных университетов. – 1911. – № 5. – С. 2–19.
127. Приостановка занятий в учебных заведениях г. Самары // СЕВ. – 1905. – № 20 (неоф. ч.). – С. 905–906.
128. *Пр-й С-н.* Еще о языке церковнославянском как языке православного богослужения // СЕВ. – 1910. – № 14 (неоф. ч.). – С. 924–927.
129. *Пр-й С-н.* Суд чести // СЕВ. – 1906. – № 7 (неоф. ч.). – С. 300–307.
130. Проводы о. ректора архимандрита Вениамина // СЕВ. – 1905. – № 22 (неоф. ч.). – С. 975–977.
131. *Радченко О. И.* Православные монастыри Самарского края во второй половине XIX – XX вв.: дис. ... канд. ист. наук / О. И. Радченко. – Самара, 1997. – 184 с.
132. *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ (Церковные реформы в России 1860 – 1870-х годов) / С. В. Римский. – М., 1999. – 567 с.
133. *Рогозный П. Г.* Февральская революция 1917 года и высшее духовенство Российской Православной Церкви: автореф. дис. ... канд. ист. наук / С.-Петербур. ин-т истории РАН. – СПб., 2005. – 28 с.
134. *Рожков В., прот.* Церковные вопросы в Государственной Думе / Протоиерей Владимир Рожков. – М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. – 560 с.
135. *С. Г. К.* Самарская епархиальная богадельня имени императора Александра III // СЕВ. – 1897. – № 9 (неоф. ч.). – С. 371–381.
136. С епархиального съезда // Волжское слово. – 1913. – № 132. – С. 4–5.
137. С епархиального съезда // СЕВ. – 1909. – № 3 (неоф. ч.). – С. 107–113.

138. С епархиального съезда (беседа священника-депутата с его избирателями) // Волжское слово. – 1913. – № 134. – С. 2–3.
139. С самарского епархиального съезда // Волжское слово. – 1913. – № 148. – С. 2.
140. *Савва (Тутунов), игум.* Епархиальные реформы. Поместный собор 1917 – 1918 гг. и предсоборный период / Игумен Савва (Тутунов). – М., 2012. – 498 с.
141. Самарская летопись: Очерки истории Самарского края с древнейших времен до начала XX века: в 2 кн. Книга вторая: Самарский край второй половины XIX – начала XX столетия / [П. И. Савельев, М. И. Леонов, П. С. Кабытов и др.]. – Самара, 1993. – 190 с.
142. Самарский Епархиальный Комитет местного Управления Красного Креста // СЕВ. – 1912. – № 2–3. (неоф. ч.). – С. 83–86.
143. *Самбулова Е. И.* К вопросу о подготовке кадров для церковно-приходских школ Самарской губернии в 1884 – 1914 гг. / Е. И. Самбулова // Шестые Иоанновские чтения. Материалы научной конференции, посвященной памяти Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского 9 октября 2001 г. – Самара, 2002. – С. 56–60.
144. *Самуилов С., свящ.* О богослужебном языке / Священник Сергей Самуилов // СЕВ. – 1912. – № 18 (неоф. ч.). – С. 559–562.
145. *Самуилов С., свящ.* О богослужении на русском языке / Священник Сергей Самуилов // Миссионерское обозрение. – 1907. – № 9. – С. 1337–1342.
146. Сборник правительственных сведений о раскольниках / Сост. В. Кельсиевым. Вып 1. – Лондон, 1860. – 223 с.
147. *Священник К. П.* К проекту о «суде чести» // СЕВ. – 1906. – № 24 (неоф. ч.). – С. 1026–1031.
148. *Священник С.* По вопросу о богослужебном языке // Миссионерское обозрение. – 1905. – № 13. – С. 534–536.

149. *Священник старообрядческого прихода. В защиту равноправия в богослужении русского и славянского языков // СЕВ. – 1910. – № 13 (неоф. ч.). – С. 836–845*
150. *Священномученик Константин Сухов: Опыт составления жития на фоне эпохи. – Самара, 2003. – 199 с.*
151. *Сегаль Г. Б. В деревне / Г. Б. Сегаль // 1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революционного движения / под ред. Н. Сперанского. – Самара: Изд-е Самарского губкома РКП(б), 1925. – С. 588–634.*
152. *Сельский священник. Еще о живой проповеди // СЕВ. – 1908. – № 11 (неоф. ч.). – С. 454–462.*
153. *Серебренников Н. В. Архив В. В. Лаврского // Памятники культуры. Новые открытия. 1995 / Сост. Т. Б. Князевская. – М.: Наука, 1996. – С. 105–108.*
154. *Скиталец С. Г. Октава / Светлые лучи любви: Повести. Рассказы. Воспоминания: К 120-летию со дня рождения писателя / Скиталец [Сост., вступ. ст., с. 3–20 и библиогр. справка С. П. Кошечкина]. – М.: Правда, 1989. – С. 31–39.*
155. *Скутнев А. В. Институт благочинного в системе управления Русской Православной церкви в пореформенную эпоху / А. В. Скутнев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. II. – С. 180–182.*
156. *Смирнов Н. А. Миссионерская деятельность церкви (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / Н. А. Смирнов // Русское православие: вехи истории. – М., 1989. – С. 438–462.*
157. *Смирнов Петр, свящ. Еще о состоянии эмеритальной кассы / Священник Петр Смирнов // СЕВ. – 1911. – № 10 (неоф. ч.). – С. 536–542.*
158. *Смолич И. К. История Русской Церкви 1700 – 1917 / И. К. Смолич. – М., 1997. Ч. 1. – 798 с.*

159. *Смолич И. К.* Русское монашество: Возникновение. Развитие. Сущность 988–1917 гг. М., 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Igor_Smolich/russkoe-monashestvo/14_2 (дата обращения: 10. 12. 2015).
160. Собрание духовенства и преподавателей // СЕВ. – 1905. – № 21 (неоф. ч.). – С. 919–937.
161. *Соколов А. В.* Временное правительство и Русская православная церковь: 1917 год: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – Санкт-Петербург, 2002. – 198 с.
162. *Сперанский Н. Н.* Крестьянское движение в Самарской губернии в годы первой революции // 1905 год в Самарском крае: материалы по истории РКП(б) и революционного движения / под ред. Н. Сперанского. – Самара: Изд-е Самарского губкома РКП(б), 1925. – С. 377–556.
163. *Третьяков П., свящ.* О богослужебном языке / священник П. Третьяков // СЕВ. – 1914. – № 3 (неоф. ч.). – С. 80–82.
164. *Фармаковский Г., свящ.* Несколько слов по вопросу об улучшении церковного пения / священник Г. Фармаковский // СЕВ. – 1914. – № 23 (неоф. ч.). – С. 695–722.
165. *Федоров В. А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период (1700 – 1917) / В. А. Федоров. – М.: Русская панорама, 2003. – 479 с.
166. *Филиппов С. А.* Деятельность Самарского епархиального миссионерского совета (начало XX века) / С. А. Филиппов // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 3. – Самара, 1999. – С. 157–161.
167. *Филиппов С. А.* Деятельность Самарской епархии по оказанию помощи воинам и их семьям, пострадавшим от военных конфликтов в начале XX века / С. А. Филиппов // Историко-археологические изыскания. Сборник трудов молодых ученых. Вып. 4. – Самара, 2001. – С. 96–99.

168. *Филиппов С. А.* Социально-гуманитарная деятельность прихода Русской православной церкви в конце XIX – начале XX веков. По материалам Самарской епархии: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Сам. гос. пед. ун-т. – Самара, 2002. – 254 с.
169. *Фирсов А. Г.* Церковные финансы и бюджетная политика российского правительства эпохи «великих реформ», конец 50-х – 70-е гг. XIX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.02. – СПб., 2003. – 198 с.
170. *Фирсов С. Л.* Искусившийся властью: история жизни митрополита Петроградского Питирима (Окнова) / С. Л. Фирсов. – М.: ПСТГУ, 2011. – 232 с.
171. *Фирсов С. Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.) / С. Л. Фирсов. – М.: Культур. центр «Духов. б-ка», 2002. – 623 с.
172. *Фирсов С. Л.* Церковный суд в России в синодальный период (краткий исторический обзор) / С. Л. Фирсов // Исторический вестник. 2002. № 1 (16). [Электронный ресурс]. URL: http://www.vob.ru/public/bishop/istor_vest/2002/1_16/6.htm (дата обращения: 16. 12. 2015).
173. *Фирсов С. Л.* Церковь в Империи. Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II / С. Л. Фирсов. – СПб.: Сатис, 2007. – 460 с.
174. *Фролова Э. В.* Статус секретаря духовной консистории в системе епархиального управления РПЦ синодального периода / Э. В. Фролова // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2015. № 6 (56). Ч. 2. – С. 191–194.
175. *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство в России в 1917 г. / Т. Г. Фруменкова // Из глубины времен. – 1995. – № 5. – С. 74–94.
176. Хроника // Волжское слово. – 1913. – №. 126. – С. 4.
177. Церковное управление в пределах уезда. – СПб., 1890. 34 с.
178. Церковные хоры в Самаре // Волжское слово. – 1912. – № 33. – С. 5.

179. Церковные школы Нижегородской епархии за последние одиннадцать лет (1884 – 1895): историко-статистический очерк. – Нижний Новгород, 1896. – 112 с.
180. Черкасова М. В. Государственная политика в отношении церковных архивов в 1918–1938 гг. (на материалах Самарской губернии) / М. В. Черкасова // Духовные основы жизни: философско-религиозное и культурно-педагогическое наследие И. А. Ильина в XXI веке: материалы региональной научно-практической конференции 14-15 октября 2007 г. / Под. ред. И. А. Носкова. – Самара, 2007. – С. 479–483.
181. Якунин В. Н. История Самарской епархии: монография / В. Н. Якунин. – Тольятти, 2011. – 623 с.
182. Якунин В. Н. История Самарской епархии в портретах ее архиереев / В. Н. Якунин. – Тольятти, 1999. – 319 с.
183. Ясли по уходу за детьми // СЕВ. – 1915. – № 20 (неоф. ч.). – С. 740.